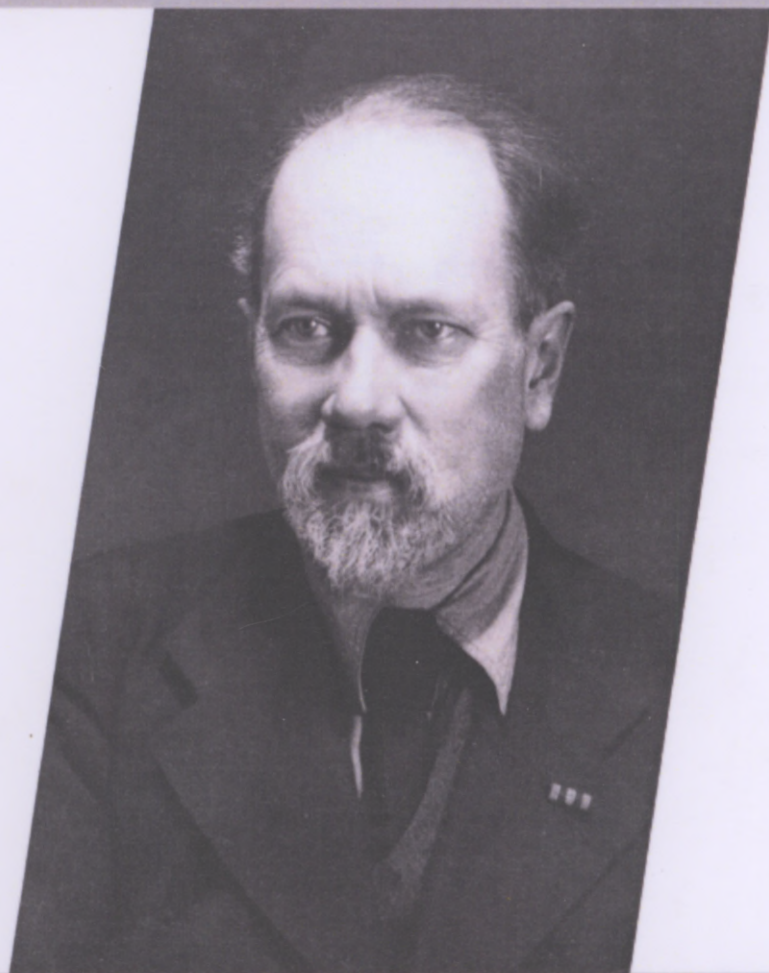

ТРЕТЬИ МОСКОВСКИЕ АНЦИФЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

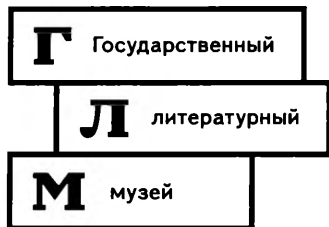

*Сборник статей по материалам
Международной конференции,
посвященной 125-летию
со дня рождения Н. П. Анциферова*

Научная серия

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СОВМЕСТНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

И

ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ А.М. ГОРЬКОГО

Министерство культуры Российской Федерации

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской Академии Наук

ТРЕТЬИ МОСКОВСКИЕ АНЦИФЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник статей по материалам Международной конференции,
посвященной 125-летию со дня рождения Н. П. Анциферова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ
Издательство «Летний сад»
Москва 2015

УДК 821.161.1, 908, 929
ББК 63.2, 93/94, 28.89
А742

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства культуры
Российской Федерации

Утверждено к печати Ученым Советом ИМЛИ РАН

Редакция серии: Д. П. Бак (ГЛМ), Е. А. Воронцова (научный редактор серии, ГЛМ),
Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН), Д. С. Московская (ИМЛИ РАН), Э. Д. Орлов (ГЛМ),
В. В. Полонский (ИМЛИ РАН, РГГУ).

Рецензенты: д. ф. н. О. А. Клинг
к. ф. н. А. С. Урюпина

Редакционная коллегия: Д. С. Московская (отв. редактор-составитель, ИМЛИ), Н. В. Петрова
(ученый секретарь, ИМЛИ), А. В. Святославский (МПГУ), К. А. Чекалов (ИМЛИ)

Третьи московские Анциферовские чтения. Сборник статей по материалам ме-
ждународной юбилейной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения
Н. П. Анциферова (3–6 декабря 2014 г. Москва, ГЛМ — ИМЛИ РАН). — М. : Госу-
дарственный литературный музей ; ИМЛИ РАН ; Летний сад, 2015. — 349 с. : ил.

ISBN 978-5-98856-223-8

Сборник составили материалы Международной конференции, посвященной 125-ле-
тию со дня рождения историка-архивиста, медиевиста, краеведа, урбанолога-экскур-
сиониста, историка и теоретика литературы, писателя-мемуариста Н. П. Анциферова
(1889–1958).

В статьях представлены основные результаты и новые направления исследования
литературно-художественного творчества в аспекте пространственной истории, рассма-
тривающие памятник искусства как неотъемлемую часть топографической реальности
и представляющие природно-архитектурный социокультурный ландшафт как истори-
ческий источник. Формулируется культурогенная роль локуса в художественном и на-
учном творчестве.

Для специалистов в области гуманитарного знания, теории и методологии литерату-
роведения, музееведения и экскурсионного дела.

УДК 821.161.1, 908, 929
ББК 63.2, 93/94, 28.89

ISBN 978-5-98856-223-8

© Д. С. Московская, составление, 2015
© Авторы статей, 2015
© Государственный литературный музей
© ИМЛИ РАН им. А. М. Горького
© Издательство «Летний сад», оформление

СОДЕРЖАНИЕ

Д. С. Московская. «Краеведение возвращает нас к объективной реальности» 5

Раздел I. Локус и его значения 13

Н. В. Корниенко. «Тамбов на карте генеральной»
и топонимика «Города Градова» 15

Е. Б. Белодубровский. Дмитрий Лихачев, Сигурд Шмидт,
Николай Анциферов и его королевское величество принц
Чарльз Уэльский (из записок литературного старателя) 43

Е. Н. Чернявская. Сакральные оси Москвы 50

А. Фарсетти. Советская Россия глазами поэта В. Кардарелли (путешествие
1928 г.): о русском тексте итальянской культуры 57

М. Р. Ненарокова. Москва в скандинавских мемуарах
и путеводителях (1911–2011 гг.) 68

И. А. Гордеева. Культурно-географическое пространство города
и игровой утопизм советских хиппи (на примере города Львова) 100

М. С. Акимова. Н. П. Анциферов и деревня Черная Грязь 116

С. А. Огудов. Ленинградский «трусщобный текст»
в кинематографе 1920-х годов 130

А. В. Святославский. «Он создал тысячи диковин...».
Сюжетная топография Москвы в реализации замысла
романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» 140

К. А. Чекалов. От Английской набережной до Английского променада.
Многообразие локусов в прозе Лидии Ростопчиной 161

И. Шульте. География Таврической губернии
в идиллиях и поэмах Саула Черниховского 182

Раздел II. Н. П. Анциферов. Контексты биографии 189

О. Л. Курбатова. Московские адреса Н. П. Анциферова: Замоскворечье 191

А. Л. Головцов, Н. В. Михайлова. Константин Михайлович Оберучев —
общественный деятель, писатель, историк 204

Д. С. Московская. Черты к портрету Константина Михайловича
Оберучева (1868–1929) 218

Д. С. Московская. Анциферов и русское зарубежье:
к постановке проблемы 232

К. И. Плотников. К биографии Н. П. Анциферова (по материалам
личного дела из архива Союза советских писателей) 239

<i>М. А. Реформатская.</i> Семья Реформатских. Филологические контакты	254
<i>Б. Е. Степанов.</i> Экскурсионная практика и городское воображение в работах Анциферова начала 1920-х годов	266
<i>Е. Н. Пенская.</i> «Городское измерение» трилогии Сухова-Кобылина в исследовательской оптике Н. П. Анциферова	279
<i>Ю. Б. Орлицкий.</i> Особенности цитирования стихотворных текстов в книгах Анциферова	303

Раздел III. Объекты музеефикации 311

<i>Н. Н. Бикташева.</i> Мемориальный Дом-музей акад. А. А. Ухтомского в г. Рыбинске (концепция развития музея в XXI в.).....	313
<i>В. В. Черненко.</i> Проект Устава земского губернского музея — методические рекомендации и практическое развитие.....	319
<i>М. В. Скорыходов.</i> Историко-культурное пространство и формирование имиджа территории	334

«КРАЕВЕДЕНИЕ ВОЗВРАЩАЕТ НАС К ОБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ»...

3–6 декабря 2014 г. состоялась очередная, Третья международная научная конференция, посвященная памяти Николая Павловича Анциферова (1889–1958), приуроченная в этот раз к 125-летию со дня рождения ученого. Организаторами научного форума с уже сложившимися традициями выступили Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук и Государственный литературный музей (ГЛМ).

В рамках мероприятия директора учреждений-организаторов академик РАН А. Б. Куделин (ИМЛИ) и Д. П. Бак (ГЛМ) подписали соглашение о взаимном сотрудничестве между ИМЛИ РАН и ГЛМ, формально узаконив давние отношения дружбы и научного сотрудничества двух ведущих российских центров изучения современного литературного процесса. Научные труды и судьба Н. П. Анциферова как нельзя лучше иллюстрирует исконное братство академического и практического, музейно-экскурсионного, литературоведения. С 1936 г. по самый конец жизни Анциферов являлся сотрудником ГЛМ, возглавлял экспозиционный отдел литературы XIX в. и в те же годы был автором авторитетного научно-археографического издания ИМЛИ «Литературное наследство». Здесь же, в ИМЛИ, в августе 1944 г. он защитил свою литературоведческую диссертацию по проблемам урбанизма в художественной литературе. Историк литературы, текстолог и археограф Б. В. Томашевский в своем отзыве на работу указал, что поднятая в диссертации проблема изучения города в литературе потребовала от автора синтеза специальных знаний литературоведа, историка, искусствоведа и градоведа. Он подчеркнул, что «научная разработка данной проблемы связана с целым рядом побочных отраслей литературоведения, очень характерных и придающих ей специфический облик». Томашевский имел в виду экскурсионистику и музейное дело [Московская, 2012. С. 1013–1014].

Определение Томашевского указывает на приверженность Анциферова краеведческому, или локальному, т. е. привязанному к «фактам узкого района» [Архангельский, 1927. С. 194], методу постижения исторического (в том числе литературно-художественного) факта. «Нужно выйти из закрытых помещений под открытое небо», призывал Анциферов, и «на местах, где осело богатое историческое прошлое, <...> найти обильные его следы. <...> Памятники прошлого, возникшие в условиях своего времени и своего места, <...>

врастают в родную вековую почву» [Анциферов, 1928. С. 321], и ничтожные детали в системе общего приобретают свой смысл и ценность. Мысли о преимущественном значении пространства для осмысления фактов истории, высказанные Анциферовым в 1928 г., были развернуты и обращены им к изучению литературных памятников в работе 1949 г.: «Художник из жизненных впечатлений черпал материал для своего творчества. <...> Соприкасаясь с местами, ощущая на себе воздействие обычно молчаливых свидетелей былого, испытывая власть выразительного ландшафта, природного или культурного, мы <...> вступаем в лабораторию творчества изучаемого писателя, преломившего в своих созданиях местность...» [Анциферов, 1949. С. 7–9].

Работы Анциферова привлекают внимание к ландшафту. Отдельные его элементы (выразительные архитектурные объекты, памятники и проч.) существенны для него, в первую очередь, как выразители исторической (политической, духовной, культурной) миссии, обладающие социальной ценностью и признанной способностью к иносказанию (историческому смыслообразованию). Анциферов был сторонником «целокупного», или «органического», познания исторического объекта, когда части наделяются смыслом через целое и целое — через части. Такую возможность предоставляет абрис местности как природно-географической, природно-культурной данности, ландшафт: «Для историка — исследователя памятников материальной культуры место и явится в значительной мере “естественной средой”, как бы ни были велики происшедшие изменения, все же от “среды” нечто остается. Пусть осталось очень мало, но, может быть, эти остатки окажутся особенно ценными...» [Анциферов, 1926. С. 11].

Анциферов во многом опередил свое время, предугадав совершающийся в последнее десятилетие «пространственный поворот» в мировой исторической науке, впервые в отечественной гуманитаристике отчетливо артикулировав проблему пространственной истории и связав ее с историко-литературным процессом и литературным памятником. Оценивая значение и содержание истории пространства (в противовес традиционной историографии времени), современные исследователи отмечают важную культурно-антропологическую ее составляющую — способность представить пространство как область индивидуальной и социальной практик, которые «используются людьми для преобразования природы в сферу культурного смысла и жизненного опыта». С позиций пространственной истории культурный ландшафт является мощным средством для «выражения чувств, идей и ценностей, одновременно являясь ареной политического дискурса и практического действия, в котором культура не только постоянно воспроизводится, но <...> оспаривается. <...> Пространства (пейзажи), изображенные в литературных и научных текстах,

искусстве, <географических> картах и даже на храмовых фресках, являются означаемыми тех, кто их воспроизвел и, в этой связи, их можно рассматривать как важные тексты в контексте социальных, экономических и политических институтов» [Казаков, Маловичко, Румянцева, 2011. С. 38].

В этой связи следует отметить, что историографические и методологические выводы Анциферова, принадлежащего к кругу блестящих историков-краеведов 1920-х гг. (назовем имена А. С. Архангельского, И. М. Гревса, Н. Н. Павлова-Сильванского, В. П. Семенова-Тян-Шанского, М. А. Феноменова, Н. К. Пиксанова, С. В. Бахрушина и мн. др.), в трудах которых в различных вариантах осмыслялся локальный метод исторической науки, не нашел последователей в советской России. Историческая география осталась по преимуществу принадлежностью исторической мысли ученых Запада, в частности, исторической школы Анналов, на что сетовал основатель кафедры исторической географии РГГУ В. А. Муравьев: «Пространство страны в XX веке предметом изучения исторической географии не стало — оно всецело принадлежало предмету науки географии как таковой, в особенности географии экономической: приоритет был отдан описанию расположения населения, производства и путей сообщения на территории страны и ее административного устройства» [Там же. С. 38]. В то же время пространственный компонент исторических свершений был едва ли не главной областью свершений отечественной истории XX в. Можно сказать, что революционная история России была географией. Ошибки при составлении новых карт и организации всеобщей переписи; произвол районирования и смена политэкономического статуса поселений; разрушение местного природно-архитектурного ландшафта; смена исторической топонимики — все это и многое другое вызвало всплеск родиноведческих исследований, «музейную потребность» научных обществ, осознание музеальности местного быта, этнографического, фольклорного, литературного материала, появление плеяды беллетристов-краеведов (С. Есенин, С. Клычков, Вс. Иванов, Б. Пильняк, А. Платонов, М. Пришвин и мн. др.). Изменения исторического ландшафта стали фактами социальной психологии, болезненными «водоразделами души, быта, истории» пролегли по границам делимой территории [Платонов, 1995. С. 605].

Труды Анциферова, предопределенные новым пореволюционным состоянием общественного сознания, являются планомерно разработанным в недрах отечественной историографии междисциплинарным социоантропологическим подходом к памятникам литературы и представляют актуальный опыт микроисторического краеведческого историко-литературного исследования. Его работы расширили содержание термина «реальный источник» литературного памятника, введя в его семантическое поле локальные естественно-ге-

ографические, социоэтнические, геополитические факторы как обладающие исключительной силой воздействия на художественный процесс (сюжеттику, образность, идейно-содержательный комплекс, выбор литературной традиции). Его труды убедительно показали, что специфические особенности художественно воспроизведенного пространства — яркая примета идиостиля писателя. Свидетель «геологического переворота» русской истории, Анциферов утверждал историческую изменчивость «историко-топографического» чувства. На примере русской литературы XVIII–XIX вв. он продемонстрировал, что содержание этого чувства объективно и исторически закономерно. Для того чтобы писатель мог ощутить присутствие в историческом месте неких общественно значимых ценностей и соответствующим образом на них откликнуться в художественном творчестве, необходимы определенные общественно-политические условия. Так, отмечал Анциферов, А. И. Герцен, столь эмоционально воспринимавший города Западной Европы, обошел вниманием архитектуру Владимирской Руси, потому что не пришло для России время осознать значение собственных духовно-культурных исторических ценностей.

Выводы Анциферова имели значительную общественно-политическую перспективу: он был убежден в продуктивности обратного процесса — возвращения местности ее былой исторической и культурной ценности в целях воспитания гражданского самосознания. Вскоре после войны в статье «Локальный метод в изучении литературы и его воспитательное значение» [Анциферов, Б/д. Л. 1.] он писал об исключительной роли литературы в мобилизации народного духа и указывал пути укрепления этой роли через родиноведение, осуществляющееся в связи с художественной литературой. Он призывал ввести в поле историко-литературного исследования, терминологически закрепить и сделать объектом музеефикации такие нетрадиционные объекты, как монументальный облик города (который открывается с высоких его точек: одна из них — вид с Исаакиевского собора, служащий комментарием к поэме «Медный всадник»), природно-географический ландшафт исторического поселения («уголки» Царскосельского сада, его деревья, камни, гроты, фонтаны, беседка «Эолова Арфа» у подножия Машука, Бахчисарайский фонтан; окрестности Сенной, каналы, дворы домов — «новых ковчегов»), как места творчества и художественной рефлексии; ландшафты, природные объекты (долины «берендеева царства», Лизин пруд, озеро Светояр, Медный Всадник, Девушка с кувшином), опозитизированные писателями. Анциферов обращал внимание на стихийно сложившиеся формы комеморации значительных событий литературной истории, нуждающихся в поддержке и развитии: собраниях на местах памяти писателя в известные дни празднично одетого населения для чтения произведений, выступлений и воспоминаний. Он подчеркивал значение памятных знаков — досок, плит,

помещенных в тех местах, которые были описаны в художественной литературе: «В горах Кавказа на пути в Арзрум, в скалах высечена плита с рельефом, изображающим встречу Пушкина с прахом Грибоедова, убитого фанатиками в Тегеране. <...> В Царскосельском саду были установлены 1937 плит в стиле Ампира, на которых были начертаны слова из стихов Пушкина, относящиеся к памятникам и различным уголкам столь любимых поэтом царскосельских парков. Все эти плиты разбиты интервентами» [Там же. Л. 2]. Он был убежден, что привлечение внимания к этим объектам разовьет образовательный, воспитательный, пропагандистский и научно-исследовательский экскурсионизм, обогатит историю литературы новыми источниками, а теорию литературы — новыми методами, подходами и терминологией.

В связи с актуализацией тематики пространственной истории в различных контекстах гуманитарных исследований и востребованностью наследия Анциферова как академическими учеными, так и музейными работниками площадка Третьих московских Анциферовских чтений по праву стала местом презентации наукоемкого информационно-издательского проекта ГЛМ — энциклопедии «Литературные музеи России». Для концепции энциклопедии существенно важным является научное наследие Н. П. Анциферова: оно вовлекает «пространство страны» — природно-географический и архитектурный ландшафт и методы его познания — краеведение и экскурсионизм — в поле еще не устоявшегося понятия «литературное место». В «Российской музейной энциклопедии» «памятное место» определено как «участок территории, на котором в прошлом происходили события, имеющие историко-культурное значение и в силу этого сохраняющиеся в памяти общества». По аналогии с этим определением «литературное место», вошедшее в заголовки многих изданий и в узусе приобретшее смысл «пространства литературного события», в свете пространственной истории может быть определено как «реально существующий участок территории, на котором в прошлом происходили события, имеющие историко-литературное значение, и который в силу этого *должен* сохраняться в памяти общества».

Работы Анциферова убеждают в том, что словник энциклопедии должен зафиксировать наличное и, актуализируя в сознании общества незамеченные или отвергнутые культурные ценности, вернуть их населению, содействуя таким образом формированию культуры будущего. Принципиально важна мысль Анциферова о необходимости возвращения в гуманитарную науку пейзажа, но уже не в качестве сюжетного «фона», а в качестве пространственной идентичности, построенной человеком местным, которая обладает свойством «ограничивать или усиливать, усложнять, упрощать, деформировать, гасить» исторические, в том числе литературно-художественные, процессы и явления [Казиков, Маловичко, Румянцева, 2011. С. 18–21].

Представляемая читателю книга отражает основные аспекты взаимоотношения художественной литературы и пространства. Методологический ее базис составила анциферовская идея о средоформирующей и культурогенной роли географической (физической) карты, ее топографической и топонимической легенды. Местность рассматривается авторами статей как социокультурный синтез пространства и времени, как топо-культурная структура, где действует человек, формируя пространство и с ним — самого себя, тем самым предопределяя собственное историческое существование.

В ряде статей была учтена роль внеисточниковых и доисточниковых характеристик местности — ее легенды в том смысле, какой в это картографическое понятие вкладывал Анциферов. Вслед за ним, легенда местности рассматривается как пространственное воплощение *genius loci* (духа местности), формирующегося в доисторическом периоде существования поселения и наделенного способностью к саморазвитию.

Авторы статей учитывают, что местность как исторический источник далеко не всегда сохраняет свои приметы: пространственная форма истории более всего подвержена перепланировке и нивелировке. И потому по доступным архивным источникам, данным газетной и журнальной периодики, путеводителям, сведениям, поставляемым краеведами, воспоминаниям старожилов ими предпринимается историческая реконструкция уже исчезнувших пространственных примет, фиксируется «развоплощение» исторического пространства и анализируются социокультурные последствия, которые на новом историческом этапе эти пустоты образуют. И все же, как считал Анциферов, даже развоплощенное пространство способно помнить («...как бы ни были велики происшедшие изменения, все же от “среды” нечто остается...»), а современник на памятном месте — вспомнить уже несуществующее. Изменчивое лицо местности и неизменность его духа исследователи стремятся воспроизвести в природно-историческом единстве, следуя методологии «целокупного» восприятия пространства, разработанного Н. П. Анциферовым.

Первый раздел книги — «Локус и его “значение”» — включил статьи, посвященные пространственной организации памяти: природно-климатическому своеобразие и архитектурной организации местности (К. А. Чекалов, Е. Б. Белодубровский, А. Фарсетти, М. Р. Ненарокова, Е. Н. Чернявская), местной топонимике, изменениям политических и административных границ — районированию (Н. В. Корниенко, Е. А. Папкина), социокультурным характеристикам — «контактным (или транзитным) зонам», формирующимся в местах взаимодействующих социумов (Йорг Шульте, И. А. Гордеева). Статьи А. В. Святославского, С. А. Огудова, М. С. Акимовой посвящены пространственно-временным представлениям, отраженным художественны-

ми нарративами, в том числе национальными. «Город», «село», «пространство», «пейзаж» авторы этих статей осмысливают как уникальные переплетения пространственных структур, способные порождать событие, менять человеческие судьбы (А. В. Святославий), становиться фактами большой истории (М. С. Акимова), воздействовать на современность (И. А. Гордеева). Статья С. Т. Петрова предлагает информационные пути решения насущной задачи — представить экскурсанту такой нематериальный феномен, каким является историческое значение «места памяти», или «душа местности».

Традиционно для сборников Анциферовских чтений в центре исследовательского внимания — биография и научное наследие Н. П. Анциферова. В этот раз наши знания о трудах и днях ученого обогатились его московским итинерарием (О. Л. Курбатова); факты «петербургского» периода жизни Анциферова уточнились сведениями из впервые публикуемых документов, представленных в отдел кадров Союза советских писателей (К. И. Плотников); воспоминания М. А. Реформатской впервые ввели Анциферова в московский круг филологического общения; разыскания В. Л. Головцова и Д. С. Московской восстановили факты киевского прошлого; статьи Е. Н. Пенской и Ю. Б. Орлицкого существенно расширили представления об Анциферове — театроведе и стиховеде.

Как отмечалось выше, ценность анциферовского научного наследия не сводится к его высокому академическому статусу — оно имеет практическое значение. В настоящее время в стране ведется поиск путей создания развитой инфраструктуры туризма и отдыха. На повестке дня вопрос формирования туристско-рекреационных зон, где оздоровительные природные факторы соединялись бы с богатым культурно-историческим наследием и высокой концентрацией учебных заведений. Этот подход традиционен для России. Идея соединения познания, образования и воспитания с путешествием или экскурсией, свободным и массовым поиском культурных ценностей легла в основу естественнонаучных обществ, естественноисторических и краеведческих музеев и породила экскурсионный бум в России на рубеже XIX–XX вв. Статья В. В. Черненко освещает конкретные формы, в которых предполагали продвигать идею «научного туризма» в глубь страны будущие руководители Центрального бюро краеведения академики В. И. Вернадский и А. Е. Ферсман. Современные аспекты той же проблемы и сходные предложения по ее решению — концепция «кластера», соединяющего туризм, здравоохранение, образование, воспитание в исторической среде, — освещены на примере родины А. А. Золотарева и А. А. Ухтомского, входивших в ближайший круг общения Н. П. Анциферова, в статье Н. Н. Бикташевой и на примере «детской родины» Сергея Есенина — в статье М. В. Скороходова.

Представляемый сборник — опыт историко-литературного и культурологического изучения представлений о пространстве разных народов, разных социальных слоев в разные эпохи, отраженных в литературе и искусстве, и своего рода декларация убеждения, что здоровую среду обитания невозможно формировать без учета и оживления ее исторической, культурной памяти. Решение этой проблемы видится, в частности, во включении «памятных мест» в справочную краеведческую литературу, туристические маршруты, в энциклопедии и в структуру регулируемых государством отношений собственности.

Д. С. Московская

Список литературы

Анциферов Н. П. Краеведный путь в исторической науке. (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение. 1928. Т. 5. № 6. С. 321–338.

Анциферов Н. П. Локальный метод в изучении литературы и его воспитательное значение. ГАРФ. А–629. Оп. 2. Д. 129. Б/д.

Анциферов Н. П. Методика изучения и показа литературной жизни края в краеведческих музеях. М. : Госкультпросветиздат, 1949. 29 с.

Анциферов Н. П. Теория и практика литературных экскурсий. Л. : Сеятель, 1926. 109 с.

Архангельский С.[И.] Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. № 2. С. 181–194.

Казаков Р. Б., Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Историческая география в пространстве современного гуманитарного знания: от вспомогательной дисциплины к методу гуманитарного познания // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве : материалы XXIII междунар. науч. конф. Москва, 27–29 янв. 2011 г. М. : РГГУ, 2011. С. 31–45.

Московская Д. С. История защиты кандидатской диссертации Н. Анциферова // Текстологический временник. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2012. С. 987–1018.

Платонов А. Взыскание погибших. М., 1995. 672 с.

РАЗДЕЛ I. ЛОКУС И ЕГО ЗНАЧЕНИЯ

Н. В. Корниенко

Корниенко Наталья Васильевна, заведующая отделом Новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доктор филологических наук, чл.-корр. РАН. Москва, ул. Поварская, д. 25а; natalkornienko@yandex.ru

«ТАМБОВ НА КАРТЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ И ТОПОНИМИКА «ГОРОДА ГРАДОВА»

Аннотация

Методом реального комментария прослеживается историческая реальность, стоящая за топонимикой повести А. П. Платонова «Город Градов» (1927). Для анализа привлекаются: исследования истории Тамбовской губернии XIX и XX вв., публикации членов Тамбовского общества краеведения 1920-х гг., материалы советской периодики, посвященные административно-территориальной реформе 1923–1928 гг., в ходе которой были образованы новые советские территориальные единицы и уничтожены или потеряли свой прежний политико-административный статус традиционные поселения.

Ключевые слова

краеведение, Платонов, литература, топонимика, сельскохозяйственная коммуна, комментарий, интерпретация, Тамбовская губерния

Уже в первых откликах 1927 г. на повесть Платонова «Город Градов» была проведена параллель между двумя придуманными городами — Глуповым Салтыкова-Щедрина и Градовым Платонова: «Как по теме, так и по ее оформлению “Город Г<ра>дов” сильно напоминает салтыковские “Историю одного города” и “Губернские очерки”. Те же людишки, “власть имущие”, считающие, что самое важное это не дела, не люди, а тщательно написанное отношение с исходящим номером. И заведомо землеустройства УЗУ Шмаков очень похож на салтыковского градоначальника Бородавкина, оставившего в назидание потомству “Мысли о градоначальническом единомыслии, а также о градоначальническом единовластии и прочем”, или на Угрюм-Бурчеева, лелеявшего мысль превратить город в военный плац с ровными линиями, а людей в машин, долженствующих жить по точному регламенту». Рецензент сформулировал вполне резонно и свои вопросы к результатам освоения и развития сатириче-

ской традиции в такой «значительной вещи», как повесть Платонова: «У Салтыкова-Щедрина были все основания для того, чтобы обобщить и в истории Глупова показать тогдашнюю Россию. Однако на основании каких данных обобщает автор Шмакова в тип советского работника, а “Город Г<ра>дов” — в жизнь советской провинции? При самом тщательном анализе станет очевидным, что *никаких оснований для обобщений нет*. Ибо наша советская провинция это — полный лихорадочным строительством, новой жизнью город. И уже, конечно, ни в коем случае не щедринский Глупов. Шмаковых, возведенных в тип, у нас очень мало. Это исключение, редко встречающееся, и совершенно непонятно, зачем понадобилось это обобщение автору (курсив наш. — Н. К.» [В. Я., 1927. С. 3]. Салтыков-Щедрин не раз появится и у других критиков, писавших о сатирической прозе Платонова. В 1930 г. — в статье известного критика М. Майзель: «Он [Платонов] обладает чувством иронии, и формально его пародийно-сатирическая манера находится на большой высоте. При всем этом он умен, темпераментен и ядовит. Последние его качества с особой силой проступают в “Городе Градове”. Социальный смысл рассказа сводится к решительному протесту писателя против государственности. Организация общества иронически мыслится Платоновым в виде предельно (до бессмысленности!) регламентированной системы. На этом построены сатирические и полусатирические произведения писателя, в которых высмеивание государства приближается к щедринской высоте. Но механически примененный метод “потрясения основ” великого сатирика, обращенный против советского государства, приводит к враждебному эффекту. Направляя огонь на отдельные участки современной действительности, Платонов ополчается против *всей советской государственности*. Не дифференцируя объекта своей сатиры, писатель, может быть, сам того не понимая, возбуждает ярость масс не против отдельных извратителей определенной идеи, но против самой идеи, идеи государства, в наших условиях пролетарского государства. Так, взяв под обстрел определенный сектор нашей действительности (провинциальную чиновничью среду), Платонов до последней степени сгустил краски как в отношении *непосредственной* щедринско-гоголевской генеалогии героев, так и в смысле распространительного толкования темы» [Майзель, 1930. С. 200]. В 1937 г. критик А. Гурвич резюмирует суть претензий к «Городу Градову», сложившихся при сравнении губернских городов XIX и XX вв., появившихся на карте русской и советской литературы: «Свое представление о советском государстве, его властителях и законах Платонов выразил в очень плоской и злопыхательской повести “Город Градов”. Скучная повесть эта является нелепым, неумелым подражанием Щедрину. Город Градов — это тот же город Глупов. <...> Разве не Платонов, нелепо подражая Щедрину, выдумал

город Градов, сплошь состоящий из “одичалых чиновников, фантастических дураков и прохвостов”?» [Гурвич, 1937. С. 216, 231].

Идущее от 1927 г. сравнение выдуманного Платоновым города Градова с щедринским городом Глуповым шло у критики по поверхности двух повестей. Вопрос о «материале», «сколько-нибудь достоверном и правдоподобном материале» (он актуализирован в открывающем «Историю одного города» предисловии «От издателя»), без которого, по Салтыкову-Щедрину, не могла быть написана его повесть, в отношении «Города Градова» даже не ставился. Не был открыт и прототип Градова, что, впрочем, понятно: в литературе этого десятилетия появились десятки, если не сотни выдуманных губернских и уездных городов. Возможно, если бы «Город Градов» не заслонили кампании вокруг «Усомнившегося Макара» (1929) и «Впрок» (1931), критика вернулась бы к оставшейся не замеченной параллели «Города Градова» и «Епифанских шлюзов», которую в 1929 г. предложила обозревателю «Вечерней Москвы» В. Стрельникова, обозначив центральную коллизию исторической и современной повести Платонова и всего творчества писателя: отношение столицы (Петербурга — в «Епифанских шлюзах», Москвы — в «Городе Градове») и провинции. Эта объединяющая повести коллизия выводит к важнейшему литературному (Пушкин¹) и культурному источнику имени выдуманного Платоновым губернского города, на который впервые обратил внимание Л. А. Шубин: «Было, впрочем, некое знамение в самом его названии — оно ведь идет от высокого слова “град” (“Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия”). Был еще град Китеж. И, самое главное, есть основной, главный для людей Град, нерукотворный» [Шубин, 1994. С. 215]. Кстати, созданный писательской фантазией утопический город, напоминающий по звучанию Градов, уже появился в рассказе Платонова «Иван Жох» (1926) — это «Вечный-Град-на-Дальней реке»².

На карте реальной Тамбовской губернии, ставшей одним из исторических прототипов выдуманного Градова, были и собственные территориальные образования с высоким словом «град»: Спасско-Градская и Градско-Уметская волости [Список, 1904].

Завершением петербургского периода русской истории стали потеря Петербургом-Петроградом своего столичного статуса (1918), изменение имени страны (РСФСР, СССР), переименование Петрограда в Ленинград (1924) и идущее с 1923 г. поэтапное юридическое упразднение главной территориальной государственной единицы, созданной в эпоху Петра I, — губернии. Это революционное преобразование завершится к 1929 г. С петербургским периодом русской истории связан расцвет и укрепление Тамбовской губернии: «Дикое поле Тамбовское явилось одною из самых солидных экономических

и нравственных сил Российской империи, получив это значение многочисленностью своего народонаселения, по преимуществу русского; и сравнительно широким развитием сельскохозяйственной промышленности» [Дубасов 1, 1883. С. 83], — отмечал один из авторитетных исследователей истории Тамбовской губернии краевед И. И. Дубасов. Антикоммунистическое восстание в Тамбовской губернии (1920–1921), крестьянская война, в которой борьба шла не с бандитами, а фактически со всем местным населением, закрепило за Тамбовом статус губернского города, крайне неблагоприятного с политической точки зрения. С восставшими новая власть расправлялась со всей жестокостью: в заложники брали семьями; расстреливали тысячами; сжигались целые села. Платонов, естественно, знал об этом, тем более что тамбовское восстание перекинулось в соседнюю, Воронежскую губернию, захватив Новохоперский уезд.

С первого дня приезда в Тамбов Платонов в письмах к жене постоянно делится впечатлениями от облика города; 8 декабря 1926 г.: «Город очень запущенный и глухой. Гораздо хуже Воронежа. Но весь в зелени и масса садов и скверов <...> Людей мало. Учреждения по виду жалкие, даже сравнительно с Воронежем» [Платонов, 2013. С. 167]; 10 декабря: «Город живет старушечьей жизнью: шепчется, неприветлив и т. д.» [Там же. С. 170]; 11 декабря: «Принимают за большевика и чего-то боятся. Город обывательский, типичная провинция, полная божьих старушек» [Там же. С. 173]; 13 декабря: «Ты не выживешь тут — такая кругом бедность, тоска и жалобность» [Там же. С. 176].

Посетивший весной 1927 г. Тамбов столичный журналист описал губернский город в фельетонной стилистике, акцентируя внимание на консервативных и реакционных чертах его повседневного обихода и быта, что в целом характерно для журналистики и литературы этого десятилетия: «Если вы — человек с предубеждением, да еще близорукий, у вас после первого взгляда на Тамбов подкосятся коленки. Коленки подкосятся, а в мозгу засверлит странная и нелепая мысль: — Да была ли здесь революция?... Эту странную и нелепую мысль вашу будет утверждать многое и многое: и то, что, сойдя с поезда, не увидите ни единого милиционера, и то, что не увидите ни единой вывески советского учреждения, и то, что по улице, идущей от вокзала, про которую какой-то дряблый старикашка скажет вам, что называется она... Дворянская, — по этой улице встретятся вам не раз и не два щупленькие попки и пешком, и на извозце, с большими иконами на коленях... И только когда вы одолеете длинную “Дворянскую”, когда в конце ее вы упретесь в три чуть ли не друг на дружку нагроможденные церкви, вашим нелепым и странным мыслям придет естественный конец. Нет. Революция в Тамбове, конечно, была. Вот он, советский город, вот там, правее, стоит Дворец Тру-

да, налево — Дом Крестьянина, сзади — губисполком, РКИ, Угрозыск. Наконец, увидите вы вдалеке уныло маячащую фигурку моссельпромщицы. <...> А вообще в Тамбове пусто. После учрежденческого дня затихает он окончательно. <...> А с пошатнувшихся, но еще стоящих колоколенок будут звякать монотонные колокола: Там-бов... Там-там-бов... Там-бов... Там-там-бов... Там-бов...» [Рябцев, 1927. С. 3]. Заглавием, восходящим к известной строке из поэмы М. Лермонтова «Тамбовская казначейша», журналист иронически обыгрывает историю прежнего возвышения и современного падения статуса Тамбова. Это, можно сказать, то общее, что мы найдем и в других московских публикациях о Тамбове. Так, в откровенно уничижительно-ироническом тоне выполнен очерк Т. Холодного «В Тамбовской глуши», опубликованный 20 февраля 1927 г. в газете «Правда».

А теперь обратимся к представлению образа Градова, которым открывается повесть Платонова, и попытаемся прочитать текст методом реального комментария. Первый абзац — *«От татарских князей и мурз, в летописях прозванных мордовскими князьями, произошло столбовое градовское дворянство, — все эти князья Енгалычевы, Тенишевы и Кугушевы, которых до сих пор помнит градовское крестьянство»* [Платонов, 1978. С. 274] — содержит конкретную историческую информацию именно о Тамбове, так как является вольным переложением следующего фрагмента книги тамбовского краеведа П. Н. Черменского³: «От татарских князей и мурз, которые называются в летописях “мордовскими князьями”, произошло столбовое тамбовское дворянство — все эти князья Кугушевы, Енгалычевы, Тенишевы и другие, от которых пришлось так много выстрадать тамбовскому крестьянству» [Черменский 1, 1926. С. 9]. Опираясь на дореволюционные исследования истории Тамбовской губернии, прежде всего «Очерки из истории Тамбовского края» И. И. Дубасова (М., 1883–1897), Черменский представил краткую историю колонизации края, который истари был заселен финскими племенами мещерою и мордвою, обозначил исторические волны колонизации края — татарами, хазарами и русскими, дал пояснения некоторых именований, в частности, «мордовские князья»: «Всеим этим представителям знатных татарских родов (выше названы “князья” Кугушевы, Енгалычевы, Ишеевы, Тенишевы, Еникеевы — Н. К.) принадлежали крупные земельные владения, населенные мордвою. Русские историки называют их «княженьями», а татарским обозначением было слово “беляк”. <...> Владельцам “беляков” принадлежала полная власть над их территорией и над сидевшим на ней населением, власть собственника территории — административная, судебная, военная и финансовая. Татарские князья управляли мордовским населением, судили его, облагали ясаком и водили свои отряды по зову сю-

зерена себе на помощь. В Тамбовском крае, окраине государства, феодальные отношения дожили до XVII в., когда в нем на месте прежних княжений “мордовских князей” мы видим дворянские вотчины помещиков татарского и русского происхождения. <...> Первое дворянское собрание состоялось в Тамбове 3-го сентября 1788 г. <...> Самые древние дворянские роды оказались в Темниковском и Елатомском уездах, и все они татарского происхождения» [Там же. С. 16–19, 80]:

Второй абзац — *«Градов от Москвы лежит в пятистах верстах, но революция шла сюда пешком шагом. Древлевотчинная Градовская губерния долго не сдавалась ей: лишь в марте 1918 года установилась советская власть в губернии, а в уездах — к концу осени»* [Платонов, 1978. С. 274] — переключает рассказ о Градове в современный контекст. Верста — одна из основных мер длины, принятых в России (XVIII — начало XX в.). Постановлением СНК от 21 июля 1925 г. «О признании Международной метрической конвенции, заключенной в Париже 20 мая 1875 года, имеющей силу для СССР», в обязательном порядке вводилась международная система мер и весов (еще одно из революционных преобразований 1920-х гг., нашедших отражение в повести). Русская верста соответствует 1,06680 километрам, следовательно, расстояние от Москвы до Градова по международной системе мер соответствует 533,4 километрам. Тамбов расположен в 475 километрах от Москвы. Несоответствие расстояния от вымышленного Градова и реального Тамбова до Москвы переводит реально-историческую характеристику в обобщенно-исторический план и придает образу Градова символическое значение одного из старых губернских городов России. На символическое значение работает и характеристика губернии — *«древлевотчинная»*, от слова «вотчина»: термин древнерусского гражданского права для обозначения земельного имущества с правами полной частной собственности на него, господствующая форма землевладения в России XIII–XV вв. В данном случае употребляется в расширительном значении для обозначения исторически консервативной губернии. Примечательно, что эта же характеристика использована Платоновым в рассказе «Экономик Магов» (1926) для представления одного из религиозных центров Воронежской губернии — реального города Задонска: «Задонск — древнерусский монастырский центр, город божьих старушек...» [Платонов, 2004. Кн. 1. С. 68].

Отметим общий для прозы 1920-х гг. акцент на теме вымышленного провинциального города, которого нет на географической карте. Текст — из ленинградской периодики 1926 г., автор его нам неизвестен. Рассказ с практически эмблематическим названием «Глушинские дни» начинается почти как «Город Градов»: «Нигде не было более легкой революции, чем в Глушине. В других городах бились, стреляли в живых людей, а здесь — нет, спокойнень-

ко. <...> Вторая, т. е. Октябрьская революция тоже была, действительно была, только немного запоздала. Годика так на полтора». Характерное для массовой юмористической прозы этих лет обыгрывание темы якобы документальных материалов, легших в основу рассказа, завершается пассажем на картографическую тему: «Предупреждаю, что ни на одной из географических карт читатель не сможет найти местопребывание Глушина» [Симка, 1926].

При всей символичности Градова он все-таки и в анализируемом фрагменте крепко завязан на реальный Тамбов. Дадим краткие пояснения к датам, указанным в описании современной истории Градова. За дату празднования годовщины установления советской власти в Тамбовской губернии было принято 30 января 1918 г. Платонов находился в Тамбове, когда губерния готовилась отмечать девятую годовщину этого события, о чем 20 января напомнила «Тамбовская правда» в редакционной статье «Девять лет власти Советов в Тамбовской губернии»: «Советская власть в Тамбовской губернии установилась гораздо позднее Октябрьских дней. Тамбовская губерния до революции была гнездом эсеровщины. <...> Много опасностей и лишений пережила за эти годы советская власть в Тамбовской губернии: июньский мятеж 1918 г. в Тамбове и Козлове, антоновщину, тяжелые голодные годы». Советская власть во всей Тамбовской губернии была провозглашена 1–4 марта 1918 г. на I губернском съезде Советов, однако еще весь 1918 год губернию сотрясали крестьянские восстания.

Следующий, третий, абзац экспозиции повести построен как объяснение причин сложившейся репутации Градова: *«Оно и понятно: в редких пунктах Российской империи было столько черносотенцев, как в Градове. Одних мощей Градов имел трое: Евфимий-ветхонещерник, Петр-женоненавистник и Прохор-византиец; кроме того, здесь находились четыре целебных колодца с солевой водой и две лежачих старушки-прорицательницы, живьем легшие в удобные гроба и кормившиеся там одной сметаной. В голодные годы эти старушки вылезли из гробов и стали мешочницами, а что они святые — все позабыли, до того суетливо жилось тогда»* [Платонов, 1978. С. 274]⁴.

Образ реакционного Градова выстроен у Платонова в полном следовании стратегии и тактике советской антирелигиозной пропаганды и законам сложившегося к середине 1920-х гг. канона «безбожного» сатирического текста, призванного развенчать и высмеять базовые черты старого русского быта в полном следовании новейшим идеологическим установкам борьбы с русским национализмом (черносотенцами) и Православной церковью. Особое место в антирелигиозной работе отводилось разоблачению русских монастырей и монашества: «В дореволюционное время монастыри пользовались большим почетом среди верующих. Монастырские стены для них были вместилищем особого благоволения неба и всяческого совершенства. Там обитали

ангелоподобные иноки, покоились нетленные мощи, били на земле “целебонные” источники и прочие чудеса совершались. <...> В лице бывших монахов мы имеем наиболее реакционно настроенных церковников. <...> Юридически все существующие ранее монастыри в настоящее время закрыты особым постановлением органов власти, однако фактически немалое количество их продолжает существовать под видом трудовых артелей, коллективов и других, с виду вполне советских объединений. Конечно, беспечальное паразитическое монастырское житие в таких коллективах стало далеким прошлым, но все же монахи не прочь бывают и в настоящее время, особенно в глухих уголках, подработать на изгнании бесов, целебной водице и т. п. Однако вне всякого сомнения, что подавляющее большинство монахов рассосалось в массе населения, частью попристроилось к какому-либо делу, частью продолжает донашивать монашеские ризы, при чем последняя категория извлекает выгоды из этой рясы уже другим путем. Монашкам-рукодельницам ряса служит как бы маркой для фирмы, поручительством за добросовестное выполнение заказов. Наконец, некоторая часть обратилась в бродячих странников. Нужно отметить, что эта часть наиболее беспокойная. Из ее недр обыкновенно выходят авторы подметных писем с неба, организаторы кровоточащих крестов, проповедники близкого второго пришествия и вдохновители других массовых психозов на религиозной почве. Поскольку антирелигиозная пропаганда неотделима от борьбы с авторитетом церкви и духовенства, в наши задачи входит разоблачение монастырей и монашества как приспешников самодержавия в прошлом и наиболее закоренелых врагов пролетарского государства в настоящем» [Покровский, 1926. С. 40–41]. Из антирелигиозной библиотеки о монастырях особо пропагандировались книги М. Паозерского «Русские святые перед судом истории» (Пг., 1923) и М. Горева «Троицкая Лавра и Сергей Радонежский: Опыт историко-критического исследования» (М., 1920).

Основными сатирическими приемами советского антирелигиозного текста являлись: смешение мирского и церковного имени святых; «веселое» богохульство по отношению к мощам святых; описание в неприглядном свете церковной жизни и быта насельников обители, их разгульной жизни, чревоугодия; высмеивание содержания Библии, житий святых; вышучивание «темной» массы с ее верой в чудеса и «святые колодцы».

Консервативный Тамбов давал колоссальный материал для написания «безбожного» текста: до революции Тамбовская епархия считалась одним из центров русской религиозной жизни. Расцвет края приходится на вторую половину XIX в. К 1917 г. на территории губернии насчитывалось 1191 храм, 6 мужских и 12 женских монастырей, здесь находилась знаменитая Саровская пустынь; только в самом городе было 33 православных храма, 4 монастыря, мужская и женская богадельни [Кученкова, 1993]. В Тамбовской епархии нахо-

дились мощи двух почитаемых русских святых: Серафима Саровского (канонизация состоялась в 1903 г., на прославлении присутствовала Царская семья; мирское имя — Прохор Мошнин) и Питирима Тамбовского (канонизирован в 1914 г.; мирское имя — Прокопий). Одним из духовных центров Тамбова являлся Вознесенский женский монастырь; у монастыря было большое хозяйство и фруктовый сад, во время храмового праздника у стен обители проходила пятидневная Вознесенская ярмарка (разрушение монастыря началось в декабре 1918 г.; в 1925 г. монастырь был закрыт). В губернии находилось несколько широко известных источников, колодцев с целебной водой — в Тамбове (один из колодцев — близ Преображенского собора, вырыт по благословию святителя тамбовского Питирима) и в Липецком уезде. С 1918 г. по всей губернии идет закрытие церквей и монастырей, кампания сопровождается масштабной антирелигиозной пропагандой, которую проводит в клубах и красных уголках губернский совет Союза безбожников: на всех предприятиях и в школах создаются кружки безбожников; в качестве бесплатного еженедельного приложения к «Тамбовской правде» выходит «Наш безбожник», на страницах которого широко освещается фронт губернской антирелигиозной работы и «нового быта» («Крестины без попов», «Хороним по-новому», «Богов в печку» и т. п.), большое место в газете занимают «антирелигиозные хохмы». В 1924–1926 гг. губерnsкие власти, включая органы ОГПУ, были крайне обеспокоены массовым паломничеством народа к старым «святым колодцам» («чудотворным колодцам») и открытием новых святых источников...

Для высказывания в приведенном фрагменте использованы, как мы видим, лишь некоторые реальные детали из церковной истории тамбовской губернии, а сам текст наделяется обобщенным содержанием, превращается в некую универсальную современную формулу русской истории. Лишь отметим, что установка на новое, марксистское изложение истории Тамбовской губернии, сформулированная в предисловии «От автора» в книге П. Черменского: «понять историю [Тамбовского края] с точки зрения одной общей теории», освободить ее от «устарелого для нашего времени и несогласного с современным пониманием исторического процесса», «понять весь исторический процесс с точки зрения теории классово́й борьбы» [Черменский 1, 1926. С. 3] — отражает официальную точку зрения на историю России, наиболее отчетливо сформулированную в книгах и статьях историка М. Н. Покровского, заместителя наркома просвещения, создателя Коммунистической академии, предложившего новый взгляд на русскую историю — с точки зрения целей диктатуры пролетариата в мировой постановке, и т. п.

Автора этой формулы русской истории Платонов спрячет, а потому экспозиционную главку об абсурдной жизни реакционного Градова и всей губернии было принято читать как прямое авторское высказывание, что являет-

ся ошибкой. Рукопись первой редакции повести — рассказа «Город Градов (Заметки командированного)» — позволяет исправить эту ошибку в наших интерпретациях текста. Первоначально первая главка с рассказом о Градове как оплоте и символе старой русской жизни завершалось прямым указанием на «авторство» Москвы: «Думал Шмаков как раз про то, что ему было известно про Градов и что выше рассказано», — однако Платонов отказывается от последней части предложения.

Из других деталей градовской топонимики остановимся только на некоторых, отмеченных соединением реального и вымышленного, реально-конкретного и обобщенно-исторического, исторически-конкретного и метафизического.

Фрагмент о выдуманной речке Жмаевке — *«Город орошала речка Жмаевка — так учили детей в школе I-й ступени. Но летом на улицах было сухо, и дети не видели, что Жмаевка орошает Градов, и не понимали урока»* [Платонов, 1978. С. 274–275] — построен на метаморфозе реального и вымышленного, видимого и невидимого, действительности и «знания» о ней. Школа первой ступени также появилась неслучайно. С 1923 г. действовала новая система школьного образования, сменившая прежнюю концепцию единой трудовой школы 1918 г.: начальное образование дети получали в школах I ступени (4 года), II ступени (5 лет обучения), семилетках и 9-летках. В Тамбове в это время было 1363 школ 1-й ступени, 14 школ 2-й ступени, 45 семилеток и 16 девятилеток [Краткий статистический справочник, 1927. С. 25–34]. Как соотносятся знания об окружающем, полученные детьми в начальной и самой массовой школе, с реальностью? — на этот вопрос помогают ответить публикации в «Тамбовской правде». Вопрос о состоянии главной реки Тамбова — Цны обсуждался на собрании краеведов в марте 1927 г., на которое были приглашены инженеры, хозяйственники, врачи, а также преподаватели школ. Содержание состоявшейся дискуссии, в которой, возможно, принимал участие и Платонов, изложено в статье П. Черменского, опубликованной 17 марта в «Тамбовской правде». В эпоху построения города «река Цна была многоводной», однако проводимые гидротехнические работы, в ходе которых менялось русло реки, привели к оскудению водою Цны и впадающих в нее речек, к образованию оврагов и заболачиванию лугов. Из статьи также можно узнать о последствиях построенной в 1925 г. дамбы: «Вследствие прорыва дамбы город лишается реки, в среднем, на полтора месяца лучшего времени года — весны. В прошлом году воды не было с 4 апреля по 24 июня. Развитие же заболоченности, вследствие образования новых протоков и озер, усиливает малярийность наших окрестностей» [Черменский 1, 1927. С. 4].

«Город Градов» насыщен сюжетами на тему старого быта, не имеющими в тексте топонимического обозначения. Они носят символический, а порой

даже аллегорический характер, при этом остаются уникальным свидетельством о низовой народной жизни. Так, о кулачных боях в Градовской губернии в повести говорится кратко: *«Поэтому три раза в год — на Троицу, в Николин день и на Крещение — между городом и слободами происходили кулачные бои»* [Платонов, 1978. С. 275]. Кулачные бои (поединки на кулаках) являлись одной из примет русского быта и воспринимались как первейшая забава, праздник, зрелище; они имели широкое распространение в Воронежской губернии, сохранялись они и в 1920-е гг. «Свирепые драки Ямской с Чижевкой или Троицкой», «до смерти, до буйного экстаза» [Платонов, 2004. Кн. 1. С. 479], — одно из ярких детских воспоминаний Платонова, к которому он не раз возвращался. Проходили кулачные бои чаще всего во время рождественских святок, масленицы, Пасхи и Троицы. После 1917 г. кулачные бои были отнесены к пережиткам царского режима и церкви, хотя государство и до революции боролось с их проведением, а церковь никогда не поощряла эту народную потеху, считая ее «богомерзкой». Процветали кулачные бои и в Тамбовской губернии, о чем свидетельствуют регулярно публикуемые в «Тамбовской правде» сообщения из уездов и волостей о борьбе с этой традицией и рапорты о победе «нового быта». Так, в предрождественские дни 1927 г. 4 января «Тамбовская газета» сообщала, что давняя традиция Елецкой и Падовских слобод Ленинской волости ежегодно устраивать в «Николин день» (день св. Николая угодника, отмечается 19 декабря по ст. стилю) кулачные бои, благодаря волостной милиции, изжита и «кулачных боев на “Николин день” в этих слободах не было». 7 января в статье с символическим названием «К разумному развлечению» газета сообщала, что «примерно устроенный вечер вопросов и ответов на первый день рождества сумел отвлечь много молодежи от кулачных боев».

При переработке рассказа в повесть Платонов не только уточнял реалистические детали, добываясь точности в описании быта, но и превращал детали быта в голос бытия, проразивал в конкретно-историческом содержании бытовых деталей метафизические смыслы. Так, редактируя еще в рукописи текст рассказа, он сам исправляет традиционную пейзажную характеристику («Печальный молчаливый сентябрь стоял в прохладном вечеряющем поле»), добавляя в нее откровенно политический смысл: «Печальный молчаливый сентябрь стоял в прохладном пустопорожном поле, где не было ни следа промышленности». Читавший рассказ редактор (Г. З. Литвин-Молотов) без всяких вопросов на полях вычеркивает платоновское уточнение-расширение фразы, так как это прямая и дерзкая отсылка к принятому партией в конце 1925 г. курсу на индустриализацию. Платонов отчасти соглашается с редактором и создает новый вариант крамольной части фразы «...где не было теперь никакого промысла», сохраняющий в себе не только прежнее содержание, но и значительно углубляющий его — как в плане конкретно-историческом,

так и метафизическом. Этот вариант фразы несет в себе указание не только на настоящее, но и на будущее (промысел Божий). По Ф. И. Буслаеву: «Понятие о провидении, снисходительное и для человека утешительное, выражается словом *промысел*. Происходя от *про* и *мыслить*, оно означает предупредительную заботу и попечение. Любопытно в этом слове наивное сближение понятий о судьбе и ремесле, ибо промысел значит и то, и другое» [Колесов, 2014. С. 122]. Тамбовская губерния славилась своими промыслами с давних времен; на 1925 г. органы статистики зафиксировали 76 различных промыслов: ткачихи, вязальщицы, кузнецы, корзинщики, гончары, сапожники, бондари, лапотники, каменоломщики, рогожники, колесники, портные, кожевники, овчинники, веревочники, кружевницы, вальщики и т. д. По социально-имущественному положению промыслами занимались 67% бедняков, 27% середняков и 8% зажиточных; основное время занятий промыслами приходится на осень и зиму [Курточкин, 1926. С. 1–12]. Вопрос промыслов и кустарной промышленности страны, включая будущую Центрально-Черноземную область, решался в начале 1927 г. в русле общего курса на индустриализацию и развитие тяжелой промышленности. Последствия нам известны.

Диалогически оформлен искусно построенный рассказ старушки о старом быте Градовской губернии: «Оказалось, что в ближних к Градову деревнях, — не говоря про дальние, что в лесистой стороне, — до сей поры весной в новолуние и в первый гром купались в реках и озерах, умывались с серебра, лили воск, окуривали от болезней скот и насвистывали ветер» [Платонов, 1978. С. 284]. Детали рассказа о народном быте позаимствованы писателем из книги Черменского, где они приводятся в череде многочисленных примеров «метафизических предрассудков» и суеверия в мировоззрении жителей Тамбовской губернии XVII в.: «С особым торжеством справляли древний праздник зимнего солнцеворота, приуроченный к празднику Рождества и к святкам. Также весело справлялся праздник весны, приуроченный к Красной горке. В этот день мужчины и женщины выходили в поле для общих игр, водили хороводы, плясали под дружное хлопанье в ладоши, бились на кулаки и боролись, качались на качелях, скакали на досках, катали по могилам яйца. Накануне Троицына дня (семик) ходили в лес завивать березки, плели из них венки и водили хороводы у берегов рек и озер. <...> суеверие было распространено среди людей всяких чинов и званий. Весной в новолуние и в первый гром купались в реках и озерах, умывались с серебра, лили воск, окуривали от болезней скот, насвистывали ветер. Вера в знахарство и чародейство никем не оспаривалась...» [Черменский 1, 1926. С. 45].

Черменский, взяв материал для данного описания из очерков Дубасова, упростил описанную Дубасовым ситуацию, что и акцентировано Платоновым в реакции Шмакова: «Холуйство! — подумал Иван Федотович, послушав ста-

руху. — *Только государство и его живая сила — служилый должный народ — способны упорядочить это мракобесие!*» [Платонов, 1978. С. 284]. Реакция Шмакова, с одной стороны, корреспондирует с оценками русского народного быта, звучавшими в кампании борьбы за новый быт, с другой — иронически остраивает веру героя в окончательное решение фундаментальных вопросов народной психологии и быта. И. И. Дубасов приводит документальные свидетельства борьбы с «суеверными народными обычаями», которую с XVI в. вели государство, Православная церковь и тамбовское духовенство: «Наши давние обыватели к своим больным младенцам призывали ворожей, мужиков и баб. В первый день каждого летнего рождения месячного и в гром первого дня они обязательно купались. В святки лили воск и олово и рядились. В случае скотского падежа скот окуривали. В Семик завивали березки и в тех вещах — березках — на воду ходили... В установленные обычаем дни коляду, глумги и таусень кликали... Языческие обычаи в нашем крае в XVII веке были настолько сильны, что царь Алексей Михайлович, известный ревнитель православия, вынужден был дать Темниковскому протопопу такой наказ: ослушников смирать и наказывать <...> Русские люди, выслушивая царский приказ к разумной и благочестивой жизни, искренно умилялись и вразумлялись... Очевидно, им нужны были постоянные, опытные и твердые руководители, но их-то именно у нас и не было в достаточном количестве...» [Дубасов 1, 1883. С. 161–162)].

Не менее искусно работает Платонов с новыми топонимами, которых немало появилось на карте СССР, в том числе в Тамбове и Тамбовской губернии.

В прозе первого десятилетия новая топонимика стала темой самых разных комических сюжетов, тем и мотивов. Платонов и здесь ищет свою интонацию и свое решение, делая темой художественного высказывания базовые принципы, стратегию и содержание административно-территориальной реформы 1920-х гг., в ходе которой на географической карте России наряду со старыми административными единицами (селом, деревней, хутором) появились новые территориальные образования: поселок, с.-х. коммуна, с.-х. артель и с.-х. товарищество, призванные заместить старые, овеванные традицией сельские топонимы. Новые территориальные образования располагались рядом с селом или деревней, состояли порой из 2–3 дворов; больше всего в Тамбовской губернии было с.-х. артелей и товариществ, меньше — с.-х. коммун.

На территории Тамбовской губернии территориальных новообразований к 1926 г. было несколько сотен; полные списки населенных пунктов губернии, составлявшиеся к переписи декабря 1926 г., представляют самые разнообразные, порой экзотические сельские топонимы: Красная Усадьба, Красный Звон, Красное Знамя, Красная нива, Красный, Красный Мост, Красная Свобода, Красная Поляна, Красная Степь, Красный Поселок, Красный Городок, Красные Горки, Красный Пахарь, Красное Поле, Красный Октябрь, Спартак,

Свободный Труд, Ильич, Знание, Земнорайская артель, Правда, Демьян Бедный, Процветающий труд, Вольный Запад, Роза, Троцкий, III Интернационал, Ким, Коммунистический, Победа над Капиталом, Миролюбие, Путь, Вперед, Любовь, Моряк, Бедный Пахарь, Липа, Голубь, Альфа, Свет, Новый Труд, Новая Жизнь, Новый Мир, Новый Свет, К. Маркс, Надежда, Благое Дело, Ильич, Имени Троцкого, Покров Труда, Свободный Сокол, Поле Свободы, Заря Свободы, Лебедь, Восток, Передовой, Золотое Поле; Свобода, Пчелка, Веселый, Вольный, Заря, Знамя, Трудолюбие, Новорайский, Друг Народа, Работник Земли и т. п. [Вся Тамбовская губерния, 1923. С. 235–236; Списки, 1927]. Отметим также, что в планах по восстановлению Центрально-Черноземной области, принятых в 1925 г., отдельной строкой выделялось расселение старых сел и создание новых коммун и поселков, что нашло отражение в постановлениях тамбовской власти. Так, например, в планах по Тамбовской губернии на 1925 г. предполагалась организация 108 поселков с 396 дворами [В президиуме губисполкома // Бюллетень Тамбовского губернского исполнительного комитета совета рабочих, крестьянск. и красноарм. депутатов. 22 ноября. № 2. С. 13].

В «Городе Градове» административно-территориальная реформа представлена двумя сельскохозяйственными коммунами: *«Кроме того, одна сельскохозяйственная коммуна, под названием “Импорт”, начала строить железную дорогу, длиною в десять верст. Железная дорога должна соединить “Импорт” с другой коммуной — “Вера, Надежда, Любовь”. Денег “Импорт” имел пять тысяч рублей, и даны они были на орошение сада. Но железная дорога осталась недостроенной: коммуна “Вера, Надежда, Любовь” была ликвидирована губернией за свое название, а член правления “Импорта”, посланный в Москву купить за двести рублей паровоз, почему-то не вернулся»* [Платонов, 1987. С. 277]. Название для своих коммун Платонов позаимствовал с новой карты Тамбовской губернии, где в 1924 г. в Моршанском уезде появился поселок с названием «Импорт», состоявший из 7 дворов и 39 человек [Списки V, 1927. С. 3]. В Козловском уезде с 1921 г. существовала с.-х. артель «Вера, Надежда, Любовь», состоявшая из 12 хозяйств и 53 человек [Списки IV, 1927. С. 20]. В родной для Платонова Воронежской области также были с.-х. артели с именами святых христианских мучениц Веры, Надежды, Любви: с.-х. артель «Вера» (Бобровский уезд), с.-х. артель «Надежда» (Богучарский уезд), с.-х. коммуна «Надежда» (Нижедевицкий уезд), а имя третьей святой, Любви, было перекодировано в названии с.-х. товарищества «Любовь к труду» [Населенные места, 1928]. В реальных топонимах — поселке «Импорт» и с.-х. артели «Вера, Надежда, Любовь» — Платонов меняет их территориально-административную форму: у него и «Импорт», и «Вера, Надежда, Любовь» становятся с.-х. коммунами. Нарушая конкретику (выше мы отмечали, что в Тамбовской губернии с.-х. коммун было меньше, чем артелей), на самом деле Платонов вы-

игрывает в исторической точности. Сельскохозяйственные коммуны — одна из коллективных форм земледельческих объединений, наиболее поддерживаемых советской властью (положение о сельскохозяйственных коммунах было разработано в 1918 г. на Первом Всероссийском съезде земотделов, комбедов и коммун; деятельность с.-х. коммун курировались Наркомземом). В явлении с.-х. коммун первой половины 1920-х гг. нашли свое отражение земледельческо-трудовые идеалы крестьянства, идеи христианского социализма разных его изводов, включая толстовцев и русских сектантов, что запечатлелось в названиях коммун, зачастую имевших религиозную окраску: «Новый Иерусалим», «Истинное жизневедение», «Братский труд», «Добрая воля», «Всемирное братство», «Криница», «На заре новой жизни» и т. п. Ликвидация коммун (этот процесс начался в 1927/1928 гг.) отразила общий процесс укрупнения хозяйств и стала одним из этапов подготовки коллективизации; среди причин также назывались: отсутствие зарегистрированных уставов, наличие в коммунах нетрудовых элементов, эксплуатация религиозных чувств верующих [Петухова, 2008; Гришаев, 1976].

Лишь отметим, что на современной карте Тамбовской области отсутствуют как поселок «Импорт», так и другие приведенные нами административно-территориальные новообразования 1920-х гг. Жизнь этих новообразований, призванных вытеснить традиционные села и деревни, оказалась недолгой.

Другие реальные и созданные фантазией писателя топонимы Градовской губернии появляются в сюжете дел, которые рассматривает по службе Шмаков. Здесь важны не только топонимы, но и описываемая реальность. В первом сюжете фигурирует реальный уездный город Кадом: *«На службе Ивану Федотовичу дали дело о наделении земель потомков некоей Алены, которая была предводительницей мятежных отрядов поценского края в 18-м столетии и которую сожгли за чародейные дела в срубе в г. Кадоме. <...> Дело о землеустройстве потомков Алены тянулось уже пятый год»* [Платонов, 1978. С. 284]. История Алены позаимствована из книги Черменского, где она лишь упоминается в списке народных «суеверий» со ссылкой на «Очерки» И. И. Дубасова, и относится к XVII в.: «Вера в колдовство никем не оспаривалась, и порча “ведовством” часто вызывала судебные процессы. Во время Разинского бунта предводительницу одного из мятежных отрядов, по имени Алена, обвинили в чародействе и сожгли в срубе в г. Кадоме» [Черменский 1, 1926. С. 45–46]. Кадом — один из древнейших городов Тамбовской губернии. Черменский вполне сознательно упростил и подправил историю Алены, изъяв из нее реальные детали, не вписывающиеся в логику пролетарского понимания восстания Разина. Из «Очерков» Дубасова, на которые ссылается Черменский, следует, что Алена не просто одна из предводителей крестьянского бунта, она — «старлица Аленка», т. е. из церковного сословия (скорее, насельница женского мона-

стыря), а потому и называется Дубасовым вместе тамбовскими священниками — «протопопом Данилой, попом Саввой и попом Пименом», не просто участвовавшими в восстании, но и «имевшими влияние на мятежников». Мятежники были разбиты в Кадомском уезде, а их казни состоялись в Темникове: «Особенно изысканная казнь досталась уже указанной нами старице Аленке, которая войско сбирала и билась с государевыми людьми накрепко и имела заговорные письма и коренья. Ее казнили всенародно на Темниковской площади, медленно жгли в срубе» [Дубасов 2, 1883. С. 31–32]. Платонов меняет время событий и опускает в позаимствованном у Черменского тексте исторические «казачьи» детали. Общеизвестно, что восстание Степана Разина началось среди донского казачества, носило социальный характер, но вряд ли его можно было назвать, как это делает Черменский, «рабоче-крестьянским движением» [Черменский 1, 1926. С. 46]. Устраняя из заимствованного у тамбовских краеведов текста параллели с современностью (верхнедонским восстанием 1919 г.), Платонов относит историю Алены к XVIII в., возможно, и потому, что в его замыслах в это время был роман о Пугачеве, с которым в большей степени, чем с восстанием Степана Разина, соотносится Тамбовское антоновское восстание, рожденное протестом против произвола государства в отношении крестьянской жизни. Таким образом, оказывается, что весь этот текст, начиная с якобы реального Кадома, оказывается художественным вымыслом, за которым, однако, стоит филигранно точное описание главного русского аграрного вопроса — вопроса земли, с которым связаны крестьянские восстания не только XVII и XVIII вв., но и XX в. Ну а в самом поручении Шмакову решить не решенное в течение пяти лет «дело» нашел воплощение один из директивных документов Москвы, направленных на решение нерешенных вопросов землепользования — постановление СНК РСФСР от 9 октября 1925 г. «О мерах по улучшению землеустройства». Этим постановлением Наркомату земледелия рекомендовалась «обязать местные земельные органы», во-первых, «неуклонно соблюдать интересы маломощного крестьянского хозяйства», во-вторых, «ускорить прекращение... залежей землеустроительных дел прошлых лет», в-третьих, «обязать... закончить все дела прошлых лет по землеустройству и выдать населению документы по ним не позднее 1 апреля 1926 года» [Официальный раздел, 1925. С. 18].

Следующее «дело», которое рассматривает Шмаков, связано с анархической жизнью жителей поселка Гора-Горушка; резолюция Шмакова: *«Гору-Горушку считать вольным поселением, по примеру немецкого города Гамбурга, а жителей — транспортными хищниками; земли же надлежит у них изъять и передать в трудовое пользование»* [Платонов, 1978. С. 285]. Первоначально у Платонова было: «свободным поселением», этот вариант вошел в пер-

вую публикацию повести (книга «Епифанские шлюзы», 1927), в следующих изданиях появляется новый вариант: «вольным поселением, по примеру немецкого города Гамбурга». *Гора-Горушка* — очевидно, платоновский топоним, составленный из двух реальных сельских топонимов Гора и Горушка, часто встречающихся в среднерусских областях (в дореволюционной топонимике название Горушка носили в основном деревни и хутора). Идиллический характер новообразованному топониму придает его вторая часть, являющаяся уменьшительно-ласкательной формой первой части, а также их соединение в популярной народной песне «На горе, на горушке...». В истории Тамбовской губернии некоторые «наиболее старинные поселения» имели статус «вольного села»: «До конца XVIII в. Рассказово было вольным дворцовым селом <...>, но в 1795 г. Екатерина II отдала его в феодальную собственность» [Черменский 2, 1926]. Понятие «вольного города» сложилось в европейском Средневековье, где наряду с имперскими городами существовали вольные города, независимые от светской и духовной власти, имевшие больше прав и привилегий в области самоуправления. Гамбург принадлежал к числу вольных городов Германии, освобожденных от уплаты налогов императору. В 1920-е гг. с именем Гамбурга связывалось ожидание близкой европейской революции, которая была запланирована на октябрь 1923 г., а столицей немецкой революции стал Гамбург; о гамбургском восстании, жестоко подавленном правительством, писали все центральные газеты; ему посвящена книга Л. Рейснер «Гамбург на баррикадах» (1925).

Последнее «дело», которое рассматривает Шмаков, связано с утопическим проектом жителей хутора с поэтическим именем Девьи Дубравы: *«Далее подалось заявление жителей хутора Девьи Дубравы о необходимости присылки им аэроплана для подгонки туч в сухое летнее время. К заявлению прилагалась вырезка из газеты “Традовские Известия”, которая обнадежила девье-дубравцев: “ПРОЛЕТАРСКИЙ ИЛЬЯ-ПРОРОК. Ленинградский советский ученый профессор Мартенсен изобрел аэропланы, самопроизвольно льющие дождь на землю и делающие над пашней облака...”»* [Платонов, 1978. С. 285]. Топоним *Девьи Дубравы* Платонов придумал и в своей придумке, кажется, учел реальные топонимы Воронежской и Тамбовской губерний. С первой частью топонима соотносятся названия прежде всего родной губернии — села Девица, расположенные на одноименной реке, уезд Нижнедевицкий с уездным городом Нижнедевицк. В названиях сел и деревень Тамбовской губерний кроме топонима Дубрава также встречаются Красная Дубрава, Зарядная Дубрава, Частная Дубрава, Дельная Дубрава, Дубрава Чистая, Зеленая Дубрава, а также село Девица [Список, 2004]. За придуманным воронежско-тамбовским топонимом узнается общая для двух соседних губерний трагическая реаль-

ность, что вычитывается из этого внешне смешного текста методом реального комментария.

Данный фрагмент текста подвергся редактуре уже в рукописи, где первоначально газета называлась «Градовский пролетарий», а ленинградский ученый имел фамилию Ризенкампф. Скорее всего, оба исправления принадлежат Литвину-Молотову, который предложит другую фамилию для профессора: «Марчинсен». Платонов примет оба предложения редактора, несколько изменив вариант фамилии на «Мартенсен». Платонов-мелиоратор не мог не знать работ Г. К. Ризенкампфа, знал это имя и Литвин-Молотов, и, возможно, поэтому предложил заменить настоящую фамилию на вымышленную, а неуступчивый Платонов в этом случае согласился, приблизив звучание фамилии из «заметки» к фамилии его героя-естествоиспытателя Матиссена из повести «Эфирный тракт». Ризенкампф Георгий Константинович (1886–1943) — крупнейший русский мелиоратор и инженер-гидротехник, входил в состав комиссии ГОЭЛРО, автор инженерных проектов оросительных каналов и ирригационных систем, профессор гидротехнических сооружений инженерно-мелиоративного факультета Московского межевого института, директор Ленинградского Научно-мелиорационного института. Особенно часто о работах Ризенкампфа писали в 1924–1925 гг. в связи со страшной засухой в центральных областях страны. В статье известного ленинградского физика, директора Главной геофизической лаборатории «Искусственный дождь» рассказывалось об опытах с облаками, которые ведет в Ленинграде директор Научно-Мелиорационного института проф. Г. К. Ризенкамф: о проекте установок для лабораторных опытов, разработке некоей большой вертикальной двустенной трубы для получения искусственного облака, о намеченных профессором Ризенкампфом опытах осаждения естественных облаков и т. п. Статья открывалась словами неизвестного автора, взятыми в качестве подзаголовка и исполненными абсолютной веры в науку («Туманов больше не должно быть, и дождь, если только есть облака, можно иметь, где понадобится») и завершалась оптимистическим прогнозом, что, если опыты ленинградского ученого дадут положительный результат, то «в союз серпа и молота вступит и меч — в виде воздушного флота в мирное время, — и военные летчики, и военные самолеты будут в мирное время бороться с облаками, заставляя их осаждаться на засыхающие нивы» [Вейберг, 1924].

В заглавии заметки обыгрывается один из базовых принципов антирелигиозной пропаганды: религиозной вере в Бога противопоставлялась наука как главный спаситель человека. В 1920-е гг. была создана целая антирелигиозная серия из небольших книг-брошюр, посвященных разоблачению Илии Пророка и одновременно пропаганде научных знаний: «Про молнию и грозу и пророка Илью» А. Рубинштейна (1925), «Ильин день», «Илья-пророк»

(1924) М. Горева, «Ильин день (электричество на небе и на земле)» (1925) Еси-на, «Колесница пророка Ильи» (1924) проф. Лебедевой, «Гром, молния и электричество» (1925) М. Гремяцкого и т. п. В начале августа, когда отмечается Ильин день (2 августа по нов. ст.), в губернских газетах повсеместно проводилась кампания по разоблачению ветхозаветного Или Пророка, особо чтимого в народе. По народным представлениям, Илья Пророк производит гром и молнию, катаясь по небу в колеснице, запряженной огненными конями; и, если молиться Илье Пророку, то он сойдет со своей колесницы, и тогда пойдет дождь. Так, к примеру, 8 июля 1924 г. в заметке «Ильин день — день электрификации. Разъяснение крестьянам значения электрификации», опубликованной на первой странице «Нашего безбожника» (приложение к «Тамбовской правде»), предлагалось отмечать 2 июля День электрификации и сообщалось, что российский комсомол, находящийся «давно уже не в ладах с божеством», «затекает новую волну: штурм Ильи-пророка»: «В “Ильин день” (2 августа по нов. ст.), когда деревня по старинке и темноте своей до сих пор чтит праздником “грозного” громовержца, решено использовать народное празднество и сделать его днем пропаганды электрификации». В июле 1924 г. в Тамбовской губернии широко отмечались еще два события — создание в губернии «Доброхима» (общества друзей химической промышленности) и праздник Воздушного флота СССР. 16 июля «Тамбовская правда» извещала о создании во всех уездах ячеек «Доброхима» и ОДВФ (Общество друзей Воздушного флота) и решении губернского съезда ОДФР собрать средства на строительство двух самолетов «Тамбовец».

Приведенный материал взят из «Тамбовской правды» лета 1924 г., когда уже было ясно, что засуха и июльский ураган, уничтоживший озимые посевы, предвещают новый голод. «В этом году деревне нужна помощь не для спасения жизни людей, а для спасения крестьянского хозяйства», — так 8 августа 1924 г. формулировалась государственная задача в редакционной статье главной губернской газеты. В засуху 1924 и 1925 гг. в Тамбовской губернии погибли 23,2% (1924) и 27% (1925) всех посевных площадей и начался голод. Засуха затронула и Воронежскую губернию, однако в Тамбовской губернии ситуация оказалась катастрофической. Первая информация о том, что от засухи 1924 г. пострадали 60% процентов посевной площади губернии, появляется в «Тамбовской правде» только в феврале 1925 г.; о голоде — только в июле 1925 г., когда голод достиг апогея и начались массовые голодные смерти. В апреле в губернии работала специальная правительственная комиссия, обследовавшая положение на местах; только после этого тема последствий засухи и массового голода начинает освещаться в местной печати: «...продовольственные ресурсы иссякли. Примерно с начала апреля часть населения стала питаться суррогатами. В конце апреля и в мае правительством оказана

продовольственная помощь, которая охватила беднейшую часть Тамбовской губернии. <...> Крестьянство выбивается из сил. <...> Июнь был тяжелым месяцем, тяжелым будет и июль» [Крылов, 1924].

К 1927 г. в губернии насчитывалось 535 ячеек Авиахима, однако последствия страшной засухи лета 1924 и 1925 гг. так и не были преодолены. Реальный материал, комментарий «от жизни», на наш взгляд, позволяет приблизиться к тому замесу реальности и вымысла, которым рождается «смех сквозь слезы» при чтении «дела» о научно-утопических прожектах жителей хутора с лирическим названием Девьи Дубравы.

Последний топонимический сюжет, на котором мы остановимся, связан с исторической реальностью, отраженной в «Епифанских шлюзах» и имеющей актуальное государственно-политическое значение для 1926–1927 гг. На наш взгляд, этот сюжет имеет отношение к еще одному исторически значимому для Тамбовской губернии уездному городу — Моршанску, выросшему на месте сухоходного села Морша (в Моршанском уезде было село Малая Моршевка):

«Градовцы спешно приступили к рытью канала, начав его в лопухах слободы Моршевки из усадьбы гражданина Моева. Этот канал должен пересечь четыре губернии и кончиться в устье Волги. Канал тот учреждался для сплошного прохода в Градов персидских, месопотамских и иных коммерческих кораблей. О канале Губплан написал три тома...» [Платонов, 1978. С. 302].

Что стоит за этим смешным сюжетом, только ли абсурд, а если абсурд — то есть ли за ним реальное содержание? И почему все-таки канал начинается в выдуманной слободе Морша? Важность этого сюжета подчеркнута тем, что тема строительства канала в Градовской губернии дважды появляется в повести. В первом случае эта тема фигурирует как общегубернский проект возрождения народного хозяйства: *«А сверх того водяной канал в земле до Каспийского моря рыть будем, чтобы персидским купцам повядно стало торговать с градовскими госорганами!»* [Там же. С. 296]. При всей заключенной в обоих текстах иронии и самоиронии в них нашла отражение тамбовская реальность начала 1927 г. — обсуждение на страницах «Тамбовской правды» вопросов местного коммерческого транспорта, актуализированных всесоюзными проектами Волго-Донского канала и Днепростроя. Начало же этому обсуждению положила статья самого Платонова «О дешевом водном пути Черноземного края», опубликованная 12 января 1927 г. на страницах «Тамбовской правды» с редакционной пометой: «В порядке обсуждения». Платонов предлагал рассмотреть «старую для Черноземного края проблему улучшения сухоходных условий Верхнего Дона и главнейших его притоков» как экономическую (дешевый торговый водный путь), мелиорационно-техническую и социальную, включить этот вопрос в общий государственный план восстановления ЦЧО и организовать, «ввиду важности вопроса, в особой комиссии по ЦЧО при Госплане

подкомиссию, или бюро, или группу специалистов, или еще что для полной, всесторонней и срочной проработки этого вопроса, чтобы его можно было уже в чистом виде вносить на рассмотрение куда следует и как следует» [Платонов, 2004. Кн. 2. С. 293–295]. Статья Платонова вызвала живой отклик в местной печати. 4 февраля в разделе «На темы дня (Из статей, поступивших в редакцию)» печатается небольшой обзор читательских предложений с мест: «Вопрос об использовании Дона и его притоков, как дешевого водного пути, поднятый А. Платоновым в № 8 “Тамбовской правды” и затрагивающий экономические интересы ряда губерний, вызвал ряд откликов. “В условиях нашей Тамбовской губернии, — пишет т. Д. Б., — приходится говорить об улучшении судоходных условий рек Дона и Воронежа в Липецком уезде. На территории этого уезда и по соседству с ним, на берегах Воронежа или близко от них, расположен ряд крупных заводов — “Свободный Сокол”, Грязинский известковый завод, Мариупольский винокуренный, Боринский и Рамоньский сахарные заводы. Для всех этих заводов судоходная река Воронеж принесет несомненно громадные выгоды”. Развивая и дальше свои соображения о тех хозяйствах, торговых и промышленных выгодах, которые сулит превращение Воронежа и Дона в доступные для судов реки, тов. Д. Б. не упускает из виду и то обстоятельство, что для осуществления этого проекта нужна колоссальная работа и большие денежные затраты, так как Дон и Воронеж в пределах Липецкого уезда сильно засорены, обмелели и заболочены» [Т-ский, 1927]. Внимательно прочитал статью Платонова и краевед П. Черменский, до того посвятивший в своей книге «Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии» несколько страниц истории судоходства на реках Тамбовской губернии. Его статья «Соединение четырех морей (О Волго-Донском канале)» носила во многом юбилейный характер (200-летие истории проектов канала) и была выполнена в несколько патетической интонации: «...старый вопрос о Волго-Доне стал на путь практического осуществления. <...> После сооружения Волго-Донского канала, в плане работ второй очереди, стоит исправление и усовершенствование подъездных водных путей по Нижней Волге для подвоза нефти и персидских товаров через Каспийское море и по Среднему Дону до Лисок и для подвоза хлеба из Ц.-Черноземной области. Наконец, в перспективном плане третьей очереди может стать задача исправления течения некогда судоходных рек: Донца, Хопра и Верхнего Дона до г. Лебедяни Тамбовской губ. Тогда оживет весь донской край и его хозяйство получит мощный толчок для своего дальнейшего развития. Проблема Волго-Дона шире ее местного значения. Волго-Донской канал соединит непрерывным водным путем все моря, омывающие Европейскую часть нашего Союза» [Черменский 2, 1927].

Примечательно, что в обоих сюжетах, связанных с градовским проектом канала, Платонов, пытаясь снять вопрос редактора, сначала убирал упомина-

ние Персии. Скорее всего, Литвин-Молотов не советовал автору иронизировать по крайне запутанному и одновременно острому восточному вопросу, однако Платонов и в первом, и втором случае возвращает Персию. Это ремарка к собственным идеям мировой революции, в орбите которой вслед за Персией виделась Месопотамия (статья «Новые братья», 1920), и одновременно к современным реалиям отношений СССР и Англии. Градовский проект в целом отражает восточную политику СССР, в которой поддержка освободительной борьбы арабских стран от опеки Великобритании сочеталась с установлением и развитием торгово-экономических отношений, получивших новый импульс в 1926 г. в связи с принятием курса на построение социализма в одной стране. Вопросы торговли СССР с Персией (с 1935 — Иран) и Месопотамией (с 1921 — Королевство Ирак) широко освещались в центральных газетах. Арабские страны действительно искали пути прямой торговли с СССР. В 1925 г. иракские купцы, несмотря на протесты Великобритании, под протекторатом которой находилась их страна, приняли участие в Нижегородской ярмарке [Документы, 1963. С. 539–541]; в 1926 — начале 1927 гг. с первых страниц газет не сходит тема участия Персии в Бакинской ярмарке, которая открылась 10 февраля. Сообщалось, что, несмотря на стремление английской агентуры привлечь Персию к бойкоту торговли с СССР, создание в Персии «бойкотистских комитетов», этот «империалистический замысел» полностью провалился; несмотря на отсутствие торгового соглашения, советское правительство проводило переговоры и пригласило «персидское купечество» на Бакинскую ярмарку, а его участие значительным образом и обеспечило успех ярмарки; подчеркивалось, что персидское сырье не имеет более обеспеченного рынка, чем рынок СССР, а советская промышленная продукция пользуется заслуженной известностью в Персии, что стремление оторвать Персию от СССР «не может уничтожить географических и экономических факторов, связывающих хозяйство Северной Персии с рынками СССР» [Ирандуст, 1927]. В начале XX в. по соглашению 1907 г. между Англией и Россией по вопросу Персии Южная Персия была оккупирована Англией, Северная Персия до 1918 г. находилась в сфере влияния Российской империи. Торговля с Северной Персией осуществлялась по водному пути Каспий — Волга.

Появление в этом государственно-политическом контексте прототипа слободы Морши — Моршанска свидетельствует, что Платонов неплохо знал местнографию тамбовской губернии. Уездный Моршанск в XVIII и XIX вв. являлся одним из лучших хлебных портов губернии и в целом России и одновременно столицей тамбовского купечества, создавшего сам город, жертвовавших на строительство храмов, приютов, учебных заведений: «По статистике справочных изданий Российской империи в конце XVIII — начале XIX века, каждый четвертый житель Моршанска был купцом. В некоторых источниках моршан-

ское купеческое общество называется «моршанским караваном». Его составляли купцы, имевшие в общей сложности до 400 барж, ежедневно отправлявшихся в крупные города России от пристани на Цне. <...> Купцами становились многие крепостные крестьяне Моршанского района [Озарнов, 2010. С. 21]. В связи со строительством в конце XIX в. железнодорожной ветки Ряжск — Моршанск пристань потеряла свою прежнюю роль торгового пути, в 1903 г. она была официально закрыта. Моршанск перестал быть крупным речным портом страны, нереализованными оставались проекты улучшения торговой пристани, которые регулярно печатались в дореволюционных тамбовских журналах.

Таким образом, за придуманной слободой Моршевкой, отмеченной у Платонова символом забвения — лопухом, угадывается не только дореволюционная, но и современная история уездного Моршанска, пережившего в 1920-е гг. череду революционных потрясений и репрессий. Утопический же проект возрождения моршанской пристани в некотором смысле, можно сказать, отражает надежды и иллюзии, связанные не только с нэпом как «национальной экономической политикой» (так прочитывали аббревиатуру «нэп» сменовеховцы), но и с отказом от официальной теории мировой революции. Купечество в реальном Моршанске еще не было истреблено и, как все «испуганные» градовцы, жило надеждой...

Борьба градовских бюрократов за сохранение высокого статуса своей губернии закончится их полным поражением: *«Наконец, через 3 года после начала областной войны, пришло постановление Москвы: “Организовать Верхне-Донскую Земледельческую Область в составе территорий таких-то губерний. Областным городом считать Ворожеев. Окружными центрами учредить такие-то пункты. Градов-город, как не имеющий никакого промышленного значения, с населением, занятым преимущественно сельским хозяйством и службою в учреждениях, перечислить в заштатные города, учредив в нем сельсовет, переместив таковой из села Малые Вершины”* [Платонов, 1978. С. 303].

Сходным образом Москвой наказан в рассказе «Экономик Магов» (1926) «древлерусский» центр Воронежской губернии — уездный город Задонск, где находился знаменитый Задонский Богородицкий монастырь, в котором покоились мощи св. Тихона Задонского (закрыт в 1918 г.): «В бывшем городе Задонске (теперь там сельсовет)...» [Платонов, 2004. Кн. 1. С. 68]. Одновремен-

---

* Сельсовет, сельский совет — первичный орган советской власти; учрежден в ходе ликвидации низших административных и земских органов самоуправления на основании постановления Совнаркома «Об органах самоуправления» (от 24 декабря 1917 г.). Порядок образования и деятельности сельсоветов определен в Конституции 1918 г. и регламентировался последующими законодательными актами. Заштатный город — безуездный город, населенный пункт в Российской империи, пользовавшийся правами города, но не являвшийся центром уезда. То есть статус губернского Градова понижается даже не до уезда (современного района), а до центра прежней волости (современного села с сельсоветом).

но в ходе этой реформы потерял свой статус бывший волостной центр — село Малые Вершины. Еще один придуманный Платоновым топоним, в названии которого обыгрываются реальные названия сел и деревень Тамбовской губернии: Смольная Вершина, Крутая Вершина, Лазинова Вершина, Вольная Вершина и др. [Список, 1904. С. 5, 14, 37].

Повесть написана в марте 1927 г. Тамбовская губерния была упразднена в мае 1928 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР. В новообразованную Центрально-Черноземную область (ЦЧО) с центром в Воронеже вошли Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии. Платонов «ошибся» на год, но при этом в целом точно описал направление и масштаб территориально-административной реформы, направленной на создание крупных областей (решение о новом территориальном делении страны было принято в 1923 г.). Центрально-Черноземная область фигурировала во всех правительственных планах 1925–1927 гг.; в ее состав включались Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская губернии, иногда — Пензенская и Рязанская, а в качестве областного центра в различных официальных документах назывался Воронеж. Может быть, и поэтому в последней главе «Города Градова» имеется неснятое противоречие: упоминаются то четыре, то пять губернских городов, ведущих борьбу за право стать столицей новой области. Но еще раз повторим, что Платонов воссоздал в повести в истории губернского города Градова идеологию и общий масштаб административно-территориальной реформы 1920-х гг.⁵ и одновременно создал литературный памятник легендарной Тамбовской губернии.

Уже в ходе районирования 1923 г. Тамбовская губерния изменила свои очертания (были отсоединены полностью три северных уезда и одновременно присоединены 12 волостей Новохоперского уезда Воронежской губернии). В результате губерния уменьшилась в размерах (в новых границах ее площадь составила 41074 кв. версты вместо прежних 58000 кв. верст: [Ноаров 1, 1925. С. 45] и уже начала терять самостоятельный административно-территориальный статус. В 1924 г. прошло волостное и уездное районирование (вместо 7 уездов создано 6, вместо 265 волостей — 91); за ним последовало областное районирование, которое рассматривалось как «подготовительная работа» к созданию Центрально-Черноземной области, в которой из Тамбовской губернии «намечены к созданию 3 округа: Тамбовский, Борисоглебский и Козловский» [Ноаров 2, 1925. С. 47]. Суть реформы объяснялась на страницах печати: «Укрупнение волостей имело целью создать законченную низовую ячейку советской власти» [Сперанский, 1924]. Однако уже к концу 1925 г. обнаружили, что необходимо вносить существенные коррективы в проведенное укрупнение волостей, в ходе которого разукрупнились и сокращались сельсоветы, а население оказалось оторванным от своих органов управления [Слинько, 1925]. Специальным совещанием губисполкома рекомендовалось,

сохраняя общие принципы реформы, «приступить к полному выявлению недостатка укрупнения волостей» и провести в ряде случаев «разукрупнение Сельсоветов» и т. п. [Резолюции, 1925. С. 17]. И т. д., и т. п.

В ходе административно-территориальной реформы были созданы, как мы уже отмечали, десятки новых поселений с названиями, отвечающими пафосу заглавия главного труда платоновского Шмакова: «Советизация как основа гармонизации вселенной» [Платонов, 1978. С. 312]. Результаты реформы и топонимической революции отразил справочник «Населенные пункты ЦЧО» (1932), по которому весьма трудно найти прежние села, волости и уезды, как и прежние топонимы со словом «красный» в значении «красивый». Красный цвет здесь нужно понимать только как цвет революции и красного знамени. На карте ЦЧО 1932 г. мы находим: Красных Дубрав — 14, Красных Гор и Красных Горок — 17, Красных Нив — 20, Красных Полян — 36, Красных Роц — 8, Красных Звезд — 27, Красных Зорь — 32, Красных Слобод — 10, Красных Деревень — 4, Красных Усадеб — 1, и т. п. [Населенные пункты, 1932. С. 273–275]. В справочнике нет указаний на старое название, и, как мы уже отмечали, не так просто по нему найти сами реальные прежние поселения бывшей Тамбовской губернии, но по нему можно (и нужно) изучать источники топонимического хаоса и абсурда, запечатленные большой русской литературой. Наиболее зримо драматические последствия смены топонимики родного края первого советского десятилетия высвечивают дореволюционные издания списков населенных пунктов Тамбовской губернии, в которых указывалось официальное и местное название селения, изменение его названия, принадлежность (государственное или имя помещика-владельца). Эти справочники являются уникальными энциклопедиями жизни народа, его быта, верований, духовных, этических и эстетических ценностей и, конечно, народной фантазии. За каждым топонимом — своя родная «легенда местности» (определение Н. Анциферова). Вот лишь некоторые из названий сел, деревень и хуторов, взятые нами из книги «Список сельских обществ и частей селений Тамбовской губернии» (Тамбов, 1904): Ивановка, Новопавловка, Радостная, Божий Дар, Зеленая Дубрава, Чертовкин Хутор, Архангельское, Красно-Градская слобода, Вольная Вершина, Чащинские Дворики, Лебяжье Озеро, Троицкое, Любезное, Рождественское, Грязнушка, Громушка, Красное, Покровская, Приятная, Красивая, Желанная, Вишневое, Новоселье, Доброе, Колыбелька, Миролюбовка, Чудная, Веселая, Родимая, Красивка, Сумерки, Девица, Малая Матренка, Добродушная, Красный Холм, Лесные Цветы, Невеличка, Завидная, Городок, Пеньки, Марьинка, Шишкино, Мыс Доброй Надежды, Просяная Поляна, Солдатская Двойня, Малые Мочилы, Плетни, Большие Прудищи, Голодай, Козьмодемьяновское, Богохранимое (ая), Чернавка, Богословка, Подсосенки, Грушевка... [Список, 1904. С. 7–307].

Примечания

¹ О пушкинских контекстах тамбовского периода жизни и творчества А. П. Платонова см. подробно: *Корниенко Н.* Андрей Платонов по его письмам // Платонов, 2013. С. 15–33.

² На эту параллель впервые указал Т. Лангерак (см.: Лангерак, 1995. С. 159).

³ Впервые на использование книги Черменского при создании «Города Градова» указала И. Матвеева (см.: Матвеева, 2000. С. 504–506).

⁴ В приведенных по данному источнику цитатах из «Города Градова» сняты редакторские исправления.

⁵ Впервые на отражение в повести «Город Градов» государственных планов районирования страны указал Т. Лангерак (см.: Лангерак, 1995. С. 152). Подробно политические и краеведческие контексты административно-территориальной реформы 1920-х гг. и их отражение в литературе рассмотрены в монографии Д. Московской (см.: Московская, 2010. С. 170–182).

Список литературы и источников

Вейберг Б. П., проф. Искусственный дождь // Тамбовская правда. 1924. 6 сент. С. 4.
В президиуме губисполкома // Бюллетень Тамбовского губернского исполнительного комитета совета рабочих, крестьянск. и красноарм. депутатов. 22 ноября 1925 года. № 4. С. 12–13.

Вся Тамбовская губерния на 1923 год. Тамбов, 1923. 530 с.

В. Я. Среди книг // Смена. 1927. 17 сент. С. 3.

Гришаев В. В. Сельскохозяйственные коммуны советской России. 1917–1929. М. : Мысль, 1976. 188 с.

Гурвич А. Андрей Платонов // Красная новь. 1937. № 10. С. 193–233.

Документы внешней политики СССР. Т. VIII. М. : Гос. изд-во политич. лит., 1963. 865 с.

[*Дубасов И. И.*] Очерки из истории Тамбовского края. Исследование И. И. Дубасова. Вып. 1. М. : Типография Елисаветы Гербек, 1883. 263 с.

[*Дубасов И. И.*] Очерки из истории Тамбовского края. Вып. 2. Исследование И. И. Дубасова. М. : Типография Елисаветы Гербек, 1883. 151 с.

[*Ирандуст.*] Персия на перепутье // Правда. 1927. 16 марта. С. 2. Подпись: *Ирандуст.*

Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 2. СПб. : Златоуст, 2014. 592 с.

Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии / издание Тамбовского Губстатотдела. Тамбов : [б. и.], печ. 1927 (тип. «Пролетарский светоч»). 227 с.

[*Крылов С.*] По тамбовским полям. Статья т. С. Крылова — члена комиссии центра, обследовавшей состояние посевов и продовольствия Тамбовской губ. // ТП. 1925. 4 июля. С. 2, 6.

Курточкин П. Т. Кустарно-ремесленная промышленность в сельских местностях Тамбовской губернии по данным обследования 1925 года // Бюллетень Тамбовского губернского статистического бюро № 8. 1 июля 1926 года. Тамбов, 1926. С. 1–33.

Кученкова В. Святители Тамбовской епархии. М. : Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. 110 с.

Лангерак Т. Андрей Платонов. Материалы для биографии. Амстердам : Пегасус, 1995. 274 с.

Майзель М. Ошибки мастера // Звезда. Л., 1930. № 4. С. 195–202.

Матвеева И. Тамбовские реалии в повести «Город Градов» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. М. : ИМЛИ РАН ; «Наследие», 2000. С. 503–509.

Московская Д. С. Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг. М. : ИМЛИ РАН, 2010. 432 с.

Населенные места Воронежской губернии / ред. А. А. Сахаров. Воронеж, 1928. 340 с.

Населенные пункты ЦЧО. Воронеж : Коммуна, 1932. 357 с.

Ноаров В. Я. Тамбовская губерния в новых границах с характеристикой районов отделенных и вновь присоединенных // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. 1925. № 1. С. 45.

Ноаров В. Я. Внутригубернское районирование Тамбовской губернии 1924 года // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. 1925. № 1. С. 47.

Озарнов И. А., Федосеева Н. Л., Левин О. Ю. Моршанск православный. Тамбов, 2010. 328 с.

Официальный раздел // Бюллетень Тамбовского губернского исполнительного комитета совета рабочих, крестьянск. и красноарм. депутатов. 4 ноября 1925. № 1. С. 18–19.

Петухова Т. В. Коммуны и артели толстовцев в советской России (1917–1929 гг.). Ульяновск : УлГТУ, 2008. 124 с.

Платонов А. Город Градов // Платонов А. Избр. произв.: в 2 т. Т. 1. М. : Художеств. лит., 1978. С. 274–304.

Платонов А. Сочинения. Т. 1. В 2 кн. М. : ИМЛИ РАН, 2004. Кн. 1. 645 с.; Кн. 2. 511 с.

Платонов А. «...Я прожил жизнь» : письма. 1920–1950 гг. М. : Астрель, 2013. 685 с.

Покровский М. И. Троице-Сергиева Лавра // Антирелигиозник. 1926. № 6. С. 40–47.

Резолюции 2-го Губсовещания по советскому строительству // Бюллетень Тамбовского губернского исполнительного комитета совета рабочих, крестьянск. и красноарм. депутатов. 15 декабря 1925 года. № 4. С. 16–17.

Рябцев А. Тамбов на карте генеральной... // Наша газета. 11 мая. С. 3.

[Симка.] Глушинские дни // Смена. Л., 1926. 11 июля. С. 3. Подпись: Симка.

Слинько И. Разукрупнение сельских советов // Бюллетень Тамбовского губернского исполнительного комитета совета рабочих, крестьянск. и красноарм. депутатов. 15 декабря 1925 года. № 4. С. 2–8.

Сперанский. Пригородно-Лебедянский волисполком // Тамбовская правда. 1924. 19 сент. С. 2.

Списки населенных мест Тамбовской губернии (по данным Всесоюзной переписи 1926 года). Вып. I–V. Тамбов, 1927.

Списки населенных мест Тамбовской губернии (по данным Всесоюзной переписи 1926 года). Козловский уезд. Вып. IV. Тамбов, 1927. 33 с.

Списки населенных мест Тамбовской губернии (по данным Всесоюзной переписи 1926 года). Моршанский уезд. Вып. V. Тамбов, 1927. 41 с.

Список сельских обществ и частей селений Тамбовской губернии. Тамбов : [б. и.], печ. 1904 (типо-литография Н. Бердоносова и Ф. Пригорина). 310 с.

Т-ский. О водном пути черноземного края // Тамбовская правда. 1927. 4 февр. С. 4.

Черменский П. Н. Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии. Вып. 1. Тамбов, 1926. 87 с.

Черменский П. Немного из истории Рассказова // Тамбовская правда. 1926. 17 окт. С. 3.

Черменский П. Прорывать ли ежегодно плотину или устроить водоспуск? // Тамбовская правда. 1927. 17 марта. С. 4.

Черменский П. Соединение четырех морей (О Волго-Донском канале) // Тамбовская правда. 1927. 27 февр. С. 2.

Шубин Л. Градовская школа философии // Андрей Платонов: Мир творчества. М. : Современ. писатель, 1994. С. 212–226.

УДК
908 Краеведение
929 Биографические и подобные исследования
93/94 История

Е. Б. Белодубровский

Белодубровский Евгений Борисович, библиограф, член Союза писателей Санкт-Петербурга, член Координационного Санкт-Петербургского союза ученых. Санкт-Петербург, Проспект культуры 17-10; profnnp@mail.ru

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ, СИГУРД ШМИДТ, НИКОЛАЙ АНЦИФЕРОВ И ЕГО КОРОЛЕВСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ПРИНЦ ЧАРЛЬЗ УЭЛЬСКИЙ (ИЗ ЗАПИСОК ЛИТЕРАТУРНОГО СТАРАТЕЛЯ)

Аннотация

Статья посвящена истории увековечения памяти Н. П. Анциферова в Санкт-Петербурге, рассказывает о мемориальных вечерах авторской литературной программы Е. Б. Белодубровского, участниках и темах этих вечеров. В центре внимания автора — значение личности выдающихся ученых Д. С. Лихачева и С. О. Шмидта в сохранении исторической памяти города. Статья сопровождается публикацией графоведческого доклада Д. С. Лихачева, прозвучавшего в рамках программы «Былое и думы».

Ключевые слова

Н. П. Анциферов, Д. С. Лихачев, С. О. Шмидт, историческая память, петербурговедение, пушкинистика, Пушкинский Дом, публикация, литературно-мемуарная программа «Былое и думы»

В моем домашнем архиве свято хранится текст выступления Дмитрия Сергеевича Лихачева 26 октября 1993 г. в Санкт-Петербурге в переполненном Белоколонном зале Аничкова Дворца на юбилейном (№ 100) вечере моей авторской литературно-мемуарной программы «Былое и думы». Это всего-то шесть неполных страничек, напечатанных под копирку слепым немодным шрифтом на домашней портативной пишущей машинке «Оптима» — капля (крупница) в море объемного печатного, рукописного и эпистолярного наследия Дмитрия Сергеевича, тщательно охраняемого семьей, государством, архивами, фондами и институтами его имени, обладателями копирайта... Больше того, этот текст (с некоторыми изменениями и сокращениями) был после

1993 г. многожды напечатан (дважды просто с моей подачи в 2006 г. в газете «Невское время» и отдельно — властями в 2007 г.). Вошел он и в знаменитый сборник: Лихачев Д. С. Русская культура (М., 2000. С. 175–183); опубликован на ленте Фонда Д. С. Лихачева (likhachev.fond.spb.ru). Я совершенно уверен: будь Лихачев сейчас с нами, никакой проект, подобный пресловутой «башне Газпрома» на месте крепости Ниеншанц, «новой сцене» Мариинки, искажившей напрочь панораму Крюкова канала, и подобных им уродливых высок, стекляшек и мансард над крышами на Невском — не прошел бы даже и в зачатые. Ибо судьба городской среды и окраин Петербурга были постоянно предметом особой заботы и тревоги Дмитрия Сергеевича. Таким же авторитетом для Москвы обладал недавно ушедший от нас академик, краевед РАО безупречный Сигурд Оттович Шмидт, один из первейших (наравне с Лихачевым) горячих поклонников идей Николая Павловича Анциферова, ближайший соратник Дмитрия Сергеевича по Российскому Фонду Культуры.

Хорошо помню разговор Сигурда Оттовича с Лихачевым в его кабинете в Пушкинском Доме. Речь шла о Новом Арбате и о Невском Проспекте. Шмидт искал совета, сомневался, упоминался и Анциферов. И мне, заядлому и запальчивому петербуржцу, было удивительно и даже странно, как добро и убедительно Дмитрий Сергеевич «взял» именно сторону Москвы, нового Арбата, как он на возражения Шмидта заметил, что Невский, Литейный, Лиговка, острова уж слишком по статусу официальные, старомодны и zagrożены именами классиков и подобных перемен не переживут... И таких встреч этих двух людей на моей памяти было немало...

И вот наступил тот сотый, октябрьский номер программы. Мы назвали его «Небесная линия города на Неве». Как известно, этот классический термин был введен в градостроительную науку Дмитрием Сергеевичем; он считал его удачным и единственно верным девизом для невской панорамы Петербурга, задуманной еще его первостроителями. Впервые он был придан огласке самим Лихачевым как заголовок своей большой статьи о градостроительстве в 1989 г. в одном из первых номеров журнала «Наше наследие».

100-й вечер! Было отпечатано ровно сто пригласительных билетов с невьскими стихами К. Вагинова на обороте и стандартная (по типу театральной) афиша с именами ожидаемых участников и гостей. И первым — заглавными буквами — горело имя академика Лихачева. И вот этот день пришел. Все собрались и в зале, и за столом, где заняли свои места: Дмитрий Сергеевич, композитор Сергей Михайлович Слонимский, художник, ректор Академии Художеств — наш непосредственный начальник по ленинградскому отделению фонда культуры — Андрей Сергеевич Мыльников...

Постоянный ведущий «Былого...», остроумнейший профессор физики нашего университета Никита Алексеевич Толстой открыл вечер веселым спичем о пользе и авторитете устных воспоминаний. Но неожиданно этот «тон» слегка нарушил Дмитрий Сергеевич... Он достал из кармана «Вечерку» («Вечерний

Ленинград»), развернул ее перед собой и начал тихо и твердо: «Вчера мне стало известно об акции, которая глубоко меня взволновала. Что это за акция, вы поймете потом. А сейчас я хочу только сказать, что она касается Петербурга».

И тут многие из нас сразу поняли, что речь идет об инициативе ведущего архитектурно-проектного института города и одного из депутатов ЗАКСа из властных партийных структур воздвигнуть (уверен — от безделья) в устье реки Смоленки на Васильевском острове небоскреб «Петр Великий» высотой аж под 120 метров, который резко нарушит классическую панораму города, его «небесную линию»...

И чтобы на корню лишить эту инициативу реальности, Дмитрий Сергеевич остроумно, достойно, академически разбил в пух и прах этих доброхотов, призвав в защитники сначала того же Петра Великого и «на посошок» — Принца Чарльза Уэльского... Через несколько дней ко мне в Думу на Невский (где был наш фонд) посыльный от Дмитрия Сергеевича принес эти вот бисерные странички — копии текста своего выступления с устным комментарием: сохранить как документ и «чтобы в будущем — не перевертали»...

Д. С. Лихачев

Градостроительные проекты Петра

(Выступление на юбилейном вечере литературно-мемуарного цикла Санкт-Петербургского фонда культуры «Былое и думы» 26 октября 1993 г.)

Я никогда не думал, что, родившись в Петербурге, я снова окажусь в нем.

Городу не просто возвращено его прежнее название. Он снова возвращается к своей исконной сущности, хотя до полного возрождения его европейского характера еще далеко.

Каким гениальным градостроителем был Петр! О том, что он был гениален в других областях, всем хорошо известно. Но никто не обращал внимания на то, что он был гениален градостроительно.

Почему наш Петербург расположился в неудобном, казалось бы, для города месте — в устье Невы, где, для того чтобы пройти по побережью, надо пересечь несколько рек и каналов — Большую Неву, Малую Неву, Большую Невку, Малую Невку, Фонтанку, Мойку? Почему Петр не построил этот город где-нибудь около Финляндского вокзала или Смольного, где традиционно и ставились города — Ниеншанц, например? Там переезд с одного берега на другой был бы значительно короче. Традиционно все города ставились тут, в течение более чем тысячелетия, — на этой одной только реке, а не на десятках рек, которые впадают в Финский залив.

Почему это было сделано Петром? Потому что Петр думал о столице, о столице торговой. Ему нужны были набережные. Поэтому если вы сравните Петербург с любой другой столицей Европы, да и не только Европы, почти

все они расположены на реках. Но река не занимает там доминирующего положения. Лондон — на Темзе, Париж — на Сене... Понятно, почему города возникали на реках. Реки — торговые пути.

Но в отличие от всех других столиц Петербург расположен на нескольких десятках рек, тогда существовавших и после частично засыпанных.

Если вы взглянете на то, как устроены реки в столицах Европы, то увидите, что по большей части вначале, в средние века, они были устроены без набережных. Дома уходили прямо в воду — так, как сейчас в Венеции, частично — в Лондоне, где только богатая парадная часть города имеет набережную, набережные проезды.

В Петербурге, в отличие от всех этих городов, набережные проезды идут по всем рекам. Это — десятки верст набережных. Поэтому все пристани — военные, торговые и т. д. — могли свободно размещаться на огромном пространстве. Петр изменил традициям этой местности и не стал строить Петербург около Ниеншанца, а расположил этот город на таком, казалось бы, неуместном месте, но на самом деле на очень удобном для будущего.

Это было сделано с расчетом на столетия вперед.

Есть еще одна особенность Петербурга — то, что он расположен на абсолютно плоской местности. Когда я первый раз юношей приехал в Москву, меня поразило, что нужно идти то вверх, то вниз. Я не привык чувствовать под ногами почву. Для меня в Петербурге мостовые и тротуары были как бы полом, незаметным в движении. Ни вверх, ни вниз ходить не приходилось.

И Нева так же точно не является рекой. Это — проток от Ладожского озера к Финскому заливу, к Балтийскому морю. И проток этот ясно отмечен еще в «Повести временных лет».

Там сказано, что Ладожское озеро впадает в море Балтийское. Значит, Нева не рассматривается как река. Действительно, в ней нет речного режима. Когда я спросил академика Берга, почему произошла такая ошибка в «Повести временных лет» (академик Греков считал, что летописцы не знали севера, не знали, что существует Нева), Берг ответил: они знали лучше, чем академик Греков, — это действительно не река, а впадение озера; на Неве нет речного режима воды, нет разливов весной, осенью, вода держится всегда на одном уровне, кроме двух месяцев сентября и октября, когда могут быть нагонные волны со стороны моря. Но это не обычные речные подъемы воды.

В Петербурге все основные линии горизонтальные из-за плоскости земли и из-за плоскости и постоянства уровня воды. Первый горизонт абсолютно точный — это горизонт соединения набережных с водой. Второй горизонт — это верх набережных, которые все идут на одном уровне, не поднимаясь и не опускаясь, причем довольно низко. Третья горизонтальная линия — это горизонтальная линия крыш домов, слегка неровная.

Одним словом, Петербург подчинен горизонтальным линиям. Если в нем есть вертикали, то это — перпендикуляры, возведенные к горизонтальным линиям. Это — три шпиля: Адмиралтейский, Петропавловский и Инженерного замка. Они подчеркивают горизонтальность Петербурга.

Этим же объясняется и прямизна петербургских улиц, потому что в гористой, неровной местности нельзя сделать таких прямых улиц, какие существуют в Петербурге. Прямизна всей планировки связана с этим же. Это единая система Петербурга, которой не имеет ни один город.

И вот возникает вопрос. В течение двухсот лет действовал закон, установленный еще Петром: строить все не выше Зимнего дворца. Это подчеркивало третью линию горизонта, волнистую, но все-таки никогда не превышавшую уровень Зимнего дворца, во всяком случае, в центре. Поэтому появление куполов — скажем, Исаакиевского собора — тоже должно быть оправдано. Но это характерная черта столиц. Это характерно так же, как для Рима — купол св. Петра, как для Лондона — купол собора Павла. Это характерно и для тех городов, где высятся готические здания с двойными башнями — как в Париже Нотр-Дам.

И вот первым в европейской науке, кто обратил внимание на необходимость этого правила горизонтальных линий, был принц Уэльский Чарльз. У него, между прочим, было прекрасное выступление о красоте Праги. Он приехал в Прагу после войны один только раз для получения степени почетного доктора Карлова университета и лекцию свою посвятил Праге, красоте этого города, анализу этой красоты.

Принц Чарльз выпустил книгу «A Vision of Britain», которую я бы мечтал видеть изданной у нас. Издать ее сейчас нелегко — она вся в цвете. Кстати сказать, принц Чарльз — акварелист. Он изобразил акварелью и воображаемые планировки городов, и существующие. Он подобрал фотографии со своими исключительно интересными замечаниями и сделал снимки старого Лондона и Лондона, испорченного высотными зданиями. Эти снимки расположены в книге параллельно: вот — старый Лондон, вот — Лондон, в котором уже купол собора святого Павла потерян и из-за высотных зданий представляет собой бесформенную массу.

После этого англичане, у которых нет склонности устанавливать какие-либо законы или ограничивать свободу владельцев участков, перестали строить высотные здания в Лондоне. Там, где есть потребность в многоэтажных зданиях, их прячут под землю. Правда, Лондон уже испорчен. Испорчен уже Париж, особенно Монпарнас, этими безобразными зданиями, которые нависли над городом больше, чем Эйфелева башня.

Дело в том, что Эйфелева башня не так портит Париж благодаря своей неархитектурности. Ведь и в Петербурге мы не обращаем внимание на трубы,

которые иногда высятся над зданиями. Это не архитектура. Любуясь нашим городом, мы как бы исключаем эти трубы, телевизионную мачту и так далее. И Эйфелева башня поэтому не царапает наше чувство красоты в той мере, в какой царапают высотные здания, потому что эта ажурная башня не воспринимается как архитектурное сооружение.

В упомянутой книге принца Чарльза изложены десять принципов градостроительства, очень важных, особенно для нашего города.

Между прочим, эти принципы актуальны сейчас еще вот почему. Это — принципы «демократической архитектуры». Отдельные принципы говорят, что архитектор, берясь за черчение нового здания, за его планировку, должен прежде всего представлять себе, понравится или не понравится это здание тем, кто будет в нем жить. Он должен уважать мнение простых горожан. Он строит здание не для архитекторов, а для жильцов и для горожан. Этот принцип у нас совершенно отвергается. У нас в градостроительстве принцип тиранический, то есть архитектор строит свои здания потому, что он — специалист и знает, как лучше сделать. Он знает, как будет красиво. Принц Чарльз считает такой принцип недопустимым, неправильным. Кроме того, у него еще есть целый ряд других соображений, например такое: очень полезными в архитектуре бывают дилетанты — в качестве дилетанта он приводит самого себя, поскольку не имеет, в отличие от других английских королей, архитектурного образования. Дело в том, что король Георг III и другие английские короли имели в своем учебном плане такой предмет, как архитектура. Принц Чарльз обучался уже по новой программе, и вкусу его учила королева-мать, не Елизавета II, а его бабушка, которой он, кстати сказать, и посвятил свою книгу.

Вчера в «Вечернем Ленинграде» опубликована статья о том, чтобы украсить город еще одним «чудом» — высотным зданием на реке Смоленке. Это полное непонимание того города, в котором живешь, тех ощущений, которые он вызывает. Что, собственно, нужно в Петербурге? В Петербурге не нужно никакой специально новой архитектуры. В Петербурге нужна «дополнительная архитектура», то есть та, которая в какой-то мере была бы согласована с традиционной архитектурой нашего центра, с исторической архитектурой. Петербург не нужно переделывать. Его идеи не нужно переделывать. Они заложены Петром, и заложены гениально. Как же быть с увеличением населения в городе?

По этому поводу я уже высказывался в печати. Я считал и считаю, что нужно перестать расширять Москву, Петербург, потому что окраины тогда задавят центр, что все строительство должно быть направлено из Москвы в сторону Петербурга, а из Петербурга — в сторону Москвы по скоростной линии, которая и заложена. Мэрия города пригласила меня на закладку этой скоростной линии, которая сможет разгрузить город, потому что жители городов и станций, расположенных по скоростной линии, смогут приезжать

сюда в музеи, в театры и не чувствовать себя провинциалами. Идея скоростной линии, которая была предложена мной лет десять назад, постепенно была принята. И теперь скоростная линия строится. Таким образом, отпадает необходимость в еще дополнительных линиях вокруг города.

В заключение хочу вернуться к Петру. Основывая Петербург и закладывая его градостроительные принципы, Петр сделал одну гениальную вещь, которую мы тоже должны помнить. Приблизительно в 15–20 верстах от города, одновременно с закладкой самого города, он закладывает Петергоф, Стрельну, Ораниенбаум. Он закладывает кольцо пригородов. Если во всех больших городах пригороды обычно фабричные и въезд в города всегда представлял собой хаотическую, безобразную картину, то Петербург закладывался с кольцом дворцов и парков. Петр не был во всем новатор. Многие его принципы, которые считаются новаторскими, были уже в Древней Руси. В частности, если проследить градостроительные принципы, заложенные Петром в Петербурге, они воспроизводят принципы Новгорода. Ведь все русские города строятся на одной стороне реки, на высокой стороне. Так заложены Киев, Москва, Путивль, Кострома, Ярославль и т. д. На двух сторонах реки одновременно заложен только Новгород в Древней Руси. И он в какой-то мере был предшественником Петербурга, потому что он тоже, как Петербург, стоял на великом торговом пути «из Варяг в Греки». И вокруг Новгорода существует кольцо монастырей. Это уже древнерусский градостроительный принцип. Так построен Псков и любой другой древнерусский город: приблизительно в 10–15 верстах от него идет кольцо монастырей. В Новгороде это кольцо частично сохранилось. Этому кольцу монастырей в петровском Петербурге соответствовало кольцо дворцов и парков. Поэтому сейчас очень важно сохранить город в тех размерах хотя бы, в которых он существует на сегодняшний день. Защищать пространство между Петербургом и Петергофом, между Петербургом и Царским Селом ни в коем случае нельзя. Это нарушение градостроительного принципа, заложенного Петром.

Если мы любим свой город, мы должны сохранять облик города, созданный в значительной мере при его закладке великим Петром. В первую очередь мы не должны строить высотные здания, от которых уже отказались многие градостроители в Европе.

Будем следовать заветам Петра Великого.

Перехожу к заключению и возвращаюсь к тому, с чего я начал.

Нашему городу возвращено его историческое название — Петербург. А вместе с этим историческим названием мы можем надеяться на полное возвращение его культуре его европейского характера со всеми европейскими ценностями: личностным характером, универсализмом, восприимчивостью к другим культурам, терпимостью к чужим убеждениям, свободой, открытым выходом в Европу и свободным входом к нам.

Е. Н. Чернявская

Чернявская Елена Николаевна, кандидат архитектуры, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Москва, ул. академика Королева, д. 2; enisch@yandex.ru

САКРАЛЬНЫЕ ОСИ МОСКВЫ

Аннотация

Рассматриваются градостроительные оси Москвы трех периодов: дворянского (представлен осями подмосковных усадеб), сталинского (представлен осями высотных зданий) и современного (представлен осью новой Москвы). Устанавливается их материальное воплощение и сакральное значение. Предлагается использовать анализ осевых построений как исследовательский метод изучения намерений их создателей в другое время и на других территориях.

Ключевые слова

планировочная ось, дворянские усадьбы, сталинские высотки, масоны, Москва, Украина

Объектом рассмотрения являются осевые построения — планировочные оси, которые широко используются в архитектуре и градостроительстве. Речь пойдет об осях-векторах, то есть осях, которые имеют направления. Термин «сакральные» используется в том смысле, что эти оси связаны с некой тайной, они метафизичны, иррациональны. Рассматриваются оси трех периодов — дворянского, сталинского и современного (XXI в.).

Дворянский период представлен комплексом из четырех таких осей, направленных на колокольню Ивана Великого. Это оси ближайших подмосковных усадеб Останкино, Петровское-Разумовское, Покровское-Стрешнево и Фили-Покровское, которые принадлежали дворянам самого высокого ранга — Шереметевым, Разумовским, Стрешневым и Нарышкиным. Информация о направлении осей двух первых усадеб зафиксирована в литературных источниках, направление двух других осей выявлено автором в процессе изучения подмосковных усадеб. Подробная информация об этих осях представлена на конференции Общества изучения русской усадьбы и напечатана в ее сборнике [Чернявская Е. Н. 2014. С. 303–310].

Для усадеб Нового времени ось — это художественная норма, с помощью осевых построений создавались усадьбы, усадебные парки и здания. Здесь

же подчеркивается, что для этих четырех усадеб планировочная ось несет не только художественную, но и идеологическую нагрузку. Она определяет направление усадеб на Ивана Великого — традиционный символ отечественной государственности. Таким способом владельцы усадеб, очевидно, подчеркивали свою причастность к государственной деятельности и выражали верноподданнические чувства. Рассмотрим эти оси.

Планировочная ось усадьбы Останкино, направленная на Ивана Великого, была создана Николаем Петровичем Шереметевым в 1790 г. Эта композиционная ось фиксируется парковой аллеей, центром дома, входом на парадный двор, далее за прудом она продолжалась просекой в Марьиной роще, которая входила в земельные владения Шереметевых. В конце просеки через поле и Камер-Коллежский вал открывался вид на Ивана Великого. Еще лучше государственный столп виден в створе просеки с бельведера усадебного дома. Этому виду придавалось большое значение, он запечатлен на гравюре 1797 г. Сохраняется он и ныне. Широко известна легенда о том, что эта просека была создана специально для приезда в усадьбу императора Павла I. Но просека (ныне Шереметевская улица) не предназначалась для проезда. На старых планах Москвы видно, что подъезд к усадьбе от Троицкой заставы Камер-Коллежского вала осуществлялся по дороге через деревню Марьино или село Алексеевское [Топографическая карта... 1818 г.; Топографическая карта... 1848 г.]. Общая длина оси составляет около девяти километров, в том числе один километр проходит по территории усадьбы (регулярный и пейзажный парки и двор) и один километр — через Марьину рощу.

Аналогичным образом организована усадьба Покровское-Стрешнево. Строитель существующего усадебного дома Петр Иванович Стрешнев в 1766 г. поставил его таким образом, что его поперечная планировочная ось, продолжаясь в сторону Москвы, ориентирована на Ивановский столп. Ось дома совпадала с осью находящегося за домом регулярного парка, а в сторону Кремля, за прудом была посажена аллея, которая подчеркивала направление композиции, что хорошо видно на старых планах Москвы [Там же]. Когда появилась эта аллея, неизвестно, возможно, в середине XVIII века, вместе с домом, или при Елизавете Петровне Глебовой-Стрешневой, при его перестройке в конце века. Известно о тщеславных попытках хозяйки разными путями подчеркнуть родство с правящим домом. Общая длина оси составляет 12 км. Из них 400 метров проходит по территории самой усадьбы и 400 метров было выдвинуто в направлении Ивана Великого в виде аллеи.

Еще две усадьбы, связанные планировочной осью с Иваном Великим, — Петровское и Фили — организованы так, что ось проходит не через главный дом, а через храм. Великолепные храмы московского (нарышкинского) барокко, с ярусом звона в венчающей части, были построены в усадьбах, принад-

лежавших Льву Кирилловичу Нарышкину. Оба появились после стрелецкого бунта 1682 г.: в Петровском — в 1691 г. как поминальный, в Филях — между 1689 и 1694 гг. как обетный. Они являлись вертикальными доминантами обширного пространства и по высоте были под стать Ивану Великому.

Храм в усадьбе Петровское-Разумовское был поставлен таким образом, что его поперечная ось совпадала с поперечной осью усадьбы и продолжалась широкой просекой — трехкилометровым «прошпектом», который обрывался на границе земельных владений, не доходя до Бутырской заставы. Оттуда начатое от храма направление продолжалось визуально, ориентируясь на Ивана Великого. Он был виден как цель от конца «прошпекта» и с яруса «звона» храма, размещавшегося на этой оси. Впервые этот никуда не ведущий проспект показан на плане 1766 г. как аллея [План Царствующаго Града... 1766 г.]. Храм был снесен в 1938 году, но ось (ныне Тимирязевская улица) сохранилась.

Сложившаяся композиция усадьбы известна с середины XVIII века, когда она принадлежала Кириллу Григорьевичу Разумовскому — младшему брату фаворита Елизаветы Петровны, но начало такой ориентации, безусловно, относится ко времени строительства храма. Общая длина оси составляет около 10 км.

В усадьбе Фили-Покровское ось проходит в виде просеки через парк, расположенный к западу от храма, в сторону, противоположную центру Москвы, и на берегу реки заканчивалась мызой Нарышкиных. Если продолжить направление от мызы через центр храма, то оно придет к Ивану Великому. Интересно, что здесь ось пересекает храм по диагонали, а не поперек, как в Петровском. Визуально воспринимать это направление можно с завершающей храм звонницы и, конечно, на плане. Эта ось отчетливо фиксируется на плане Шуберта [Топографическая карта... 1848 г.]. Часть двухкилометровой просеки исчезла под застройкой в районе стадиона «Фили», большая же часть сохранилась до настоящего времени.

С помощью этих осевых построений крупнейшие дворяне, как говорилось, обозначали свое почтение к символу государственности, как бы присягали с помощью недвижимости верой и правдой служить Отечеству. Все это вполне соответствует духу века абсолютизма с присущими ему идеями высокого служения. Кроме того, усадьбы с осевым построением, принесенным культурой Нового времени, противопоставлялись средневековой неправильной древней столице.

Однако похоже, что сакральная роль композиционных осей этим не ограничивается. При совместном рассмотрении осей этих усадеб обнаруживается прямой угол между крайними осями, которые отсекают северо-западную четверть Москвы (см. рис. 1. Оси четырех крупнейших подмосковных усадеб). При этом ось Останкино направлена точно с севера на юг, а ось Филей — с запада на восток. Для просвещенной публики XVIII века такой ответственный

треугольник однозначно обозначал НАУГОЛЬНИК или угольник — один из известных архитектурно-строительных символов вольных каменщиков.

Если наличие точного прямого угла между осями Филей и Останкино (планы Яндекса не позволяют ошибиться) не случайность, тогда получается, что дворянский посыл Служения включает не только символизируемое Кремлем с Иваном Великим государство, но и более высокие материи.

Масонская символика широко известна в архитектурных сооружениях Москвы. Ею насыщены фасады и интерьеры зданий второй половины XVIII — XIX веков. Наиболее известные из них созданы В. И. Баженовым в Царицыно, а в градостроительном масштабе — им же в проекте перестройки Кремля. Масонские идеологемы были виртуозно воплощены в начале XIX в. архитектором Витбергом в проекте первого храма Христа Спасителя.

Связь владельцев усадеб с масонским движением не требует специальных доказательств, в последней трети XVIII века масонами были все сколько-нибудь дельные дворяне. Принадлежность к этому движению обозначала тогда деятельное отношение к жизни, устремленность к созиданию, принадлежность к интеллектуальной и духовной элите. Члены лож ставили целью нравственное совершенствование, познание себя и истины. Для большинства дворян служение Отечеству и масонское служение было единым смыслом жизни.

Отстраивавший Останкино Н. П. Шереметев, широко известный историей с женой на своей крепостной, был не просто масоном, но по воцарении масона Павла I стал командором мальтийского ордена. К числу знаменитых масонов России относился Кирилл Григорьевич Разумовский, перестраивавший Петровское. Целая плеяда масонов Нарышкиных может претендовать на создание оси-просеки в усадьбе Фили-Покровское, начиная с Александра Александровича (1726–1795) и кончая Дмитрием Львовичем, владевшим усадьбой в середине XIX в.

Открытым в смысле масонских влияний остается вопрос с храмами Л. К. Нарышкина конца XVII в. Эти храмы — свидетельство проникновения западных архитектурных идей на русскую почву, идей барокко в архитектурном оформлении и осевых построений в градостроительстве. Этого достаточно, чтобы объяснить наличие осевой композиции, заложенной в этот период в Петровском. В Филях же, где ось появилась позднее, обращает на себя внимание постановка храма строго на одной широте с Иваном Великим. Что это? Предвидение будущего наугольника, стремление к порядку, свойственное Новому времени, или... Если это не случайность, то придется высказать сверхсмелое предположение о масонских идеях ее строителя. Эти идеи Лев Кириллович Нарышкин мог почерпнуть, будучи с 1690 г. начальником Посольского приказа (напомним, что храмы построены в 1691 и в 1694 годах).

Вторая группа осей, о которой пойдет речь, относится к сталинскому времени. Это оси сталинских высоток. Официально считается, что построенные в начале 1950-х годов высотные здания созданы для увековечения победы в Великой Отечественной войне и в честь 800-летнего юбилея столицы.

Инициатором их строительства, заказчиком и соавтором является И. В. Сталин, который с 1930-х годов единолично руководил Советским государством. Он следил за единством художественных образов, создаваемых архитекторами, и за обязательным наличием высоких шпилей на каждой. Он указал места расположения семи зданий, где все они были заложены одновременно 7 сентября 1947 года, в 13 часов. Этот плод сталинских трудов — не отдельные здания, а значительный архитектурно-градостроительный комплекс имперского размаха. Таинственность, сопутствовавшая его созданию, и inferнальный характер вождя в постсоветское время породили мифы относительно повода для их создания, которые вполне могут быть реальностью. Основной из них состоит в том, что все семь зданий должны служить накопителями энергии, которую они с помощью шпилей-антенн станут передавать главному зданию, стоящему в центре, между ними. Энергия в них должна поступать от земли (они поставлены на энергетических разломах), а также от жителей — избранных граждан страны Советов [Магия сталинских высоток // URL: <http://nyctos.ru/vysotki.html>; Сталинские высотки — мистические пирамиды // URL: <http://zabort.ru/blog/poznavatelno/3835.html/>; Городские легенды. URL: http://lazarev.org/ru/interesting/full_news/gorodskie_legendy._moskva._stalinskie_vysotki_2008_dokumentalnyj_video/].

Главным зданием должен был стать Дворец Советов, строительство которого намечалось еще в начале 1930-х годов. Это здание предназначалось для размещения идеологического центра государства, поэтому по высоте оно должно было превосходить все известные в то время здания мира. В его завершении планировался не шпиль, как у других, а фигура Ильича. Здание это не было построено, но было утверждено к строительству в Генеральном плане 1935 г. и заложено на месте храма Христа Спасителя. Оно учитывалось архитекторами при организации пространства Москвы вплоть до смерти вождя.

Идея энергетической подпитки правительства мировой державы могла возникнуть только у человека, верящего в сакральные силы и стремящегося использовать их для продвижения идеи мирового господства. Известно о связи Сталина с однокашником по иезуитскому колледжу Георгием Гурджиевым — известным оккультистом, теории которого, предположительно, были использованы при создании этого комплекса.

Оси, о которых идет речь, — энергетические потоки, устремленные от высотных зданий к Дворцу Советов. Проверить наличие энергии при отсутствии главного здания затруднительно. Однако материальную часть идеи воссоздать

Рис. 1. Оси четырех крупнейших подмосковных усадеб.

Рис. 2. Оси сталинских высоток, направленные на Дворец Советов.

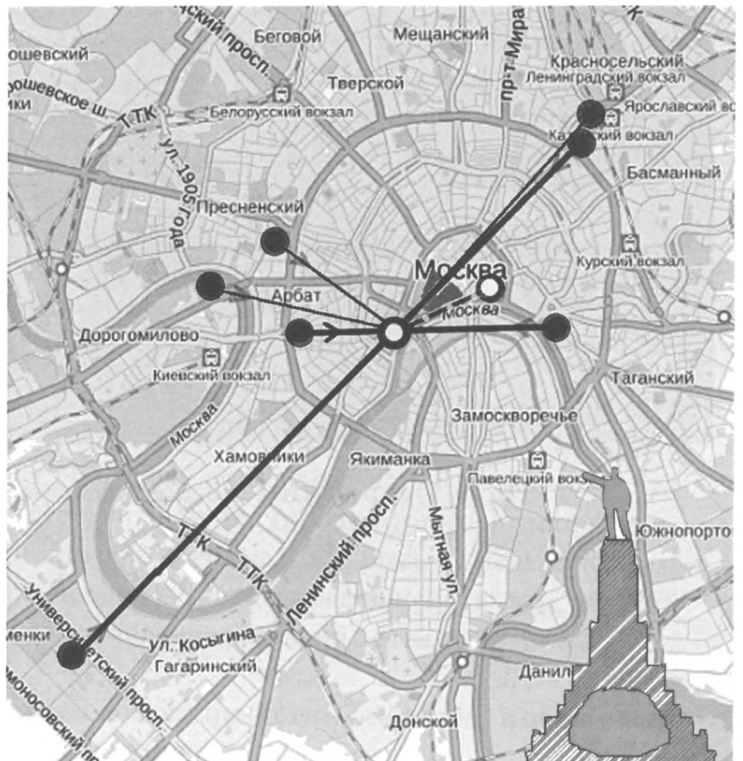

Рис. 3. Ось развития Москвы, намеченная в 2012 г.

возможно, обозначив эти оси на плане города. Их направление подтверждает наличие некоторой закономерности в расположении самих зданий (см. рис. 2. Оси сталинских высоток, направленные на Дворец Советов). Так, некоторые оси соединяются в одну линию: общее направление образуют оси, начинающиеся от высотки на Красных воротах и от МГУ, а также оси, начинающиеся от дома на Котельнической набережной и от здания МИДа. Эти направления пересекаются под углом в том месте, где должен был стоять Дворец Советов. Под прямым углом к первым двум осям в эту точку подходит ось от здания на Кудринской площади. Среди направлений главным было самое протяженное — С.-В. — Ю.-З. Ему придавали особое значение. Образующие это направление высотные здания стоят «лицом» друг к другу, таким образом, что на этой общей оси находятся и их объемные композиции. Оно поддерживается высотой гостиницы «Ленинградская». Кроме того, это единственная ось, которую подчеркивали и материализовали в пространстве Москвы. Впервые это было сделано еще в 1930-е гг. при пробивке «тропы Ильича» — пути для массовых шествий от мавзолея к Дворцу Советов. В 1950-е годы ось была подкреплена стадионом «Лужники», ось которого продолжила эспланаду МГУ. На этом заканчивается наше видение материальных осевых построений этого времени.

Несомненно, что целью создания высотных зданий, связанных видимыми и невидимыми осями, является создание системы, которая должна свидетельствовать о мощи, силе и незыблемости построенного государства. Идея энергетической подпитки главного здания государства по-прежнему остается предположительной. Оси не выполнили своего сакрального предназначения — подпитывать советскую идею, так как не был построен Дворец Советов. Быстро ослабевшая без их подпитки идея потеряла сакральную силу и рухнула вместе с созданной Сталиным империей. Вернувшийся на первоначальное место храм Христа, хоть и наделен сакральными смыслами, но они родом из другой энергетической обоймы, храм уступает Дворцу Советов по высоте и не может принимать энергий от сталинских шпилей.

Современная ось — наша современница — появилась тогда, когда в 2012 г. Д. А. Медведев озвучил решение правительства о направлении развития Москвы на юго-запад. Выбор направления обоснован не был (предполагалось разместить там парламент), не обоснован он и до сих пор. В то же время это решение можно считать беспрецедентным для города с многосотлетней традицией развития. Приняв его, Москва впервые отказалась от центрического развития в пользу однонаправленного. Трудно предположить, что столица крупного государства выбрала направление развития без какого-либо серьезного основания.

Чтобы узнать, что стоит за этим волюнтаристским решением, я обратилась к осям. При рассмотрении плана новой части Москвы легко обнаруживает-

ся, что принятое направление определяется трассой Старо-Калужского шоссе, которое, как и другие древние трассы, имеет своей начальной визуальной точкой отсчета Кремль с Иваном Великим. В противоположную сторону это направление, естественно, доходит до Калуги в виде дороги. Дальше дороги нет. Но если продолжить заданное направление на карте виртуально (по бездорожью), то оно упрется в город Одессу, за которой потонет в водах Черного моря... (См. рис. 3. Ось развития Москвы, намеченная в 2012 г.) Я обнаружила это в 2012 г. и написала о невысказанном, а может быть, подсознательном намерении вернуть старый русский город в лоно России [Чернявская Е. Н. 2013]. Мое предположение не было обосновано ничем, кроме направления принятой оси развития столицы. Тогда трудно было предвидеть события 2014 г. на Украине. Эти события подтвердили мои предположения о наличии связи выбранного направления развития Москвы и территориальных притязаний нашей власти на территорию Восточной Украины. Но главное, в третий раз подтвердилась роль осевых построений в проявлении потаенных идей их создателей.

Рассмотрение градостроительных осей Москвы разного времени, отражающих скрытые идеологические программы правящего слоя общества или отдельных его представителей, позволяет предложить анализ осевых построений как исследовательский метод изучения скрытых намерений их создателей. Применение метода не ограничено обстоятельствами места и времени.

Список литературы и источников

Городские легенды. Москва. Сталинские высотки [2008, Документальный] [видео]. Суббота, 03 сен. 2011. Постоянная ссылка на сайте: http://lazarev.org/ru/interesting/full_news/gorodskie_legendy._moskva._stalinskie_vysotki_2008_dokumentalnyj_video/.

Магия сталинских высоток [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://nyctos.ru/vysotki.html>. Дата обращения: 12.12.2014.

План Царствующаго Града Москвы с показанием лежащих мест на тридцать верст округ. 1766 г. (Этот и другие старые планы Москвы можно найти на сайте: <http://retromap.ru/mapster.php>.)

Сталинские высотки — мистические пирамиды [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://zabort.ru/Интересное/3835.html>.

Топографическая карта окружности Москвы... 1818 г. РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21874.

Топографическая карта окрестностей Москвы. Снята под руководством Генерал-Лейтенанта Шуберта и гравирована при Военно-Топографич. депо. 1848.

Чернявская Е. Н. Подмосковные и Иван Великий // Русская усадьба : сб. Общества изучения русской усадьбы. Вып. 19 (35). М. ; СПб, 2014. С. 303–310.

Чернявская Е. Н. Явное и тайное в архитектурной символике Москвы // NB: Культуры и искусства. 2013. № 3.

А. Фарсетти

Alessandro Farsetti, Университет Ка Фоскари. Dorsoduro 3246, 30123 Венеция, Италия;
alessandrofarsetti@gmail.com

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ГЛАЗАМИ ПОЭТА В. КАРДАРЕЛЛИ (ПУТЕШЕСТВИЕ 1928 Г.): О РУССКОМ ТЕКСТЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация

В путевых записках Винченцо Кардарелли (1887–1959) о Москве и Ленинграде можно выделить три главные, отчасти противоположные, описательные тенденции. Во-первых, ссылка на готовый, идеализированный образ «чужого», восходящий к русской литературе XIX века и к туристическим клише страны. Во-вторых, узнавание в «чужом» некоторых черт «своего», что прежде всего позволяет автору осознать и обозначить неизвестные ему реалии. В-третьих, «чужое» охарактеризовано как «низшее» по сравнению со «своим» через резкие, расистского толка суждения автора, непривычные даже для современных ему фашистских интеллектуалов.

Ключевые слова

Винченцо Кардарелли, итальянцы в России, образы России, путевые записки, чужое vs. свое, варварское vs. цивилизованное, неоклассицизм, романтизм, фашизм

Скудная библиография о «России итальянцев» состоит из исследований, приведенных в исторической перспективе [см.: Flores, 1990; Bassignana, 2000; Dundovich, Gori и Guercetti, 2003 и 2005; Dundovich и Gori, 2006], из широких обзоров [Nicolai, 1999 и 2009; Adamo, 1999] со справедливыми наблюдениями, но и с поверхностными обобщениями, из представлений и комментариев некоторых текстов путешественников [см.: Deotto, 1989] без достаточных попыток определить культурные предпосылки, лежащие в основе образов. Итак, для того, чтобы глубже проникнуть в русский текст итальянской культуры, нам представляется необходимым начать со специального изучения характера образов у отдельных авторов.

Винченцо Кардарелли (1887–1959; о жизни и творчестве Кардарелли см. научное издание его сочинений [Cardarelli, 1998]^{*}) был одним из главных поэтов

^{*} В настоящей работе цитаты приводятся по упомянутому собранию его сочинений [Cardarelli, 1998]; все переводы наши, так как нам не удалось найти русские переводы его трудов. Эта книга будет объектом нашего исследования.

в Италии в начале XX в. Кроме стихов и художественной прозы, он написал многие эссе о душе итальянских городов, а из иностранных мест он оставил записки только о Москве и Ленинграде. Это обстоятельство неудивительно, потому что в 1928 г. он был корреспондентом римской газеты «Il Tevere» в СССР: его статьи, вышедшие в то время в этой газете, были впоследствии собраны с минимальными изменениями в книге под заголовком «Путешествие одного поэта в России» (см. Cardarelli, 1954).

В книге Кардарелли описания городов смешиваются с размышлениями о характере русского народа, о театре, о религии, об истории и, как легко угадать из вышесказанного, о характере коммунизма в России. Кардарелли разделяет очерки книги на две части: в первой преобладают впечатления о поездке в Россию с короткими остановками в Австрии и в Польше, о пребывании в течение нескольких месяцев в Москве, об одной неделе в Ленинграде и о возвращении в Москву. Во второй он рассказывает о своем опыте жизни в советской действительности, углубляется в размышления о характере русского народа и о своеобразии русского коммунизма, о которых в первой части лишь упоминал. Однако мы не будем принимать во внимание совокупность этих разнообразных тем: наша цель — понять, в чем специфика описаний Кардарелли и какое место они занимают среди других записок о России тех лет. Нам кажется возможным выделить три главные, своеобразно соединяющиеся в этой книге тенденции идейного осмысления страны.

1. У поэта большую роль в формировании представления о России играет готовый образ посещаемых мест. Хотя Кардарелли уверяет нас в непосредственности своих замечаний [ср.: Cardarelli, 1998. С. 766], как обычно делает большинство путешественников [ср.: Nicolai, 2009. С. 20], стереотипы о России, о «чужом» в значительной мере ориентируют его восприятие. Как полагается итальянскому интеллигенту, русский претекст Кардарелли основывается на известной ему русской литературе XIX в. Он признается в этом, рассказывая о первых мгновениях пребывания на советской земле:

И я прочитал несколько русских романов. Тысячу раз я воображал себе эту страну именно так, как она теперь открывается мне, с этим запахом акации и свежих дров, который не может не быть запахом России, этой земли крестьян и столяров. Каждая вещь меня удивляет и, в то же самое время, ничто не кажется мне новым или неожиданным [Там же. С. 756].

Из последнего предложения ясно, что внимание автора сосредоточено на подтверждении образов, которые годами складывались в его сознании. Хотя он видит уже не Россию им процитированных Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского [ср.: Cardarelli, 1998. С. 756], а советскую страну эпохи НЭПа, в своих прогулках он прежде всего пытается найти «византийскую и деревенскую Россию» [Там же. С. 762] его воображения. Итак, в очерке о Москве он начинает с так называемого «skyline» города, который он видит с Воробьевых гор:

Издали виден восточный город, лежащий на холмах, очень длинный и белый — россыпь бесчисленных куполов, башен, колоколен. Изящные зеленые мосты пересекают, как радуги, две ветки реки, которая на равнине описывает широкие петли. Лесистые холмы вдали заслоняют с одной стороны город, которому не видно конца [Там же. С. 761].

На самих Воробьевых горах он замечает «чернозем: мягкая, податливая из-за оттепелей, тинистая земля. Старые деревянные домики, кокетливые, очень нарядные: шедевры ремесла выпиливания. Белые церквушки, белые облака» [Там же. С. 760]; упоминает, что оттуда Наполеон смотрел с негодованием на пожар Москвы. А потом поэт останавливает свой взгляд на Кремле и на Китай-городе:

Цвета, праздник зубчатых стен, пестрые пирамидальные вышки, золотые купола со всеми их прекрасными ювелирными изделиями: украшенные кресты, висящие цепочки. Вот Зимний дворец, который возвышается над стенами, смотря на Москву-реку (очевидно, Кардарелли называет так Большой Кремлевский дворец. — А. Ф.) с высоты холмов; а вот подобная самому высокому дереву леса смелая купольная башня, где короновали царей. Сады, бульвары, зеленые скаты. Сквозь множество двойных и тройных ворот, которые позволяют видеть проходящему мимо поэтические перспективы, находится вход в надзираемую и непосещаемую крепость Кремля и в прилегающий Китай-город. Весь этот центр, укрепленный стенами, занимает огромное пространство, ему нет конца. <...> Купола Кремля снова появляются за домами, в другой стороне улицы, по которой мы идем. Они гордо возвышаются или, чуть всплывая на крыши из листового металла — словно крыши пагоды, окрашенные в красное или в зеленое, — плывут как дивно неподвижные воздушные шарики [Там же. С. 763].

Далее он описывает Храм Христа Спасителя и Собор Василия Блаженного:

Виден там <...> восседающий купол Христа Спасителя, из драгоценного и бледного золота, подобно золоту предметов культа. Он представляется во всем своем торжественном вздутии, блестящий как солнце. Облачение священника, золотая мантия, наложенная на самый большой купол Москвы: высочайший в тумане и почти пораженный молнией самого своего сияния. Ночью белый собор, с его четырьмя меньшими куполами, также золотыми, похож на безмерный зажженный подсвечник. А вот Собор Василия Блаженного, с его девятью лукообразными куполами, <...> весь раскрашенный как дыня, внутри которого ты ходишь как червь в плоде, поскольку есть только узкий запутанный коридор, проходящий мимо некоторых капелл (в нашем переводе мы решили показать, как поэт здесь употребляет католическую реалию, чтобы обозначить приделы внутри этого собора. — А. Ф.), но не приводящий никуда: итак, лучше вернуться назад, чтобы не заблудиться [Там же. С. 763–764].

Из этих длинных цитат легко заметить, как много общих мест имеют описания Кардарелли. В них точные наблюдения (урбанистические и исторические), присущие путеводителю, смешиваются с индивидуальными впечатлениями, написанными в импрессионистском стиле очень выразительным языком. Помимо этого, автор улавливает самые характерные и картинно яркие, с его точки зрения, аспекты города и России вообще: чернозем, белые

стены, золотые купола, зубчатые, красные стены Кремля, необъятные просторы. Все это больше напоминает любование экзотикой и прошлым, присущее романтическим путешественникам XIX века, чем отчеты о новом облике советских городов, которые встречаются у итальянцев, современников Кардарелли: например, описания суровой действительности [Magrini, 1922] с эпизодами каннибализма [Carnevale, 1926] или детальный рассказ о «новых достопримечательностях» (Музей революции; Антирелигиозный музей) [D'Andrea, 1932; Crèpas, 1940]; часто путешественники не ограничивали маршрут Москвой и Ленинградом (как делал Кардарелли), но посещали и другие города и деревни во всей европейской части СССР [Alvaro, 1935] и даже в Сибири [Cipolla, 1931], описывали новые «авангардные» реалии современного коммунизма на периферии страны (совхозы, колхозы, заводы) или даже там работали — с отрицательными [Cipolla, 1931], нейтральными [D'Andrea, 1932; Alvaro, 1935] или даже со вполне положительными эмоциями [Nordio, 1932; Dellepiane, 1933].

Кардарелли, который с некоторой самоиронией называет себя «ленивым и сидячим путешественником» («<...> viaggiatore discreto, pigro e sedentario <...>» [Там же. С. 765]), решил остановиться только в двух главных городах, потому что невозможно за несколько месяцев сделать точные, непосредственные наблюдения о такой огромной стране; кроме того, он уверен, что в поворотные моменты истории одной страны (как во Франции во время революции) достаточно посетить столицу, чтобы понять ситуацию целого государства [ср.: Там же. С. 766–777]. Точка зрения поэта очевидно противоположна мнению тех путешественников, которые, как мы уже указали, считали необходимым посетить и деревню, и новые промышленные города с целью проверить результаты коммунизма. Направляя свой взгляд на современное, Кардарелли посещает лишь некоторые новые учреждения и только один завод [ср.: Cardarelli, 1998. С. 804], и в поле его зрения прежде всего — жизнь людей. Но и здесь его впечатления процежены сквозь фильтр шаблона: в новой советской действительности он узнает некую русификацию марксистской теории в соответствии с идеей о настоящем духе России — патриархальном. Слово «патриархальный» он обычно использовал со значением «простой, связанный с семейным пространством» и порой — в уничижительном смысле «примитивный». Этот характер он мог почувствовать в разных выражениях быта, начиная с момента, когда он впервые сел на русский поезд. Он говорит о «патриархальной и не очень железнодорожной» натуре русских, «которые строят поезда подобно домам. Это поезда, где кондуктор при входе берет от вас билет, дает вам квитанцию и больше вам не мешает во время путешествия; это поезда, где можно лечь и запереть купе на ключ, как в собственной квартире, и где, в принципе, можно даже найти чашку чая» [Там же. С. 758–759].

Россия проста: «Везде меня поразил разрыв, который можно заметить в России больше, чем в любой стране, между идеями, программами, статистикой и, в конце концов, очень простой и скромной действительностью» [Там же. С. 804]. Характер народа суеверный. Он говорит о «народном коммунизме» и что «использование народом “коммунистической символики”», например, одежды красного цвета, происходит по-домашнему и лишено особых смыслов. «Женщины носят красный платок, но это только мода» [Там же. С. 768]. Описания современного быта исполнены тоски по прошлому: расхождения между советской действительностью и литературными представлениями Кардарелли о России воспринимаются им как упадок. Например, после вышеприведенных описаний исторических достопримечательностей Москвы он отрицательно характеризует мавзолей Ленина; поэт горько пишет, почти с упреком по отношению к большевикам, что «из-за имени, написанного там, над одним ничтожным деревянным мавзолеем, все эти строения кругом, которые время оставило целыми, не имеют больше никакого значения. Глядя на них, глубокая печаль наполняет душу» [Там же. С. 764]; дальше он пишет с сарказмом, что «после 10 лет революции, следы которой можно видеть оставленными пулями на стенах домов, съестных припасов не хватает и единственные витрины, которые коммунизму удалось действительно наполнить — это витрины антикваров» [Там же. С. 825].

В книге Кардарелли встречаются три России: 1) дореволюционная, которую автор узнал только посредством чтения русских классиков; 2) послереволюционная, которую он увидел своими глазами в переходный момент между концом НЭПа и началом первой пятилетки; 3) модернизированная Россия 1954 г., которую автор знал только из рассказов современников и на которую, естественно, он намекает только во введении к книжному изданию.

Как можно легко догадаться из вышесказанного, и в России № 2, и в России № 3 главный элемент — тоска по исчезнувшему, идеализированному образу России № 1, которая в его восприятии выражала подлинный характер этой страны и говорила о местном колорите. О Москве в 1928 г. он написал:

Прекрасные былые времена! Тем, кто увидел Москву до революции, <...> когда Кремль был полностью посещаемым, немогут увидеть ее в нынешнем состоянии. А кто, читая романы Толстого, не познакомился с этой старой, солнечной и патриархальной столицей, с этим большим районным центром, где персонажи этих романов встречались всегда с особенным удовольствием? (См. также: Там же. С. 824.)

А в 1954 г. поэт сожалел, что облик Москвы потерял то древнее очарование, которое он успел увидеть в 1928 г.: вместо булыжной мостовой лежит асфальт; вместо извозчиков можно найти «самое блестящее метро во всем мире» [ср.: Там же. С. 746]; некоторые церкви снесены; электричество заменило ночную

тзму. В 1954 г. Кардарелли тоскует также по исчезновению той России 1928 г. с «колоритом восточной ярмарки, связанным с НЭПом» [ср.: Там же. С. 747], но он больше всего надеется, что процесс модернизации не вычеркнул из облика Москвы уже упомянутую дореволюционную патриархальную основу, которая, по его мнению, еще сохранялась четверть века назад [ср.: Там же].

Соблазн оказаться во власти стереотипов слишком велик и в описании Ленинграда. В начале Кардарелли опровергает общее место, распространенное итальянскими путешественниками 1920-х гг. Вероятно, он был знаком с некоторыми очерками, опубликованными до его поездки (см. особенно: Magrini, 1922; Calzini, 1927; D'Acquara, 1928), о Ленинграде как о городе разрушенном и разваленном, он, наоборот, замечает везде следы ремонта и вообще хорошее состояние зданий и памятников [ср.: Там же. С. 780]. Однако в конце он не удерживается от философствования над обликом Ленинграда как мертвого города («Отвлеченная красота этого города несет в себе сегодня нечто печальное, если подумать о его краткой и завершенной судьбе») [Cardarelli, 1998. С. 785]) и над жителями как людьми с тоскливыми лицами, людьми, пережившими свой город; он даже намекает на общеизвестные легенды об основании города [ср.: Там же. С. 785–786].

Кроме того, подобно описаниям Москвы, поэт ссылается на самые привычные при описании характеристики города: его геометрию и беспредельность пространств:

Таким образом выглядит Ленинград, отнюдь не разваливающийся, со своими прямолинейными широкими улицами, которые идут со всех сторон во все направления, исчезая в пустом горизонте, словно лучи солнца: совершенно правильные и беспредельные бульвары, открытые среди леса домов <...> В нем <городе> смелая императорская воля одного человека соединяется с природной беспредельностью каждой русской вещи и самого русского пейзажа [Там же. С. 781].

И, как в Москве, он останавливается на достопримечательностях, рад видеть их в целостности и сохранности: Медный всадник — «бронзовый памятник яростного барокко, который мог служить символом общего настроения европейских императоров на рубеже семнадцатого и восемнадцатого веков с их манией величия» [Там же. С. 780–781] — Невский проспект, Памятник Екатерине II, Памятник Александру III, Манеж, «шпиль Петропавловской крепости и высокий купол монументального и квадратного Исаакиевского собора (где византийское золото уступает место немецкой бронзе) <, которые> продолжают украшать облака и бросать вызов небу» [Там же. С. 781].

2. Понятие «инакости» России в глазах итальянского поэта (которое встречается и в его идее о русификации коммунизма в СССР, как мы увидели [см. подробнее: Там же. С. 832–836]), часто сочетается с сильными аналогиями с итальянскими реалиями. Переживая прелесть русского бабьего лета, Кар-

дарелли чувствует себя будто бы находящимся на юге Италии [ср.: Там же. С. 761]; любясь «византийским и деревенским» обликом Москвы, он тем не менее воспринимает его как «совокупность вещей и наружностей, благодаря которым временами тебе кажется, будто ты в каком-то древнем итальянском городе» [Там же. С. 762–763]. Толпу на рынке он описывает как восточную и сравнивает ее с толпой из первого акта Бориса Годунова, но в то же время она напоминает ему также вполне близкие для него толпы в рыночных районах Флоренции и Венеции [Там же. С. 765]; сами рынки Москвы напоминают автору Болонью [ср.: Там же. С. 767].

Эти сопоставления, как нам кажется, выполняют двойную функцию: с одной стороны, они дают возможность «образцовому читателю» [ср.: Есо, 1979], т. е. итальянскому, мало знающему Россию, понять то, что описано при помощи близких ему реалий (репрезентация образа «чужого» через «свое»). С другой стороны, сам автор нуждается в сопоставлениях, чтобы объяснить себе неизвестное — новое — и обозначить его посредством того, что присутствует в его собственном опыте. У. Эко объясняет подобную ситуацию, предполагая в человеке присутствие неких «когнитивных типов», т. е. феноменов перцептивного семиозиса, согласно которым мы во время восприятия определяем неизвестный референт через наиболее похожий из нам известных означающих [подробнее см.: Есо, 1997]. Надо, кстати, заметить, что подобный механизм обычно встречается в очерках иностранцев об экзотических странах: в осмыслении нового они, естественно, ищут сходства и различия по сравнению со своим, привычным им миром.

Помимо этого, Италия является для автора единицей измерения, позволяющей ему указать на чрезвычайные размеры России:

В Москве магазины продуктов являются помпезно украшенными в стиле вокзальных *restaurants* эпохи Умберто I (стиль, который соответствует эпохе Александра III): они занимают одной комнатой всю площадь магазинов Боккони в Милане. А миланский пассаж мог бы быть не больше угла того пассажа, который находится в Москве [Cardarelli, 1998. С. 771].

Даже изменчивость погоды Москвы напоминает погоду Рима, только во сто раз хуже [ср.: Cardarelli, 1998. С. 760]. Далее, он сравнивает женщин Москвы и Ленинграда с женщинами любого города южной Италии и Турина: «ленинградская женщина, как правило, вежлива и прилична, ее красота приятна и нежна, тогда как в Москве преобладают пышные, деревенские и иногда грубо нетерпеливые женщины» [Там же].

Однако кроме стилистических и когнитивных причин сближение Италии и России в двух русских столицах основано на возможности узнать итальянскую архитектуру в этих городах:

Мастера на все руки, <итальянцы> дали русским всевозможные познания о военном искусстве и о строительстве крепостей; например, Ридольфо Фиораванти из Болоньи научил

их обжигу кирпичей. Среди различных поручений <итальянцы> построили церкви, дворцы, сам Кремль. Один из братьев Содарио, Пьетро <т. е. Петр Фрязин>, возвел его прекрасные стены. Этим объясняется, почему вокруг Кремля можно найти цвета романьольского города [Там же. С. 783].

Первым архитектором Петербурга был один итальянец, Трезини, строитель Петропавловской крепости; а с него начинается бесконечный ряд итальянцев. Хотя наши архитекторы работали в Петербурге среди тех многих, кто был из других стран, надо честно признать, что они побеждали всех остальных не только количеством, но и несомненным качеством своих работ [Там же. С. 785].

3. В последних примерах также подразумевается важное для описаний Кардарелли противопоставление: «варварское» vs. «цивилизованное». Кардарелли была близка националистическая идеология фашизма, к которой тогда он примыкал: в пеане тому, что автор считает следами итальянской гениальности в России [ср.: Там же. С. 782], легко узнать чувство превосходства в изданных в те годы в Италии очерках путешественников по отношению к так называемым «отсталым культурам». Тем не менее по сравнению с другими суждения Кардарелли не столько идеологические и политические (фашизм лучше коммунизма — в те годы подобное мнение выразили, например, К. Альваро, К. Малапарте, Р. Бертони, П. М. Барди [ср.: Nicolai, 2009]), сколько биологические и культурные.

Это связано с одной тенденцией его поэтики тех лет (см., например, его очерки «Parole all'orecchio» («Слова на ухо») и «Parliamo dell'Italia» («Давайте поговорим об Италии») в 1931 г. [см.: Там же. С. 930–990]). Кардарелли был убежденным защитником чистоты итальянской литературы от влияния северных и восточных романтиков и декадентов в пользу классической традиции Джакомо Леопарди. Такое направление «неоклассицизма» в литературе было провозглашено римским журналом «La Ronda» («Обход», 1919–1923), который был основан Кардарелли и другими итальянскими интеллектуалами против футуризма Маринетти и европейских литературных направлений в Италии. Любопытно, что в небольшой прижизненной статье о Кардарелли, помещенной в «Литературной энциклопедии», его считают подражателем Леопарди касательно книги 1920 г. «Viaggi nel tempo», [см. У., 1931]. Эти тенденции отразились в строгом осуждении иностранных культур.

В очерках о России чувство превосходства Кардарелли выразилось и в восхвалении итальянской гениальности по сравнению с северными народами (он назвал русских «тупыми» [ср.: Там же. С. 808]), и в защите католичества от других христианских вер: русское православие — «бедная религия, несмотря на помпу церемониала, <...> сухая ветвь того большого дерева, которым было, во все времена, римское католичество» [Cardarelli, 1998. С. 823]. В этой связи стоит заметить, что с его стороны было несправедливо обвинять пра-

вославную церковь в разращении и в политическом вмешательстве [Там же], а католическую считать безукоризненной [об этом см.: Deotto, 1989. С. 20–21]): Чувство превосходства Кардарелли проявилось также и в унижительном определении им северных и восточных стран и их населения как варварских.

Это выражение употребляется в связи с Польшей, которую он проезжал на поезде: «Прощай, цивилизованная Европа. У меня ощущение, что в Польше вместе с кирпичными домами я увидел, как исчезает всякое чувство стабильности и уверенности» [Cardarelli, 1998. С. 750]. Страна находится на востоке, «<...> в том месте, где он заражается Западом», и является хотя и «наполненной историей, но все-таки такой дикой и варварской» [Там же. С. 750]. В таких высказываниях Кардарелли проступает известная формула, согласно которой Запад — это культура, история, а Восток — это нецивилизованность, примитивность. Интересно, что похожая схематизация напоминает основные положения евразийства («скифства», «панмонголизма»), хотя с совершенно противоположным значением: утверждение духовного преимущества варварского начала Востока и русско-татарских народов перед цивилизованной, разращенной Европой.

По мнению Кардарелли, «среди цивилизованных и варварских стран Россия — это одна из тех, что обладают наибольшим темпераментом» [Там же. С. 779]. В облике Москвы автор подчеркивает монгольский и примитивный его характер:

Можно увидеть, как главные улицы Москвы входят и выходят, прямые, из ворот Кремля; и ряды повозок, поднимающиеся по этим широким дорогам, топким и грубо намощенным булыжником, и с трудом тащимые мощными норманнскими лошадьми, напоминают экспедиции в Святые места. Все в этом городе напоминает мне о не слишком далеком прошлом, полном столкновений и контактов с татарской Ордой [Там же. С. 762].

В Ленинграде, наоборот, согласно клише «западной ориентации» города, автор чувствует себя «в одной из самых цивилизованных зон России» [Там же. С. 780]. За этим исключением понятие «варварское» в связи с Россией является лейтмотивом путевых записок Кардарелли и употребляется также по отношению к жителям («немцы, те бедные варвары, ничто по сравнению с этими большими славянскими варварами» [Там же. С. 769]). Наконец, Кардарелли отмечает бесконечное разнообразие и пестроту в русском искусстве и быте, которые истолковывает как безвкусицу, «что для наших “латинских” глаз — доказательство примитивной цивилизации, или (я бы использовал антитезис) “варварской цивилизации”» [Там же. С. 823].

Таким образом, очерки Кардарелли являются самобытным сплавом известных, но обычно несочетаемых описательных тенденций, обусловленных индивидуально-авторскими интенциями больше, чем своеобразием истори-

ко-литературного процесса эпохи. С одной стороны, достаточно привычно, что осмысление «далекого», «чужого» происходит и через восприятие «странного», «несравнимого» и «типичного» в связи с ожиданиями и знаниями путешественника об определенном месте, а отчасти через возможность узнать «похожее» на «свое». Но, с другой стороны, сентиментальное, ностальгическое отношение к потерянному прошлому (революция и прогресс — катаклизмы, искажающие дух города), напоминающее отношение поэтов-путешественников и интеллектуалов XIX в. к экзотическим странам (Россия, Испания, сама Италия для иностранцев), оксюморонно сочетается с грубым, невежественным расизмом: лексика описаний «чужого» отражает скорее отношение человека с улицы, чем интеллектуала того периода (можно сказать даже — интеллектуала-фашиста) к «низшим» культурам.

Заметим, что в те годы в итальянской официальной прессе СССР оценивался по-разному. Можно выделить три основные тенденции: весьма положительная оценка, так как, в сущности, цели коммунизма мало отличались от задач фашизма; нейтральная, благодаря мнению путешественников, которые пытались понять ситуацию изнутри; отрицательная, определенная антибольшевистской пропагандой [ср.: Bassignana, 2000. С. 13], но без расистских выпадов, т. к. расовые законы Муссолини одобрили лишь в 1938 г.

Таким образом, очерки Кардарелли, несомненно, создают диссонантный эффект в истории русского текста итальянской культуры.

Настоящая работа является слегка переработанным вариантом статьи А. Фарсетти Об образе СССР в путевых записках фашистов: «Путешествие одного поэта в России» Винченцо Кардарелли // Культурологический журнал. 2015. № 2. URL : cu-journal.ru.

Список литературы

- Кардарелли У. С. // Литературная энциклопедия. Т. 5. [М.] : Изд-во коммунистической академии, 1931.
- Alvaro C. I maestri del diluvio. Milano : Mondadori, 1935. 239 p.
- Adamo S. L'esotico illustrato. Libri di viaggio in Russia e in Spagna tra Otto e Novecento // Immagine — Segno — Parola. Processi di trasformazione. Tomo II / a cura di Graciela N. Ricci. Milano : Giuffrè, 1999. P. 539–560.
- Bassignana P. L. Fascisti nel paese dei Soviet. Torino : Bollati Boringhieri, 2000. 252 p.
- Calzini R. Russia gaia e terribile. Milano : Fratelli Treves Editori, 1927. 244 p.
- Cardarelli V. Viaggio d'un poeta in Russia. Milano : Mondadori, 1954. 191 p.
- Cardarelli V. Opere. Milano : Mondadori, 1998. 1261 p.
- Carnevale S. Alcuni mesi di vita nella Russia bolscevica. Novara : Stab. Tipografico E. Cattaneo, 1926. 121 p.
- Cipolla A. Nella grande Asia rivoluzionaria. Torino : G.B. Paravia & C., 1931. 254 p.
- Crèpas A. Il paese senza amore. Torino : G. B. Paravia & C., 1940. 186 p.

- D'Acquara L.* L'isola rossa. Roma : Anonima editrice, 1928. 188 p.
- D'Andrea U.* Le alternative di Stalin. Milano ; Roma : Treves-Treccani-Tumminelli, 1932. 173 p.
- Dellepiane A.* Impressioni di un viaggio in Russia. Milano : Edizioni dell'A.N.S., 1933. 94 p.
- Deotto P.* L'immagine della Russia degli anni Venti e Trenta nei reportages di alcuni scrittori italiani // *Acme*. 1989. № XLII, I. P. 9-36.
- Dundovich E., Gori F.* Italiani nei lager di Stalin. Bari : Laterza, 2006. 209 p.
- Dundovich E., Gori F., Guercetti E.* Italian Emigration in the USSR: History of a Repression // Reflections on the Gulag. With a Documentary Appendix on the Italian Victims of Repression in the USSR. Milano : Fondazione Giangiacomo Feltrinelli, 2003. P. 139-186.
- Dundovich E., Gori F., Guercetti E.* Fonti relative agli italiani vittime di repressioni politiche in Unione Sovietica (1918-1953) // *Rassegna degli archivi di Stato*. 2005. № I, 3. P. 419-484.
- Eco U.* Lector in fabula. Milano : Bompiani, 1979. 239 p.
- Eco U.* Kant e l'ornitorinco. Milano : Bompiani, 1997. 454 p.
- Flores M.* L'immagine dell'URSS. L'Occidente e la Russia di Stalin (1927-1956). Milano : Il Saggiatore, 1990. 434 p.
- Magrini L.* Nella Russia bolscevica. Milano : Società Editoriale Italiana, 1922. 299 p.
- Malaparte C.* Io, in Russia e in Cina. Firenze : Vallecchi, 1958. 77 p.
- Nicolai G. M.* Il grande orso bianco. Viaggiatori italiani in Russia. Roma : Bulzoni, 1999. 577 p.
- Nicolai G. M.* Sovietlandia. Viaggiatori italiani nell'Unione Sovietica. Roma : Bulzoni, 2009. 458 p.
- Nordio M.* Nella Terra dei Soviet. Trieste : Edizioni C.E.L.V.I., 1932. 345 p.

М. Р. Ненарокова

Ненарокова Мария Равильевна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Москва, ул. Поварская, д. 25а; maria.nenarokova@yandex.ru

МОСКВА В СКАНДИНАВСКИХ МЕМУАРАХ И ПУТЕВОДИТЕЛЯХ (1911–2011 гг.)

Аннотация

В статье рассматривается традиция восприятия Москвы скандинавами, сложившаяся за сто лет (1911–2011). Исследование выполнено на материале мемуаров и путеводителей по Москве, изданных в скандинавских странах в период с 1911 по 2011 гг. Отмечается, что развитие русско-датских отношений на протяжении XVIII–XX вв. способствовало устойчивому интересу скандинавов к России и Москве как символу страны. Утверждается, что образ Москвы у скандинавов сложился под влиянием путеводителей, направляющих внимание туристов к определенным достопримечательностям российской столицы, и отразился в мемуарной литературе. Анализ выбранных текстов показывает, что образ Москвы, практически не меняющийся в течение XX в., состоит из набора постоянных черт, отношение к которым формируется под влиянием политики и идеологии. В результате исследования делается вывод, что на рубеже XX–XXI вв. восприятие Москвы изменяется: в путеводителях Москва приобретает черты столицы дореволюционной России.

Ключевые слова

культура, политика, идеология, архитектура, образ города, Москва, Скандинавия, Дания, путеводитель, мемуары, туризм, исторический центр, достопримечательности, памятник

Большой театр, Кремль, Красная площадь, военные парады, длинные очереди, сдержанные и насупленные партийные боссы на трибуне мавзолея, сердитые бабушки со стальными зубами и в платках, ветераны войны с иконостасом орденов на груди и молодожены, возлагающие цветы к Ленину или Неизвестному Солдату [Dalgård, 2011, 26].

Цитата, взятая в качестве эпиграфа из путеводителя «Путешествие в Москву, Санкт-Петербург и по Транссибирской магистрали», написанного Пером Дальгордом (12-ое переиздание в 2011 г.) [Dalgård, 2011], включает в себе

обобщенный образ Москвы, а вместе с нею и России, поскольку Москва как столица является в большой степени символом страны в глазах всего мира. Этот образ сложился не в одночасье, за ним стоит долгая, почти столетняя традиция, в основе которой лежат два взаимосвязанных явления: с одной стороны, воспоминания скандинавов, посещавших Россию в XX в., с другой — путеводители, по самой своей жанровой специфике управлявшие и до сих пор управляющие интересом и вниманием туристов.

Интерес к России у скандинавов не случаен. Дания была союзницей России с конца XVIII в., и разнообразные связи двух стран, в том числе и культурные, постоянно развивались. Бурный расцвет русско-датских отношений пришелся на 2-ю половину XIX в., когда датская принцесса Дагмар вышла замуж за наследника российского престола, будущего царя Александра III. Время с 1875 по 1914 гг. датские историки называют периодом датской эмиграции в Россию, настолько многочисленно было переселение. В Россию ехали люди самых разных специальностей: и бизнесмены [Sohn, 2003, P. 11], и телеграфисты [Там же. P. 118–119], и строители [Там же. P. 134–135], и крестьяне [Там же. P. 15–17]. Россия рубежа XIX–XX вв. была известна как производитель молочных продуктов, в частности, сливочного масла, и датские специалисты в этой области, как технологи, так и простые крестьяне, перебирались в Россию с семьями и успешно работали, причем они не обязательно селились в Прибалтике и вообще в Европейской части страны, много датчан жило в Сибири — в Омске [Там же. P. 4], Томске [Там же. P. 4], Иркутске [Там же. P. 4], Кургане [Там же. P. 118–119], Кяхте [Там же. P. 118], в Средней Азии [Там же. P. 1].

Массовый переезд в Россию породил потребность в сведениях об огромной и малоизвестной стране, императрицей которой волей судьбы оказалась скандинавка, принцесса Датского королевского дома. Эта потребность не исчезла с переменой государственного строя в России, поэтому в скандинавских странах, в основном в Дании, издавали многочисленные путеводители и мемуары людей, посетивших нашу страну.

Городом, который за период с 1911 по 2011 гг. увидели практически все приезжавшие в Россию датчане, является Москва, поэтому во всех текстах с разной степенью подробности отражен тот образ, который должен был сложиться в сознании путешественников под влиянием традиции восприятия города.

Дореволюционные воспоминания о Москве подчеркивают мир и покой, царящие в городе, некоторую патриархальность и даже, может быть, провинциальность, но только по сравнению со «столицей» [Herslow, 1946. P. 16]. В книге «В сказочном царстве. Путевые заметки» (1903) Кнут Гамсун писал: «С Кремлевского холма открывается великолепнейший вид. Я и представить себе не мог, что на земле есть такой город: куда ни глянь, повсюду зеленые, красные

и золотые шпили и купола» [Гамсун]. Точно такое же описание Москвы дано и в донесениях французской армии в 1812 г., потом оно повторялось во всех произведениях, посвященных пожару Москвы, например, в поэме Дж. Холма «Москва, или Победное самопожертвование» (1813) так описывается Москва, которую Наполеон увидел с Воробьевых Гор:

Поток сияния? — Лазурь, золото и синева
Блистали повсюду пред его восхищенным взором.
Золоченые шпили Кремля, золоченые крутые купола
Сияли ярче, чем великолепие императорских парадных одежд.
Крыши блистающих храмов, расписные купола
Превосходили многоцветье павлиньих перьев [Holme, 1813. P. 37–38].

Чтобы показать, что этот поэтический отрывок не является игрой романтического воображения, автор поэмы приводит комментарий, основанный на впечатлениях очевидцев: «Что особенно поражало взгляд изумленного наблюдателя, который созерцал этот необыкновенный город, так это его бесчисленные церкви. Они были построены в особом архитектурном стиле, некоторые с медными куполами, некоторые со свинцовыми, [купола] золоченые или покрашенные в зеленый, голубой и синий цвет» [Там же. P. 32]. Хотя поэма англичанина Холма и мемуары норвежца Гамсуна были созданы с промежутком в девяносто лет, образ Москвы в их произведениях сходен. Это поистине «сказочное царство», как назвал свои воспоминания Кнут Гамсун, в своих путевых заметках сохранивший для скандинавов образ Москвы XIX — рубежа XX вв., которому через короткое время предстояло исчезнуть навсегда. После Октябрьской революции восприятие города резко меняется. Датский коммунист Карл Лангемарк посетил Москву в 1932 г. с определенной целью: как представитель датских литейщиков-формовщиков, он приехал в Москву, чтобы разузнать, нет ли в России возможностей для трудоустройства работников его профсоюза. Это были времена Великой Депрессии (1929–1939), причем самый тяжелый ее период — 1929–1933 гг. Вот такая особенность города поразила его: «В Москве все большое. Стены толще, окна и двери больше [чем в Дании], и то, и другое связано с тем, что климат теплый летом и холодный зимой» [Langemark, 1932. P. 6]. Другой чертой Москвы, которую отметил Лангемарк, были бурный рост населения и вызванная им нехватка жилья: «Хуже всего нужда в жилье, население города выросло с полутора до трех с половиной миллионов человек. За последние месяцы 1931 г. город, к примеру, рос на 30 тысяч человек в месяц» [Там же. P. 3]. Лангемарк упомянул две черты Москвы, особенно запомнившиеся ему: большие размеры и климатические контрасты. Впоследствии и другие скандинавы, приезжавшие в Москву, будут отмечать, что город постоянно находится в развитии,

постоянно строится и разрастается, но контрасты, о которых будут писать они, несколько иного плана.

Норвежец Харальд Хальс (1876–1959), известный своими градостроительными проектами, в частности, строительством так называемого «социального жилья», доступного для всех слоев населения, увидел Москву глазами архитектора. Он отмечает, что население Москвы к 1937 году насчитывало 3,7 млн человек и предположительно могло увеличиться еще на пять миллионов [Hals, 1937. Р. 25]. Согласно Хальсу, «[советское общество] мечтает, что Москва во всех отношениях будет “величайшим” городом мира, столицей социалистического мира. Ее парки будут более протяженны, чем где-либо еще, ее улицы — шире, ее жилые кварталы — более просторны» [Там же. Р. 29]. Это мечта, но реальность, как обнаружил Хальс, была несколько иной: «Еще в 1930 г. более 60% всех зданий Москвы были деревянными. 45% были одноэтажными и лишь у 14% более, чем два этажа. Во внешнем своем облике Москва несет на себе отпечаток деревни, конечно, большого размера, но все же деревни» [Там же. Р. 26].

Это же восприятие Москвы как «большой деревни» встречаем в воспоминаниях группы датских туристов, которые посетили город в 1966 г., еще в самом начале строительства новых районов за пределами Садового кольца: «И вот перед нами лежит Москва — о которой идет слух, что она самая большая деревня мира, — с семью миллионами жителей. Мы узнали, что жители в больших домах, построенных в виде каре, живут как бы в замкнутом мирке. Когда нужно отпраздновать то или иное событие, они собираются во дворе, чтобы веселиться и праздновать» [Studietur, 1966. Р. 12]. Как видим, если не архитектурный облик города, то характер его жителей по прошествии сорока лет с визита Харальда Хальса все еще сохраняет некую сельскую патриархальность. Туристы передвигались по Москве в автобусе, проводя практически все время в историческом центре города, что не дало им возможности составить иного впечатления о новостройках, кроме того, что они «не роскошные» [Там же. Р. 12], однако, как кажется, их не оставляло смутное ощущение, что в Москве все «больше [, чем в Дании]» [Langemark, 1932. Р. 6], которое столь непосредственно выразил в 1932 г. Карл Лангемарк. Здание Московского университета воспринимается ими как «сооружение, подобное мамонту» [Studietur, 1966. Р. 15], то есть громадное. Когда они говорят об Останкинской телебашне, строившейся в то время, когда они находились в Москве, они отмечают, что «в конце концов ее высота будет 384 метра, и она сможет транслировать программы для 200 миллионов зрителей из общего населения России в 232 миллиона» [Studietur, 1966. Р. 15]. Упоминается и высота «серебристого памятника первому спутнику» — «90 метров» [Studietur, 1966. Р. 15].

Если во всех мемуарах о Москве отмечается ее сельское, крестьянское, начало, в путеводителях советского времени постоянно приводится информация, которая должна, наоборот, формировать представление о ней как о «столице Советского Союза» [Horskjær, 1957. P. 3], о «крупнейшем политическом и культурном центре страны» [Там же. P. 4], «наиболее значительном городе страны» [Horskjær, 1977. P. 11], имеющем долгую и славную историю. Постоянно подчеркивается рост города, его обновление. Еще в 1932 г. К. Лангемарк отмечает: «Здесь много строят» [Langemark, 1932. P. 5]. Та же мысль проводится и в более поздних произведениях: «Москва — большой город в процессе бурного развития. Город постоянно находится в состоянии перестройки. Бок о бок со старыми кварталами ввысь возносятся новые хорошо построенные дома. ... Еще более масштабное строительство развернулось на окраинах города, где возводятся целые новые кварталы, построенные по самой современной технологии» [Horskjær, 1957. P. 4]. К 1984 г. эти новые кварталы уже стали привычной реалией повседневности: «На окраине города мы увидели большие, новые жилые кварталы со всей необходимой инфраструктурой. На первом этаже многих 14- и 12-этажных корпусов находятся магазины и различные пункты общественного обслуживания» [Immele, 1984. P. 36].

В литературе о Москве советской не было места контрастам, однако в послеперестроечных путеводителях они появились, причем это оказались далеко не только контрасты климатические. В уже упоминавшемся путеводителе «Путешествие в Москву, Санкт-Петербург и по Транссибирской магистрали» [Dalgård, 2011], составленном Пером Дальгордом, Москва характеризуется следующим образом: «Контрасты резки. От непостижимо роскошной жизни богачей до нищеты беднейших бродяг. От кусачего зимнего холода и скользких тротуаров, по которым бредут закутанные в меха пешеходы, до расслабленных и почти раздетых в удушающие летние дни девушек и юношей, отправляющихся на рок-концерт или пикник в один из многочисленных зеленых парков города. От скученного существования неимущих семей в однокомнатных муниципальных квартирках до роскошных новых квартир богачей и больших охраняемых особняков за пределами города. От уродливых и облезлых многоэтажек советского времени до красивых, вновь используемых старых дворцов в политическом и экономическом центре города и страны вокруг Кремля и Красной площади» [Там же. P. 27]. Сколь бы жестким и правдивым, с одной стороны, и риторическим, с другой, ни было это описание Москвы, в нем можно подметить те же черты города как единства, которые видели посещающие город скандинавы на протяжении почти ста лет: большие размеры, рост городской территории, контрасты.

Если же обратиться к деталям большой картины, то оказывается, что образ Москвы в представлении иностранца, в данном случае, скандинава, склады-

вается из черт, часть из которых постоянна, другие же, связанные с повседневностью Москвы или с государственной идеологией, подвержены переменам. Меняется также восприятие постоянных черт, одно упоминание которых вызывает в памяти мысли о Москве, однако состав этой группы практически стабилен — если в тексте мемуаров та или иная достопримечательность не называется, она в большинстве случаев присутствует на иллюстрациях. В группу постоянных черт, связанных с центром города, входят «Большой театр», «Кремль как целое», «Стены Кремля», «Соборы Кремля», «Царь-Пушка», «Царь-Колокол», «Иван Великий», «Вид на панораму Кремля», «Красная площадь», «Василий Блаженный», «Мавзолей», «ГУМ».

«Большой театр»

Словосочетание «Большой театр», а еще точнее, «Большой балет», первым вызывает у иностранцев, в том числе и у скандинавов, ассоциации с Москвой и — шире — с Россией. Большой театр посещали и посещают все скандинавы. Даже К. Лангемарк, не скрывавший своей глубокой неприязни ко всему, связанному с культурой старой России, не преминул в своем отчете для профсоюза литейщиков упомянуть, что он был в театре — «в Большой Опере» [Langemark, 1932. P. 14]. По его наблюдениям, любовь к театру в Москве распространена во всех слоях общества, присуща она и рабочему классу: кроме различных постановок в рабочих клубах, «в Москве люди много ходят в театр, на балет, в оперу и на концерты. В Москве имеется три постоянных оперных театра» [Там же. P. 14]. На фоне всеобщего увлечения театром слова Лангемарка звучат довольно обыденно: «Я присутствовал на постановке балета «Красный мак» в Большой опере» [Там же. P. 14]. В его брошюре мы находим и описание интерьера Большого театра после революции: «Сам театр громадный. Все шесть этажей выдержаны в золоте от пола до потолка. Над сценой помещено большое украшение, красивое сочетание серпа и молота. Там, где раньше были короны, теперь серп и молот» [Там же. P. 14–15]. Но театр, конечно, — не только здание, но и постановки, которые можно увидеть на его сцене. Хотя Лангемарк сознает, что он не является специалистом в области балета, тем не менее он не может не высказать своих наблюдений: «Балет, который я посмотрел, был попыткой создать современный балет, или социалистический театр, понимаете, как хотите. Насколько было достигнуто обновление этой формы искусства, судить не буду. Декорации были красивые, количество танцоров колоссальное, отдельные танцы были прямо как номера из Варьете, но от этого не менее хороши» [Там же. P. 15].

По своей жанровой специфике путеводитель должен указывать «путь» и вехи на этом пути так, чтобы они были узнаваемы. В первом послевоенном путеводителе, написанном Э. Хорскьером в 1957 г., Большой театр описывается так, чтобы любой турист мог его узнать: «здание Большого театра

с колоннами и четырьмя бронзовыми конями над фронтоном» [Horskjær, 1957. P. 13]. Характеристика театра совмещает в себе две черты, отмеченные и К. Лангемарком — богатый интерьер и замечательные постановки: «Производящий сильное впечатление, полностью позолоченный зал с балконами в пять этажей является обрамлением для самых выдающихся постановок советского искусства оперы и балета» [Там же. P. 13]. Знаменитый театр настолько узнаваем, не в последнюю очередь, вероятно, благодаря публикациям в газетах и телевизионным передачам, что описывать в более поздних путеводителях его не надо. Стоит только произнести слова «Большой театр», и образ здания возникает перед мысленным взором сам собой. Поэтому в путеводителе 1977 г. (очередное переиздание путеводителя Э. Хорскьера, вышедшего в 1964 г. и позже переиздававшегося в 1967 и 1973 гг.), в котором вся информация о театрах помещена в раздел «Развлечения» [Horskjær, 1977. P. 39], Большой театр не описывается, зато довольно подробно перечисляются оперы и балеты, среди них произведения П. И. Чайковского, которые хорошо известны во всем мире: «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Лебединое озеро», «Спящая красавица» [Там же. P. 39]. Особо отмечается, что труппа Большого театра регулярно выступает в Кремлевском Дворце Съездов, «где в особенности балеты ставятся еще более роскошно, чем в старом театре» [Там же. P. 39].

Посещение Большого театра становится мечтой приезжающих в Москву скандинавов, и если мечта становится явью, рождаются весьма эмоциональные тексты, например: «Вечерняя программа! — Нас снова ждут Музы: Большой театр. Люди входят толпой. Проходишь между огромными колоннами, находящимися снаружи, и попадаешь в море света, которое отражается в мраморе. Еще одно впечатление высшего качества: особое настроение, пышность и красота. Дают произведение Чайковского. Чувствуется, что музыка, само произведение и театр созданы друг для друга» [Studietur, 1966. P. 18].

Однако иностранцам обычно легче воспринимать балеты, чем оперу. Следующая запись из путевого дневника двух датских школьниц, Йетте Кристенсен и Ханне Расмуссен, посетивших Москву в 1981 г., показывает, что в определенных ситуациях даже всемирная известность труппы и само оваянное славой словосочетание «Большой театр» не спасают положения: «Вечером была ОПЕРА, которая стояла в программе, и мы, полные ожиданий, всей гурьбой отправились во Дворец Съездов в Кремле. На тех, кто интересуется оперой, она, без сомнения, произвела большое впечатление, и они насладились двухчасовым пением, но части из нас приходится признать, что через час нам хватило этой “культуры”, и в антракте мы ушли из театра вместо того, чтобы пойти в буфет» [Moskva og Saporosje, 1981. P. 181].

Воспоминания и путевые заметки по сути своей личностны, они, как зеркало, отражают не только то, что видит их автор, но и его самого. При всем

уважении, которое немецкий журналист Ф. Иммеле выказывает по отношению к русской культуре, театр его не интересует. Тем не менее, совсем не упомянуть Большой театр он не может. В его воспоминаниях мы находим общую характеристику театра («крупнейший центр русского и советского искусства в стране» [Immele, 1984. Р. 32]) и перечень имен русских, советских и зарубежных композиторов, чьи произведения можно увидеть на сцене Большого театра [Там же. Р. 32]. Конечно, среди русских композиторов мы снова видим имя Чайковского.

«Никто бы не отказался получить возможность сидеть наверху в Царской ложе и смотреть оттуда на этот необыкновенный зал и сцену! Публика переговаривается между собой и поглядывает по сторонам в театральные бинокли, пока музыканты в оркестровой яме настраивают инструменты. В обществе расфранченных зрителей чувствуешь, что перенесся в аристократическую Россию, которую Толстой описал в романе «Война и мир», некоторые эпизоды которого имеют место в этом зале» [Dalgård, 2011. Р. 39]. Эти строки взяты из путеводителя П. Дальгорда, изданного в 2011 г., но кажется, что это же ощущение изысканного и необыкновенного праздника мог передать в своих воспоминаниях и К. Херслов, приехавший в Москву через Санкт-Петербург из Норвегии в 1911 г., ровно за сто лет до выхода в свет 12-ого издания книги Дальгорда. Точка зрения совершенно изменилась, так что с трудом верится, что когда-то К. Лангемарк радовался серпу и молоту, сменившим изображения царских венцов над сценой театра.

В своем путеводителе Дальгорд постоянно пытается отделить советское прошлое Москвы и России от ее постсоветского настоящего, пусть и не лишённого проблем и социальных контрастов, но, на его взгляд, имеющего несомненный положительный потенциал. С такой же точки зрения он рассматривает и Большой театр: «Большой театр, который неотделим от классической русской культуры, годами мучился в разрушающихся, но красивых зданиях с устаревшим оборудованием и страдал от одного коррупционного скандала за другим. Но теперь гордое здание предстает перед нами роскошно обновленным, и балет и опера снова заняли свои заслуженные места на мировой сцене» [Там же. Р. 39].

Впрочем, некоторые вещи остались прежними: бурный XX в. отступил в прошлое, а Большой театр, по мнению автора путеводителя, все тот же: «...не только вершина русского балета и оперы, но и... [театр] мирового класса, и был таковым в течение столетий» [Там же. Р. 39], в его репертуаре, «в основном классические постановки оперы и балета» [Там же. Р. 39], список которых открывается двумя самыми известными скандинавам произведениями Чайковского: «Лебединое озеро» и «Щелкунчик» [Там же. Р. 39].

«Кремль как целое»

Все скандинавы посещали Кремль. Военный атташе Норвегии в России Карл Херслов, живший в Москве в 1911–1913 гг. (он изучал русский язык), при виде Кремля вспоминает старинную русскую поговорку: «Выше Москвы Кремль, выше Кремля только небо» [Herslow, 1946. P. 26–27]. Для него Кремль — «целый квартал города» [Там же. P. 26–27], в котором «нет городского шума» [Там же. P. 26–27], куда приятно прийти, чтобы «погулять в тишине и покое» [Там же. P. 26–27]. В своих мемуарах о Москве перед первой мировой войной Херслов упоминает и соборы Кремля, и «много замечательных церквей и дворцов» [Там же. P. 28–30]. Он отмечает, что Кремль «построен на холме и возвышается на 50 метров над текущей [под холмом] Москвой-рекой» [Там же. P. 26–27]. На фотографии, которую Херслов поместил в свою книгу, изображен хрестоматийный вид Кремля с противоположной стороны Москвы-реки, с набережной, которая долгое время носила имя Мориса Тореза, а сейчас называется Софийской. С этой набережной сто лет подряд туристы фотографируют Кремль с его соборами, Большим Кремлевским дворцом и колокольней Ивана Великого. Мемуары Херслова двуплановы: он приезжал в Москву дважды, второй раз в 1927 г., поэтому в его воспоминания о Москве 1911 г. постоянно вплетаются упоминания о более поздних временах: «С тех пор как Советское правительство сделало Кремль своей резиденцией, он был герметически закрыт для всех» [Там же. P. 28–30].

Церкви и дворцы, которые казались столь «замечательными» [Там же. P. 28–30] норвежскому военному атташе, позже вызвали совсем другие ассоциации у датского коммуниста. В 1932 г. Карл Лангемарк писал о Кремле следующее: «За стенами Кремля находятся правительственные здания, но в них нет доступа, зато можно увидеть там дворцы и церкви, которые стоят бок о бок друг с другом» [Langemark, 1932. P. 5]. После посещения Оружейной палаты Лангемарк пришел к довольно оригинальному, но несколько неожиданному выводу: «...понятно, что русским царям и князьям нужно было много церквей и отцов-исповедников, потому что они были какие-то необыкновенно большие воры, в чем нечего и сомневаться, когда видишь все это [то есть экспозиции Оружейной палаты]» [Там же. P. 5]. Кремль не вызывает у Лангемарка отторжения, когда он рассматривает его лишь с одной точки в Москве — от Мавзолея Ленина [Там же. P. 4].

Человек гораздо более интеллектуальный, чем представитель профсоюза датских литейщиков-формовщиков, уже упоминавшийся норвежский архитектор Харальд Хальс также отмечает, с одной стороны, замкнутость Кремля, с другой — его центральную роль в жизни города и страны: «Кремль лежит как остров — во все времена твердыня среди волнующегося моря домов и крыш, как центр России / русского государства» [Hals, 1937. P. 14]. Хальс

приехал в Москву в 1937 г. «после убийства Кирова» [4, 14], по его наблюдениям, в Кремль попадать стало все труднее и труднее: «Здесь больше не устраивают праздников, редко дают аудиенции, и у тех, кто по той или иной особой причине получают основание проскользнуть внутрь сквозь Спасские ворота, ... паспорт должен быть в полном порядке, и при этом, однако, входя, он подвергается проверке — не один, а много раз» [Там же. Р. 14]. Глава о Кремле в его книге, посвященной Москве, называется «Moskova moribunda» [Там же. Р. 14] — «Москва умирающая». Для Хальса Кремль — прошлое России, постепенно уходящее в небытие, причем в этом прошлом нет места героическому или созидательному, оно являет собой лишь пустой блеск и рассеяние светской жизни: «В прекрасных залах дворца больше не собирается блистательное общество дипломатов в золотых галунах или светских людей» [Там же. Р. 14]. Как Херслов, Хальс видит Кремль как особый, отделенный от остального города «мир с его церковными куполами, блистающими золотом, с его красивыми фасадами дворцов» [Там же. Р. 15], но тишина Кремля воспринимается им как «гнетущая» [Там же. Р. 15], мертвая: «вся среда, словно бы окаменевшая, заснувшая красота» [Там же. Р. 15]. По его мнению, именно «снаружи [т. е. вне стен Кремля] бьется пульс жизни» [Там же. Р. 15].

В 1957 г. в Москве прошел 6 Всемирный фестиваль молодежи и студентов под лозунгом «За мир и дружбу». К этому фестивалю в Копенгагене была издана небольшая брошюра «Москва. Краткий путеводитель». В ее составлении участвовал Эрик Хорскьер — переводчик русской классической литературы, журналист, литературный критик, писатель, археолог. Путеводитель был призван формировать определенные представления о Москве у тех молодых датчан, которые могли бы отправиться на фестиваль. Вот как датские делегаты фестиваля должны были воспринимать Кремль: «Кремль, сердце Москвы, является огромным комплексом дворцов, церквей, башен и других великолепных зданий, окруженных высокой стеной с зубцами и с 19 большими и маленькими башнями» [Horskjær, 1957. Р. 4]. При этом подчеркивается главное, с точки зрения составителей путеводителя: «С 1918 г. ... Кремль является местопребыванием Советского правительства» [Там же. Р. 4]. О Кремле как о месте, полностью принадлежащем прошлому страны, уже больше не говорится, хотя отмечается, что он «прочно связан с историей России, историей Советского Союза и города Москвы, и в то же время старая крепость представляет собой выдающийся архитектурный ансамбль с великолепными примерами древнерусского строительного искусства и с культурно-историческими собраниями неизмеримой ценности» [Там же. Р. 16]. Мысль сформулирована официально, но точно.

В 1964 г. Эрик Хорскьер выпустил еще один путеводитель по Москве, определивший восприятие датчанами Москвы до конца 1980-х гг. (последнее издание в 1977 г.). Здесь повторяется эта же мысль, но в несколько скоррек-

тированном виде: Кремль должен восприниматься как «старейшая крепость Москвы» [Horskjær, 1977. P. 21], «безусловно, одна из важнейших достопримечательностей столицы» [Там же. P. 21], он представляет собой сочетание старинных и «новых зданий» [Там же. P. 21] (в 1961 г. построен дворец Съездов). Какова же должна быть реакция туриста из любой страны, также и из Дании? «Вряд ли есть какой-либо приезжий, который не пожелает прежде всего прийти сюда» [Там же. P. 21]. Поэтому понятны строки из воспоминаний о поездке в Москву, написанные немцем Ф. Иммеле, но изданные по-датски, следовательно, доступные датчанам и участвовавшие в формировании их представлений о Москве: «Мы поехали к Кремлю — значимый момент для всех нас. Никому не нужно было объяснять, где мы находимся» [Immele, 1984. P. 16].

Впечатления о Кремле, полученные немецким журналистом Ф. Иммеле, любопытным образом перекликаются с цитируемыми выше записями Харальда Хальса, сделанными в 1937 г. Как и Хальс, Иммеле видит Кремль и окружающий его город как сочетание старого и нового: «...вокруг лежит новая Москва, в которую красиво вписывается старый Кремль» [Immele, 1984. P. 29]. Однако для Иммеле старое и новое не противопоставлены друг другу, как отживающее и рождающееся, они находятся в гармонии, более того, в представлении автора Кремль оказывается тем живым зерном, из которого выросло все новое: «Москва построена вокруг Кремля» [Там же. P. 29].

С перестройкой старые путеводители отступили в прошлое. В путеводителе Пера Дальгорда Кремль в представлениях датчан о Москве занимает второе место после Большого театра [Dalgård, 2011. P. 26]. Дальше Кремль кратко характеризуется, как «центр власти и сердце России» [Там же. P. 29], «на протяжении всей истории центр российской власти» [Там же. P. 29]. Кроме того, что Кремль является средоточием российской государственности, ему дается следующая характеристика, в основе которой лежит контраст — контраст между властью земной и небесной, между историей и современностью: «Кремль — сердце России, и здесь находятся и золотые коридоры власти, и самые прекрасные церкви и иконы страны, а также богатые собрания художественных сокровищ старой России. Кремль и сам есть воплощение имперского правления России, полный мифов и символики» [Там же. P. 31]. Притом что история России и ее культурное наследие постоянно упоминаются в одном контексте с Кремлем, главной идеей в формировании нового представления о Кремле для автора путеводителя остается его связь с властью, ощущающаяся при чтении текста Дальгорда гораздо ярче, чем более ранние высказывания о Кремле как местопребывании Советского правительства.

«Стены Кремля»

Стены Кремля сразу привлекают внимание скандинавов. Херслов, военный атташе, видит Кремль как крепость, когда-то имевшую оборонное зна-

чение и вплоть до начала XX в. сохранившую грозный вид: «Кремль в своей целостности окружен стеной из красного кирпича, которая усилена многочисленными бастионами, украшенными высокими шатрами» [Herslow, 1946. P. 27]. Лангемарк кремлевские стены не рассматривает, для него они не имеют ни исторической, ни художественной, ни тем более военной ценности, они являются лишь одной из границ Красной площади: «с одной стороны [Красной площади] проходит кремлевская стена с ее башнями и воротами» [Langemark, 1932. P. 5]. В 1937 г., когда жизнь в Кремле замирает, его стены воспринимаются только как «живописные» [Hals, 1937. P. 14], то есть как род театральной декорации, нечто ненастоящее, отодвинутое на обочину жизни. Однако Хальс, будучи специалистом, способен и оценить красоту архитектуры, и заметить перемены в декоре: «У зданий и стен несравненная и живописная красота — не изменившаяся с течением столетий. Лишь царские орлы, которые еще несколько лет назад венчали башни Кремлевской стены, сменились золотыми советскими звездами» [Там же. P. 15]. В послевоенных путеводителях красота кремлевских стен не важна, важна их функция: «высокой кирпичной стеной с большими и малыми башнями окружен» [Horskjær, 1957. P. 4] комплекс правительственных зданий и музеев.

Подробно, с точными данными о размерах и числе башен, Кремлевские стены описываются в воспоминаниях Ф. Иммеле, которые представляют собой соединение двух жанров — мемуаров и путеводителя. Читатель узнает о высоте, протяженности, толщине стен [Immele, 1984. P. 27]. Башни характеризуются как «места, где сосредоточивались силы обороны» [Там же. P. 27].

В путеводителе 2011 г. поразительным образом присутствуют два взгляда на кремлевскую стену. С одной стороны, отмечается функция стен («За толстыми, красными стенами Кремля находится исторический центр российской власти» [Dalgård, 2011. P. 30]); с другой — взгляд на кремлевскую стену устремляется, как и у К. Лангемарка, с Красной площади, причем снова вовсе не зубцы и башни являются объектом интереса: «вдоль Кремлевской стены лежат разные сподвижники [Ленина], среди них первейший — Иосиф Сталин» [Там же. P. 19].

Притом что внимание к стенам Кремля падает, звезды как деталь их декора вызывают у скандинавов ярко выраженный интерес. Они постоянно упоминаются как в путеводителях, так и в воспоминаниях о поездках в Москву: «На всех башнях Кремля... звезды» [Horskjær, 1957. P. 10]. Конечно, наибольшее удивление вызывает «пятиконечная звезда из рубинового стекла» [Там же. P. 10], венчающая Спасскую башню. Ее описание переходит почти без изменений из книги в книгу: упоминаются размах лучей («четыре метра из конца в конец» [Horskjær, 1957. P. 10; Horskjær, 1977. P. 20; Moskva og Saporosje, 1981. P. 181]) вес [Horskjær, 1957. P. 10; Horskjær, 1977. P. 20; Moskva og Saporosje, 1981. P. 181], мощность лампы, заключенной внутри звезды [Horskjær, 1957.

Р. 10; Horskjær, 1977. Р. 20; Moskva og Saporosje, 1981. Р. 181]. Снова вспоминается реакция К. Лангемарка: в Москве все большое.

Тем не менее стены не перестают быть частью визуального образа Кремля, и происходит это благодаря средствам массовой информации, в основном телевидению: «башни Кремля с длинной кирпичной стеной, украшенной зубцами, показались нам старыми друзьями» [Immele, 1984. Р. 22].

«Соборы Кремля» и проблема отношения к религии

Соборы Кремля и церкви вообще всегда находятся в центре внимания скандинавов, поскольку многочисленность церквей является одной из ярких черт облика Москвы. С ними связана и проблема восприятия Православия на протяжении XX века.

Карлу Херслоу, часто посещавшему Кремль в 1911–1913 гг., наиболее запомнился Успенский собор Московского Кремля, который, по его ощущениям, вместе с другими соборами находился «практически в центре Кремля» [Herslow, 1946. Р. 30]. Записывал он свои воспоминания о Москве гораздо позже (изданы в 1946 г.), но и тогда ему представлялось величественное «четырёхугольное здание... с большим золоченым куполом» [Там же. Р. 30]. Херслов знал о том, что в Успенском соборе «ранее короновались русские цари» [Там же. Р. 30], не из путеводителей, как скандинавы, посещавшие Москву в более позднее время, а от очевидцев. В его воспоминаниях сохранился рассказ о торжествах по случаю коронации императора Николая II, в частности, такой эпизод: «Именно у входа в этот собор Царь Николай II во время своей коронации, отягощенный короной и мантией, споткнулся и уронил скипетр. Он был близок к обмороку и должен был отойти в сторону и выпить стакан воды. Суверенная чернь, конечно, усмотрела в этом дурной знак» [Там же. Р. 30].

Это теплое, личностное отношение к главным архитектурным памятникам Кремля, увиденным глазами доброжелательного и, возможно, верующего человека, пусть и лютеранина, после революции 1917 г. под влиянием общих антирелигиозных настроений полностью исчезло на долгие годы и из воспоминаний о Москве, и из путеводителей по ней.

В отчете датского коммуниста К. Лангемарка его убеждения выражены с большой определенностью: «В образе города преобладают церкви, поскольку до революции было обыкновение, что когда человек обманывал и эксплуатировал ближних, он строил церковь и получал отпущение грехов. В наше время и в наших странах отпущение грехов стоит дешевле» [Langemark, 1932. Р. 5]. Его рассказ о Москве начала 1930-х гг. сохранил для нас зарисовки повседневной жизни, в которой вере и Церкви еще позволялось существовать на обочине жизни, но существование это было уже весьма трудным, если не сказать опасным: «В Москве множество церквей, точнее говоря, церковных зданий, хотя большевики разрушили большое их количество. Оставшиеся

используются как клубы для рабочих или сходным образом, или в действительности для богослужения. Это еще происходит, нужно просто провести голосование среди тех, кто живет по соседству, если они хотят сохранить богослужения, они имеют возможность платить аренду церковного здания. Я присутствовал на подобном богослужении, за исключением священника, там были только женщины» [Там же. Р. 4].

Харальда Хальса соборы Кремля не особенно занимают, закрытие их он упоминает лишь как один из признаков умирания Кремля, символа старой, уходящей жизни: «Свечи не горят в соборах — в Успенском и Архангельском» [Hals, 1937. Р. 14]. Его, как архитектора-градостроителя, гораздо больше интересует, что появляется на месте снесенных церковных зданий: «По другую сторону [Красной] площади еще несколько лет назад находилась церковь Богородицы Казанской. Теперь ее нет, и на ее месте открыт небольшой ресторан на открытом воздухе, очень аккуратно и современно построенный, и его цель состоит в том, чтобы там можно было посидеть, посмотреть на площадь и утолить жажду в жаркий день» [Там же. Р. 19–20]. Конечно, ресторан по его идеологическому значению вряд ли можно приравнять к «клубу для рабочих» [Там же. Р. 4], однако мысль Хальса, как кажется, ясна: все — для блага человека, пусть это всего лишь утоление жажды. Духовной жажды для него не существует. Тем не менее, Хальс, если уже не христианин (как упоминалось выше, он родился в 1876 г.), то, по крайней мере, архитектор, явно чувствует некоторое внутреннее беспокойство из-за разрушения этого старинного здания и вынужден оправдывать перед самим собой действия своих идеологических соратников: «Церковь Казанской Богородицы была все-таки своеобразным зданием, не типично русским со средним куполом и четырьмя боковыми куполами, но греческая по типу, ослепительно белая и увенчанная группой, букетом зеленых лукович. Поэтому она должна была дать дорогу новому» [Там же. Р. 20]. Тут же он не может не высказать и своего отношения к религии, Церкви и церковной архитектуре вообще: «И Богородица, и Господь высоко ценились в прежние годы. Раньше Москва была подавляюще богата церквями и попами. Последние практически совсем исчезли из уличного пейзажа, их видишь лишь изредка. Церквей еще настоящее изобилие, но антирелигиозная волна, которая прокатилась по стране в послереволюционные годы, кажется, даже возвращается, и еще многие церкви готовы к сносу. Они больше не нужны» [Там же. Р. 20].

Поскольку подобное отношение к вере и Церкви, как известно, было возведено в правило, неудивительно, что в более поздних путеводителях и воспоминаниях тема религии не затрагивается вообще, а соборы Кремля рассматриваются только как музеи. При этом соборам ни в коем случае не отказывают ни в красоте архитектурного облика, ни в культурной ценности.

Так, в путеводителе 1957 г., предназначенном для делегатов VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, говорится, что «среди красивейших памятников Кремля» [Horskjær, 1957. P. 19] выделяются три собора, «которые окружают большую открытую площадь» [Там же. P. 20]. Соборная площадь как нечто особенное, как ядро архитектурного ансамбля не рассматривается.

В путеводителе 1957 года, составленном Э. Хорскьером, впервые появляются краткие характеристики соборов, которые позволяют запоминать их и отличать один от другого. Так, об Успенском соборе скандинавские туристы узнают, что он сохранил «очень ценные, первоначальные фрески» [Там же. P. 20], «в этой церкви в прежние времена короновались русские цари» [Там же. P. 20], «усыпальница высших чинов духовенства Русской Церкви» [Там же. P. 20]. Среди царей упоминается самый известный на Западе — Иван Грозный и его «великолепный трон, выдающийся пример искусства русских резчиков» [Там же. P. 20]. Благовещенский собор, «домовая церковь Двора» [Там же. P. 20], отличается «старинными фресками и богатым убранством» [Там же. P. 21], в то время как об Архангельском соборе следует знать, что это «усыпальница царей до Петра Великого» [Там же. P. 21], в ней сочетаются «элементы русской традиции и языка ренессансных форм» [Там же. P. 21].

Начиная с конца 1950-х гг. перечень достопримечательностей, которые входят в обязательную экскурсию по Кремлю — как для жителей СССР, так и для иностранцев — обязательно включает в себя Кремлевские соборы. Их посещение неминуемо упоминается в воспоминаниях туристов и в школьных отчетах о поездках в Москву, которые можно назвать своеобразным датским «самиздатом», поскольку они копировались на ксероксе по числу участников поездки, а несколько экземпляров отсылалось в библиотеки: «мы зашли в два красивых собора, которые находятся в Кремле — Благовещенский и Архангельский, который был усыпальницей русских царей до Петра Великого» (отчет о поездке в Москву 1966 г.) [Studietur, 1966. P. 13], «мы посетили... соборы и прочие достопримечательности» (отчет о поездке в Москву и Запорожье 1981 г.) [Moskva og Saporošje, 1981. P. 181].

Некоторое изменение интонации намечается в путеводителе 1964 г. (последнее переиздание в 1977 г.), автором которого снова является Э. Хорскьер. Внимание туристов направляется на Соборную площадь, которая ранее воспринималась просто как незастроенное пространство между зданиями: «центральная площадь Кремля — Соборная, просторная, четырехугольная площадь, которая со всех сторон окружена историческими зданиями» [Horskjær, 1977. P. 25]. Гораздо более подробно описывается теперь Успенский собор, «главная церковь старой России» [Там же. P. 25]. В путеводителе 1977 г. повторяются те же черты, которые выделялись и ранее (коронационная церковь, фрески), однако происходит большой сдвиг в сторону «музейного описания»:

называется архитектор собора, причем подчеркивается, что он, итальянец, построил этот собор «в точной связи с традиционной русской архитектурой, ... с церковными зданиями в старой столице Владимире» [Там же. Р. 25]. Автор отмечает, что фрески не просто ценные, они принадлежат к разным периодам русской истории: «от времени возведения церкви до довольно поздних записей» [Там же. Р. 25]. Производится и попытка рассказать больше о разнице в оформлении церковного интерьера между протестантской и православной церквями: «Высокая преграда с иконами, иконостас, которая отделяет алтарь от нефа храма» [Там же. Р. 25], что, как кажется, является неявным признаком постепенного смягчения негативного отношения к религии и возрождающегося интереса к ней.

Фриц Иммеле приехал в Москву в 1976 г., по-датски его книга издана в 1984 г., совсем незадолго до перестройки. Конечно, как и остальные иностранцы, он посетил Кремль и был поражен обилием памятников культуры, сосредоточенных на столь небольшой площади. Тем не менее соборы Кремля его не заинтересовали. При всем восхищении культурным наследием России о них Иммеле говорит кратко, причем назначение соборов в прошлом указывается как их самая характерная черта: «Благовещенский собор, который был церковью царской семьи... Архангельский собор, который был усыпальницей русских великих князей и царей... Успенский собор — коронационная церковь царей и усыпальница русских патриархов и митрополитов» [Immele, 1984. Р. 37].

Отношение Ф. Иммеле к церквям и религии предсказуемо, однако он довольно терпимо относится к духовному наследию прошлого, видя в нем в первую очередь культурную составляющую: «Русская Православная Церковь была верной помощницей в угнетении населения страны. И тем не менее все церкви в Кремле сохраняются и поддерживаются в образцовом состоянии. Эти церкви и бесценные сокровища в них рассматриваются как собственность советского народа, как его культурное достояние» [Там же. Р. 39].

В воспоминаниях Иммеле впервые за много десятилетий говорится не о религии вообще, а о православии. Безусловно, оценка продолжает быть негативной: «До революции Церковь вместе с самодержавием и классами-эксплуататорами участвовала в угнетении населения» [Там же. Р. 39]. Однако для автора уже не важна та или иная оценка деятельности Церкви как института. Само обращение к роли Церкви в обществе необходимо для упоминания о «свободе совести» в СССР: «...верующим не чинится никаких препятствий для отправления религиозных обрядов» [Там же. Р. 39]. Как сообщает своим читателям Ф. Иммеле, граждане СССР могут принадлежать к любой религии или не принадлежать ни к какой [Там же. Р. 39]. Тут же — впервые за весь XX в. — называется и общее количество действующих церквей разных христианских конфессий (всего 47 в Москве, всего 20.000 во всей стране), а также упоминаются одна мечеть и одна синагога [Там же. Р. 39].

Эта информация в книге, призванной формировать образ Москвы и России у западного человека, появилась на датском языке, как было указано выше; незадолго до перестройки, в 1984 г. Через несколько лет взгляд на религию в России кардинально изменился. В путеводителе Пера Дальгорда отмечается: «Русская Православная Церковь снова играет большую роль в жизни страны, после того как в течение 75 лет она была “опиумом для народа”» [Dalgård, 2011. P. 33]. Новое отношение к вере и Церкви, причем Церкви Православной, как к некой тайне и одновременно таинству, нашло свое отражение в разделе с говорящим заглавием «Тайна Православия»: «Посещение богослужения в России производит ошеломляющее впечатление. Оно обращается ко всем чувствам человека посредством пения, которое, как волна, ходит между священником и хором, посредством света и красок. Повсюду взгляд падает на иконы, а на обоняние воздействуют ладан, горящие свечи и цветы» [Там же. P. 33].

Именно в этом ключе автор рассказывает о церковной архитектуре Кремля. Вот, например, описание Соборной площади Кремля: «Чернобородые священники ходят по этой красивой площади, окруженной голубыми и золотыми куполами, не обращая внимания на любопытные взгляды туристов. Церкви не используются ежедневно, но время от времени колокола созывают на богослужение в одной из церквей, которая по размеру схожа с маленькими деревенскими церквями Дании, но хранит некоторые из самых важных и прекрасных икон России» [Там же. P. 32, 34]. Как видим, никаких «попов», как у Лангемарка или Хальса. Главное, на чем должен сконцентрироваться взгляд читателя, потенциального туриста, это «купола» и колокольный звон, зовущий на богослужения в церкви, где долгое время, по выражению Харальда Хальса, «не горели свечи» [Hals, 1937. P. 14].

Иначе теперь характеризуются и соборы Кремля. Так, Успенский собор, как и до революции 1917 г., становится «наиболее важным и значительным собором для всех православных христиан» [Dalgård, 2011. P. 34]. К чертам, определяющим образ Успенского собора (ценные фрески, архитектор-итальянец, иконостас с древними иконами, трон Ивана Грозного), добавляется новая: «С 1990 г. это снова действующая церковь, хотя она до сих пор остается музеем» [Там же. P. 34]. Из формулировок исчезает официальность и отстраненность: если раньше Успенский собор назывался «коронационной церковью» [Immele, 1984. P. 37], то теперь эта сжатая характеристика разворачивается в отдельное предложение: «Это место всех царских коронаций и императорских отпеваний вплоть до Петра Великого, который перенес эту традицию в Санкт-Петербург» [Dalgård, 2011. P. 34]. Более того, в описание собора вносится элемент личного восприятия автора, приводя на мысль текст столетней давности — воспоминания норвежского военного атташе Херслова 1911 г.: «Вот стоит Аня и ее сибирские одноклассники, они выглядят очень благочестиво. Как полагается, девочки надели платки, мальчики сняли шапки, ибо

именно так себя ведут в православных церквях» [Там же. Р. 34]. Не менее неожиданным на фоне уже сложившейся столетней антиклерикальной традиции отношения к московским церквям и соборам становится описание интерьера Архангельского собора: «...темное пространство, которое, однако, пронизано светом, [исходящим] от нескольких наиболее знаменитых русских работ иконописца Андрея Рублева. Здесь чувствуется ладанный дымок православной веры и древнерусской мистики, что старался воссоздать в своем шедевре «Андрей Рублев» знаменитый советский режиссер Тарковский» [Там же. Р. 34].

«Колокольня Ивана Великого», «Царь-Пушка» и «Царь-Колокол»

Три памятника, находящихся в Кремле, обычно упоминаются все вместе или в каком-либо сочетании, поскольку они расположены близко друг от друга. Как бы ни проходила экскурсия по Кремлю, сначала через Соборную площадь, а потом обходя Архангельский собор и обратно к Кутафье-башне или в противоположном направлении, миновать эти достопримечательности еще никому не удалось. Это колокольня Ивана Великого и находящиеся у ее подножия Царь-Пушка и Царь-Колокол.

В воспоминаниях К. Херслева описывается «огромная колокольня Ивана Великого почти сто метров высотой с верхушкой, покрытой листовым золотом» [Herslow, 1946. Р. 28]. В 1911–1913 гг., когда Херслов жил в Москве, изучая русский язык, Кремль и все его здания еще были открыты для посещения, поэтому в книге норвежского военного атташе сохранились не только сведения, которые были бы уместны в путеводителях («33 колокола разной величины, самый большой из них, звучащий особенно благозвучно, весит 65 тонн» [Там же. Р. 29–30], «250 ступеней лестницы» [Там же. Р. 30]), но и личные впечатления, например: «Мне хочется рассказать об особенном впечатлении, которое я получил, когда в Пасхальную ночь 1912 г. я стоял у подножия колокольни, в то время как все колокола звонили на разные голоса. Вибрация в воздухе была настолько сильна, что, казалось, дрожит вся грудная клетка» [Там же. Р. 30]. Очевидно автор воспоминаний не раз «давал себе труд взбираться по... лестнице до нижней площадки [колокольни]» [Там же. Р. 30], так как следующий отрывок, как кажется, отражает его личный опыт, отсылающий нас и к впечатлениям К. Гамсуна: «в ясную солнечную погоду с нее [колокольни — М. Н.] открывается впечатляющий вид на город и его более чем 1900 церквей, многие из которых украшены золочеными куполами, блестящими в солнечном свете» [Там же. Р. 30].

Как уже неоднократно отмечалось выше, после революции Кремль был практически закрыт для посетителей, а те скандинавы, которые оставили воспоминания о Москве 1930-х гг., попадая за красные стены с зубцами, не интересовались памятниками царского режима. Поэтому в послевоенный период упоминания о колокольне Ивана Великого постепенно становятся все

короче и суше, причем выбираются две точки обзора. Авторы воспоминаний или путеводителей могут находиться так близко от здания «высотой 81 метр» [Studietur, 1966. P.13], что его практически невозможно рассматривать, и тогда появляются скупые строки: «Мы проходим около колокольни Ивана Великого» [Там же. P. 13] или «Мы прошли мимо колокольни Ивана Великого» [Immele, 1984. P. 37]. В другом случае, напротив, расстояние весьма велико. Речь идет об упоминавшемся выше «классическом» виде на Кремль» [Horskjær, 1957. P. 11; Horskjær, 1977. P. 21], открывающемся с Софийской набережной, ранее набережной Мориса Тореза. Во всех воспоминаниях и путеводителях помещаются фотографии Кремля примерно с одной точки, в некоторых приводится и словесное описание этого вида, но только в путеводителях, написанных Э. Хорскьером, колокольня Ивана Великого выделяется как элемент пейзажа. Так, в путеводителе 1964 г. (последнее издание в 1977 г.) говорится: «Отсюда видна вся южная сторона старой крепости со всеми зданиями — белыми и желтыми, с зелеными крышами и золочеными куполами. Над красной крепостной стеной с зубцами видны здания, господствующие [в ансамбле], справа находятся три главных собора и колокольня Ивана Великого» [Horskjær, 1977. P. 21], но это несколько отредактированная и сокращенная версия 1957 г., в которой интересующий нас памятник не просто называется среди других, но описывается до некоторой степени поэтично: «Выше всех возносится колокольня Ивана Великого с ее слегка сплюсненной золотой маковкой, которая сияет, как солнце» [Horskjær, 1957. P. 11].

Исключение колокольни Ивана Великого из мест, открытых для посещения туристов, приводит к тому, что здание начинает в восприятии посетителей Кремля постепенно утрачивать некоторую материальность. Как самое высокое здание архитектурного комплекса, с одной стороны, и самое узнаваемое с точки зрения облика — с другой, колокольня переходит в разряд символов, сначала с оговорками (1966 г.: «...колокольня Ивана Великого..., которая, так сказать, является символом Кремля» [Studietur, 1966. P. 13]), потом уже без всяких сомнений (2011 г.: «...около символа Кремля, колокольни Ивана Великого» [Dalgård, 2011. P. 32]).

Что касается Царь-Пушки и Царь-Колокола, то их объединяет и местоположение, и материал, из которого они изготовлены, и та самая черта, которая поразила К. Лангемарка, когда он приехал в Москву, то есть большой размер. Об этих уникальных памятниках некоторые авторы, например, Ф. Иммеле, слышали с детства и, приехав в Москву, проверили впечатления от этих рассказов: «[Царь-Колокол] был нам более знаком, я слышал о нем в раннем детстве. Теперь я увидел его своими глазами, и он меня не разочаровал» [Immele, 1984. P. 37].

Если нужно отметить, где именно в Кремле находятся эти два необычных для иностранцев памятника, то авторы воспоминаний и путеводителей

пишут, беря за точку отсчета колокольню Ивана Великого и Царь-Колокол: «У подножия здания...» [5, 29–30] или «Около колокольни находится...» [Studietur, 1966. P. 13], а потом сообщают и о Царь-Пушке: «Поблизости от колокола стоит... Царь-Пушка...» [Там же. P. 13].

Нельзя сказать, чтобы к этим двум памятникам интерес был одинаков на протяжении ста лет. Так, например, К. Херслова Царь-Пушка не привлекла совсем, тогда как о Царь-Колоколе он написал достаточно много. А через сто лет П. Дальгорд, напротив, посвятил практически весь соответствующий раздел своего путеводителя именно Царь-Пушке, а о Царь-Колоколе упомянул лишь мельком. Так или иначе, в первую очередь все авторы приводят цифры, доказывающие, что эти памятники действительно «самые большие в мире» [Herslow, 1946. P. 29–0; Horskjær, 1957. P. 20; Studietur, 1966. P. 13; Horskjær, 1977. P. 24; Immele, 1984. P. 37; Dalgård, 2011. P. 32]. И в воспоминаниях, и в путеводителях находим такие характеристики, как «громдная Царь-Пушка... и еще более впечатляющий колокол — самый большой в мире — Царь-Колокол, колосс» [Horskjær, 1957. P. 20], «самый большой колокол в мире, впечатляющий Царь-Колокол» [Studietur, 1966. P. 13], наконец, несколько необычное определение Царь-Пушки, явно навеянное личными симпатиями или антипатиями автора: «этот часто высмеиваемый гигантский монумент и символ русской любви ко всему большому, созданный в 1586 г.» [Dalgård, 2011. P. 32].

Не только размеры, но и искусство древнерусских литейщиков останавливают на себе внимание скандинавов: «два удивительных примера благородного искусства литья из бронзы» [Horskjær, 1957. P. 20], «пример высоко развитого искусства литья из бронзы» [Studietur, 1966. P. 13], «необыкновенный пример высоко развитого искусства литья из бронзы» [Horskjær, 1977. P. 24].

Царь-Колокол запоминается не только своей величиной, но и необычной деталью — отколотым от нижнего края фрагментом. О повреждении колокола, видимо, с XVIII в. ходили различные слухи, и в записи К. Херслова фиксируются два их варианта: «Говорят, что колокол, когда его пытались поднять на колокольню, просто упал на землю, потому что приспособление, которым его поднимали, сломалось, а другая версия рассказа сообщает, что колокол упал после пожара на колокольне» [Herslow, 1946. P. 29–30]. На протяжении всего XX в. история повреждения колокола видоизменяется, уточняется и шлифуется. Если датчане, посетившие Кремль в 1966 г., слышат и записывают следующий рассказ: «во время пожара 1737 г. он упал со своего временного места в литейную яму, где он был отлит и примерно сто лет лежал погребенным в земле, пока в 1836 г. его не откопали и не поставили на его собственный фундамент» [Studietur, 1966. P. 13], то в 1977 г. в эту историю добавляется полное жизни и движения предложение, объясняющее, как именно откололся фрагмент колокола: «чтобы потушить пожар, на раскаленный металл стали лить воду» [Horskjær, 1977. P. 24]. К 2011 г., когда был издан последний по вре-

мени путеводитель по Москве, история вновь была слегка подкорректирована: «Самый большой колокол мира весом в 200 тонн никогда не висел на колокольне, потому что он был слишком большой и от него откололся большой кусок во время пожара 1737 г.» [Dalgård, 2011. P. 32].

С Царь-Пушкой никаких особенных легенд не связано. Ее описания отличает обилие цифр: во всех текстах указывается ее вес, а также калибр, иногда — длина ствола. Вероятно, чугунные ядра, помещенные перед пушкой, вызывали вопросы у любознательных туристов, поэтому, например, в путеводителе 1977 г. объясняется: «Чугунные ядра около пушки датируются более поздним временем — пушка была рассчитана на стрельбу каменными ядрами» [Horskjær, 1977. P. 24]. Однако отсутствие устной традиции, расцвечивающей историю памятника, не означает, что упоминания о ней сводятся лишь к цифрам. Почему-то именно Царь-Пушка не оставляет равнодушными людей, рассматривающих ее, и наводит их на размышления. Так, Ф. Иммеле, воевавший во время Второй Мировой войны на Восточном фронте (он родился в 1920), пишет: «Мы подошли к Царь-Пушке, самой большой отлитой пушке (калибр 890 мм) и в высшей степени привлекательной тем, что из нее не было сделано ни одного выстрела» [Immele, 1984. P. 37]. У Пера Дальгорда при виде той же пушки возникают совсем другие мысли: «...великие планы не всегда работают. Имея калибр 890 мм, вес 40 тонн и длину ствола 5,3 м, Царь-Пушка — одна из самых больших пушек мира. Но этой пушке никогда не пришлось выстрелить хотя бы один раз. Мысли невольно обращаются к многочисленным потерпевшим крах широкомасштабным советским проектам» [Dalgård, 2011. P. 32].

«Красная площадь», военные парады и демонстрации трудящихся

Красная площадь, «одна из наиболее знаменитых площадей мира» [Dalgård, 2011. P. 29], в течение XX в. видится всеми как символ Москвы: она «таким же образом... в представлении всех людей неразрывно связана с образом Москвы» [Horskjær, 1957. P. 8], как «...в Париже... Елисейские Поля и Площадь Согласия..., в Лондоне... Трафальгарская площадь. Площадь св. Петра в Риме...» [Там же. P. 8]. Она знакома иностранцам задолго до того, как они приезжают в Москву и имеют возможность увидеть ее воочию: «Мы никогда раньше не были на Красной площади, но мы часто видели ее в книгах и по телевидению, так что в этот первый вечер мы чувствовали себя в знакомом месте» [Immele, 1984. P. 22]. Это, пожалуй, одно из самых посещаемых мест Москвы: «Дюжинами стояли туристические автобусы, и на площади было много иностранцев и русских; было очевидно, что находиться здесь для них всех было великое событие» [Там же. P. 28]. Однако не всегда она была такой. В Москве начала XX в. на нее смотрели лишь как на «площадь для парадов

Московского гарнизона» [Herslow, 1946. P. 27], хотя и очень красивую и привлекательную как место гуляний.

Революция 1917 г. изменила отношение к Красной площади, и с тех пор это место в Москве воспринимается как центр, причем не только города, но и всей страны. Еще в 1932 г. К. Лангемарк выразил общее ощущение, написав, что «Красная площадь является центром города» [Langemark, 1932. P. 5]. Это же почувствовал Э. Хорскьер, отметив в путеводителе 1957 г.: «Здесь сходятся все дороги, не только московские, но и со всего Советского Союза» [Horskjær, 1957. P. 7]. Для иностранца, в том числе и скандинава, не должно возникать вопросов, откуда начать знакомиться с Москвой: «Куда же отправляется человек, когда он в первый раз выходит, чтобы посмотреть город? На Красную площадь, естественно» [Там же. P. 7]. Политические убеждения Э. Хорскьера, писавшего о Москве советской, и П. Дальгорда, приветствовавшего наступление, на его взгляд, новой, демократической, эры в жизни российской столицы, могут быть диаметрально противоположны, но оба автора путеводителей сходятся в одном — в любви к главной площади нашей страны. Как некогда Хорскьер, Дальгорд дает туристам начала XXI в. тот же совет: «Начните и завершите свое пребывание в Москве посещением Красной площади. И днем. И вечером. Летом вечернее настроение на площади почти неопишимо приятно» [Dalgård, 2011. P. 30]. По мнению Дальгорда, красота площади особенно видна вечером, «в мягком свете» [Там же. P. 30]. Ф. Иммеле вечеру предпочитает другое время суток, полное деятельной активности, которое, по его мнению, еще больше выявляет красоту площади: «Красная площадь была днем еще красивее, чем вечером, и полна жизни» [Immele, 1984. P. 28].

Такое отношение к Красной площади имеет под собой не только идеологическое обоснование. Как писал Харальд Хальс, смотревший на нее глазами архитектора, «Красная площадь есть и будет одной из “великих” площадей мира, великая не по размерам (хотя почему бы и нет?), но по своей только ей присущей архитектурной красоте» [Hals, 1937. P. 15]. Во всех путеводителях называются здания, которые входят в архитектурный ансамбль Красной площади, — Исторический музей, Ряды (позднее ГУМ) «с Мавзолеем Ленина и собором Василия Блаженного» [Dalgård, 2011. P. 29]. Пространство, частью открытое, частью ограниченное постройками, отличается «совершенно особой глуховатой акустикой» [Там же. P. 30]. Но и само место, выбранное некогда для площади, придает ей «присущий лишь ей характер: площадь лежит на невысоком пригорке, так что от центра она спускается под уклон в обе стороны, и, если глядеть на нее с ее краев, то перспектива зрительно устремлена ввысь и [площадь] уходит в воздух» [Immele, 1984. P. 20].

Название площади вызывает у скандинавов стойкий интерес на протяжении всего XX в., но, судя по тому, какие его толкования вынуждают авторов путеводителей и воспоминаний объяснять его смысл, всемирная известность

к Красной площади пришла именно с революцией 1917 г. Еще в 1937 г. Харальд Хальс объясняет происхождение названия, перечисляя все варианты объяснений, которые он, вероятно, слышал от различных собеседников: «Красная» площадь — она называется так не потому, что здания вокруг нее были красными, или потому, что в старые времена она была местом казней и здесь лилась кровь, или — из новых времен — потому, что она центральная праздничная площадь Красной Страны Советов, у ее названия нет никакой связи с цветом. Но с незапамятных времен «красный» было у русских прочувствованным выражением для всего, что они считали по-настоящему красивым» [Hals, 1937. P. 15]. Тем не менее, еще в 1970-х — 1980-х гг. бытовало «представление, что название площади произошло от революционных событий» [Immele, 1984. P. 20].

В сознании иностранцев, в частности, скандинавов Красная площадь ассоциируется с парадами и демонстрациями. Как говорилось выше, в дореволюционные годы она была связана с повседневной жизнью Московского гарнизона. Революция 1917 г. сделала Красную площадь местом «больших демонстраций» [Langemark, 1932. P. 5], «колоссальных демонстраций и парадов» [Hals, 1937. P. 15] и шествий, в которых в Москве 1930-х гг. всегда принимали участие военные. Так, в 1932 г. К. Лангемарк стал свидетелем похорон коммуниста Киргиша. Вот как он описывает похоронные торжества на Красной площади:

[Похороны товарища Киргиша] проходили во время большого призыва в армию, и здесь можно увидеть, как тесно Красная Армия связана с рабочими. Профсоюзы и более обширные объединения рабочих всегда поддерживают связи с армией. Дорога от Дома Рабочих до Красной площади была усыпана зелеными ветвями, [за гробом] следовало огромное количество военных — как пеших, так и конных, много оркестров по очереди играли траурную музыку. Придя на Красную площадь, ораторы поднимаются на трибуну Мавзолея Ленина, и над Красной площадью через громкоговорители разносится призывное слово Чудиновского к рабочим. <...> После него берут слово другие ораторы. Когда последний оратор заканчивает говорить, над Кремлем гремит оружейный салют. Оркестры играют последний траурный марш, который переходит в «Интернационал». Празднество оканчивается, и Красная площадь пустеет [Langemark, 1932. P. 7–8].

Харальд Хальс в 1937 г. тоже был свидетелем процессии на Красной площади, но это было гораздо более радостное событие — парад, демонстрирующий спортивные достижения страны: «колонна из пятидесяти тысяч человек с развевающимися знаменами, которые несут впереди, возглавляемая ведущими советскими спортсменами» [Hals, 1937. P. 17]. «Интернационал» уже не играют, наоборот, подчеркивается многонациональный характер Советского Союза, представители которого, объединенные дружбой народов, проходят в праздничном шествии по главной площади страны: «Грузины и украинцы, русские и крымские татары идут по Красной площади; украинки в шляхах, вышитых национальными цветными узорами; солнце блистает на белоснежных тюрбанах представителей народа белуджи; казаки с вещмешками, охотники

с беркутами маршируют мимо; смеющейся чередой бегут дети с охапками цветов» [Там же. Р. 18]. Поскольку праздник посвящен победам советского спорта, в шествии участвуют спортсмены, прямо на ходу показывающие свое мастерство: «Футболисты, волейболисты и баскетболисты играют на ходу. За ними конькобежцы на роликовых коньках» [Там же. Р. 18]. Не обходится и без идеологии: «Группа людей, пышущих здоровьем, идет, неся копию фигур из павильона Парижской выставки, изображающих юношу и девушку, которые подняли соединенные и скрещенные серп и молот» [Там же. Р. 18]. Связь армии и трудящихся демонстрирует «крепкая колонна из трех тысяч солдат и офицеров Красной армии» [Там же. Р. 18]. Праздничный марш завершается «спортивными выступлениями» [Там же. Р. 18], причем представлены не только общепризнанные виды спорта, но и народные, национальные, «исполняющиеся под национальную музыку» [Там же. Р. 18], например, казахская борьба «Кинс-Басу» [Там же. Р. 19], таджикская борьба «Куреш» [Там же. Р. 19]. Пока мужчины показывают приемы борьбы, женщины исполняют танец «Аспандаша-ман» [Там же. Р. 19]. Заканчивается парад военной игрой [Там же. Р. 19].

Харальду Хальсу запомнились также и военные парады, и в его воспоминаниях находим такие строки о Красной площади: «Нужно видеть площадь в великие праздники, в дни парадов, когда сотни таков и пушек Красной Армии катятся там по асфальту и тысячи солдат заполняют ее под развевающимися знаменами, под раздающуюся песню и мерно звучащую русскую военную музыку!» [Там же. Р. 17]. Возможно, вид тех самых танков и пушек, которые когда-то произвели столь большое впечатление на Харальда Хальса, парады, которые позже транслировались по телевидению, привели к появлению следующего образа в книге Н. Брунсе «Москва каждый день» (1980): «...я не верю, что все советские граждане являются слегка причесанными варварами, каждый из которых сидит в своем танке, и пушка его направлена на запад, и все они лишь ждут команды: “Вперед!”» [Brunse, 1980. Р. 7].

В послевоенной Москве, стремящейся к миру во всем мире, «в дни государственных праздников» [Horskjær, 1957. Р. 4] проводились не только «большие демонстрации, спортивные парады» [Там же. Р. 4], но и «грандиозные военные парады» [Studietur, 1966. Р. 13]. Так, Ф. Иммеле записывает рассказ гида о том, как проходит военный парад «в честь Октябрьской революции» [Immele, 1984. Р. 27]:

Советский министр обороны выезжает из ворот Спасской башни, когда часы бьют десять утра, и вместе с командующим парадом объезжает и приветствует войска, которые стоят, выстроившись на площади, а потом маршируют мимо Мавзолея Ленина. На трибуне Мавзолея стоят главы партии и правительства Советского Союза, а на трибунах рядом с Мавзолеем находятся приглашенные москвичи и иностранные гости. После военного парада начинается праздничная демонстрация с участием представителей различных районов и предприятий Москвы. Вечером — салют, фейерверк и народные гуляния на улицах [Там же. Р. 27].

Пера Дальгорда военные парады не привлекают, для него они — часть «жестокости» [Dalgård, 2011. Р. 18] российской истории, в которой, по его мнению, не было никаких правителей, кроме «тиранических вождей» [Там же. Р. 18], «одновременно реформаторов и тиранов» [Там же. Р. 18], «чудовищно жестоких правителей» [Там же. Р. 18]. Поэтому в жизни Москвы начала XXI в. он ищет черты, которые бы говорили о демократических переменах. С такой точки зрения в его путеводителе описывается и Красная площадь — не как место, где демонстрируется военная мощь страны, а как часть города, где живут и радуются мирные люди: «Красная площадь на рассвете. Зимой можно, пожалуй, только углядеть сквозь метель кремлевские рубиновые звезды и русских, закутанных в меха, которые, как тени, скользят по большой площади к луковицам Василия Блаженного. Летом на площади раздаются тихая болтовня и смех, когда семьи, туристы, молодежь и старики наслаждаются теплыми, чудесными вечерами на красивой площади» [Там же. Р. 29]. Настроение, переданное Дальгордом, заставляет мысленно вернуться назад на сто лет, к воспоминаниям К. Херслова, который запомнил Кремль и прилегающие к нему места как тихую часть города, весьма подходящую для прогулок.

Каковы бы ни были убеждения авторов воспоминаний и путеводителей, они согласны в одном, когда пишут о Красной площади: «Невозможно посетить Красную площадь и при этом не получить от нее неизгладимое впечатление. ...после того как придешь сюда один раз, всегда будешь стараться вернуться на Красную площадь, когда позже будешь приезжать в Москву» [Horskjær, 1957. Р. 11].

«Собор Василия Блаженного»

Собор Василия Блаженного является и неотъемлемой деталью образа Красной площади, и одним их наиболее узнаваемых символов Москвы и России: «Сказочные купола-луковицы этой церкви и ее яркие цвета будят фантазию и присутствуют в каждом фильме о России» [Dalgård, 2011. Р. 35], поэтому часто случается так, что собор кажется «старым знакомым» [Immele, 1984. Р. 22], даже когда человек приходит на Красную площадь впервые в жизни.

В течение всего XX в. авторы воспоминаний и путеводителей дают ему следующие характеристики: «единственная в своем роде церковь» (1911) [Herslow, 1946. Р. 28], «одно из наиболее необычных зданий мира» (1957) [Horskjær, 1957. Р. 4], «знаменитая церковь» (1957) [Там же. Р. 10], «своеобразное здание» (1957) [Там же. Р. 10], «в высшей степени своеобразное церковное здание» (1857) [Там же. Р. 25–26], «красивая, знаменитая церковь» (1966) [Studietur, 1966. Р. 13], «прекрасный собор» (1984) [Immele, 1984. Р. 22]. Ко времени написания путеводителя Пером Дальгордом известность собора была такова, что автор констатирует как факт интерес к нему туристов, одновременно поощряя их испытывать этот интерес: «...всех непременно и целенаправленно

тянет к этой самой знаменитой церкви России» [Dalgård, 2011. P. 35]. В оценке Дальгорда собор Василия Блаженного «экзотический, красочный и таинственный» [Там же. P. 35].

Забавно, но красноречиво изменение в восприятии посвящения собора. Собор Василия Блаженного, или, правильнее, собор Покрова Пресв. Богородицы, что на Рву, оставался действующей церковью вплоть до 1929 г., поэтому в воспоминаниях К. Херслева он упоминается по одному из своих посвящений, самому известному в Москве: «церковь Василия» [Herslow, 1946. P. 28]. Датский коммунист К. Лангемарк приехал в Москву через короткое время после официального закрытия храма, в 1932 г., когда собор еще воспринимался не как музей, а как здание церкви, пусть и закрытой, и вновь мы встречаем «церковь Василия» [Langemark, 1932. P. 5]. По своему строению норвежское *Vasilij-kyrkan* [Herslow, 1946. P. 28] и датское *Vasilie kirken* [Langemark, 1932. P. 5] отражают скандинавскую традицию наименования церквей, то есть и норвежский военный атташе, и датский коммунист видят перед собой именно культовое здание, на практике соответствующее своей функции и названное в честь и память конкретного святого. Еще в 1937 г. Харальд Хальс называет собор *St. Basil-katedralen* — «собором св.Василия» [Hals, 1937. P. 19].

Послевоенная традиция, до конца 1980-х гг. XX в. формировавшаяся по большей части путеводителями Э. Хорскьера, уже не знает собор Василия Блаженного как действующую церковь. Для туристов конца 1950–1980-х гг. это музей, и его название не переводится и не объясняется, оно транслитерируется и иногда даже пишется через дефис, поскольку оно утратило свой первоначальный смысл: *kirke Vasilij Blazjonyj* — «церковь “Василий Блаженный”» [Horskjær, 1957. P. 4], *Vasilij-Blazjonyj kirke* — «церковь “Василий-Блаженный”» [Studietur, 1966. P. 13], *kirke Vasilij Blazjonnyj* — «церковь “Василий Блаженный”» [Horskjær, 1977. P. 30], *Vasilij-Blazjennij-katedral* — «собор “Василий Блаженный”» [Immele, 1984. P. 22]. П. Дальгорд, верный взятому им тону, отказывается продолжать все, что связано с Советской Россией, и возвращает датчан в прошлое. В его путеводителе без всяких объяснений по поводу того, кто такой Василий, мы вновь встречаем *Vasilij-katedralen* [Dalgård, 2011. P. 35], и такое словосочетание христианин любой конфессии понимает как «церковь, посвященная святому Василию».

Собор Василия Блаженного обращает на себя внимание сразу, и одна из главных причин этого — его непохожесть на типичные европейские церкви. Как писал Харальд Хальс, «западный человек вкладывает совершенно другое в понятие “собор”, чем то, что он здесь встречает» [Hals, 1937. P. 19]. Черты, на которые Хальс обращает внимание как архитектор, отмечаются всеми авторами воспоминаний и путеводителей: собор «причудливый по причине своего неровного / рваного силуэта, его многоцветной раскраски и шестнадцати куполов с неровной поверхностью» [Там же. P. 19]. Ав-

тор путеводителей послевоенного времени Э. Хорскьер также отмечает, что этот собор «причудливый и многоцветный» [Horskjær, 1957. P. 4]. Притом что, по мнению П. Дальгорда, «снаружи церковь красивее, чем внутри» [Dalgård, 2011. P. 35]; именно внутреннее пространство собора, «довольно своеобразное в плане и постройке» [Horskjær, 1957. P. 10], вызывает удивление скандинавов на протяжении всего XX в. Для «западного человека» [Hals, 1937. P. 19] собор представляет собой «одно большое пространство» [Там же. P. 19], «единое», то есть не разделенное на изолированные друг от друга помещения. Во всех путеводителях отмечается в первую очередь необычный план собора Василия Блаженного: «собрание часовен» [Там же. P. 19], «церковь состоит из девяти церквей с куполами, которые сплавлены в единый комплекс зданий» [Horskjær, 1957. P. 10], «церковь состоит из девяти взаимосвязанных часовен» [Studietur, 1966. P. 13]. По наблюдениям Харальда Хальса, каждая часовня представляет собой «высокий столп, маленькое пространство, богато украшенные алтари и иконы, поднимающиеся ввысь, пока высоко вверху они не исчезают в многоцветном куполе» [Hals, 1937. P. 19]. Точно так же характеризует отдельные часовни и Пер Дальгорд: «Маленькие часовни с красивыми деталями декора, датирующиеся XVII в., и примеры наиболее выдающего искусства Московской иконописной школы» [Dalgård, 2011. P. 35].

В путеводителе 1957 г. Э. Хорскьер, который — вдобавок к своей литературной деятельности — по образованию был археологом и много писал о старинных церквях Дании, описывает собственные впечатления от посещения собора: «Девять часовен, которые составляют внутренность церкви, связаны запутанным лабиринтом галерей, и в высшей степени необычайно и интересно пройти по узким проходам и вступить в невероятно высокое пространство церкви, почти похожее на колодец, в восьми церквях идущее до самого купола, которые поставлены двойным крестом вокруг высокой и узкой шатровой центральной церкви» [Horskjær, 1957. P. 25]. Автору хочется, чтобы его читатель мог соотнести новые знания с каким-то привычным опытом, и он предлагает для сравнения датскую архитектурную параллель: «церковь в Калундборге, старше на 350 лет, построенная по кресту с пятью башнями» [Там же. P. 10], то есть здание, сходное по «плану и силуэту» [Там же. P. 25].

Знаменательно и отношение авторов путеводителей и воспоминаний к историческим сведениям и легендам, связанным с собором. Совершенно естественно указание даты строительства и его причины, причем может называться период времени, в течение которого был возведен собор («возведен в 1554–560 гг.» [Там же. P. 25]), либо дата события, побудившего Ивана Грозного начать строительство: церковь «построена по приказу Ивана Грозного в память о завоевании им Казани в 1552 г.» [Dalgård, 2011. P. 35]. Если изложение исторических фактов в целом сопровождается нейтральной интонацией и фра-

зой, наиболее богатой аллюзиями, можно посчитать утверждение, что этот собор «тесно связан с политической историей России» [Horskjær, 1957. P. 10], то имена строителя или строителей скорее принадлежат к области эмоционально окрашенных легенд. Лишь один раз, в путеводителе 1957 г., сведения о строителях собора сообщаются как исторический факт: церковь возведена «русскими строителями Постником и Бармой по приказу Ивана Грозного как памятник о взятии столицы татарских ханов Казани» [Там же. P. 25]. Э. Хорскьер, будучи археологом и автором книг по истории отдельных датских церквей, не стал поддаваться эмоциям. Легенда об ослеплении архитектора или архитекторов оказалась гораздо более популярной. Впервые ее пересказывает К. Херслоу, причем в общем контексте его воспоминаний она звучит, как предание, связанное с собором, но не скрывает в себе никаких добавочных смыслов: «Иван Грозный, который повелел ее построить, был очень обрадован выполненной работой, но одновременно так не желал, чтобы архитектор построил что-либо похожее на нее, что приказал, чтобы так случилось, чтобы архитектору выкололи глаза» [Herslow, 1946. P. 28]. Структура текста разводит как можно дальше радость царя по причине построенной церкви и его жестокость по отношению к архитектору. Эту же легенду повторяет К. Лангемарк, но в его тексте положительные эмоции, которые испытывал Иван Грозный, исключаются вовсе, зато его жестокость подчеркивается: «строителю [церкви] выколол глаза Иван Грозный, чтобы он еще раз не построил столь же красивую церковь» [Langemark, 1932. P. 5]. Предложение построено так, что доверчивому читателю остается лишь ужасаться действиям царя, по-видимому, собственноручно ослепившего архитектора. Последний раз эту легенду повторяет П. Дальгорд: «Согласно преданиям, грозный царь повелел выколоть глаза архитектору, чтобы он не мог построить похожую церковь в другом месте» [Dalgård, 2011. P. 35]. Это предложение звучало бы вполне нейтрально, если бы не глава путеводителя «Жестокость и реформы», наводящая читателя на мысль о том, что подобные реакции правителей на достижения подданных не были редкостью в истории России. Собор Василия Блаженного, как подобает настоящему символу, может иметь несколько значений: у многих иностранцев, также и у скандинавов, он не только вызывает в памяти Красную площадь, Москву, Россию, но также «является воплощением [понятия] русской архитектуры» [Horskjær, 1957. P. 4], «имеет большую художественную ценность как наиболее ярко выраженный [ее] пример» [Там же. P. 25]. Как поэтически выразился знаток старинных европейских церквей Э. Хорскьер, это «причудливый цветок древнерусской архитектуры» [Там же. P. 10].

«Мавзолей», «ГУМ» и очереди

Упоминания о Мавзолее, «молчаливой могиле Ленина» [Hals, 1937. P. 16], «архитектурной точке притяжения» [Horskjær, 1957. P. 11] Красной площади,

содержатся практически во всех воспоминаниях и путеводителях XX — начала XXI вв., начиная с книги К. Херслова, который во время своего второго посещения Москвы в 1927 г. не мог не побывать на Красной площади. Вот что он увидел там, куда привык отправляться, чтобы погулять в тишине: «замороженное тело Ленина... лежало на катафалке в маленьком деревянном здании с окном, так что люди могли видеть героя революции» [Herslow, 1946. P. 27]. В 1930 г. был отстроен каменный Мавзолей, именно его видел и посетил К. Лангемарк: «У середины Кремлевской стены находится Мавзолей Ленина, у входа стоят на карауле красноармейцы» [Langemark, 1932. P. 4]. Харальд Хальс оценивает Мавзолей как архитектор: «Его строгие формы и отличный выбор материалов делают его одной из лучших работ эпохи функционалистской архитектуры» [Hals, 1937. P. 16–17]. В послевоенных путеводителях и воспоминаниях повторяется более или менее подробное описание Мавзолея, например: «низкое ступенчатое здание из красного полированного гранита и черного лабрадорита» [Studietur, 1966. P. 14]. Пер Дальгорд не считает описание Мавзолея необходимым, его интересуют не архитектурные достоинства известного всем здания, а «сам Владимир Ульянов, иначе Владимир Ленин» [Dalgård, 2011. P. 35] и мнения москвичей о том, нужно ли оставить его тело в Мавзолее или все же предать его земле.

«Прямо напротив Ленина и его Мавзолея» [Там же. P. 35] находится ГУМ, «цитадель рыночной экономики» [Там же. P. 35]. По словам П. Дальгорда, «в конце концов Ленин проиграл битву [против рыночной экономики], что ясно видно здесь, в ГУМе» [Там же. P. 35]. ГУМ, или, как его называли в 30-х гг. XX в., «Ряды», является благодаря его расположению на Красной площади главным магазином Москвы, всегда упоминающимся в скандинавских путеводителях и воспоминаниях о российской столице. Лангемарк называет здание ГУМа «правительственными магазинами» [Langemark, 1932. P. 4], которые вместе с Кремлевской стеной играют роль границ Красной площади. Харальд Хальс знает это здание как «Ряды» и размышляет об их возможной судьбе, поскольку размеры Красной площади были недостаточны для проведения парадов и демонстраций: «Ее пространство должно быть удвоено посредством сноса Рядов, больших торговых залов прямо напротив Кремлевской стены, и возникает вопрос, не будет ли разрушена этим красота площади» [Hals, 1937. P. 15]. По мнению Хальса, «Ряды» с их «утрированно боярской архитектурой» [Там же. P. 15] сами по себе «мало красивы», но они создают «своеобразный и гармоничный фасад с одной стороны Красной площади» [Там же. P. 16]. В отличие от Лангемарка Хальс показывает читателю «Ряды» изнутри — как огромный магазин или, скорее, множество магазинов с большим количеством покупателей: «Но внутренность их [Рядов] гораздо более своеобразна. По обе стороны от двух широких, перекрытых стеклянным потолком проходов открываются трехэтажные галереи с магазинами, и их не менее 1200.

Раньше здесь объединялось все купечество Востока и Запада, и теперь еще здесь кишат люди всевозможных типов и национальностей. Шумное и диковинное общество» [Там же. Р. 16]. Путеводитель 1957 г. вписывает «Ряды», в то время уже ГУМ, в исторический контекст, который объясняет естественность существования крупнейшего в стране магазина в столь значимом с идеологической точки зрения месте: «Красная площадь имеет долгую историю... как центр торговли. В течение столетий здесь всегда были торговые лавки, а теперь на ней вдоль ее восточной границы располагается большое здание самого обширного магазина Советского Союза — ГУМа, который сразу вмещает 20 000 покупателей» [Horskjær, 1957. Р. 9-10]. Размеры ГУМа совершенно соответствуют ожиданиям читателя: если в России все больше, чем в Дании, то и главный магазин страны должен быть огромным. Об этом же пишет и Ф. Иммеле, называя ГУМ «громадным» [Immele, 1984. Р. 22].

Картина, которую рисует П. Дальгорд, живо напоминает читателю о другой, дореволюционной, России: «Их можно увидеть, изящных дам и барышень в белых русских меховых шубах и перчатках, со слугами, нагруженными свертками и пакетами. Они элегантно приветствуют друг друга и продолжают делать покупки здесь, в лучшем торговом центре России» [Dalgård, 2011. Р. 35]. Прошлое возвратилось в новом качестве: до революции аристократы, или, по выражению Дальгорда, «благородные» [Там же. Р. 35], получили «красивое здание» [Там же. Р. 35], в то время как «простая публика» [Там же. Р. 35] делала покупки в лавках на Красной площади, а теперь, с 1991 г., «благородных» сменила «состоятельная элита Москвы» [Там же. Р. 35]. Вывод Дальгорда об этом отреставрированном «торговом центре в неорусском стиле с фонтаном, кафе, барами, ресторанами и линиями бутиков» [Там же. Р. 36] краток: «Дорого, дорого, дорого» [Там же. Р. 36].

Явлением, долгое время связанным и с Мавзолеем Ленина, «советским святилищем», и с находящимся напротив него «торжищем» — «Рядами», позднее ГУМом, были очереди. По наблюдению Пера Дальгорда, мысль об очередях сразу возникает у его соотечественников при слове «Москва» [Там же. Р. 26]. Карл Ландемарк пишет об очереди в Мавзолее Ленина: «У середины кремлевской стены находится Мавзолей Ленина. День и ночь у входа на посту стоят красноармейцы. Вход сюда с 2 до 4 часов, и задолго до этого времени там стоят длинные очереди и ждут, чтобы войти внутрь» [Langemark, 1932. Р. 4]. А вот чему был свидетелем в 1937 г. Харальд Хальс: «...постоянно видишь почти бесконечную очередь, которая медленно движется по Красной площади, чтобы войти [в Мавзолей] и увидеть лицо освободителя, удивительное множество типов из всех уголков Восточной Европы и Азии, и удивительное зрелище, захватывающее примитивностью чувства — прирожденные почитатели святых в стране отрицания святых» [Hals, 1937. Р. 17]. Харальд Хальс был личностью незаурядной, и очередь в Мавзолее вызвала у него мысли, которые,

конечно, не повторялись в путеводителях, хотя очереди в Мавзолее упоминаются и там, например, в путеводителе 1957 г.: «незабываемой чертой облика Красной площади является бесконечная очередь, которую можно практически всегда видеть у Мавзолея Ленина и Сталина» [Horskjær, 1957. P. 11]. В путеводителе 2011 г. уже не говорится об «очередях», для автора она распадается на составляющих ее людей, которыми движут несколько иные побуждения: это «любопытные туристы» [Dalgård, 2011. P. 35] и «местные почитатели» [Там же. P. 35]. В тексте, посвященном Мавзолею, упоминаются еще два чувства, которые диаметрально противоположны друг другу и очень отличаются от того, что описывают более ранние мемуары и путеводители: с одной стороны, это «досада большинства нынешних москвичей» [Там же. P. 35] от того, что Ленина никак не похоронят, с другой — «яростный гнев старых коммунистов» [Там же. P. 35] от того, что кто-то хочет вынести его из Мавзолея и похоронить.

Очередь гораздо более прозаическая по характеру, за так называемыми «товарами народного потребления», впервые была отмечена в отчете Карла Лангемарка (1932): «...во многих местах люди стоят в очередях. Явно туго с распределением [товаров], и в особенности это касается продовольствия» [Langemark, 1932. P. 3]. Лангемарк не может не отметить, что «торговли фактически нет. Магазинов много, но в витринах ничего не выставлено, и товары в основном есть только в закрытых магазинах, чтобы иметь возможность в них покупать, нужно иметь “членскую книжку”» [Там же. P. 3]. К 1980 г. ситуация с продовольствием и прочими товарами изменилась мало. Датский журналист Нильс Брунсе, проживший несколько лет в Москве, описывает очереди конца 1970-х так: «Очереди могут... возникать (и это происходит мгновенно), если магазин получает особенно востребованные товары. Это может быть что угодно — от замороженных голландских цыплят до высоких дамских сапог. Такие очереди часто настолько длинны, что не видно, что происходит на другом их конце, и совершенно обычно, что люди на улице спрашивают у тех, кто стоит в хвосте очереди, что дают, и если оказывается, что человеку это нужно, он становится в очередь и ждет» [Brunse, 1980. P. 11]. Единственными очередями, существование которых отмечается с одобрительным удивлением, оказываются очереди за книгами и газетами. О них свидетельствует Харальд Хальс: «По общему мнению, очереди, которые были столь знакомым явлением в течение многих лет после революции, сделались... редкостью; но когда дело касается печатных материалов, например, в [период времени] перед продажей газет, люди терпеливо стоят в очередях, растянувшихся на целый квартал, и ждут момента, когда газеты выйдут, и книжные магазины постоянно полны. <...> Создается впечатление, что страсть к чтению невозможно удовлетворить» [Hals, 1937. P. 48]. Хотя лишь Харальд Хальс написал о явлении, которое можно назвать *homo legens* — «человек читающий», фотографии, которые сопровождают тексты воспоминаний о Москве

и путеводителей по городу, доказывают, что именно такими их авторы видели москвичей. Ното *legens* — «человек читающий» — относится к неизменным, хотя и нематериальным, реалиям повседневной жизни нашего города.

* * *

Образ Москвы в мемуарах и путеводителях подобен многокрасочному живописному полотну, которое сначала воспринимают как целое, а потом начинают искать в нем нечто узнаваемое и характерное. Во всех впечатлениях от Москвы как от целого, от единства, прослеживаются общие черты. Каждая из них сама по себе способна вызвать в памяти образ города. Восприятие города обычно эмоционально окрашено, поскольку оно складывается не только в результате личных наблюдений и их самостоятельного осмысления автором, но подчас и под влиянием и политики, и идеологии. Образ Москвы за столет — с 1911 по 2011 гг. — претерпевал огромные изменения: от старого патриархального города Российской империи к крупнейшему центру мировой революции, от главного города социалистического мира к столице обновленной России, в некоторых отношениях поразительно напоминающей императорскую Россию столетней давности. Круг замкнулся. В представлении скандинавов Москва, пережив многое, немало потеряв, но и немало приобретя, возвращается к самой себе.

Библиография

Гамсун К. В сказочном царстве. Путевые заметки. Статьи. Письма [Электронный ресурс] : сборник. М., 1993. С. 480: ил. Режим доступа : <http://sagittario.livejournal.com/377198.html>.

Brunse, Niels. Moskva til Hverdag. Viborg, 1980. P. 92.

Dalgård P. Turen går til Moskva, Skt. Petersborg & Den Transsibiriske Jernbane. København, 2011. P. 168.

Hals, Harald. Moskva igår, idag og imorgen. Oslo, 1937. P. 113.

Herslow, Carl. Moskva — Berlin — Warszawa. Stockholm, 1946. P. 311.

Holme, James. Moscow, or Triumphant Self-Devotion. London, 1813. xiii, 160 p.

Horskjær, Erik. Moskva. Kort rejsefører. København, 1957. P. 48.

Horskjær, Erik. Turen går til Moskva-Leningrad. København, 1977. P. 64. (Изд. 1964, 1967, 1973 гг.)

Immele, Fritz. Hvad jeg så i Moskva og Leningrad. Moskva, 1984. P. 99. (Изд. 1976 г.)

Langemark C. Hvad jeg saa og hørte i Moskva. København, 1932. P. 20.

Moskva og Saporosje. November 1981 [Рукопись] : Rapport fra en studierejse. Århus Købmandsskole, 1981. P. [183].

Sohn, Ole. De drog mod øst, danskeres udvandring til Rusland og Sibirien 1864 til 1919. København, 2003. P. 159.

Studietur Efteraar [Рукопись]. 1966. P. [25].

И. А. Гордеева

Гордеева Ирина Александровна, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета. Москва, Миусская площадь, д. 6; gordnepl@gmail.com

КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА И ИГРОВОЙ УТОПИЗМ СОВЕТСКИХ ХИППИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ЛЬВОВА)*

Аннотация

С 1968 по начало 1980-х годов в заброшенном саду монастыря Кармелитов Босых львовские неформалы играли в Республику Святого Сада. Эта республика — частный случай распространенного в позднее советское время игрового утопизма, который имеет свои аналоги в народной игровой и утопической культуре, детских субкультурах, молодежных сообществах XIX в., а также в среде литературно-художественного андеграунда и диссидентов XX века. Активизация игрового утопизма у львовских неформалов была связана с особыми культурно-географическими качествами города Львова. Этот старинный, красивый и мультикультурный город не только стимулировал утопическое воображение молодежи, но также содержал в себе места, благоприятные для создания «своего» пространства, «своего» времени, «своего» мира.

Ключевые слова

игровой утопизм, хиппи, неформалы, культура детства, детские игровые утопии, молодежные субкультуры, андеграунд

В 1968 г. место своей тусовки в Святом Саду львовские неформалы провозгласили Республикой недоразвитых башкиров. Они выбрали президента и министров, приняли конституцию, придумали герб, флаг и гимн. Львовские рокеры и хиппи «играли» в эту страну до начала 1980-х годов.

История неформальной тусовки города Львова конца периода позднего социализма годов уже не раз привлекала внимание исследователей. Хиппи появились во Львове в самом конце 1960-х. Они собирались в нескольких местах в центре города, и чаще всего — в той заброшенной части Лычаковского кладбища, где располагался памятник польским солдатам, погибшим при защите Львова в польско-украинской войне 1918–1919 годов. На фотографиях

* Работа над настоящей статьей началась благодаря стипендии Центра городской истории Центрально-Восточной Европы (Львов) и была бы невозможна без гостеприимства львовских хиппи А. Олисевича, Звездного, Явора, Вишни и Пензеля. Также большое спасибо за общение и интервью И. Банаху, И. Лемко, Иванке и Лесику. В статье использованы фотографии из архивов А. Олисевича, Вишни, Г. Мейтина.

того времени запечатлены полуразрушенные ограды и надгробия, расписанные граффити (пацифики, надпись «пусть всегда будет солнце» и т. п.).

Христианская эстетика кладбища была созвучна поискам молодыми людьми своего личного стиля, неизменными атрибутами которого были длинные волосы, яркие краски и мотивы различных эпох и культур в одежде, разнообразные символы, украшавшие их волосы, тело и одежду.

Адреса городской контркультуры, история культовых мест встреч и тусовок городской молодежи, а также пространства протеста позднего советского времени — интереснейший, но пока еще недооцененный российскими краеведами, историками и культурологами предмет исследования. Многочисленные и подробные описания таких мест, окрашенные ностальгией, являются обязательной частью всех воспоминаний представителей молодежных субкультур. В Москве, например, традиционными местами встреч и тусовок хиппи были «Стрит», «Психодром», «Труба», «Пушка», «Маяк», «Гоголя», Царицыно, а также многочисленные кафе, магазины и «флэты» — частные квартиры, в которых можно было устроить сейшен или обрести приют на ночь. Из всех подобных мест пока повезло только ленинградскому кафе «Сайгон» [Сумерки «Сайгона», 2009; От Сайгона до Треугольника, 2012; Марков, 1993; Здравомыслова, 2009, 2010] и городу Львову [Risch, 2005, 2011; Хіппі у Львові, 2011; Хіппі у Львові. Вип. 2, 2012], о других местах контркультуры и городских протестных пространствах литературы пока очень мало [Поликовская, 1997; Марочкин, 2014].

Потребность найти и очертить свое «сакральное пространство» в городе свойственно молодежи. «Процесс основания своего сообщества предполагает проведение границ, посредством которого космос отделяется от хаоса, цивилизация — от окружающего ее варварства, сакральное — от нечистого; “свое” — от “чужого”», — писал французский исследователь утопий [Аинса, 1999. С. 103]. Идеальное место молодежной тусовки должно было быть отгороженным от остального мира, скрытым от чужих взглядов и, желательно, исключенным из символического пространства советского города. Например, у гродненских хиппи «самой золотой мечтой» было купить Замковую гору (район в центре Гродно, где расположены Старый и Новый замки), объявить там независимое государство — и чтобы в нем не было «ни тебе коммунизма, ни тебе социализма, а нормальная свободная страна, без маразма». Также они мечтали «насобирать денег, уехать в Сибирь, купить топоры, гвозди, спуститься по реке глубоко в тайгу, куда не добралась советская власть, построить скит и там жить — по своим мировоззрениям, свободно» [Чернявка, 2003].

Московский хиппи 1970-х гг. Гусь (Владимир Гусев) имел свое «заветное» место, о котором знали только избранные, на пустыре в самом центре города, рядом с гостиницей «Москва». Пустырь был огорожен глухим забором, за которым прятался травянистый холм с березкой на вершине. Гусь устраивал

в этом месте пикники, на которые было принято приходить через потайной лаз. При соблюдении всех правил предосторожности начинался «совершенно волшебный вечер: с трех сторон кутерьма большого города — фонари, потоки машин и пешеходов, милиция, ненавистные комсомольские оперотряды, советская власть и вся человеческая цивилизация — все перед глазами, как на ладони, а здесь, хоть и жухлая, но трава, деревце и тишина. Тихие аккорды гитары, неторопливые мелодии — Оазис Покоя, так называл это место Гусь» [Бояринцев, 2001. С. 39–40].

Во Львове, помимо Лычаковского кладбища, было несколько других мест для встреч и тусовок, устойчиво привлекательных для молодежи нескольких поколений.

Вспоминает известный львовский хиппи Алик Олисевиц (род. 1958): «Мы приходили на ступени Доминиканского собора, где недавно открылся музей атеизма. Вход в музей сделали сбоку, ближе к колокольне, а главный вход был закрыт, и мы сидели на ступенях именно тут. Потом перешли в сквер на “Монте-Карло” — тогдашняя площадь Галана — там была тусовка хиппи “Пляц”. С тех времен у меня был коллега Джоник с площади Рынок. Мы сидели на лавках и газонах, играли на гитаре, разговаривали про музыку... На Пляцу мы собирались ежедневно ближе к 13 часам. По дороге заходили в “Нектар”» [Олисевиц, 2011 (3). С. 36]. (Здесь и далее литературная обработка воспоминаний из альманахов «Хиппи во Львове» И. Банаха, перевод с украинского первого выпуска — Л. Малышевой, фотографии из коллекций А. Олисевича и В. Вишневого.) С конца 1970-х львовские неформалы любили встречаться в кафе на Армянской улице, которое по своему социокультурному значению для львовян стало аналогом ленинградского «Сайгона».

Однако чаще всего в 1970-е гг. они собирались в Святом Саду, располагавшемся в центре города менее чем в квартале от Львовского обкома на территории заброшенного монастыря Кармелитов Босых, который находился на стыке улиц Лысенко и Дарвина.

История Святого Сада может быть рассказана на основе воспоминаний и интервью ее участников [особенно см.: Хіппі у Львові, 2011; Хіппі у Львові. Вип. 2, 2012; Олісевиц, 2013; а также см. интернет-страницу А. Олисевича и видеорепортаж с празднования юбилея львовских хиппи: Республіка «Святий Сад», 2011], многочисленных фотоматериалов, сохраненных представителями советской «Системы» («Система» — самоназвание советских хиппи) хиппи, художественной литературы, а также краеведческих работ ее «президента» Илько Лемко (род. 1951), который в те времена был студентом университета и рок-музыкантом, а в настоящее время является известным львовским краеведом, автором многочисленных книг и телепрограммы о Львове [Лемко, 2007, 2010, 2011].

История Святого Сада начиналась с обычной уличной тусовки, которая объединяла в себе разношерстную молодежь — от мелких хулиганов и отпетых рецидивистов до учащихся элитной спецшколы, от сына дворничихи до дочери директора военного завода. Душой Святого Сада были рокеры (с 1975 г. — рок-группа «Вуйки», Вуйки — от укр. «дядьки») и хиппи. Его расцвет пришелся на 1976–1981 годы [Интервью с И. Лемко, 2012; Интервью с А. Олисевичем, 2012; Гупало, 2010].

Несмотря на то, что Сад находился в центре города, он был расположен на холме и окружен монастырскими стенами, из-за чего был труднодоступен для комсомольских оперативных отрядов — главных гонителей советских хиппи и прочей «асоциальной молодежи». Это было защищенное со всех сторон пространство со своей особой эстетикой и вневременной аурой. Внутреннее пространство Сада описывает Илько Лемко: «Окруженный старинными фортификационными стенами с бойницами, бывший монастырский Кармелитский Сад, Сад в форме буквы “Г”, занимал площадь полутора-двух футбольных полей. Рядом с металлическими ступенями, что спускались в Сад с балкона второго этажа, стоял большой клен, немного дальше — широкий и высокий двухметровый куст шиповника, а над самим помещением нависал орех. Около небольшого футбольного поля около стены дома росли две яблони — чудесный белый налив. Под стеной войсковой части росло много сливы и алычи. Между кустов шиповника, ближе к монастырским постройкам, стоял Колодец — большой старинный каменный резервуар метров пять в длину, три в ширину и полтора в вышину. За Колодцем росла старая груша с чудесными сладкими сочными плодами и, конечно же, орехи — их в Саду было больше всего. Мы садились на ветви, словно птицы, каждый на свою, и потягивали “чернило” (дешевое виноградное вино. — прим. И. Г.), млея в лучах солнца» [Лемко, 2011 (2). С. 56].

Центром Сада было так называемое «ранчо» — сооружение из бревен и досок, расположенное на горке под кроной грецкого ореха, под которым могло рассестись до 30 человек [Там же. С. 57]. По воспоминаниям И. Лемко, «ходить в сад обычной дорогой через ворота, калитки, проходы было в облом. Так же как и выходить — а зачем, когда можно было съезжать по металлическому столбу на северной оборонной стене с сада вниз на улицу Курковую. А от северной оборонной стены на улицу Дарвина был вообще захватывающий маршрут: с футбольного поля на дерево алычи, дальше надо было прыгнуть на кирпичную стену, потом через пролом в стене по каменному карнизу до герба Собеских, оттуда можно было прыгнуть на землю или спуститься по толстому стволу акации» [Там же]. Внеположность реальности Святого Сада советской повседневности воспринималась в религиозных терминах [Казик, 2012. С. 378; Олісевич, 2011 (1). С. 54].

Молодежь собиралась в Саду вечерами. Основными занятиями были разговоры, музыка и спорт. По воспоминаниям представителя младшего поколения львовских неформалов С. Орловского (род. 1964), «всех объединяло то, что во все времена объединяло свободолюбивых людей — музыка, эксцентризм, определенная эпатажность, несогласие с существующим строем. А еще увлечение поэзией, прозой, желание знать и разбираться в различных направлениях искусства. С ними было интересно: Хотя внешним видом они тоже шокировали публику — хулиганством здесь и не пахло. Выходя из Сада в город, они вели себя скромно и воспитанно. Если выпивали вино, то очень редко среди них кто-то оказывался сильно пьяный, а если и случалось такое, его оставляли отсыпаться в Саду, в город старались не выпускать. Была в саду и маленькая спортплощадка, мы с удовольствием разминались там, играя в футбол» [Банан, 2012. С. 75]. Особенно поразительным было то, что «весь этот движняк был за каких-то 30 метров левее от здания обкома коммунистической партии!» [Там же. С. 74].

Советская власть на территории Святого Сада была символически низложена, вместо нее 12 октября 1968 года была провозглашена «Республика Святого Сада». По воспоминаниям ее основателя, «Казик (Дмитрий Кузовкин; род. 1952) нарисовал герб на зеленом фоне флага белой краской (герб республики с флагом со стилизованным трезубцем был нарисован в 1970 г.), и герб этот представлял их себя украинский трезубец из башен костела кармелитов. Под трезубцем были изображены два скрещенных листка грецкого ореха — священного растения Святого Сада, и между ними футбольный мяч» [Лемко, 2011 (2). С. 56–57]. В Святом Саду говорили на украинском языке.

Президентом Республики был Илько Лемко (он же — автор гимна [Лемко, 2011 (1). С. 51]), премьер-министром — Святой (прозвище Святого дало название саду — «так и говорили: “Идем к Святому в Сад”» [Там же]), министром культуры — Янг (Александр Бигун, род. 1954) — «из-за первенства, без всяких сомнений, в области новостей рок-музыки»; министром «капитального строительства» — Вахлак, руководивший постройкой «ранчо». В конституции Святого Сада содержался запрет на употребление наркотиков.

Типичный посетитель Святого Сада был интеллектуалом, романтиком и религиозным искателем. Сообщество советских хиппи носило ярко выраженный поисковый характер, где задачей каждого был поиск своего места в обществе, своей религии, своей идеологии [Щепанская, 1992. С. 182]. В пространстве Святого Сада период молодежного нигилизма, отрицания превращался в период обретения эстетического, ценностного, религиозного и иногда идеологического выбора. Духовный поиск альтернатив советской идеологии шел в направлении самых разных религий, философий, идеологических и эстетических направлений. Среди завсегдаев Сада были и буду-

щие православные, в том числе священники и монахи, кришнаиты, буддисты, пацифисты, анархисты, «толстовцы», украинские националисты и т. п. Из их среды вышло немало представителей творческих профессий: художников, музыкантов, писателей, поэтов, философов, а также общественных активистов (о «львовской поэтической школе», романтической «культурной географии» как предпосылке ее формирования, игровом поведении ее представителей и создании ими индивидуальной мифологии см.: публикации Е. Мориной и Е. Пестеревой [Морина, 2013; Пестерева, 2014]).

Например, пацифист и космополит Алик Олисевиц в 1980-е годы станет организатором низового мирного движения в СССР. 20 сентября 1987 г. он организует первую на Украине в период перестройки политическую демонстрацию, а позднее создаст Львовское отделение Группы за установление доверия между Востоком и Западом [подробнее см.: Олісевиц, 2013].

Другой львовский пацифист и участник тусовок в Святом саду, Александр Лобачев (1953–2011), стал «толстовцем» и «духовным монистом» [Лобачев].

Среди оригинальных находок львовских неформалов — в том числе и философия Г. Сковороды. Как-то в библиотеке львовскому рокеру Мефодию (Дмитрий Тищенко, род. 1962) попала книжка «Сад песен» Григория Сковороды. Его стихи поразили Мефодия. «Это был переворот! Мне захотелось писать музыку на его стихи! — вспоминает он. — Сковорода точно так же желал быть свободным человеком. Он говорил: “Когда твердо идешь по дороге, по которой начал идти, тогда ты счастливый”. Я тоже, когда меня забирали в райотдел, отвечал: “Что полюбил, тем и стал”. В нем я нашел адвоката, к которому всегда апеллировал. Так меня ни разу и не обстригли — видно, сработал авторитет великого философа» [Нестор, 2011 (1). С. 197–198].

Святой сад посещали представители и такого совсем уже экзотического для 1970-х годов течения, как мотохиппи (байкеры), лидером которых был Пензель (Игорь Васильевич Венцлавский, род. 1949).

Еще в 12-летнем возрасте он посмотрел «Великолепную семерку», с тех пор он смотрел этот фильм бесконечное число раз, воспроизводя в своем облике и поведении образ ковбоя [Вишня, 2011. С. 100]. Все, кто знал Пензеля в советское время, обращают внимание на то, что он резко выделялся эстетически из наличного пространства:

«Шел по улице Советской несоветский человек» — это про него. Высокий — метр 85, шляпа 62 размера, борода лопатой до груди — встретив его на улице, люди впадали в ступор» [Там же. С. 103].

«Где-то в то время в центре Львова часто видели ковбоя в черной шляпе с бородой, который выезжал на мотоцикле в сторону Кайзервальда (кайзеровский лес — ландшафтный парк во Львове, расположенный недалеко от центра города). Его въезд в город был событием, явлением, сопоставимым

с выходом Фортинбраса в последней сцене шекспировского Гамлета. Его появление неизменно вызывало у большинства присутствующих всплеск эмоций и энтузиазма. Антураж еще больше подчеркивал реалии Дикого Запада, а его мотоцикл казался мустангом» [Олісевич, 2011. С. 94].

«У Пензеля был портфель в стиле ретро, со шлейкой, которую он крепил винтом. Такой себе живой театр» [Явор, 2011. С. 210–211].

Эстетизация повседневности, эффект «живого театра», карнавальность, театрализованное поведение — яркий отличительный признак неформального Львова. По воспоминаниям В. Яворского (род. 1953), который с 1971 г. учился на факультете украинской филологии Львовского университета, на втором курсе у них сформировалась небольшая группа, которая отождествляла себя с хиппи и называла себя «БТ» («Блакитни троянди» — «Голубые розы»): «Главным нашим занятием было ничегонеделание. Мы собирались в разных местах, шокируя горожан своим чудачковатым видом — ободранные, в дырках и заплатках, распущенные длинные волосы, экзотичные бусы, бессмысленные украшения, медальоны. Я, например, ходил в коричневом френче с прикрученным слева на груди медным кругляшом, на котором было выбито F J I (Франц Иосиф Первый). Какого-то особенного смысла в этих буквах не было. Хватало того, что это привлекало внимание» [Волдмур, 2011. С. 139]. Отметим в этой связи, что яркая и необычная одежда советских хиппи часто была связана с другими эпохами и экзотическими культурами. Помимо того, что ее шили по оригинальным проектам и переделывали из обычной одежды, случалось, ее заимствовали из театрального реквизита или с киносъемок, находили в старых сундуках на чердаках и т. п. Хиппи были эстетически чужими в пространстве советских городов: они «смотрелись замечательным ярким пятном на фоне всеобщей советской затхлости, серости и скуки. Среди одинаковых прохожих — в одинаковых одеждах, с одинаковыми прическами и весьма одинаковым поведением — длинноволосые, разноцветные, вызывающе разнообразные хиппи воспринимались как весть об ином, запредельном существовании» [Дворкин, 2013. С. 65]. Неслучайно советские режиссеры любили их снимать в фильмах о загранице или на средневековую либо религиозную тематику. Интересные воспоминания об оставшемся незамеченным самовольным вторжении таллинских хиппи в оформленное под средневековый рынок пространство съемок фильма «Легенда о Тиле» (1976) можно найти у Владимира Видемана (род. 1955) [Видеман]. Бывший хиппи Александр Дворкин (род. 1955) вспоминает, что в 1973 г. в Москве длинноволосая молодежь потребовалась в качестве массовки на съемках сатирического фильма о западном обществе «Райские яблочки» (реж. Г. Б. Шукин) [Дворкин, 2013. С. 72].

В связи с историей львовского андеграунда ходят легенды, будто, когда летом 1978 года во Львове снимали фильм «Три мушкетера», семнадцатилетние

Дмитровский (Сергей Дмитриевский (1961–2006) — поэт и хиппи из Львова) и Волошин (Артур Волошин (1962–1991) — поэт и хиппи из Львова) «дрались на дуэли на заточенных рапирах до первой крови — в белых рубашках и черных брюках» [Пестерева, 2014]. (Ср.: «...16-летние противники дрались на настоящих шпагах до первой крови. Предметом спора были литературные противоречия, в результате которых Дмитриевский был легко ранен в плечо» [Морина, 2013: С. 107]). Оба они также участвовали в массовой съемке фильма Н. Мащенко «Овод» (1980 г.) (сохранилась фотография, где они с Дмитриевским в костюмах и гриме — по воспоминаниям К. Агалли, «оба длинноволосые и необыкновенно органичные в длиннополых серых куртках? полупальто? — в нашейных платках и чуть ли не с цилиндрами в руках. Они как будто родились там и тогда, где и когда носить цилиндры — нормальное и привычное дело» [цит. по: Морина, 2003. С. 108]).

Также во Львове в 1993 году в съемках фильма «Амур и демон» участвовали львовские и ужгородские хиппи, которые играли апостолов в сцене Тайной вечери, снимавшейся на развалинах львовской синагоги «Золотая Роза» возле Городского арсенала [Личное сообщение А. Олисевича].

Будучи экзотическими с точки зрения советской эстетики, хиппи гармонично вписывались в старинные части ландшафтов западных городов с древней архитектурой (Львов, Ужгород, города Прибалтики, Гродно). В свою очередь, культурно-географическое пространство старинных городов стимулировало творческое, историческое, утопическое воображение: «Здесь легко, с детства, понимают символы и знаки, ибо интересно же, почему на каплычке (часовенке) Иисус сидит, а возле Катедр (Кафедрального собора) каменные рыцари спят вповал? Молчание рождает мифологемы», — свидетельствует поэтесса, много лет прожившая во Львове [Курсанова, 2003]. В этом смысле примечателен рассказ Дворкина о том, как во Львове, куда они с Димой Степановым прибыли автостопом, у собора святого Юра верующие с подачи «блажененькой» нищей приняли их за Божиих странников и снабдили продуктами и деньгами [Дворкин, 2013. С. 114–115].

Игровое, пародийное начало молодежных субкультур также требует своего объяснения [интересные размышления на эту тему см. в воспоминаниях представителей рижской и московской контркультуры: Френкель, 2011. Р. 111–112; Мата Хари, 2008. С. 3–22]. Исследователь фольклора хиппи Т. Щепанская обращает внимание на «феномен тотальной насмешливости» культуры хиппи и связывает его с тем, что «смех — знак границы», а любая молодежная тусовка — это пограничное, «переходное состояние между детством и взрослым состоянием, временный приют, что и определяет ироничные, пародийные, смеховые формы ее существования». Смеховые перегородки отгораживали «Систему» от «цивильных», «смеховая переработка чужой ин-

формации» была средством «самозащиты структуры сообщества от проникновения иных регулирующих норм» [Щепанская, 1992. С. 180–183].

Потребность вырваться за пределы существующей действительности, создать альтернативный мир — главный мотив любой утопии. У советских хиппи также были свои утопические мечты. По воспоминаниям Олисевича, «пределом мечтаний было попасть в Амстердам или Сан-Франциско, куда съезжаются тысячи хиппи и живут так, как хотят. Большие группы длинноволосых, круглосуточная тусовка на улицах и площадях, приподнятое настроение, коммуны, единое общество передовой молодежи — такими казались острова свободы. Мы стремились к духу братства. Особенно бредил Америкой Джоник. Надо только попробовать перебраться через границу, чтобы войти в круг свободных людей [Олисевич, 2011 (3). С. 37]. Среди хиппи было немало «побегушников» — так в позднее советское время называли людей, которые, не имея возможности легально эмигрировать из СССР, пытались перейти границу нелегально.

В отсутствие возможности настоящей эмиграции пространство Святого Сада становилось полем для имитации такой эмиграции. «Приход в Сад — это был выход за рамки узкого мира, в котором пребывал каждый, кто жил в Советском Союзе. Сад был наполнен чистейшим кислородом свободы. Во времена СССР он на самом деле был “гением города”, потому что какой бы человек сюда не попадал, он становился садовским, то есть окруженным аурой такого сговора» [Лемко, 2011 (2). С. 56]. В терминах исследования А. Юрчак, Святой Сад был одним из топографически локализованных «пространств вневходимости», столь распространенных в период позднего социализма [Юрчак, 2014. С. 255–400].

Ближайшим аналогом игрового поведения львовских неформалов является детская игра в страну-мечту (страну-утопию). Фольклористы и детские психологи описывают ее как тайную, длительную по времени игру с небольшим числом играющих, участниками которой обычно бывают дети возрастом от 7–8 лет с богатым воображением, чаще всего городские [Обухов, Мартынова, 2008. С. 233; Обухов, 2014]. Такая игра происходит обычно в закрытом от постороннего глаза месте и представляет из себя уход из «реального, существующего, привычно организованного пространства в иное, несуществующее, представляемое» [Лойтер, 1992. С. 73–74; Ее же. 1998. С. 609]. Игра начинается с выделения «по определенным признакам особо значимых мест в пространстве, которые обустроиваются по собственному разумению» [Обухов, Мартынова, 2008. С. 235].

Исследователи замечают, что игровое пространство в страну-утопию «выстраивается одновременно на основе рационального и мифологического пластов сознания». С одной стороны, в игре идет освоение окружающих детей

реалий — пространственных, временных, социальных, знаковых — и правил взаимодействия с этими реалиями. С другой стороны, в этих играх создаются свои, параллельные, особые «реалии мира», «со своими смысловыми координатами, фантазийными значениями и смыслами, выдуманными правилами, формами, содержанием» [Обухов, Мартынова, 2008. С. 233–234]. В ходе такой игры дети усваивают социальные нормы и сами закономерности порождения и изменения норм, постигают их значимость и условность, возможность ими произвольно управлять и пользоваться. Возможно, распространенность подобных «детских» игр в среде молодежи не детского возраста связана с тем, что «одна из основных психологических задач, реализующаяся в подобных играх, — освоить правила и нормы мироустройства, не просто их присваивая, а порождая», то есть стать Демиургом — «творцом мироустройства, создателем правил для других людей» [Там же. С. 234].

Утопически-игровая деятельность и детей, и подростков, и взрослых порождает большое количество различной символической атрибутики: карты, схемы, рисунки, выдуманные имена, языки, герб, флаг, гимн, «священные» места, особую топонимику и ономастику. Повышенное значение символики связано с процессами формирования групповой идентичности: «построение “своего” пространства, “своего” времени, “своего” мира естественно усиливает различные способы и формы идентификации по тем или иным признакам и “кодам” “своих” и “своего” от “чужих” и “чужого”... Одновременно происходит также и обособление от других людей, в первую очередь от взрослых, но и от “не своих” сверстников также. Освоение правил единения в определенное “мы”, противопоставления от не очень определенных “они” отражается и в выделении “своего” и “чужого” пространства» [Там же. С. 234–235].

Фольклористы, не имея фольклорных записей о подобных типах детских игр, компенсируют их обширными материалами об играх в страну, которые содержатся во многочисленных литературных произведениях, включая автобиографические повести, воспоминания, дневники и собственно детскую литературу, являющуюся «в своей лучшей части... изводом из детского фольклора» [Лойтер, 1992. С. 67]. Они всем хорошо известны: «Республика Шкид» Г. Белых и Л. Пантелеева, «Кондуит и Швамбрания» Л. А. Кассиля, «Золотой Василек» Р. Фраермана, две знаменитейшие книги английских писателей — «Алиса в стране Чудес» Л. Кэрролла и «Питер Пэн» Дж. Барри, и многие-многие другие.

Мотив игры в страну-мечту также нередко встречается в воспоминаниях о детстве русских писателей и других известных людей. Например, упоминание о детских «географических» играх мы можем найти в мемуарах Н. П. Анциферова [Анциферов, 1992. С. 57–58, 62–63]. В русской культуре, пожалуй, самой известной из данного типа игр является игра братьев Толстых в «мура-

вейных братьев», в утопическом измерении которой присутствовал секрет, записанный на спрятанной у дороги на краю оврага зеленой палочке, о том, как сделать так, чтобы все люди сделались счастливыми, исчезли все болезни и неприятности, и воцарилась любовь между людьми. Эту игру Лев Толстой называл «одним из самых далеких и милых и важных воспоминаний». Он писал: «Идеал муравейных братьев, льнущих любовно друг к другу, только не под двумя креслами, завешанными платками, а под всем небесным сводом всех людей мира, остался для меня тот же. И как я тогда верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает» [Толстой, 1952. С. 386]. Примечательно, что название интернет-сайта одного из львовских хиппи, А. Лобачева, ставшего «толстовцем», образовано от словосочетания «зеленая палочка» [<http://zpalochka.narod.ru/bibl.html>].

В конце советского периода игры в другие эпохи — игровые утопии времени — были не менее распространены среди подростков, чем утопии пространства. Среди старших школьников и студентов появились «ностальгисты» (в зависимости от предпочитаемой эпохи — «тридцатники», «сороковисты», «пятидесятники»), которые стремились перенестись в выбранное время «путем соответствующего подбора одежды, интерьера, круга чтения, музыки и т. д.» [Сундиев, 1991. С. 52]. В наиболее крайнем выражении это явление привело к формированию субкультур ролевиков и реконструкторов, участники которых зачастую выходят за пределы не только подросткового, но и юношеского возраста.

Детские игры в страну-мечту так же художественно талантливы, символически насыщены и пародийны, как и повседневная жизнь львовских хиппи. Пространство, в которое «уходят» играющие — это в первую очередь не географическое пространство, а художественное, основанное на творческой переработке жизненного и книжного опыта и впечатлений. С точки зрения Лойтер, основным методом такой переработки является «символическая инверсия социальных ролей и норм», в которых, с одной стороны, выражается детская «несокрушимая страсть к несоответствиям, несообразностям, к разрыву связей между предметами и их постоянными признаками», а с другой — можно найти признаки небывалого, абсурдного, «изнаночного» мира, хорошо известного по крестьянским социально-утопическим легендами о «далеких странах», описанным К. В. Чистовым [Лойтер, 1992. С. 69–70]. Другая интересная аналогия — «игра в царя» в русской народной культуре [Успенский, 2002. С. 159–167] и игровое поведение Ивана IV и, особенно, Петра I [см., например: Юдин, 1999. С. 274–280; о Петре I см.: Зицер, 2008.].

Феномен распространенности подобных практик у людей, вышедших за пределы детского возраста, еще ждет своего исследователя. В качестве ближайшей ассоциации с игровым утопизмом львовских неформалов можно указать на молодежные кружки и художественные объединения первой четверти XIX в., изученные В. М. Боковой [Бокова, 2003]. Их члены мечтали о построении идеального общества на каких-нибудь далеких островах или строили другие фантастические планы, которые не имели шансов на реализацию; они использовали «тайные жесты, знаки, условные имена, фантастические костюмы», выбирали шуточные органы власти и управления, создавали пародийное законодательство, разрабатывали собственные ритуалы и символику [Там же. С. 63–67]. Хорошо известное общество «Арзамас» тоже начиналось как пародийное досуговое объединение [Там же. С. 215–217].

Игровое начало также было неотъемлемой чертой русского авангарда начала XX века. Яркий пример — «театр невозможного» и «воображаемая география» бюджетянина Велемира Хлебников [Григорьев, 2000. С. 560–570, 571–578, 582–593 и др.].

В советское время также время от времени возникали подобные «игровые» учреждения, «шуточные» кружки. Из-за участия в шуточной «Космической академии наук», где раз в неделю на собраниях «слушались различные шуточные и экстравагантные доклады» [Егоров, 1996. С. 515], Д. С. Лихачев оказался на Соловках в конце 1920-х годов. В 1945 г. в Москве несколько друзей-студентов учредили «Братство нищих сибаритов», среди членов которого была популярна сочиненная Н. Вильямсом и В. Медведским антиутопия «ГНИИ-ПИ» (воображаемого Государственного НИИ половых извращений) [Вильямс]. В 1946 году «Братство нищих сибаритов» было признано антисоветской организацией, его члены получили от пяти до семи лет лагерей [Алексеева, Голдберг, 2006. С. 96–97].

Исследователь ленинградского андеграунда С. Савицкий обращает внимание на распространенность религиозно-идеологического мифотворчества среди его представителей. Например, А. Уманского называли организатором «Испанского правительства» — «якобы подлинного испанского правительства, находящегося в изгнании, в то время как страной управляет фашистская хунта». Между членами кабинета, который «пропагандировал идеологии, альтернативные официальным, — христианство, нищенство, буддизм», были распределены государственные посты. Некоторые министры совмещали посты с членством в христианской общине, которая собиралась в кафетерии на Малой Садовой, бывшей местом встреч литераторов и художников [Савицкий, 2002. С. 26].

Игра львовских неформалов в республику Святого Сада — это частный случай распространенного в позднее советское время (хотя и не только в этот

период) игрового утопизма — особой формы поведения, которая имела свои аналоги в детских субкультурах, молодежных и художественных сообществах XIX — XX вв., а также в народной социально-утопической культуре. Активизация игрового утопизма у львовских неформалов была связана с особыми культурно-географическими качествами Львова. Этот старинный, красивый и мультикультурный город, пространство которого содержало в себе места, благоприятные для создания «своего» мира, стимулировал утопическое воображение и художественное творчество молодежи, был предрасположен к формированию самобытных молодежных субкультур, представители которых получали возможность построить свое сообщество и обрести в нем себя.

Список литературы и источников

Литература

Kenney P. Lviv's Central European Renaissance, 1987-1990 // Lviv : A City in the Crosscurrents of Culture. Harvard University press, 2005. P. 303–312.

Risch W. Soviet 'Flower Children': Hippies and the Youth Counter-Culture in 1970s Lviv // Journal of Contemporary History. 2005. (July) № 40 (3). P. 565–584.

Risch W. The Ukrainian West: Culture and the Fate of Empire in Soviet Lviv. Harvard University press, 2011. 360 p.

Аинса С. Реконструкция утопии. М. : Наследие, 1999. 207 с.

Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. М. : Реалии-пресс, 2003. 656 с.

Григорьев В. П. Будетлянин. М. : Языки русской культуры, 2000. 816 с.

Егоров Б. Ф. Русские кружки // Из истории русской культуры. Т. 5 (XIX век). М. : Языки русской культуры, 1996. С. 504–517.

Здравомыслова Е. Культурный андеграунд 1970-х: Ленинградское кафе «Сайгон» глазами завсегдатая и исследователя // Разномыслие в СССР и России (1945–2008). СПб., 2010. С. 131–158.

Здравомыслова Е. Ленинградский «Сайгон» — пространство негативной свободы // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 660–677.

Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М. : НЛО, 2008. 238 с.

Лойтер С. М. Детские утопии, или игра в страну-мечту как явление детского фольклора // Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М. : Ладомир ; АСТ, 1998. С. 605–618.

Лойтер С. М. Игра в страну-мечту как явление детского фольклора // Школьный быт и фольклор: В 2-х ч. Таллинн, 1992. Ч. 1. С. 65–74.

Марков Б. В. «Сайгон» и «Слоны» — институты эмансипации? // Метафизика Петербурга. Петерб. Чтения по теории, истории и философии культуры. СПб., 1993. Вып. 1. С. 130–145.

Марочкин В. Москва рок-н-ролльная. Через песни — об истории страны. Рок-музыка в столице: пароли, явки, традиции, мода. М., 2014.

Морина В. Львовская поэтическая школа: История и поэтика группы [Электронный ресурс] // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica.

2013. № 6. Режим доступа : <http://repozytorium.uni.lodz.pl:8080/xmlui/bitstream/handle/11089/4404/10-morina.pdf?sequence=1>.

Обухов А. С. Игры детей в фантазийные страны-утопии // Дополнительное образование детей Москвы от А до Я. 2014. Т. 3. № 2. С. 71–75.

Обухов А. С., Мартынова М. В. Фантазийные миры игрового пространства детей мегаполиса: страна К.К.Р. Антона Кротова и его друзей // Какорея: Из истории детства в России и других странах. М.; Тверь, 2008. С. 231–245.

Пестерева Е. Слово Львова [Электронный ресурс] // Октябрь. 2014. № 5. Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/october/2014/5/13p.html>.

Савицкий С. Андеграунд (история и мифы ленинградской неофициальной литературы). М. : НЛО, 2002. 224 с.

Сундиев И. Ю. Анатомия неформальных объединений [типология и характеристика] // По неписаным законам улицы... М. : Юрид. лит, 1991. С. 46–56.

Успенский Б. А. Царь и самозванец // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб. : Азбука, 2002. С. 149–198.

Щепанская Т. Б. Система: Тексты и традиции субкультуры. М. : ОГИ, 2004. 287 с.

Щепанская Т. Б. Смеховой мир тусовки и проблема оформления групповых границ // Школьный быт и фольклор: В 2-х ч. Таллинн, 1992. Ч. 1. С. 162–187.

Юдин А. В. Русская народная духовная культура. М. : Высшая школа, 1999. 331 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. М. : НЛО, 2014. 664 с.

Источники

Алексеева Л., Голдберг П. Поколение оттепели. М. : Захаров, 2006. 432 с.

Анциферов Н. П. Из дум о былом : воспоминания. М. : Феникс; Культурная инициатива, 1992. 512 с.

Банан [Орловский С.] Вот такая история // Хіппі у Львові: Альманах. Вип. 2. Львів : Тріада плюс, 2012. С. 69–77.

Бояринцев В. Мы — хиппи. М. : Издательский сервис, 2001. 224 с.

Вишня [Вишневский В.] Настоящая история львовских мотохиппи // Хіппі у Львові. Львів : Тріада плюс, 2011. С. 99–101.

Волдмур [Яворский В.] Дещо про Рух гіпі, про Сковороду і про себе // Хіппі у Львові. Львів : Тріада плюс, 2011. С. 138–145.

Волохонский А. Воспоминания о давно позабытом. М. : НЛО, 2007. 112 с.

Гупало Г. Писатель Илько Лемко: «В молодости я выпивал бутылку “Московской” с горла за 14 секунд» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда в Украине. 2010. 22 сентября. Режим доступа : <http://lvov.kp.ua/culture/244734-pysatel-ylko-lemko-v-molodosty-ya-vuруval-butylku-moskovskoi-s-horla-za-14-sekund>.

Дворкин А. Моя Америка. Нижний Новгород : Христианская библиотека, 2013. 799 с.

Казик [Кузовкин Д.] Make Love Here and Now // Хіппі у Львові : альманах. Вип. 2. Львів : Тріада плюс, 2012. С. 323–386.

Курсанова М. Птенцы летят следом...: Путеводитель по литературной карте Львова [Электронный ресурс] // Знамя. 2003. № 6. Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/6/kurs.html>.

Лемко І. Гімн Святого Саду // Хіппі у Львові : альманах. Львів : Тріада плюс, 2011. С. 51.

Лемко І. Гіпі і «Вуйки» // Лемко І. Львів понад усе. Львів : ЛА «Піраміда», 2007. С. 154–170.

Лемко І. Львів понад усе. Львів : ЛА «Піраміда», 2007. С. 153–170.

Лемко І. Республіка Святого Саду // Хіппі у Львові : альманах. Львів : Тріада плюс, 2011. С. 56–57.

Лемко І. Сні у Святому Саду: Роман. Львів : Априорі, 2010. 365 с.

Мата Хари [Ремизова М.]. Пудинг из промокашки: Хиппи как они есть. М. : Форум, 2008. 192 с.

Нестор [Банах И.] Пилигрим // Хіппі у Львові : альманах. Львів : Тріада плюс, 2011. С. 197–198.

Нестор [Банах И.] Сад // Хіппі у Львові : альманах. Львів : Тріада плюс, 2011. С. 48–49.

Окулов А. Экстерриториальность [Электронный ресурс] // Грани. 1993. № 169. Режим доступа : <http://okulovandrei.narod.ru/exterritorialnost.html>.

Олисевиц А. «Peace-Love-Freedom-Rock`n`roll» : інтерв'ю // Хіппі у Львові : альманах. Львів : Тріада плюс, 2011. С. 54–55, 60, 67–68, 94, 102, 113, 119, 191–192, 214, 218–220, 227–229, 278–279.

Олисевиц А. Революція квітів. Львів : Тріада плюс, 2013. 160 с.

Олисевиц А. Woody Child // Хіппі у Львові : альманах. Львів : Тріада плюс, 2011. С. 28–40.

От Сайгона до Треугольника. СПб. : Скифия, 2012. 240 с.

Поликовская Л. Мы — предчувствие... предтеча... Площадь Маяковского, 1958–1965. М. : Звенья, 1997. 400 с.

Сумерки «Сайгона / сост. и общ. ред. Ю. М. Валиева. СПб. : Zamizdat, 2009. 832 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Художеств. лит., 1952. Т. 34.

Френкель В. Право на одиночество в пустом кафе // Riga S. Nonfiction. Riga : Sacramento, 2011. С. 103–123.

Хіппі у Львові : альманах. Вип. 2. Львів : Тріада плюс, 2012. 520 с.

Хіппі у Львові : альманах. Львів : Тріада плюс, 2011. 408 с.

Чернявка И. «Это не Маша, а Миша»: 32 года назад в Гродно взбунтовались хиппи [Электронный ресурс] // Белорусская газета. 2003. 11 августа № 30 (397). Режим доступа : http://www.belgazeta.by/ru/2003_08_11/arhiv_bg/6184/.

Явор [Яворницкий И.] Громадяни Риму // Хіппі у Львові альманах. Львів : Тріада плюс, 2011. С. 199–207.

Неопубликованные интервью

Интервью с Илько Лемко (И. Семеновым), 12 декабря 2012 г.

Интервью с Аликом Олисевицем, 5 декабря 2012 г.

Интернет-ресурсы

Видеман В. Школа магов: Фрагменты мистического движения в СССР в 70–80 годах XX века [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.guzmanmedia.com/gm2/cont.php4> (дата обращения: 24.02.2015).

Вильямс Н. Н. Остров ГИИПИ // Режим доступа : <http://nikolaywilliams.narod.ru/gniipi.html>.

Видеорепортаж с празднования юбилея львовских хиппи: Республика «Святой Сад» [2011] [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=TqLaMquPou0> (дата обращения: 24.02.2015).

Лобачев А. Автобиография [Электронный ресурс]. Ч. 5. Режим доступа : <http://zpalochka.narod.ru/bibl.html> (дата обращения: 24.02.2015).

М. С. Акимова

Акимова Мария Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела Русской классической литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, сотрудник ГБУК «Дом Н. В. Гоголя». Москва, ул. Поварская, д. 25а; makanja@list.ru

Н. П. Анциферов и деревня Черная Грязь

Аннотация

История деревни и почтовой станции Черная Грязь насчитывает более пяти веков. Ее местоположение на Петербургском тракте, в одном перегоне от Москвы, определило ее особое место в культуре России. Она неоднократно упоминается в мемуарной и художественной литературе. Важной страницей в истории деревни стали приезды сюда Н. П. Анциферова (1937, 1943 гг.). Записи и фотографии из его экспедиций проясняют историю Черной Грязи середины XX в. и более раннюю, помогают в современной градозащитной деятельности.

Ключевые слова

Анциферов, Черная Грязь, Подмосковье, почтовая станция, больница, битва под Москвой, русская литература, краеведение, история

Н. П. Анциферов и деревня Черная Грязь

На карте России достаточно много «анциферовских» мест. Зачастую они совпадают с литературными местами: по тяге к *genius loci* и по роду деятельности, Н. П. Анциферов довольно много ездил. Так, в 1925–1928 гг. он, в качестве представителя Центрального бюро краеведения, посещал Ярославль, Кострому, Тулу, Рязань, Курск, Витебск, Тверь, Калугу, Смоленск и другие города для обследования краеведческой работы на местах и инструктирования краеведов; позже совершал поездки как сотрудник Государственного Литературного музея.

Одним из «анциферовских» мест ближайшего Подмосковья является Черная Грязь — старинная деревня с более чем пятисотлетней историей, нашедшей отражение в ее гербе (1989 г., авторы — К. Мочёнов, Ю. Мочёнов): «Герб представлен в виде голубого щита с черной оконечностью, говорящей о названии деревни. Посреди щита установлен старинный верстовой столб, отражающий то, что через деревню пролегал тракт Москва — Петербург, а ныне — Ленинградское шоссе. По сторонам от столба расположены

2 почтовых рожка, напоминающих о том, что в деревне была первая от Москвы почтово-ямская станция; о чем говорит надпись на столбе: “32 версты от Москвы”. Голубой цвет щита символизирует цвет почты. В верхней части щита — башня Московского Кремля, означающая, что деревня расположена в Московской области».

Впервые деревня упоминается в записках немецкого посла Сигизмунда фон Герберштейна, проезжавшего через нее в 1517 г. Позже здесь проезжала и Адам Олеарий (1630-е гг.). Не указывая название деревни, он говорит о «последнем яме» на пути к Москве, в которой его торжественнейшим образом принимали. Затем — довольно продолжительный перерыв, но, начиная с XVIII в., деревня фигурирует в большом количестве текстов. Это связано с ее расположением на тракте Москва — Петербург (ранее — великий гостинец Москва — Великий Новгород) и началом строительства в 1776 г. Санкт-Петербургского шоссе (с 1924 г. — Ленинградское шоссе). В конце XVIII в. здесь строится здание почтовой станции, существующее и поныне. В Высочайше утвержденном положении Комитета Министров «О постройке по Губерниям станционных домов» от 30 декабря 1819 г. говорится: «Потом в 1809 и 1810 годах устроены таковые же дома и гостиницы на некоторых станциях от Санкт-Петербурга до Москвы: в Померани, Спаско-Полистье, Черной Гязи и Подсолнечной горе. Все сии дома, как по Нарвскому, так и по Московскому трактам, содержатся от казны». «Путевой дворец» (так называли современники эту почтовую станцию за ее величавость, вслед за почтдиректором А. Я. Булгаковым, и «это название бытует среди потомков ямщиков “Черной Гязи”, хранящих в памяти вековые предания» [ОР РНБ, Фонд № 27, ед. хр. 108] стал частью единого архитектурного ансамбля Петербургского тракта, задуманного еще при Екатерине II как типовой для всех крупнейших дорог России и единственного, полностью осуществленного [Ожегов, 1987. С. 181–192].

С трактом, деревней и станцией связаны имена целого ряда выдающихся людей: А. Н. Радищева, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, М. И. Глинки, В. Г. Белинского, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, И. И. Панаева, Д. В. Давыдова, М. С. Щепкина и др. А. С. Пушкин впервые оказался здесь в детстве, отправляясь с В. Л. Пушкиным в Царскосельский лицей. Затем проезжал эту станцию еще более двадцати раз. М. И. Глинка бывал здесь проездом в 1826, 1828, 1834 и 1835 гг.; 26 августа 1838 г. композитор провел на станции Черная Грязь несколько часов; неоднократно бывал здесь близкий друг Глинки, видный певец и композитор С. С. Гулак-Артемовский, автор оперы «Запорожец за Дунаем». Н. В. Гоголь впервые проезжал в Москву через Черную Грязь в 1832 г., а 23 мая 1842 г. уезжал отсюда за границу. Также неоднократно бывал здесь и М. Ю. Лермонтов: в 1837 г. он проезжал здесь из Петербурга в свою первую ссылку на Кавказ, последний раз оказался в Черной Гязи в 1841 г., когда воз-

вращался из Петербурга на Кавказ после отпуска. Кроме того, в Середникове находилась сохранившаяся до сих пор усадьба его бабушки и родственников — Столыпиных, где он неоднократно в юности бывал. Владельцами имений вблизи станции были также М. С. Щепкин (Соколово) и Д. В. Давыдов (Мышецкое). Последний в 1830 г. командовал холерной заставой в Черной Грязи. «Этот участок, пересекающий Петербургский тракт, считался одним из самых трудных. Здесь было сосредоточено значительно больше, чем в других местах, лечебных и карантинных учреждений. На Петербургском тракте заградительный пост находился в здании почтовой станции в Черной Грязи... Д. В. Давыдов блестяще справился с поставленной задачей — не пропустил в столицу ни одного больного холерой. Ежедневная газета “Ведомость о состоянии г. Москвы”, выходявшая под редакцией профессора М. П. Погодина, в то время называла участок, надзираемый генерал-майором Давыдовым, лучшим и образцовым, с него всем прочим зрителям предлагалось брать пример» [Волкова, 2005. С. 31].

Станция получила освещение и в целом ряде художественных и мемуарных произведений: «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (где повествователь видит подневольную крестьянскую свадьбу и размышляет над судьбой крепостных: «Здесь я видел также изрядный опыт самовластия дворянского над крестьянами. Проезжала тут свадьба. Но вместо радостного поезда и слез боязливой невесты, скоро в радость претвориться определенных, зрелись на челе определенных вступать в супружество печаль и уныние. Они друг друга ненавидят и властью господина своего влекутся на казнь, к алтарю Отца всех благ... И служитель Его примет исторгнутую властью клятву и утвердит брак! И сие назовется союзом божественным! И богохуление сие останется на пример другим! И неустройство сие в законе останется ненаказанным!... Почто удивляться сему?» [Радищев, 1988. С. 177–178]) и «Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина (где Пушкин осмысляет это место уже в связи с гением места Радищева: «В Черной Грязи, пока переменяли лошадь, я начал книгу с последней главы и таким образом заставил Радищева путешествовать со мною из Москвы в Петербург» [Пушкин, 1978. С. 197–198]), «Бедовик» В. И. Даля, «История моего знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова (описание проводов Гоголя в 1842 г.: «...в эту минуту я все забыл и чувствовал только горечь, что великий художник покидает отечество и нас. Горькое чувство овладело мною, когда захлопнулись дверцы дилижанса; образ Гоголя исчез в нем, и дилижанс покатил по Петербургскому шоссе...» [Аксаков, 1982. С. 752–754]), «Литературные воспоминания» И. И. Панаева (описание проводов Белинского в 1839 г.: «День нашего отъезда в Петербург, наконец, наступил. Нас провожали до Черной грязи Боткин, Кетчер и Катков. Кетчер явился

на наши проводы в своем красном плаще, с неизбежным хохотом и еще более неизбежной корзинкой, из которой торчала солома... Мы, вероятно, долго пробыли бы на станции, потому что Кетчер, по своему обыкновению, расходился, кричал, потрясая бутылкой, подшучивал над Белинским, подавал ему советы, как забрать в руки Краевского — и все это сопровождал хохотом. Белинский, не терпевший шумных и длинных проводов, торопился ехать. Он был молчалив и грустен. Видно, что отрываться от своего кружка ему было нелегко... Боткин обнаруживал сильное нетерпение... — Уж поезжайте лучше скорей, друзья, — повторял он, качая головою. — Проводы эти всегда ужасно тяжелы. — К чему торопиться? вздор! — кричал Кетчер: — да вы не допили еще своих стаканов. — Но Белинский решительно встал. Наша дорожная карета давно уже ожидала нас у подъезда. — Ну, прощайте, господа, — сказал он, — не забывайте меня... Все бросились обнимать Белинского. Боткин гладил его по затылку и по голове и, смотря на него с нежностью, говорил: — Ну, я рад за тебя, Виссарион... Нам с тобой тяжело расставаться, голубчик, очень тяжело, ты это знаешь, но ведь тебе в Москве оставаться не для чего... Катков энергически сжимал Белинского в своих объятиях и крепко, несколько раз поцеловал его. Кетчер поднес ему стакан с шампанским. — Ну, Виссарион, чокнемся, — сказал он. — Теперь ты должен выпить. Белинский выпил стакан без противоречия. — Молодец! — закричал Кетчер, целуя его: — ну, теперь прощай, да смотри же, не поддавайся Краевскому... Когда карета двинулась и мы высунулись в окно, — Боткин с нежною грустью смотрел на нас, махая своим платком, Кетчер кричал что-то и размахивал фуражкой, Катков стоял неподвижно со сложенными накрест руками, с надвинутыми на глаза бровями, провожая нас глубоким и задумчивым взглядом...» [Панаев, 1950. С. 193–194]), «Былое и думы» («Западные арабески», эпизод прощания и отъезда за границу Герцена в 1847 г.: «Последний обед и последнее свидание с дорогими сердцу, но никто тогда не ожидал, что оно будет последним», — вспоминает М. К. Рейхель. «Прощание в Черной Гязи стало для Герцена знаменательной вехой на жизненном пути. Когда в 1853 г. он писал первую тетрадь “Западных арабесков”, он обратился к оставленным им московским друзьям: “Помните ли, друзья, как хорош был тот зимний день, солнечный, ясный, когда шесть-семь троек провожали нас до Черной Гязи, когда мы там в последний раз сдвинули стаканы и рыдая расстались... Был уже вечер, возок заскрипел по снегу... Вы смотрели печально вслед, догадываясь, что то были похороны и вечная разлука”» [Анциферов, 1950. С. 38–39]); об этом же эпизоде сохранились интересные воспоминания Т. А. Астраковой («Из воспоминаний о Герцене») [Пассек, 1963. С. 635–649]. Впервые же в Черной Гязи Герцен был, по-видимому, 11 декабря 1839 г., когда он по окончании

владимирской ссылки отправился в Петербург готовить свой переезд с семьей в Северную столицу.

Первое упоминание о Черной Грязи мы находим в письме жены Герцена к Ю. Ф. Куруте от 22 сентября 1841 г. в связи с их поездкой в Москву из новгородской ссылки: «Вы можете знать подробности о нашем путешествии; это было первое, исполненное происшествий; нас опрокинули, и ночью мы должны были идти до гостиницы пешком в ужасную стужу, темноту и грязь, но это не имело никаких дурных последствий, кроме того, что мы ночевали не дома, а в Черной Грязи. Потом на дилижансе у нас разрезали кожу и вынули многое, но не все. Говорят, что это не редко случается на этой дороге» [цит. по: Анциферов, 1950. С. 38].

Как видим, такое внимание к станции объясняется во многом тем, что выезжавшие из Москвы в Санкт-Петербург и дальше, в Европу, начинали свое путешествие именно отсюда: существовала традиция провожать отъезжающих до первой станции — до Черной Грязи.

Интерес Анциферова к станции Черная Грязь был обусловлен прежде всего тем, что это место было связано с А. И. Герценом. Анциферов много лет посвятил неоконченной «Летописи жизни А. И. Герцена» для издательства «Academia» [РНБ, Ф. 27, ед. хр. 108], «Вокруг Герцена» [РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 15. Лл. 4–25], среди вышедших работ — «А. И. Герцен : [Очерк жизни и творчества. 1812–1870] : К 75-летию со дня смерти. – М.: Гос. лит. музей, 1945. — 63 с.», ряд других (Подмосковные Герцена // Подмосковные. М., 1946. С. 73–104) (см. подробно по теме отношения Н. П. Анциферова к наследию и личности А. И. Герцена: Московская, 2014а. С. 207–215). Собственно, и ряд окрестностей связан с Герценом (например, Соколово, ныне на территории микрорайона Куркино; изыскания Анциферова в связи с Соколовым отразились в главке путеводителя, см.: Анциферов Н. П. Подмосковные Герцена // Подмосковные. М., 1946. С. 73–104.).

Согласно справке из архива ГЛМ [РГАЛИ, Ф. 612, ед. хр. 261], в Литературном музее, в котором он трудился в 1937–1956-х гг., Анциферов вел «ответственную работу по экспозициям и литературоведческим исследованиям, касающимся периода сороковых годов <...>», составлял путеводители по Подмосковию, готовил статьи, брошюры, публикации о Герцене, Тургеневе, Лермонтове и др., по литературоведческому краеведению и музейному делу; в РГАЛИ хранятся «отчеты и докладные записки научного сотрудника ГЛМ Н. П. Анциферова о командировках в Коктебель, Ленинград, Одинцово, Звенигород и др. места, связанные с жизнью и творчеством М. А. Волошина, А. И. Герцена, М. Ю. Лермонтова» [РГАЛИ. Ф. 612, оп. 1, дело 60]. Директор ГЛМ В. Д. Бонч-Бруевич «дал самую высокую оценку профессионализму Ан-

циферова. Среди блестяще выполненных им работ он особо выделил «описание всех мест пребывания Герцена в Москве и под Москвой», требовавшее «больших литературоведческих и исторических знаний» [Московская, 2014. С. 90]. В докладной записке от 26 апреля 1937 г. среди прочих пунктов Анциферов предлагает по завершении экспозиции выставки Герцена (приуроченной к 125-летию писателя) провести «обследование и фотосъемку герценовских мест в окрестностях Москвы: Соколово, Покровское-Рубцово, Черная Грязь, Перово: обследованы были: Архангельское, Васильевское, Загорье, Перхушково, Покровское, Засекино», а также выступает с инициативой организовать постоянные выставки-уголки в герценовских местах: «план местности, снимки мест и лиц, связанных с Герценом по данной местности, тексты — относящиеся к данной местности» (известен устойчивый интерес Н. П. Анциферова к проблемам экспозиции, см.: Положение экскурсионной работы на местах (По данным опросного листа экскурсионно-справочного бюро ЦБК) // Краеведение. 1927. № 2. С. 211–218; Теория и практика литературных экскурсий. Л., 1926. 109 с.; Методика изучения и показа литературной жизни края в экспозиции краеведческих музеев. М., 1949. 23 с.).

Уже пару месяцев спустя, 18 июня 1937 г. (возможно также, что это дата составления отчета), поездка Н. П. Анциферова в Черную Грязь состоялась, о чем свидетельствует подробный и неформальный, что вообще характерно для Николая Павловича, отчет дирекции ГЛМ — с привлечением исторических сведений, литературного материала, опроса местных жителей, изобразительного ряда. В частности, в отчет вошли фотографии бывшей почтовой станции, дома при шлагбауме, моста через Ключи по тракту, надписи под мостом, общего вида Черной Грязи и старого ямщика П. Д. Ельцова (фотографировал Н. П. Киселев); воспоминания П. Д. Ельцова, тем более интересные для Анциферова, что «приукрасила память картины прошлого в сознании Петра Дмитриевича» и на глазах рождалась некая легенда — важная часть «гения места», над проблемой которого он много лет работал: «Старик Ельцов рассказывает: “Как только царь Петр переехал в Питер, тут, значит, и провели дорогу. Построили для него дворец, чтоб отдыхал на дороге. Как 30 верст проедет, так и дворец. А во дворце зал, а в зале потолок с орлом, написанный. Потому царь останавливается. Было тут 500 комплектов лошадей, да еще 200 в запасе, без учета [известно, что Черная Грязь действительно была одной из крупнейших станций: здесь содержалось 100–150 сменных лошадей, в то время как на ямских станциях по другим трактам насчитывалось по три-четыре десятка — М. А.]. Почта шла шестерней с трубою: “давай дорогу”. Грязи навезли со всех краев, оттого и прозывается почтовая станция “Черная Грязь” <...> Когда я прочел старику отрывок из “Былого и дум” об отъезде

Герцена, он оживился и дополнил свой рассказ: “Был, был тут и шлагбаум, туды за “дворцом”. Там и сейчас дом стоит — “казенный” прозывался. В нем жил главный смотритель, с двумя дежурными писцами, и солдаты. Населилась она с разных краев, и с Калуги, и с Рязани, отовсюду. Было это сто лет назад, а раньше тут кроме “дворца” ничего не было. Дворы были большие. А в каждом дворе свой колодец. С краю, где нынче 4 избы — стоял один дом Матвея Семеновича Саделова, и было у того Саделова 1000 быков. Его правнучек — Ванюшка и теперь вон бегаёт. А вот тот Саделов крестьянин из Еленок. У отца моего было 30 лошадей. А я ездил с 14 лет с сумкой (почтовой)”» [Отчет Анциферова Н. П. дирекции ГЛМ о поездке по герценовским местам (в «Черную Грязь»). Зал микрофильмов РГАЛИ 129 — 1 — 115]. Мифология места, при этом, уравнивалась и подтверждалась / опровергалась фактическими изысканиями Анциферова.

На момент приезда Н. П. Анциферова, в 1937 г., в этом районе была организована сельскохозяйственная коммуна (из рабочих Октябрьской железной дороги и крестьян), знакомиться с работой которой (а также охотиться) в 1919–1921 гг. приезжал В. И. Ленин. Из отчета Н. П. Анциферова мы узнаем, что еще существовали следы канав по обе стороны старого тракта (проходившего через деревни Филино, Черкизово, Кирилловка), а также бревна — следы древнего бревенчатого настила у деревни Филино; домик при шлагбауме («деревянное здание на высоком каменном фундаменте, с большим центральным окном, кончающимся полукругом»). Была в хорошей сохранности и почтовая станция: «Это большое здание 18 века в два этажа, почти ничем не украшенное. Над окнами сандрики, а три центральных украшены фронтонами. Первый этаж рустован. Со стороны двора боковые части выдаются. Во втором этаже — ниши. Над центральной частью — навес. По бокам главного здания симметрично расположены два длинных флигеля — каменные в один этаж — тянутся они вглубь большого двора. Многочисленные конюшни исчезли. Внутри дома сохранилась старая лестница, одна кафельная печка с голубыми каймами на плитках. Вероятно, сохранились и двери с резьбой в виде дентикул... Теперь в помещении этого «дворца» — Черногряжская больница. И внутри уже ничто не напоминает былую почтовую станцию» [Отчет Анциферова Н. П. дирекции ГЛМ о поездке по герценовским местам (в «Черную Грязь»). Зал микрофильмов РГАЛИ 129 — 1 — 115]. Отметим, что земская Черногряжская больница на 10 коек, обслуживавшая 4 ближайших волости, была открыта здесь после отмены крепостного права в 1861 г. Изначально штат насчитывал 3 человек — врача, фельдшера и акушерки (на 1864 г.), позже, в 1911 г., штаты лечебницы увеличились до 6 человек: два врача, фельдшер и три акушерки.

В конце отчета Н. П. Анциферов выражает необходимость «на старом здании отметить доской его связь с Пушкиным, Белинским и Герценом». Забегая вперед, скажем, что желание Анциферова сбылось: в 1999 г. на здании, вместо ремонта, была установлена мемориальная доска — правда, только относительно А. С. Пушкина — в рамках подготовки к юбилею [Склярова, 1999]: «В этом здании, путешествуя из Петербурга в Москву, останавливался великий русский поэт А. С. Пушкин», но в 2013 г. она была демонтирована неизвестными лицами.

Следующий известный приезд Анциферова (в качестве старшего научного сотрудника ГЛМ, заведующего сектором первой половины XIX в.) в Черную Грязь датируется 19 июля 1943 г. Однако задумана она была гораздо раньше: в письме В. Д. Бонч-Бруевичу от 7 апреля 1942 г. (во время войны, в тяжелый лично для Николая Павловича период) Н. П. Анциферов пишет: «О своих детях я ничего не знаю. Это сейчас мое основное горе. ... По-прежнему все мы читаем много лекций [в 1942–43 гг. Анциферов и другие сотрудники музея выступали в воинских частях с лекциями по истории — М. А.]. С большим интересом собираем материалы от бойцов о военных эпизодах, песни и т. д. У нас в плане выезды в литературные центры, побывавшие в руках захватчиков, для сбора материалов. Не знаю, дадут ли нам возможность это осуществить» [Московская, 2014. С. 101]. Год спустя он приезжает в Черную Грязь. Надо отметить, что Черная Грязь, из-за своего местоположения, нередко становилась в войнах рубежом обороны. Так, под ямом стоял в сентябре 1812 г. авангард русского отряда генерала Ф. Ф. Винценгероде во главе с полковником В. Д. Иловайским и совершал вылазки против французского корпуса Э. Богарнэ. В этих местах проходил рубеж обороны Москвы и в ноябре-декабре 1941 г. шли тяжелые продолжительные бои. На Клинско-Солнечногорском направлении существует множество памятников, братских захоронений, ближайšie к Черной Грязи — памятник «Защитникам Москвы» («Ежи») на 23-м км. Ленинградского шоссе, в Пикине, Владычине, Пояркове, Мышецком, Каменке, Льялове, Ржавках и др. В Книге памяти Солнечногорского района Черная Грязь числится и местом смерти, и местом захоронения (после войны имело место перезахоронение останков в братскую могилу «Штыки» на 40-м км. Ленинградского шоссе). В память о героизме солдат в деревне была высажена березовая аллея из 200 деревьев и установлена мемориальная доска. Но в 2013 г. деревья вырубili, чтобы сделать подъезд к одному из торговых центров. О битве за Москву существует огромное количество литературы. Но записи Н. П. Анциферова не теряются в ней: они очеловечивают сухую статистику, проливают свет на события тех дней, раскрывают их драматизм и уточняют фактические данные.

Прежде всего, Анциферов дополняет впечатлениями и пропущенными через себя фактами предыдущий отчет, 1937 г.: в частности, из нового отчета 1943 г. мы узнаем о существовании остатков сада и пруда: «По правой стороне тракта, среди ямского поселка возвышалось двухэтажное здание, построенное в “век Екатерины” в том простом и строгом стиле ранней классики, которая предшествовала ампиру. Здание было окружено флигелями. К нему прилегал сад, от которого сохранился ствол вековой ивы, склоненной над вековым прудом, берега которого заросли густым кустарником. Вероятно, здесь путешественники дожидались в ясные теплые дни перекладных, а современник Пушкина, почтдиректор А. Я. Булгаков, называл эту почтовую станцию “дворцом”. Это название бытует среди потомков ямщиков “Черной Грязи”, хранящих в памяти вековые предания [очевидно, вспоминает здесь Анциферов свой предыдущий приезд и беседу с П. Д. Ельцовым — М. А.]. Даже детвора знает, что здесь останавливался А. С. Пушкин» [ОР РНБ, Фонд № 27, ед. хр. № 108, л. 409]. Отметим, что Пушкин редко собственно останавливался на почтовых станциях: он предпочитал идти пешком, не дожидаясь, пока переменят лошадей, и уже на дороге подсаживался в догнавший его экипаж.

Здание почтовой станции на момент приезда Анциферова находилось в полуруинированном состоянии: 21 декабря 1941 г. в здание попал фугасный снаряд, разрушив его «на $\frac{3}{4}$ со стороны запада и юга. Извлечено было из-под развалин десяток жертв. Но многие еще остались похороненными в руинах. В саду устроена братская могила» [ОР РНБ, Фонд № 27, ед. хр. № 108, л. 410]. Анциферов вновь записывает интереснейший рассказ свидетеля — больничного техника, отвечавшего за подачу воды и света для больницы, Николая Варфоломеевича Горина, «который был не только свидетелем, но и едва не сделался жертвой варварского нападения фашистов на больницу. Тов. Горин был в числе тех, кого извлекли из-под обломков рухнувшего старого здания». «Немцев задержали в 3 км от Черной Грязи. После отступления наших здесь в больнице остались вещи. Я выбрал место, куда сложить инвентарь — медицинский в одно место, технический — в другое. Вышел на двор. Это было 21-е декабря. Встретил дворника. Он выдавал салазки и лыжи красноармейцам. Слышим — шум пропеллера. Было 11 часов утра. Народ смотрит, чей? Тут вдруг пулеметная стрельба. Летел он низко. Ну, знаете та...та...та... и это у...у...у...! Отчего же не посмотреть? Может, наши практикуются. Почувствовал тут боль в боку. “Это пуля!” — так подумал. Звук у...у...у...! Шум странный и все. Я падаю. Упал и меня завалило тонким слоем кирпича. Сознание не теряю, а что — никак не соображу. Подергал плечами, вдруг удар! Раз! Второй! Это со здания балки падали на меня, одна за другой. После этого стена рухнула и меня завалило еще больше. Руки зажаты, ноги прижаты, суставами двинуть никак. Сперва упал низ, а уж верх потом падал. Все успокоилось, все

стало тихо, ни шуму, ничего. Готов... Хватит... Отжил... Но... мечтаю. Голова в земле, в рот все лезет: крикнуть нельзя. Как-нибудь пальцами шевелю. Хоть бы головой двинуть. Дышать уже нельзя. Слышу — наши. А у меня только — э-э-э! Раза три, духу нет. Нужно воздух побережь... Закопан... Слышу, кто-то топает. Идет. Слышу голос Нюры (дезинфектор наш). “Вот здесь в этом пространстве должны быть люди!” Я опять — э...э...э...! Тут красноармейцы. Кто чем. Стук! Стук! Бух! Разрыли. Один за полушубок потащил — больно! Как дернут меня! Ноги-то прижаты. Распилили балки. Поставили меня. “Ну как, больной?” — “Ничего! Пойду!” Только поставили — подкосило — упал куском мяса. “Жене скажите, ничего, а в честь этого ключ отдайте”. Повели в больницу.

Вытащили еще человек 15–18 красноармейцев, да 3 наших дворника, врача и санитарку. Нашли уже мертвых. Фугаска влетела в окно. Вон края ободраны.

Тут летом лежал больной, выздоравливал. А ласточкины птенцы все писк поднимали, когда кормят, знают. Ну, больной с досады взял и разорил гнездо.

Ласточка потом прилетела и вот в это самое окно билась, и все кричала. Вот сюда фугаска и влетела» [ОР РНБ, Фонд № 27, ед. хр. № 108, приложение, л. 412].

На этот раз Анциферов ездил в паре с художником Б. С. Земенковым, который зарисовывает руины со стороны шоссе, со стороны братской могилы (южная сторона), некоторые детали, также вековую иву в старом саду почтовой станции (рисунки находятся, судя по всему, в архиве Б. С. Земенкова в Музее Москвы). Со свойственной ему в работе основательностью он предлагает к отчету снимки с зарисовок Б. С. Земенкова, снимки Н. П. Киселева 1937 г., детально записанный рассказ техника Горина, выписку из местной газеты «Здравоохранение на службу родины» о работе Черногряжской больницы, получившей Красное Знамя (от 3.08.1943 г.): «Как только воины Красной Армии прогнали немецкую нечисть с частично оккупированной территории нашего района, коллектив работников медицины приступил к восстановлению и ремонту корпусов и жилых домов Черногряжских больниц. Несмотря на огромные трудности, в течение месяца больница была восстановлена и начала работать. Восстанавливал и налаживал работу больницы гл. врач Панютина О. П. (жена доктора Коопа), проявившая себя как хороший организатор и администратор. При больнице трудами служащих создан большой огород». По некоторым данным, в восстановлении здания больницы участвовали пленные немцы [Солнечногорье — страницы истории. 2014. С. 230–231].

Н. П. Анциферов привозит из командировки, помимо материалов для статьи, также образцы кирпичей и кафелей печи — очевидно, той самой, которая еще была цела в 1937 г.

Статья Н. П. Анциферова о Черной Грязи была напечатана во втором сборнике «Литературное Подмосковье» (в музейной серии «Литературные места», М., 1950, с. 9–40). Однако в нее вошли далеко не все материалы, собранные Н. П. Анциферовым. В статье Николай Павлович не сосредоточивается именно на станции Черная Грязь, хотя и описывает важнейшие — на его взгляд и объективно — события, происходившие здесь (посещения Радищевым, Пушкиным, Белинским). Для него важнее оказывается другое: показать, что не только усадьба (и с этого начинается Н. П. Анциферов статью), но и здание другого назначения может быть интересно; ненавязчиво дать «методику» работы с памятником: отсюда географическая справка, сведения о старом шоссе. Черная Грязь становится и поводом заинтересовать, провести свои идеи — опыт эмоционального переживания места. Поэтому он выходит за пределы конкретного места, привлекает и посторонний по отношению к этой станции материал — и исторический (о ямах, ямских слободах, о станции в Перхушкове), и лингвистический (языковая память в названиях Тверских-Ямских улиц), и литературный («Тарантас», «Станционный смотритель») — чтобы дать целостную картину, эмоциональное описание, в конечном счете — «заразить» читателя интересом. В статье содержатся важные сведения о назначении и состоянии здания на середину XX в. Но в нее не вошли, например, записи рассказов Ельцова и Горина. Именно поэтому очень важным было бы издание трудов Н. П. Анциферова.

В отчете разрушения 1941 г. Анциферов называет «гибелью». Однако вскоре после войны здание было восстановлено, хотя и с некоторыми декоративными упрощениями. Вплоть до 2011 г. здесь располагалась Черногряжская больница Солнечногорского района. За свою историю персонал этой больницы оказал медицинскую помощь тысячам жителей Подмосковья.

После закрытия Черногряжской больницы здание с баланса Минздравсоцразвития перешло на баланс Министерства культуры Московской Области и постепенно разрушается. Угрозу для существования деревни и здания станции представляют: проходящая мимо новая платная трасса Москва — Петербург; расширение аэропорта Шереметьево; увеличение площади складов и рынка стройматериалов, теснящих здание со стороны двора; равнодушие и бесхозяйственность местных властей.

Судьбы почтовых станций могут складываться по-разному. Так, есть примеры сохранения и музеефикации зданий (путевой дворец в Солнечногорске, хрестоматийный пример музея Почтовой станции в Выре), сохранения при использовании для иных нужд (Чесменский путевой дворец ныне занимает Государственный университет аэрокосмического приборостроения, Петровский путевой дворец на Ленинградском проспекте долгое время занимала

Академия им. Жуковского, сейчас это — Дом Приемов); множество зданий такого рода находятся в неудовлетворительном состоянии — в частных руках или в государственной собственности (в деревне Гнёздово в черте г. Смоленска; в деревне Кононово Износковского района Калужской области); множество зданий станций не сохранилось (например, в Перхушкове).

Судьба станции Черная Грязь остается неопределенной. Являясь объектом культурного наследия федерального значения, здание находится в «рабочем» состоянии (охранное обязательство № 73-13 от 2 августа 2013 г.), но «подтвержден факт неудовлетворительного состояния объекта и отсутствия каких-либо работ по его сохранению» (результаты инспекционного выезда сотрудников Министерства культуры Московской области в рамках работы по мониторингу за состоянием объектов культурного наследия 24 апреля 2014 г.). 11 декабря 2014 г. в администрации Солнечногорского района, в рамках реализации губернаторской программы «Усадьбы Подмосковья», с помощью которой власти региона рассчитывают найти инвесторов для реставрации культурно-исторических объектов, состоялся аукцион по сдаче здания почтовой станции и хозяйственного корпуса в аренду на 49 лет на льготных условиях. Права аренды получил местный предприниматель.

Собственно, гибнет и деревня как жилой сектор: здесь нет коммуникаций — ни газа, ни водопровода (только 5 колодцев общего пользования), ни канализации, ни тротуаров, ветхая электросеть. В этом отношении характерен такой анекдотический факт: во многих воспоминаниях о деревне отмечается крайне плохое состояние дороги, невероятная грязь, что якобы нашло отражение в названии станции — и в остроумных его обыгрываниях: так, на вечере у Карамзина Николай Тургенев, один из идеологов тайных обществ, говоря о свободе, с пафосом воскликнул, что, мол, мы уже на первой станции к ней. «Да-да, — радостно подхватил Пушкин, — в Черной Гязи!...» [Разговоры Пушкина, 1991. С. 11].

В деревне расположены магазины и рестораны, ряд предприятий; часовня на месте предполагаемого храма «Во славу всех святых, в земле Российской просиявших» и музей «Дорожный быт Отечества» (и то, и другое — частная инициатива, однако из-за отсутствия финансирования музей не действует); больницы и школы в настоящее время нет. На 1 января 2014 г. в деревне Черная Грязь находится 151 постоянное хозяйство, официально зарегистрировано 142 человека — но по факту проживает не более 30 процентов от этого числа. Для сравнения: по данным за 1864 г. в деревне было 24 двора, в которых жили 150 человек (74 мужского пола и 76 женского). Постепенно деревня обустроивалась. По данным на 1911 г., в ней находились, помимо земской больницы, земский детский приют и земское училище, три овощные и четыре чай-

ные лавки. После революции здесь была создана, на землях двух небольших частновладельческих хозяйств, сельскохозяйственная коммуна, в которую входили рабочие Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги и крестьяне-бедняки из окрестных деревень; позже, в эпоху коллективизации, помимо шести единоличных хозяйств (на 25 человек) здесь был организован колхоз, в котором в 1932 г. насчитывалось 36 хозяйств и 175 человек.

Но, с другой стороны, Черная Грязь отражает историю страны: дорожная связь между столицами, золотой век русской литературы, затем революция, Великая Отечественная война, эра пассажирского воздухоплавания (в непосредственной близости от деревни расположен аэропорт Шереметьево) и «расчета век железный»: рынок и Fashion House Outlet Centre (Аутлет «Черная Грязь») при «мерзости запустения» станции как символ общества потребления. «Два века назад это место являлось транспортным центром Московской области, своего рода отправным пунктом для жителей района. Случайность или нет, но сегодня, по аналогии, сюда также съезжаются тысячи машин, но не на почтовую станцию, а на складской комплекс MLP» [Координаты: Черная Грязь // ПРОСКЛАД 20А. № 24, ноябрь 2012 г. С. 11].

Как бы ни сложилась судьба станции и деревни, можно с определенностью сказать, что важными вехами в истории Черной Грязи, в ее историографии стали приезды сюда Н. П. Анциферова в 1936 и 1943 гг. Записи Анциферова помогают восстановить историю деревни в этот период, наполняют ее человеческим содержанием, помогают в градозащитной деятельности.

Места научного паломничества Н. П. Анциферова становятся, в свою очередь, местами паломничества и изучения.

Список литературы и источников

Аксаков С. Т. Избр. соч. / сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Богданова. М. : Современник, 1982. 847 с.

Анциферов Н. П. Из дум о былом : воспоминания. М. : Феникс ; Культ. инициатива, 1992. — 511 с.

Анциферов Н. П. Подмосковные Герцена // Подмосковные. М. : Гос. лит. музей, 1946. С. 73–104.

Анциферов Н. П. Черная Грязь // Литературное Подмосковье: Архангельское. Черная Грязь. Захарово. Абрамцево. Мелихово. Шахматово. Кунцево : [сб. ст.]. М. : Госкультпросветиздат, 1950. С. 31–40.

Волкова Н. А. Неизвестные усадьбы Солнечногорья. М. : Компания Спутник+, 2005. 131 с.

Координаты: Черная Грязь // ПРОСКЛАД 20А. № 24, ноябрь 2012 г.

Московская Д. С. О времени и о себе. Из переписки В. Д. Бонч-Бруевича с Н. П. Анциферовым // Вторые московские Анциферовские чтения. Сб. ст. по

материалам Междунар. конф., посвященной 140-летию В. Д. Бонч-Бруевича. М. : Гос. лит. музей ; Три квадрата, 2014. С. 88–131.

Московская Д. С. Мемуары Н. П. Анциферова как документ истории и памятник литературы // Вторые московские Анциферовские чтения. Сб. ст. по материалам Междунар. конф., посвященной 140-летию В. Д. Бонч-Бруевича. М. : Гос. лит. музей ; Три квадрата, 2014а. С. 201–216.

Книга Памяти Солнечногорского района Московской области / редкол. : С. Е. Волошнюк и др. Солнечногорск (Моск. обл.) : Внешсигма, 1995. 460 с.

Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России XVIII-XIX веках. 2-е изд. М. : Стройиздат, 1987. 224 с.

Панаев И. И. Литературные воспоминания. М. : Гос. изд-во художеств. лит., 1950. 427 с.

Пассек Т. П. Из дальних лет. Т. 2. М. : Государственное издательство художественной литературы. 1963. 792 с.

Путь Ильича. 1937–1941 гг. № 69, № 73, № 132.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. 4-е изд. Л. : Наука ; ЛО, 1978. Т. 7. 544 с.

Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М. : Художеств. лит., 1988. 687 с.

Разговоры Пушкина. Репринт. воспр. изд. 1929 г. М. : Политиздат, 1991. 318 с.

Склярова Н. Финансы и романсы // Вечерняя Москва. 26.04.1999.

Солнечногорье — страницы истории. 3-е изд., доп. Тверь : ООО Издательство «Триада», 2014. 688 с.

ОР РНБ, Фонд № 27. Ед. хр. 108.

РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 4–25.

РГАЛИ, Ф. 612, оп. 1, ед. хр. 261.

РГАЛИ Ф. 612, оп. 1, дело 60.

Мемориал [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.mosobl-memorial.ru/people-list?fo=&body_value=%D0%B4.+%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F+%D0%93%D1%80%D1%8F%D0%B7%D1%8C.

С. А. Огудов

Огудов Сергей Александрович, магистрант Новосибирского государственного педагогического университета. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28; ogudovs@mail.ru

ЛЕНИНГРАДСКИЙ «ТРУЩОБНЫЙ ТЕКСТ» В КИНЕМАТОГРАФЕ 1920-Х ГОДОВ

Аннотация

В статье исследуются ленинградские фильмы 1920-х годов, в которых изображены городские трущобы. Существование маргинального социума обусловило появление «трущобного текста», традиции которого в литературе восходят к середине XIX века. Кинематограф создает визуальную репрезентацию городского пространства, предполагающую его гомогенизацию. Фильмы включаются в систему событийных отношений, выработанную «трущобным текстом».

Ключевые слова

Ленинград, трущобы, кинематограф, репрезентация, пространство, общество, коллектив, хаза, трактир

Будучи очагом особых социальных отношений, трущобы обладают огромной жизнеспособностью в пределах городского пространства. В 20-ые годы они получают широкое распространение в советских городах. С точки зрения формирующегося общества их необходимо «освоить», то есть привести к некоторым социокультурным стандартам. Такие локусы, как завод или рабочий клуб, идеологически воспринимались исходя из их современности или даже будущности, что устанавливало не только пространственную, но и временную дистанцию между двумя типами объектов. Ретроспекция ухудшения истории отводила трущобам роль обломков прошлого. Они воспринимались в качестве очагов хаоса, которые необходимо удалить из нового города.

В нашей работе будет рассмотрен ряд фильмов, которые еще не становились объектом внимания в связи с ленинградским «трущобным текстом» как наслоением текстов, имеющих общий мифологический корень. Некоторые из этих фильмов не сохранились или сохранились частично — о них будет сказано с точки зрения текстового материала: сценариев, протоколов, либретто, отзывов в прессе (эти материалы доступны в архиве Госфильмофонда).

Фильм как визуальный документ не только формирует репрезентацию, но и сам складывается на основе уже увиденного. Поэтому труппные фильмы создают такое представление о пространстве своей репрезентации, которое недоступно другим медиальным формам.

В. Н. Топоров в связи с темой ухода из Петербурга аполлинического начала упомянул только один фильм — «Конец Санкт — Петербурга» (1927 г., реж. В. И. Пудовкин) [Топоров, 2003. С. 159]. Список был расширен П. Ю. Барсковой: исследовательница добавила к нему «Чертво колесо» (1926 г., реж. Г. М. Козинцев и Л. З. Трауберг), сюжетом которого стало «падение, то есть конец Петербурга и его маргинальных обитателей» [Барскова, рукопись]. Этот фильм был снят по сценарию А. И. Пиотровского «Моряк с «Авроры». В интерпретации режиссеров воровская хаза предстает жилищем эксцентриков, а их глава, «Человек-вопрос», «чуть ли не символическим образом какого-то короля темных сил» [Козинцев, 1982. С. 106]. Уже на этапе сценария Пиотровским проговариваются некоторые аспекты показа труппы, соотносимые с общим сюжетом фильма.

Группа свободных от нарядов моряков отпущена с «Авроры» в Ленинград до вечера. Они отправляются в сад Народного дома, чтобы там провести выходной. Моряк Ваня Шорин знакомится с девушкой Валею. Она — «дочка мещан, лавочников, не пристроенная ни на какую «службу»...» [Пиотровский, 1925. Л. 2]. В титрах фильма Валя охарактеризована как «еще не шпана, но близка к ней». Ваня катается с ней на качелях и в итоге опаздывает на крейсер. Утром вместе с Валею он встречает фокусников, которые вчера демонстрировали свое мастерство — «Человека-аквариума» и «Трансформатора». Они нечисты на руку: «“Профессиональный Союз” дознался до различных их тайных проделок» [Там же. Л. 5]. Фокусники предлагают помочь с жильем Ване и Валею: «Их ведут в большой, полуразрушенный дом» [Там же]. Потом Ваню приглашают в «танцевальную студию» на «бал»: «Бал в студии. Седой и хромой хозяин распоряжается. Зал заполняют довольно подозрительные личности, мелкие лавочники, люди без определенных занятий, а, может быть, и просто налетчики. “Аквариум”, душа общества, демонстрирует свое искусство. Входят иностранцы, начинают втихомолку евангельскую проповедь, встречаемую хорошо лишь тогда, когда иностранцы ставят выпивку» [Там же. Л. 7]. Во время «бала» на «танцстудию» происходит облава милиции. Ваня и Валя убегают — моряк понимает, что все это время жил на «воровской квартире». В сценарии хаза противопоставляется крейсеру и Вузовскому клубу, где тоже отмечают праздники, но без свойственных «танцстудии» наслаждений, основанных на саморазрушении (алкоголь, танцы). Падение Вани заканчивается во время столкновения шпаны с молодежью из клуба: «В разгар столкновения Ваня Шорин, пьяный, потерявшийся, уничтоженный, натывается на декорацию,

видит надпись «Аврора», вспоминает обо всем. И начинает яростно помогать защитникам клуба» [Там же. Л. 9–10]. В финале раненный Ваня плывет на лодке к «Авроре», чтобы сообщить морякам о мнимой опасности: «На мгновение закружившееся перед глазами чертово колесо останавливается. Путь ясен. К коллективу» [Там же. Л. 11]. Из фильма становится известно, что коллектив прощает дезертира. Валя в сценарии примыкает к студентам, то есть тоже находит свой коллектив. В финале фильма происходит облава милиции на хазу, в результате которой шайку преступников уничтожают, как писал Козинцев, в «особом масштабе», а здание взрывают [Козинцев, 1982. С. 106].

После выхода «Чертова колеса» на экраны критики обращали внимания на операторское мастерство, монтаж, движение и темп фильма, молодость режиссеров. В качестве недостатка чаще всего отмечалась романтизация уголовного дна. К примеру, Х. Херсонский писал: «Мы не увидели жуткого дна старого города (серьезная социальная тема). Вместо него веселящийся маскарад, гримасы чуть ли не героической (!) шпаны» [Херсонский, 1926].

Несмотря на то, что трюки можно считать материалом кинематографа, у фэксов они работают и как прием вычленения эстетического из «быта» или истории. В творчестве ФЭКС обновление кино происходило через эксцентризм, деформирующий прагматический контекст объекта съемки. В «Чертовом колесе» эксцентризм, по мнению критика В. В. Недоброво, состоял в том, что матрос оказывался в контексте уголовной среды, лирическая линия разворачивалась в парке аттракционов Народного дома, а преступник «Человек-вопрос» поправлял манжеты перед смертью. Недоброво также выделяет «монтаж аттракционов Нардома» и «прием затяжки», когда Ваню бьют кастетом [Недоброво, 1928. С. 28]. Кинематограф в 20-е годы утверждался как монтаж трюков или как способы сюжетосложения, недоступные литературе. К примеру, по мнению Эйхенбаума, возрождение авантюрного романа, свободного от отягочающей психологической мотивировки, происходило в кино. В то же время тяготение к фактуре, к визуальным образам трансгрессии не могло не привлечь кинематограф к миру трущоб, что и произошло в творчестве фэкс-сов. Трущобы придавали пространству визуальной репрезентации вполне конкретные географические координаты, создавали «эффект реальности». Но само обрамление неуправляемых трущоб рамкой кадра как бы уже означало установление контроля над ними. Экран дистанцировал зрителя от мира хаоса, делая его безопасным для взгляда.

В этом смысле появление кинематографа следовало определенным тенденциям, уже сложившимся в литературе. Сложная социальная обстановка способствовала появлению в Ленинграде в годы НЭПа рецидива «трущобного текста». В качестве особого жанра он восходит к прозе середины XIX века

(романы Крестовского, Некрасова и др.) В Ленинграде появляются произведения, описывающие или даже воспевающие городские трущобы. Наиболее известным из них является роман В. Каверина «Конец хазы» (1925), который без принципиального изменения нарративных стратегий воспроизводит структуру трущобного романа XIX в.: «Каверин сочетает напряженный сюжет, требующий спуска героев на социальное дно, с элементами физиологического очерка — на различных этапах своего “спуска” герой вынужден помедлить, чтобы попристальнее разглядеть придонные “типы”» [Барскова, рукопись]. (Жанр трущобного романа еще в XIX в. получил свои характерные признаки: «протоколирование действительности», низких персонажей (бедняки, бандиты, проститутки), амбивалентность (мир трущоб отталкивает, но и притягивает читателя). Примеры петербургских трущобных текстов XIX в.: «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» Н. А. Некрасова, антология «Физиология Петербурга», «Петербургские трущобы» В. В. Крестовского (здесь физиологический очерк соединяется с мелодраматическим сюжетом), произведения Алексея Свирского. В XX в.: Е. Г. Полонская, поэма «В петле. Лирическая фильма», книга стихов Н. А. Заболоцкого «Столбцы», романы К. К. Вагинова («Козлиная песнь», «Бамбочада», «Гарпагониана»), повесть Василия Андреева «Волки». По мнению П. Ю. Барсковой, московский трущобный текст пытается преодолеть разлад с центром, а для ленинградского текста центр несет гибель. В ленинградском трущобном тексте не может быть спасения. Механизм знания приводит его к самоуничтожению.)

Вариант уничтожения опасного пространства дан в фильме «Косая линия» (1928 г., реж. А. Иванов; фильм не сохранился). Рабочий Власьев не ходит на завод и пьянствует. Он стал завсегдатаем трактира «Утюг», который находится на Косой линии Васильевского Острова. В либретто фильма сказано: «“Утюг” — районное гнездо хулиганства и пьянства — довольно удачно справляет свой почин: находятся посетители, помнящие дореволюционную славу “Утюга”, не забывает о Прибылеве и его заведении и гаваньская красавица Феня — героиня ежевечернего трактирного разгула» [Косая линия, 1928. С. 1]. «Утюг» приманивает к себе рабочих со всей округи. В противовес трактиру открывается клуб, который начинает перетягивать рабочих на свою сторону. В финале фильма Власьев пытается убить своего товарища Жилина, но «падает с крана и сильно расшибается» [Там же. С. 3]. Это событие вызывает волну протеста против бюрократа Прибылева, и рабочие добиваются закрытия трактира. В архиве Госфильмофонда сохранился список надписей к фильму. Последние слова Власьева таковы: «73. — Пропаций я человек... “Утюг”...; 74. — “Утюг” загубил! 75. — Да разве-ж я один, граждане?... 76. — “Утюг” закрылся, товарищи... 77. — Пусть медленно... 78. — ...постепенно...

79. — ...но быт наш... 80. —...двинулся!» [Список надписей к фильму «Косая линия»]. Фильму был адресован характерный упрек, связанный с романтизацией городского дна: «Рисуя подчеркнуто натуралистическими красками деятельность частного увеселительного заведения, авторы фильма не смогли достаточно ярко и убедительно показать работу заводского клуба» [Якубович, 1952].

Пространство дна можно наблюдать и в фильме «Вздувайте горны» (1925 г., реж. В. Касьянов). В этом фильме оно находится в оппозиции к Балтийскому заводу. В Госфильмофонде сохранился литературный сценарий, написанный С. Гариним в 1924 году. В сценарии, так же как и в фильме, есть эпизод «На дне Ленинграда». Гарин так описывает это «дно»: «241. Вечер. Нечто вроде харчевни у заставы. 242. Общий зал. Беднота, проститутки, извозчики, подозрительные типы. Буфет. 243. Отдельная комната. Тут тоже полно. За столиками сидит определенное ворье. Мужчины и женщины. 244. Один столик пуст. Около него стоит слуга и никого к нему не допускает. 245. ТОТ КТО ХОРОШО ПЛАТИТ» [Гарин, 1924. Л. 13]. В харчевне собираются представители антисоветской банды, желающие выкрасть чертежи рабочего Иванова и сорвать строительство советских кораблей. «Дно» маскируется с улицы как место, где дают «уроки танцев». В финале фильма в эту квартиру приходит милиция. В сценарии дан еще один локус «дна», отсутствующий в фильме — «танцулька “Красный перец” ». Туда идет невеста Иванова — Настя, чтобы выяснить, где бандиты прячут ее жениха. С. Гарин пишет в сценарии: «440. РАДИ МИЛОГО НА ВСЕ. 441. Входит Настя. Шляпа на затылке. Развязный и вызывающий вид. Манеры проститутки» [Там же. Л. 21]. Гарин так описывает «танцульку»: «416. Не то портерная, не то харчевня на окраине города. Полно народу самого подозрительного вида. Танцуют между столиками под низкопробный оркестр» [Там же. Л. 20]. В конечном итоге происходит облава милиции и на это заведение.

Более тонкое отношение к героям представлено в фильмах Фридриха Эрмлера. Действие фильма «Катька — бумажный ранет» (1926) разворачивается на Лиговке. Окрестности Лиговского проспекта считались в первой половине 1920-х гг. одним из наиболее криминальных районов Ленинграда (эта традиция сохранилась с дореволюционных времен). Приехавшая из деревни Катька торгует на Лиговке яблоками, чтобы спастись от бедности. Она беременеет от вора Сёмки Жгута и попадает в уголовную среду. Катька привечает опустившегося интеллигента Вадьку — человека слабохарактерного и неприспособленного к жизни. Катька, обладая природной крестьянской выдержкой, бодро переносит все превратности судьбы. Когда Жгута арестовывают, Вадька становится отцом ребенку. В финале Катька и Вадька переходят

работать на завод, в коллектив нового типа. Репертуарный комитет отнесся к этому фильму негативно. Денисов: «Хулиганство показано со вкусом, советское — слишком схематично и не будет впечатляться. Катька — главная героиня — в конце концов охаяна. “Опустившийся” Вадька противопоставлен хулиганству и будет вызывать симпатии, но зритель возьмет все хлесткое от хулиганов» [Протокол]. Это достаточно характерное обвинение в адрес рассматриваемых нами фильмов.

В фильме Эрмлера «Дом в сугробах» (1927) показан Петроград, переживающий зиму 1919 г. Сценарий к фильму написал Б. Леонидов. Уже на первой странице он предлагает характеристику городского пространства: «16. Мрачный вид завода, застывшего в бездействии. 17. Дверь заводского корпуса занесло снегом. 18. Одиноким сторож бродит закутанный в шубу. 19. Метель. 20. Большая очередь рабочих и работниц. 21. Рабочие получают винтовки. 22. Женщины — кирки и мотыги. 23. Очередь у продовольственной лавки. 24. Лицо спекулянта, злобно ропщет. 25. Очередь. Греются. Топчутся на месте. 26. Ноги — разная обувь: боты, сапоги, валенки, галоши и т. д.» [Леонидов, 1927. Л. 1–2]. Второе название фильма было «Дом в разрезе». Социальная стратификация соответствовала этажам дома: «Фронт и в самом городе, фронт в каждом доме, занесенном сугробами неубранного снега. Вот в подвале семья рабочего, в бельэтаже чета «господ», продающая сахарин, скупающая ценности и ждущая гибели всему вокруг, только бы не себе. А еще этажом выше — в холоде и голоде замерзает музыкант с больной женой, — добрые, душевные люди, но ничего не понимающие вокруг и всем обиженные», — пишет критик Х. Херсонский [Херсонский, 1928]. На день рождения жены музыкант в отчаянии похищает у спекулянта дрова, а у детей рабочего — попугая, из которого варит «куриный суп». Б. Леонидов в своем сценарии воссоздает труппное пространство. Например, в сцене, когда спекулянт осматривает жилище рабочего: «69. Смотрит в пролет вниз. 70. Вход в подвал кажется глубоким колодцем» [Леонидов, 1927. Л. 2]. Дома у композитора: «85. На рояле сложен всякий хлам — ноты, книги, тряпье, грязная посуда. Впечатление запустения. 86. На оттоманке. На стене ковер. Большой портрет Бетховена — гора тряпья. Медленно гора шевелится. 87. Из-под тряпья показалась голова жены композитора — изможденное лицо — тип вечной страдальницы» [Там же. Л. 4]. Указание на негативное труппное поведение можно найти в отзывах на сценарий из отдела «Совкино». По поводу эпизода, в котором дети рабочего идут к спекулянту с наганом, чтобы добыть себе еду и отомстить за унижение, сказано: «...жизнерадостность детей частью дана на границе с знакомым нам в чистом виде уже позднее хулиганством» [Денисов, 1926]. Вот как это показано в сценарии: «414. Спекулянт задом отступает в столовую, мальчик

с “наганом” за ним. 415. Мальчик кричит. 51 ПАЕК.... 419. [Девочка] подняла подол и в кучу складывает со стола съестное» [Леонидов, 1927. Л. 20]. В фильме «Дом в сугробах» социальные бедствия персонажей дополнены тяжелыми природными условиями, отчуждающими пространство от его обитателей.

Следует также обратить внимание на фильм «Адрес Ленина» (1929 г.; реж. В. Петров; фильм не сохранился). Сценарист Б. Бродянский пишет в либретто, что съемки проходили «около 65-го детского дома, около дома № 48 по улице Ленина и в самой квартире, где жил Владимир Ильич» [Бродянский, 1929. С. 5]. Фильм повествует о девочке Фатиме, которую родные прогоняли в дождь и снег торговать или просить милостыню. Эта девочка со своей теткой живет в доме, где жил Ленин в 1917 году. Здание пришло в упадок: «Двор в доме был темный, мрачный. Во дворе среди пыли, мусора, около помойки играют дети» [Там же. С. 10]. Но пионеры берутся за работу с «неорганизованной детворой»: они открывают детский клуб, а затем отстраивают площадку. Фильм заканчивается следующей сценой: «Оказалось, что в подвале лопнули трубы, подвал затопило водой и Фатима, которая все время пряталась в подвале, наверное бы утонула, если бы ее не спасли подоспевшие пионеры» [Там же. С. 14].

В этом фильме снова показана «власть места» над человеком. Одиночество девочки, ее разрыв с другими людьми с самого начала показаны на фоне старого Санкт-Петербурга, как будто это еще не ушедшее городское пространство и породило Фатиму: «23. НАСТУПИЛ ВЕЧЕР НАД ЛЕНИНГРАДОМ. 63. Тяжелые тучи ползли по небу. 64. Часы адмиралтейства показали 9. 65. Поднялся ветер. Закачал, начал гнуть верхушки деревьев Александр. сада. 66. Опустела площадь. На грозных тучах застыл тяжелый черный силуэт Исаакиевского собора. 67. Темнело. Ветер рвал платье одиноких прохожих. 68. На ступеньках собора маленькая девочка изнемогая от усталости и ветра продавала ириски. 24. МАЛЕНЬКАЯ ФАТИМА ВСЕ ЕЩЕ СТОЯЛА НА ВЕТРУ, УПРАШИВАЯ ПРОХОЖИХ “КУПИТЕ ИРИСКИ ”» [Петров, 1929. Л. 4]. Это непригодное для жизни пространство преодолевается в фильме путем создания нового социума. Действием в этом направлении является обустройство клуба в доме, где жил Ленин — «маленькое ленинское дело» пионеров: «310. Пионерам отвели небольшую комнату в первом этаже /б. швейцарскую/. 311. Начался ремонт. 312. Пионеры вычистили, вымыли комнату 313. и оканчивали оклейку стен обоями... 319. Валя прибила плакат «Куриль и плевать воспрещается». 320. А во дворе у окон толпилась любопытная детвора» [Там же. Л. 17]. Отсюда и отзывы на фильм, схватывающие особое «малое» пространство внутри города: «Что ценного в этой картине? Картина подана со вкусом и очень тепло. Чувствуется, что серости в ней нет. Чувствуется, что она сделана очень

внимательно, добросовестно и честно и в ряде мест картина лирична» [Стенограмма. Л. 1].

Сценарий Ю. Н. Тынянова «Шинель» тоже, на наш взгляд, связан с темой труппы, хотя действие и относится к середине XIX века. Сама конфигурация жизненного пространства Акакия Акакиевича обусловлена острой нехваткой такового. Особенно ярко «теснота» проявилась в эпизоде, когда Башмачкин смотрит в окно своей комнаты. Он видит фасад четырехэтажного дома с несколькими освещенными окнами. Через эти окна он одновременно наблюдает жизнь сразу нескольких жителей дома: «В одном окне видно, как чиновник с завитыми усами сидит в кресле и играет на гитаре... В окне бельэтажа какой-то офицер собирается на бал, усердно трет щеткой виски, одна щека намылена» [Тынянов, 2013. С. 40]. Каролина, «небесное создание», которую он встретил в Летнем саду, тоже живет здесь, причем в этот момент она «видит его и улыбается» [Там же. С. 41]. Такое распределение линий взгляда указывает, что Башмачкин через окно может наблюдать и за происходящей в это же время «попойкой» в номере «ярыжки». Следовательно, он может видеть, как «незначительное лицо» и помещик договариваются о том, что он должен совершить подчистку в «деле», связанном с убийством «дворовой девочки». Пространство оказывается сжато до близкого соседства Башмачкина и «незначительного лица» и странным образом сплетено на уровне взгляда. Впоследствии эта близость закрепляется еще и тем, что Башмачкин и «незначительное лицо» служат в одном департаменте. Даже пожилой Акакий Акакиевич, у которого отобрали шинель, приходит к тому же чиновнику, только ставшему уже «значительным лицом». Такое соседство со всеми основными героями способствует неожиданной близости Башмачкина и Каролины. Петербург у Тынянова как бы превращается в огромную «коммунальную квартиру». В этой связи можно привести описание каморки Башмачкина (в фильме воспроизведена комната в мансарде доходного дома): «Комнатка другая, нежели в первом действии. Совсем крошечная, неопрятная, с маленьким мутным окошечком наверху» [Там же. С. 51]. Башмачкин стареет, и вместе с ним приходит в упадок его жилище. Этот композиционный контраст молодости и старости был использован и развит в фильме.

Г. М. Козинцев вспоминает и другие реалии, повлиявшие на образность «Шинели»: «Даже жулье чувствовало настроение этих пейзажей и принимало особое обличье. В те ночи «попрыгунчики» (название шайки), укутавшись в простыни как в саваны, выскакивали на ходулях из-за сугробов и с воем набрасывались на прохожего» [Козинцев, 1982. С. 110]. Это воспоминание поставлено в тесную связь со сценой ограбления Акакия Акакиевича.

Мы разобрали несколько примеров кинематографического взгляда в труппное пространство. Предметом рассмотрения стали наиболее яркие филь-

мы, но можно привести и другие примеры: «Золотой мед» (1928 г., реж. Н. Берснев, В. Петров), «Держи чубаровца» (1927 г., реж. В. Григорьев), «Мишка Звонов» (1925 г., реж. П. Малахов); последняя попытка показать мрачный заводской Ленинград — фильм «Ленинградцы» (1938 г., реж. А. Зархи, И. Хейфиц; не был закончен). Сюжетом большинства фильмов становится переработка этого пространства: закрывают трактир в фильме «Косая линия», происходит облава милиции в фильме «Вздувайте горны», ремонтируют дом в фильме «Адрес Ленина», исчезает в метели гоголевский Петербург. Кинематограф становится своего рода публичным судом над этим миром. Зритель видит на экране всевозможные «придонные типы»: воров, проституток, беспризорников, бывших интеллигентов. Все они, так или иначе, пребывают в границах болезненной коммунальности, которая не способна выделить никакие социальные институты, ее упорядочивающие (за исключением уголовных авторитетов или спекулянтов). Важно также отметить, что исследуемые нами свойства пространства выходят за пределы трущоб как таковых. Перед нами в первую очередь пространство, непригодное для нормальной человеческой жизни, — это не только хаза или трактир; это могут быть и площади старого Петербурга, которые маркируются как необжитые или разрывающие человеческие взаимосвязи. В фильмах можно наблюдать оба варианта выхода из трущоб: либо по пути морально-нравственного «исправления», либо по пути карательному, когда единственной возможностью выхода становится тюрьма или уничтожение. Кинематограф может быть понят как взгляд с позиций социума более высокого порядка. Этот взгляд позволяет ориентироваться в «пространстве карантина», видеть тех, кто еще может быть оттуда спасен.

Список литературы и источников

- Барскова П. Ю.* Ленинградские трущобы: как помнит жанр? [Рукопись].
- Бродянский Б. Л.* Адрес Ленина (либретто). Л., 1929. 14 с.
- Гарин С.* Вздувайте горны (Кузнецы) [1924] // Госфильмофонд. Научный архив. Секция № 1, фонд № 2, опись № 1, ед. хр. № 106.
- Денисов.* Дом в разрезе /в сугробах/ (отзыв, 15.12.26) // Госфильмофонд. Научный архив. Секция № 1, фонд № 2, опись № 1, ед. хр. № 260.
- Козинцев Г. М.* Глубокий экран // Собр. соч. в 5 т. Т. 1. Л., 1982. С. 17–356.
- Косая линия* (либретто). Л., 1925. 3 с.
- Леонидов Б. Л.* Дом в сугробах [1927]. // Госфильмофонд. Научный архив. Секция № 1, фонд № 2, опись № 1, ед. хр. № 260.
- Недоброво В. В.* ФЭКС: Григорий Козинцев, Леонид Трауберг. М.; Л., 1928. 79 с.
- Петров В. М.* Адрес Ленина (режиссерский сценарий) [1929] // Госфильмофонд. Научный архив. Секция № 1, фонд № 2, опись № 1, ед. хр. № 4.

Пиотровский А. И. Моряк с «Авроры» [1925] // Госфильмофонд. Научный архив. Секция № 1. Фонд № 2. Опись № 1. Ед. хр. № 1032.

Протокол от 22.XI № 1758 просмотра главным репертуарным комитетом картины «Катя — бумажный ранет» // Госфильмофонд. Научный архив. Секция № 1. Фонд № 2. Опись № 1. Ед. хр. № 393.

Список надписей к фильму «Косая линия» // Госфильмофонд. Научный архив. Секция № 1. Фонд № 2. Опись № 1. Ед. хр. № 432.

Стенограмма обсуждения фильма «Адрес Ленина» (Волков) // Госфильмофонд. Научный архив. Секция № 1. Фонд № 2. Опись № 1. Ед. хр. № 4.

Топоров В. Н. Из истории петербургского аполлинизма: его золотые годы и его крушение // Петербургский текст русской литературы: избр. труды. СПб., 2003. С. 119–262.

Тынянов Ю. Н. Шинель // Киноведческие записки. № 104/105. М., 2013. С. 37–61.

Херсонский Х. Н. Дом в сугробах // Правда. 1928. № 83, 7 апреля.

Херсонский Х. Н. Чертово колесо // Правда. 1926. № 70, 27 февраля.

Якубович О. Карточка фильма «Косая линия» (6 сент. 1952г) // Госфильмофонд. Научный архив. Секция № 1. Фонд № 2. Опись № 1. Ед. хр. № 432.

А. В. Святославский

Святославский Алексей Владимирович, доктор культурологии, профессор кафедры риторики Московского педагогического государственного университета. Москва, Малая Пироговская, д. 1; ale1906@yandex.ru

«Он создал тысячи диковин...»

Сюжетная топография Москвы в реализации замысла романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»

Аннотация

В работе анализируется роль Москвы и конкретных московских местностей в реализации сюжетного замысла романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Основное содержание — выявление родства характера автора и «характера» города, а также авторского отношения к образу города как важнейшему элементу в раскрытии замысла произведения. Методически работа строится на традиции анализа литературной местнографии, заложенной отечественным филологом и культурологом Н. П. Анциферовым (концепция «души местности»). Выстроен ряд бинарных оппозиций, характеризующих и особенности городской культуры и характер творчества Пастернака.

Ключевые слова

Б. Л. Пастернак, «Доктор Живаго», Москва, литературное краеведение, Н. П. Анциферов, литературная местнография, бинарные оппозиции, структурный анализ, образ города

Тема «Анциферов и роман “Доктор Живаго”» — отнюдь не выглядит тяжелой: «Доктор Живаго» стал ярким примером реализации любимого положения Анциферова об образе города как активном герое произведения. Кроме того, Анциферов был лично знаком с Пастернаком и присутствовал на одном из первых авторских чтений романа. Чтение это состоялось 6 февраля 1947 г. дома у знаменитой пианистки М. В. Юдиной, в Москве на Беговой улице. Тот вечер красочно описан в воспоминаниях О. В. Ивинской в связи с рождением одного из символов в романе — горящей в окне свечи: «Свеча горела на столе, свеча горела...». Есть еще одна участница того неофициального творческого вечера — библиограф и писательница Е. Н. Берковская, указавшая Анциферова среди гостей. Вспоминает она и одну существенную деталь. «На вопрос Н. П. Анциферова, — вспоминает мемуаристка, — есть ли

прототип у Веденяпина и не Флоренский ли? И чьи это идеи? — <Пастернак> ответил, что не Флоренский, безусловно, а скорее Бердяев, что же касается идей, то это идеи его самого» [Берковская, 2008. С. 610]. О присутствии Анциферова на том чтении упоминает и Лидия Чуковская, ученица Анциферова по Тенишевскому училищу [Чуковская, 2010. С. 166].

«Пастернак — самая компромиссная фигура в русской литературе, — замечает Быков. — <...>Продолжатель классической традиции — и модернист; знаменитый советский — и вызывающе несоветский поэт; интеллигент, разночинец, одинаково близкий эстету из бывших дворян и учителю из крестьян; элитарный — и демократичный, не признанный официозом, но и не запрещенный... Еврей — и наследник русской культуры, христианский писатель, разговоров о своем еврействе не любивший и не поддерживавший. Философ, музыкант, книжник — и укорененный в быту человек <...>. Само Переделкино, где он прожил двадцать пять лет, было таким же гармоничным компромиссом между городом и природой: от Москвы меньше двадцати километров, а красота сказочная, и тихо» [Быков, 2006. С. 15].

Здесь подмечена характерная черта личной и творческой судьбы Пастернака: Пастернак биполярен во многих отношениях, и более того — многополярен.

Зачем такой «структуралистский» подход понадобился в случае исследования пастернаковской литературной местнографии? Во-первых, весьма значима для Пастернака отмеченная оппозиция Москва-Переделкино. Знаменитый *дачный* поэт при этом вошел в историю литературы как не менее мастеровитый писатель-*урбанист*. По воспоминаниям литератора и священника Михаила Ардова, Анна Андреевна Ахматова дала следующую характеристику чувства города у трех великих поэтов: «Я чувствую Петербург, Пастернак — Москву, а Осипу дано и то, и другое» [Ардов, 1989. С. 5]. Речь идет о *чувстве*, об *ощущении души* города, что сразу переводит нас в область анциферовской традиции выявления образа города как вдохновителя литературного творчества. «Город вдохновляет поэтов, город приковывает внимание мыслителей и людей науки. Город проклинаят, городом восхищаются, его изучают, его изображают» [Анциферов, Анциферова, 1926. С. 15–16]).

Во-вторых, отмечена органическая близость к народу, демократичность выходца из интеллигентной еврейской художественной семьи, целиком принадлежавшей культурной элите своего времени. О вполне естественном чувстве народа у Пастернака, об ощущении себя *частью* народа свидетельствует и поэзия Пастернака (весьма характерно, например, первое стихотворение в цикле «На ранних поездах...»), и, конечно, роман «Доктор Живаго». Упреки в незнании народной жизни и соответствующих неудачах в изображении ряда сцен в романе, к сожалению, звучали. Но мы с ними категорически не согласны.

«Иногда две или несколько культур действительно живут в одном городе, две традиции встречаются и переплетаются в одном узле. Случается, что одна подавляет другую, бывает, что они мирно сосуществуют. Город — место встречи разных культур и в прошлом, и в настоящем, и в будущем» [Там же. С. 18].

Итак, мы поставим вопрос о том, как вышло, что Пастернак стал очень московским поэтом и прозаиком, а также — о том, как связаны культурные особенности города и характер писателя, характер его творчества.

Обратимся к другой известной биографии Бориса Пастернака, написанной его сыном Евгением Борисовичем. «У Москвы “Первопрестольной”, — пишет Евгений Пастернак, — в те годы было установившееся название — “большая деревня”. Растущий деятельный город воспринимался как естественный центр страны, значительно менее подчиненный идеям и прихотям государственности, чем Петербург. Москва была многообразна, с различным укладом своих частей, околотков и слобод. В восьмидесятые годы город в очередной раз стал перераспределяться, строиться, пополняться ремесленным и рабочим людом» [Пастернак Е. Б., 1997. С. 12].

Сказанное о городе можно вполне сказать о самом Пастернаке, даже в годы строгого советского «государственничества» оставшемся наименее «подчиненным идеям и прихотям государственности». Москва многообразна, отмечает биограф, но и Пастернак многообразен. Он вместил в себя и поэта, и прозаика, он сумел пронести через себя самые разные пласты русской культуры, что делает роман «Доктор Живаго» во многом эпопейным и даже энциклопедийным произведением по отношению к «русской жизни». Москва — «естественный центр страны», — отмечает биограф. Этот город стал столицей естественным путем истории, начиная от пророчества святителя Петра Московского и через долгий, болезненный, но объективно — совершенно естественный ход собирания земель. Естественность жизненного уклада, естественность следования своему кредо, естественность общения с окружающим миром живых и неживых существ, столь характерные для Пастернака, нашли отражение и в «естественности» его зрелого творчества без отпечатка нарочитости или измены самому себе, что было нередким явлением даже среди даровитых советских литераторов. Пастернак, казалось бы, весь состоявший из противоречий — носимый судьбой между поэзией и прозой, между музыкой, философией и литературой, между двумя женщинами и пр. — явил миру весьма гармоничный пример художественного творчества.

Эта многополярность Пастернака при его естественности и гармоничности стала большим достоинством в творческом аспекте, позволив ему сделать весь мир, всю природу полем своего творчества и свободно, на общедоступном художественном языке говорить с этим миром.

Приехав в Москву из Одессы в 1889 г., родители Бориса Пастернака сняли квартиру «на границе состоятельной части и ямских слобод, где цены были не так высоки, у Старых Триумфальных ворот...» [Там же. С. 12]. Имеется в виду бывший дом Веденева, в перестроенном виде сохранившийся до нашего времени и отмеченный теперь мемориальной доской в честь появления на свет здесь 10 февраля 1890 г. писателя Бориса Пастернака (современный адрес Оружейный пер., 3 стр. 1). Семья Пастернаков прожила в доме лишь до весны 1891 г., вернувшись затем ненадолго в Одессу, однако в середине сентября того же года Пастернаки вновь обосновываются в Москве и снимают квартиру совсем неподалеку от веденеевского дома — в доме Свечина на другом конце Оружейного переуллка (дом № 42, не сохранился).

«Время живых воспоминаний во многом не хронологическое, — пишет Евгений Пастернак. — <...> У Пастернака в биографическое время не вошел год в доме Веденева у Триумфальных ворот, пыльное городское лето, первая дальняя поездка, встреча с железной дорогой, югом России, морем. В своих воспоминаниях он часто ошибается на год-два. И тем не менее гудки паровозов с Брестской, Тверские-Ямские, душное лето в городе, стремительное движение по рельсам и близость моря в будущем станут излюбленными образами его работ <...> Недаром местом детства и юности своей героини Ларисы Гишар сделал Пастернак в “Докторе Живаго” именно эти места» [Там же. С. 19–20].

Дом купца Ивана Венедиктовича Веденева стоит на главной улице Москвы — Тверской и продолжающей ее 1-й Тверской-Ямской (в нач. XX в. называвшейся Большой Тверской-Ямской), т. е. на отрезке пути, соединившем *два полюса* русской культуры — Москву и Петербург. Однако сама местность, на что обращает внимание Е. Б. Пастернак, — также рубежная для московской социально-культурной географии. Если глянуть в сторону Тверской от дома Веденева или от дома Свечина (он же позднее — дом Лыжина, как он и обозначен Пастернаком в автобиографических «Людях и положениях»), то по левую руку — Кремль, центр города, «благополучные» районы, олицетворявшие дворянскую и наиболее цивилизованную часть буржуазной культуры, а направо — район окраин, рабочей Москвы и даже неблагополучных районов, вроде Трубы и переулков Цветного, куда приличная публика боялась сунуться и куда вхож был «король московских репортеров» дядя Гиляй.

«Околоток был самый подозрительный, — вспоминал Борис Пастернак, — Тверские-Ямские, Труба, переулки Цветного. То и дело оттаскивали за руку. Чего-то не надо было знать, что-то не следовало слышать. Но няни и мамки не терпели одиночества, и тогда пестрое общество окружало нас. И в полдень учили конных жандармов на открытом плацу Знаменских казарм. Из этого общения с нищими и странницами, по соседству с миром отверженных

и их историй и истерик на близких бульварах, я преждевременно рано на всю жизнь вынес пугающую до замирания жалость к женщине и еще более нестерпимую жалость к родителям, которые умрут раньше меня и ради избавления которых от мук ада я должен совершить что-то неслыханно светлое, небывалое» [Пастернак, 2004. Т. III. С. 296]. Показательно то, что здесь сам поэт отмечает *обусловленность* себя взрослого атмосферой того уголка Москвы, в котором он прожил лишь первые три года своей жизни. Интересно описано открытие мира Юрой Живаго: «Но главное был действительный мир взрослых и *город*, который, подобно лесу, темнел кругом. Тогда всей своей полужвериной верой Юра верил в бога этого леса, как в лесничего» [Пастернак Б. Л., 2004. Т. IV. С. 88. Курсив наш — А. С.].

Ощущение состояния «между» проявится и во время тифозных бредовых сновидений Юрия Живаго в шестой части романа: «У него был бред две недели с перерывами. Ему грезилось, что на его письменный стол Тоня поставила две Садовые: слева Садовую-Каретную, а справа Садовую-Триумфальную» [Там же. С. 205]. При этом Живаго *пишет*, «пишет с жаром и необыкновенной удачей то, что он всегда хотел и должен был давно написать, но никогда не мог, а вот теперь оно выходит...» [Там же. С. 205]. То есть герой снова «между»: «Он пишет поэму не о Воскресении и не о Положении во гроб, а о днях протекших *между* тем и другим. Он пишет поэму “Смятение”» [Там же. С. 206. Курсив наш — А. С.]. Реальный биографический подтекст очевиден. Именно так и выглядит место рождения самого автора: слева Садовая-Каретная, справа Садовая-Триумфальная, если смотреть от дома Веденеева или взяв чуть правее от дома Лыжина.

О детстве главного героя Юрия Живаго в романе сказано немного. Еще меньше дано городских примет. Упомянут парк, что наводит на мысль о семинарском парке возле дома Свечина-Лыжина из раннего детства Пастернака. Вот это место в романе: «Тихий парк обступал вас. На свисающие ветви елей, осыпая с них иней, садились вороны. Разносилось их карканье, раскатистое, как треск древесного сука. С новостроек за просекой через дорогу перебежали породистые собаки. Там зажигали огни. Спускался вечер...» [Там же. С. 8]. «Необъяснимым образом что-то запомнилось из осенних прогулок с кормилицей по семинарскому парку. Размокшие дорожки под кучами опавших листьев, пруды, насыпные горки...», — вспоминалось Пастернаку уже на страницах автобиографии [Пастернак Б. Л., 2004. Т. III. С. 295].

Часть вторая романа озаглавлена характерно: «Девочка из другого круга». Другой круг — это и другой район, другая Москва, еще одна Москва. Глазами своих героев автор приглашает читателя перенестись из одной Москвы в другую Москву. Мадам Гишар покупает швейную мастерскую близ Триумфальных ворот. Имеются в виду так называемые «старые» Триумфальные ворота,

которых к тому времени уже нет, но москвичи по-прежнему называют по ним эту местность и саму близлежащую площадь (ныне площадь Маяковского). Здесь же номера «Черногория» в Оружейном переулке, где три месяца живет семья Гишар до переезда в квартиру при мастерской. «Это были самые ужасные места Москвы, лихачи и притоны, целые улицы, отданные разврату, трущобы “погибших созданий”» [Пастернак Б. Л., 2004. Т. IV. С. 24], — так охарактеризован Оружейный и окрестности в романе. В реальности это было не совсем так, скорее строчки эти можно отнести к упоминавшемуся Цветному бульвару и Трубе, которые находятся несколько дальше. Но у Пастернака именно здесь происходит завязка романной драмы, ведь мастерская близ Триумфальных куплена по совету «хладнокровного дельца» Комаровского, сюда же, в «Черногорию», он привозит мадам Гишар с детьми с вокзала. А Комаровскому отведена в романе роль воплощения темных сторон буржуазной России рубежа веков. Здесь же происходит и первая встреча главных героев Юрия и Ларисы, когда мальчики Юра и Миша, увязавшись за Александром Александровичем Громеко «прокатиться по морозу», попадают в номера, где пыталась отравиться мать Лары. Юный Живаго наблюдает сцену немого диалога Лары и Комаровского: «Юра пожирал обоих глазами. Из полутьмы, в которой никто не мог его видеть, он смотрел не отрываясь в освещенный лампою круг. Зрелище порабощения девушки было неисповедимо таинственно и беззастенчиво откровенно. Противоречивые чувства теснились в груди у него. У Юры сжималось сердце от их неиспытанной силы» [Там же. С. 62–63]. В грязном номере гостиницы сошлись вместе Юрий, его будущая необыкновенная любовь и ее растлитель, он же — и погубитель Юриного отца, о чем Юра узнает от Миши тоже *здесь*.

Сам рассказ о «морозном» путешествии строится на приеме контраста: из благополучной атмосферы домашнего камерного концерта в интеллигентном доме Громеко на Арбате компания попадает в среду физической и моральной грязи. Мокрая полуголая женщина на кровати, промывание желудка, скандал в коридоре между ресторанной прислугой. И здесь же довольный Комаровский (ведь тайна порочной связи пока не раскрыта!) «Добро бы что-нибудь стоящее, ради чего шум и посуду бить, а то какая невидаль, мадам Продам, недотрога бульварная, от хороших делов мышьякухватила, отставная невинность», — выносит свой приговор событию местная судомойка [Там же. С. 60].

Так уже в первых главах романа противопоставлены два полюса Москвы: чистый район Арбата, символом которого выступает дружная, порядочная и благополучная семья Громеко (гнездо творческой и научной интеллигенции), и другой полюс — гнездо пороков буржуазной Москвы, олицетворяемое номерами «Черногории», которые входят в жизнь героев по указующему персту демона-искусителя Комаровского.

Еще одно критически важное место для завязки романа — район Петровки и Кузнецкого моста. Здесь произошло «падение» Лары. Здесь в роскошной холостяцкой квартире на Петровских линиях обитает сам Комаровский. Здесь по воскресеньям он фланирует со своим бульдогом и с приятелем, актером и картежником со знаменательной фамилией Сатаниди. Характер этих прогулок обрисован автором одной исчерпывающей фразой: «Они пускались вместе шлифовать панели, перекидывались короткими анекдотами и замечаниями — настолько отрывистыми, незначительными и полными такого презрения ко всему на свете, что без всякого ущерба могли бы заменить эти слова простым рычанием, лишь бы наполнять оба тротуара Кузнецкого своими громкими, бесстыдно задыхающимися и как бы давящимися своей собственной вибрацией басами» [Там же. С. 46]. Недовольный ворчливый, рычащий бульдог Комаровского, ревнующий Лару к хозяину, — словно охраняет незыблемость здешнего жизненного уклада. В этом «петербургском уголке» Москвы все строго, чисто и чинно. Но только внешне. Лара приходит сюда невинной гимназисткой, а уходит любовницей любовника своей матери и убийцы Юриного отца. Мотив убийства вертится и в мыслях девушки, вышедшей от Комаровского в тот роковой день: «Если мама узнает, она убьет ее. Убьет и покончит с собой» [Там же. С. 46]. Комаровский предстает как деструктивное начало в разворачивающемся действии. Кстати, в реальной Москве того времени — с респектабельными жилищами «хорошо зарабатывающих людей свободных профессий», с «очень приличным табачным магазином» и с «очень приличным рестораном» на Петровских линиях — соседствует Неглинная улица с публичным домом Ечкина и номерами для свиданий, а чуть дальше знаменитая дешевыми притонами Драчевка-Грачевка. Она ярко описана Гиляровским: «Самым страшным был выходящий с Грачевки на Цветной бульвар Малый Колосов переулок, сплошь занятый полтинными, последнего разбора публичными домами. Подъезды этих заведений, выходящие на улицу, освещались обязательным красным фонарем, а в глухих дворах ютились самые грязные тайные притоны проституции, где никаких фонарей не полагалось и где окна завешивались изнутри. Характерно, что на всех таких дворах не держали собак... Здесь жили женщины, совершенно потерявшие образ человеческий, и их “коты”, скрывавшиеся от полиции, такие, которым даже рискованно было входить в ночлежные дома Хитровки. По ночам “коты” выходили на Цветной бульвар и на Самотеку, где их “марухи” замарьяживали пьяных» [Гиляровский, 2014. С. 46–47].

Сам по себе факт соблазнения девушки-гимназистки зрелым мужчиной, как известно, появился в романе под впечатлением определенных эпизодов из юности жены Пастернака Зинаиды Николаевны, но по воспоминаниям самой Зинаиды Николаевны, в реальности не было такого драматизма. Все дело

в том, что для Пастернака Комаровский важен как *тип* расчетливого дельца новой формации, не сдерживаемого традиционными нормами морали. Грешила страстями и пушкинская дворянская Россия, грешила и крестьянская Русь, но там еще не было такой нищезанятости от традиционной христианской морали и такого западного прагматизма и тщеславия. Описание мира Комаровского строится на контрасте: внешний лоск, респектабельность скрывают внутреннюю душевную пустоту и беспринципность. Сама по себе тема женской незащитности, как вспоминал Пастернак, волновала его с юности: «Уже тогда была и до сих пор осталась жалость к женщине как к существу поруганному, оскорбленному» [Масленикова, 1990. С. 23].

Мир Комаровского становится школой жизни для Лары. В этом мире не может быть ничего истинного, не может быть любви. «Он продолжал водить ее под длинной вуалью в отдельные кабинеты этого ужасного ресторана, где лакеи и закусывающие провожали ее взглядами и как бы раздевали. И она только спрашивала себя: разве когда любят, унижают?» [Пастернак Б. Л., 2004. Т. IV. С. 50]. Этот мир кажется стабильным, но автор романа знает, что он обречен. Он будет разрушен силой, скапливающейся в мастерских Брестской железной дороги, а на здании Петровского пассажа, мимо которого гуляет Комаровский, скоро появится манизеровская доска «Рабочий».

Еще один московский полюс в романе — рабочие пригороды Москвы. Идущая продолжением Тверской, другим своим концом Большая Тверская-Ямская улица упиралась в площадь Новых Триумфальных ворот, где у Брестского вокзала начинался другой мир — рабочий пригород. «Чувствовалась близость Брестской железной дороги. Рядом начинались ее владения, казенные квартиры служащих, паровозные депо и склады. Туда ходила домой к себе Оля Демина, умная девочка, племянница одного служащего с Москвы-Товарной. Она была способная ученица» [Там же. С. 24–25]. Вот так, вроде бы вскользь, вводится в ткань романа еще одна Москва — трудовая, пролетарская, мир рабочих слободок и окраин. Проекция романного действия на карту Москвы характеризуется естественностью и логичностью: действительно, от Старых Триумфальных до Новых Триумфальных, за которыми вокзал, депо, дома рабочих и служащих железной дороги, — не очень далеко. Это иной, но *соседний*, недалекий, тоже очень московский мир. С другой стороны, выбор Пастернаком именно путейцев как представителей новой русской промышленной культуры выглядит по-своему знаковым. Именно развитие железнодорожной сети и всей ее обширной инфраструктуры (паровозный и вагонный парк, производство рельсов, телеграф и т. д.) стало тем самым локомотивом российского индустриального развития, который к началу XX столетия привел Россию к статусу промышленно развитой державы и определил переход от дворянской Москвы к модернизирующейся буржуазной Москве.

Образ железнодорожной, привокзальной, рабочей Москвы во всей полноте ощущений прорисовывается впервые в пятой главе второй части романа. «Пахло началом городской зимы, топтанным листом клена, талым снегом, паровозной гарью и теплым ржаным хлебом, который выпекали в подвале вокзального буфета и только что вынули из печи. Приходили и уходили поезда. Их составляли и разбирали, размахивая свернутыми и развернутыми флагами. На все лады заливались рожки сторожей, карманные свистки сцепщиков и басистые гудки паровозов. Столбы дыма бесконечными лестницами подымались к небу. Растопленные паровозы стояли, готовые к выходу, обжигая холодные зимние облака кипящими облаками пара» [Там же. С. 29]. Небольшая зарисовка, предваряющая повествование о действиях героев, дает проникающе острое ощущение этого уголка Москвы, в котором отражается вся железнодорожная Россия с ее запахами и звуками. Пастернак дает возможность читателю прикоснуться к той самой «душе» местности, на поисках которой строится метод литературного анциферования.

«Дом, в котором холостой Тиверзин жил вместе с матерью и женатым младшим братом, принадлежал соседней церкви Святой Троицы. Дом этот был заселен некоторой частью причта, двумя артелями фруктовщиков и мясников, торговавших в городе с лотков вразнос, а по преимуществу мелкими служащими Московско-Брестской железной дороги» [Там же. С. 34]. По мнению авторов книги о пастернаковской Москве [Сергеева-Клятис, Смолицкий, 2009. С. 25], Пастернак поселил своего героя Тиверзина в том самом, несохранившемся до наших дней, доме Свечина-Лыжина («каменный дом с деревянными галереями»), но по смыслу романной топографии отнеся его к домам рабочей окраины у вокзала. Пастернак «переносит» дом Лыжина на Брестскую улицу, причем в одном месте адрес указан точно: «Господи, святая Твоя воля. Брестская, двадцать восемь, Тиверзины, революционная зима тысяча девятьсот пятого года!» [Пастернак, 2004. Т. IV. С. 129]. Первая и Вторая Брестские улицы параллельно идут со стороны Садовой к вокзалу, причем нумерация обеих реальных улиц начинается от центра города, значит, 28-й дом на «романной» Брестской стоит ближе к вокзалу. Упомянутая церковь Святой Троицы, куда Оля Демина приводит Лару, действительно находилась в этом районе, неподалеку от Брестского вокзала, только уже за вокзалом, в начале Петербургского шоссе. Этот возрожденный ныне храм Живоначальной Троицы при бывшей Черкасской богадельне Пастернаку был хорошо знаком, поскольку в сотне метров отсюда на 2-й улице Ямского поля стоял дом, в котором Пастернак бывал и даже проживал у Бориса Пильняка некоторое время в начале 1930-х гг.

Несмотря на неприглядный вид московской окраины, многие жители ее возбуждают читательскую симпатию. Некоторым из них суждено сыграть большие и даже главные роли в развитии сюжета. Таковы и Тиверзин, и стар-

ший Антипов, и семья дворника татарина Гизаметдина. Вскоре после «умной девочки и способной ученицы» Оли Деминой на страницах романа возникает сын дорожного мастера Патуля Антипов, аккуратно одетый «чистоплотный мальчик с правильными чертами лица». Продолжением мира мастерских Брестской дороги становится соседний район Пресни. Здесь в едином хронотопе навсегда сошлись место и время: декабрь 1905 года. У Пастернака в романе это выражено короткой емкой фразой, открывающей 18-ю главу второй части романа: «Были дни Пресни». Именно здесь и теперь в жизнь Лары входят Ника Дудоров и Патуля Антипов, приходившие на расположенный неподалеку от квартиры Гишар врачебно-питательный пункт дружинников. «Мальчики играли в самую страшную и взрослую из игр, в войну, притом в такую, за участие в которой вешали и ссылали» [Там же. С. 52].

В девятой главе второй части действие переносится еще в одно принципиально важное для сюжета место в Москве — в так называемый Мучной городок. Под этим старинным именем, уже вышедшим из употребления в реальной Москве рубежа XIX–XX вв., скрывается район Волхонки. С Волхонкой Борис Пастернак оказался связан жительство (с некоторыми перерывами) на протяжении более чем четверти столетия: с момента переезда Леонида Осиповича с семьей в меблированные комнаты «Княжий двор» (дом № 14/1 по Волхонке) в сентябре 1911 г. — и до получения квартиры в писательском доме в Лаврушинском, куда Борис Леонидович перебрался в 1937 г. Здесь же неподалеку жила семья близких друзей Пастернаков — художник Валентин Серов с женою и детьми. Сам Серов скончался 22 ноября 1911 г., вскоре после переезда Пастернаков на Волхонку, но тесные семейные связи сохранились. В конце романа автор приводит сюда после всех странствий доктора и рисует картину, которую он не один год видел из окон собственной квартиры на Волхонке, 14 (ныне эта часть дома не существует): «Доктор с Васею пришли в Москву весной двадцать второго года, в начале нэпа. Стояли теплые ясные дни. Солнечные блики, отраженные золотыми куполами храма Спасителя, падали на мощенную четырехугольным тесаным камнем, по щелям поросшую траву площадь» [Там же. С. 470].

Е. Б. Пастернак описывает реальную квартиру на Волхонке, 14, где в 1911 г. поселилась семья его деда: «Пять комнат, одиннадцатью окнами смотревших на улицу, были помимо коридора соединены между собою широкими двустворчатými дверьми. Анфилада, получавшаяся, если их открыть, создавала ощущение огромности этой не слишком по тем временам просторной квартиры. Гостиная, где стоял рояль, мастерская отца и три жилых комнаты — родителей, дочерей и сыновей. Тротуар под окнами был вымощен большими светлыми каменными плитами и обсажен липами» [Пастернак, 1997. С. 128].

Впервые на страницах романа Мучной городок появляется в связи с приездом в Москву Веденяпина, остановившегося у Свентицких в «выходившем в три переулка» бывшем владении Долгоруковых «с тремя дворами, садом и множеством разбросанных в беспорядке разнотильных построек» [Пастернак Б. Л., 2004. Т. IV. С. 40]. Реальная старинная усадьба рядом с квартирой Пастернаков (современный адрес: Малый Знаменский пер., 5) в 1897 г., когда сюда въехала семья Серова, действительно принадлежала братьям Петру и Павлу Долгоруковым, политическим деятелям, будущим лидерам партии кадетов. Усадьба одновременно выходила в Большой Знаменский, в Малый Знаменский переулки и в Колымажный (ныне Антиповский) переулок.

В дальнейшем Мучному городку предстоит сыграть заметную роль в романе. Сюда, на елку к Свентицким, отправляется Лара, чтобы застрелить Комаровского. Автор вновь коротким штрихом напоминает, что город — один из героев романа. Торжественно-тревожно звучит повествование о начале пути героини с Петровки в Мучной городок: «Была зима. Был город. Был вечер» [Там же. С. 78]. Путь ее лежит через Камергерский переулок, где Лариса заходит к Пагуле Антипову. Камергерский становится важнейшей опорно-смысловой точкой в развитии сюжета. Лара пришла сюда в кульминационный момент своей жизни, решив окончательно покончить с тягостным прошлым и связать себя узами брака с Антиповым. Но сюжет строится так, что *этим же* Камергерским переулком в *этот же* момент едут на извозчике на *ту же* елку у Свентицких Юра и Тоня, незадолго до этого помолвленные. Пути сходятся, судьбы «скрещиваются». Антипов, следуя привычке Лары беседовать при свечах, зажег свечку: «Комната наполнилась мягким светом. Во льду оконного стекла на уровне свечи стал протаивать черный глазок» [Там же. С. 79]. И — взгляд снаружи: «Юра обратил внимание на черную протаявшую скважину в ледяном наросте одного из окон. Сквозь эту скважину просвечивал огонь свечи, проникавший на улицу почти с сознательностью взгляда, точно пламя подсматривало за едущими и кого-то поджидало. “Свеча горела на столе. Свеча горела”, — шептал Юра про себя начало чего-то смутного, неоформившегося, в надежде, что продолжение придет само собой, без принуждения. Оно не приходило» [Там же. С. 82]. Потом это неоформившееся желание что-то написать, звучащее в душе Юрия, еще прорвется в шестой части романа, когда герой лежит в тифозном бреду и ему кажется, что он «пишет с жаром и необыкновенной удачей то, что он всегда хотел и должен был давно написать, но никогда не мог, а вот теперь оно выходит...» [Там же. С. 205]. Композиция романа обнаруживает кольцевой характер, когда в самом конце, в девятой главе пятнадцатой части автор поселяет Юрия Живаго в Камергерском и переулок становится последним адресом героя. Здесь Юрий, словно

предчувствуя скорую кончину, продолжает усиленно писать. Причем «статьи и стихотворения были на одну тему. Их предметом был *город*» [Там же. С. 485. Курсив наш — А. С.]. Пастернак вкладывает в записки своего героя собственные мысли, связывая характер литературного творчества и ритм города: «Беспорядочное перечисление вещей и понятий, с виду несовместимых и поставленных рядом как бы произвольно, у символистов, Блока, Верхарна и Уйтмена, совсем не стилистическая прихоть. Это новый строй впечатлений, подмеченный в жизни и списанный с природы. Так же, как прогоняют они ряды образов по своим строчкам, плывет сама и гонит мимо нас свои толпы, кареты и экипажи деловая городская улица <...> Живой, живо сложившийся и, естественно, отвечающий духу нынешнего дня язык — язык урбанизма <...>. Постоянно, день и ночь шумящая за стеною улица так же тесно связана с современною душою, как начавшаяся увертюра с полным темноты и тайны, еще спущенным, но уже заалевшимся огнями рампы театральным занавесом. Беспреданно и без умолку шевелящийся и рокошующий за дверьми и окнами город есть необозримо огромное вступление к жизни каждого из нас. Как раз в таких чертах я хотел бы написать о городе» [Там же. С. 485–486]. Этот пассаж из записок героя выражает по существу одно из авторских творческих кредо, важных для понимания Пастернака как художника. Если формальной развязкой действия можно представить смерть Живаго (что звучит как оксюморон — так задумано автором, — но это отдельная тема) в следующей, двенадцатой главе, то смысловой развязкой действия видится нам именно эта самая одиннадцатая глава, содержащая своего рода завещание читающим и пишущим и выражающая дорогую автору мысль. Сюда же, в Камергерский, где она когда-то в состоянии душевного надрыва объяснялась с Павлом Антиповым, приходит Лариса, чтобы попрощаться с лежащим в гробу Юрием А. «Вот и снова мы вместе, Юрочка. Как опять Бог привел свидеться <...> Твой уход, мой конец. Опять что-то крупное, неотменимое. Загадка жизни, загадка смерти, прелесть гения, прелесть обнажения, это пожалуйста, это мы понимали. А мелкие мировые дразги вроде перекройки земного шара — это извините, увольте, это не по нашей части» [Там же. С. 498]. Это развязка еще одной линии романа, ударный финал, когда теперь уже героиня озвучивает важные, сокровенные мысли автора, обнажающие даже не только творческое, но жизненное его кредо. После чего она уходит в неизвестность. Сам же на первый взгляд случайный ее приход именно в Камергерский описан Ларисой в разговоре с Евграфом как совершенно *естественный*, что важно для понимания нашей темы города в романе: «Что же тут непонятного? Приехала в Москву, сдала вещи в камеру хранения, иду по старой Москве, половины не узнаю — забыла. Иду и иду, спускаюсь по Кузнецкому, поднимаюсь по Кузнецкому переулку, и вдруг что-то до ужаса, до крайности знакомое — Камергерский.

Здесь расстрелянный Антипов, покойный муж мой, студентом комнату снимал, именно вот эту комнату, где мы с вами сидим» [Там же. С. 493].

Но нельзя забывать и того, что это место освещено и освящено горением свечи, важнейшего элемента христианского богослужения, символизирующего в христианской семиотике горение души человеческой к Небесам, к бессмертию. Живаго лежит в гробу там, где не должно быть места смерти. Свеча становится одним из наиболее явных и семиотически значимых символов в романе Пастернака. Более того, в связи со свечой в романе возникает то, что в известной концепции М. М. Бахтина и Ю. Кристевой может быть описано как интертекстовая ситуация. Вышеуказанные эпизоды, в связи с образом горящей в Камергерском свечи, ведут к стихотворению «Зимняя ночь» («Мело, мело по всей земле / Во все пределы. / Свеча горела на столе, / Свеча горела»), «подаренному» автором своему герою вместе с другими самыми дорогими и значащими для Пастернака стихами. А далее — видится связь с воспоминаниями О. В. Ивинской, описавшей подробности возникновения образа свечи в реальной действительности во время упомянутого визита Пастернака к М. В. Юдиной в феврале 1947 г. Ивинская, со ссылкой на самого Пастернака, вводит в евангельское прочтение образа свечи как светильника, призванного светить всем. «Я смотрела на профиль Б. Л., — пишет она, — он сидел рядом с шофером и с улыбкой оборачивался ко мне: “Я не помню номера дома, забыл адрес! Интересно, если мы заблудимся; а они нас там давно уже ждут”. И мы действительно заблудились. Б. Л. в своих каких-то несусветно больших валенках часто выскакивал из машины. Тогда-то мы увидели среди домов мигающий огонь канделябра в форме свечи. Это оказалось окно, где нас ждали. Огонек свечи, промелькнувший в ночи сквозь метель в незнакомом месте, сыграл символическую роль во всей нашей дальнейшей жизни. Мария Вениаминовна долго играла Шопена; Б. Л. был особенно возбужден музыкой, глаза его блестели. А я себя не помнила от счастья. Наконец Б. Л. начал читать. Вот зажглась “Елка у Свентицких”. Танцевал с невестой Тоней студент Юрий Живаго, появился дворник Маркел и тяжелый гардероб — символ старой Московщины... Рассвело, когда мы вышли на сверкающий рассыпчато-пушистый снег. И когда садились в машину, Б. Л. сказал мне: “А у меня родилось то стихотворение, которое я отдам в подборку вашего журнала. Оно будет называться ‘Зимняя ночь’. И как забавно, что мы заблудились, правда?” На следующий день он принес мне в редакцию стихотворение:

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела...

Провожая в этот раз меня домой, он говорил о том, как символически про-силась в его стихи чья-то свеча, отпечатавшая свое дыхание на морозном стекле. Свеча, увиденная извне, с морозу. И было это окно, светящее в ночи; он рассказывал мне, как сам испытал все чувства молодого Живаго: за этим окном со свечой — жизнь, в будущем обязательно связанная с его жизнью, а пока еще только призывающая. И, пожалуй, еще более глубокий вывод: «Как зажженную свечу не ставят под спудом, а в подсвечник, и светят всем в доме, так и слово должно быть сказано» [Ивинская, 1992. С. 210–211]. Пастернак цитирует Евангелие от Матфея: «И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» [Мф. 5:15]. И уподобляет свече свое слово писателя, которое он должен донести миру. Тем самым провидчески указана и грядущая в 1950-х борьба автора за свой роман, который ему непременно нужно (правильнее сказать, должно) донести до читателя. В связи с отмеченным нами нельзя не упомянуть интересную статью В. Н. Топорова, всецело посвященную проблеме автоинтертекстуальности у Пастернака [Топоров, 1998].

Ну и, наконец, обратимся к еще одной местности Москвы, которой отведена принципиально важная роль в романе и без которой немыслима энциклопедия московской культуры как таковая. Арбат. Устойчивый символ Москвы дворянской, пушкинской, славных традиций гуманитарной интеллигенции. Арбат литературный: здесь сошлись страницы биографий Пушкина и его ближайших друзей, биографии Льва Толстого, Достоевского, Помяловского, Бальмонта, Андрея Белого, Блока, Михаила Булгакова, Бориса Зайцева, Цветаевой, Окуджавы и многих других. Арбатцами были и Николай Павлович Анциферов, проживший долгие годы в Большом Афанасьевском переулке, и его соратник в деле краеведения Сигурд Оттович Шмидт, чья жизнь прошла в Кривоарбатском переулке. Удивительно, что Арбат — не улица только, а весь район, — будучи относительно небольшой местностью даже в масштабах Москвы первой половины XX в., постоянно и значимо входил в жизнь Бориса Пастернака самыми разными адресами. Юный Пастернак учился в Пятой московской классической гимназии, располагавшейся неподалеку от храма Симеона Столпника, в самом начале Поварской — там, где теперь она вливается в Новый Арбат. Чуть дальше от центра по Поварской (дом 9) у Михаила Осиповича Цетлина, литератора и мецената, писавшего под псевдонимом Амари, но более известного не литературными успехами, а своего рода литературными салонами в голодные годы революции, бывал Пастернак. Но не просто бывал. Этот адрес открывается нам как весьма знаковый для истории романа «Доктор Живаго» благодаря Марине Цветаевой, напомнившей самому Пастернаку в переписке 1922 г.: «Теперь слушайте: Когда-то (в 1918 г., весной) мы с Вами сидели рядом за ужином у Цейтлинов. Вы сказа-

ли: “Я хочу написать большой роман: с любовью, с героиней — как Бальзак”. И я подумала: “Как хорошо. Как точно. Как вне самолюбия. — Поэт”» [Цветаева — Пастернаку. Берлин, 29 июня 1922 г. // Цветаева, 1995. С. 222]. Здесь мы имеем ценное свидетельство — и место, и время отмечают, что когда еще не отгремели события, ставшие через три с лишним десятилетия материалом романа, Пастернак «заболел» этим новым замыслом, хотя нередко исследователи относят его к концу 1930-х или даже к 1940-м гг. Пастернак обсуждает это с коллегой-поэтессой на *Арбате*.

Непосредственно к особняку Цетлиных со стороны Большой Молчановки примыкает доходный дом начала XX в. (ныне № 12), в котором жила (уже после Волхонки) дочь Валентина Серова Ольга, с которой Пастернака связывали тесные духовные узы. И это место тоже попадет в сам роман и в историю его создания. «Я выбрал это место потому, — вспоминал Пастернак, — что в восемнадцатом году там бывал, там жила одна моя знакомая, дочь В. А. Серова...» [Масленикова, 1990. С. 175]. Здесь, в квартире скончавшейся годом ранее Ольги Валентиновны, Пастернак устраивает 18 мая 1947 г. чтение фрагментов романа, над которым еще продолжается работа [См: Муравина Нинель, 2013. С. 287–331]. Этот адрес, известный москвичам до революции благодаря располагавшейся на первом этаже лечебнице доктора Н. М. Кишкина, становится одним из арбатских адресов романа. Сюда случайно, но уже повторно, попадает Юрий Живаго, заблудившись среди страшных метельных вихрей в самые дни революционного переворота. Живаго заходит в подъезд дома, чтобы посмотреть свежий выпуск только что купленной газеты, и тут происходит завязка еще одной принципиально важной линии романа — герой сталкивается на лестнице с неизвестным мальчишкой. «Оказалось, что он опять очутился на своем заколдованном перекрестке и стоит на углу Серебряного и Молчановки, у подъезда высокого пятиэтажного дома со стеклянным входом и просторным, освещенным электричеством, парадным. Доктор вошел в него и в глубине сеней под электрической лампочкой углубился в телеграммы. Наверху над его головой слышались шаги. Кто-то спускался по лестнице, часто останавливаясь, словно в какой-то нерешительности. Действительно, спускавшийся вдруг раздумал, повернул назад и взбежал наверх. Где-то отворили дверь, и волною разлились два голоса, обесформленные гулкостью до того, что нельзя было сказать, какие они, мужские или женские. После этого хлопнула дверь, и ранее спускавшийся стал сбегать вниз гораздо решительнее. Глаза Юрия Андреевича, с головой ушедшего в чтение, были опущены в газету. Он не собирался подымать их и разглядывать постороннего. Но, добежав донизу, тот с разбега остановился. Юрий Андреевич поднял голову и посмотрел на спускавшегося. Перед ним стоял подросток лет восемнадцати

в негнущейся оленьей дохе, мехом наружу, как носят в Сибири, и такой же меховой шапке. У мальчика было смуглое лицо с узкими киргизскими глазами. Было в этом лице что-то аристократическое, та беглая искорка, та прячущаяся тонкость, которая кажется занесенной издалека и бывает у людей со сложной, смешанной кровью. Мальчик находился в явном заблуждении, принимая Юрия Андреевича за кого-то другого. Он с дичливою растерянностью смотрел на доктора, как бы зная, кто он, и только не решаясь заговорить» [Пастернак, 2004. Т. IV. С. 192]. Здесь в роман входит Евграф, «добрый ангел» Юрия, а с ним и Сибирь вторгается на московские страницы романа.

Совсем неподалеку еще один пастернаковский арбатский адрес: в Трубниковском переулке, дом 26, в начале 1930-х гг. живет друг Пастернака Генрих Нейгауз с семьей, здесь проходят встречи с Зинаидой Николаевной, здесь завязка романа с нею, приведшего к второму браку Пастернака. Как мы уже отмечали, отдельные штрихи в биографии Зинаиды Николаевны нашли отражение в «Докторе Живаго».

На Арбате, в Глазовском переулке у музыканта и мецената Сергея Кусевичкого одно время жил кумир юности Пастернака А. Н. Скрябин, именно туда пришел девятнадцатилетний Пастернак с мучительными вопросами о перспективах своего музыкального будущего.

На Арбате Пастернак поселяет Лару после того рокового выстрела на елке — сначала у «передовой женщины» Руфины Анисимовны («Ее квартира была в верхнем этаже большого дома на Арбате» [Там же. С. 94]), а затем неподалеку, чуть ближе к Смоленскому рынку — в мастерской художника («Квартира находилась наверху небольшого каменного дома в два этажа старинной постройки» [Там же. С. 96]).

И наконец — столь важный для московской географии романа «Доктор Живаго» переулок Сивцев Вражек. Это место тоже отмечено мемориальными адресами самого автора. Е. Б. Пастернак пишет: «27 октября 1917 года в Москве было установлено военное положение, и в воскресенье 29-го числа началась орудийная пальба. На улицах стали строить баррикады и рыть окопы. Такой окоп был вырыт и в Сивцевом Вражке, недалеко от дома № 12, где снимал комнату Борис Пастернак. Его брат Александр в своих воспоминаниях описал увиденные из окон дома на Волхонке отряды юнкеров, которые избрали себе укрытием и засадой парапеты сквера и выступы домов Замоскворечья. Борис успел прийти на Волхонку в момент некоторого затишья и не мог вернуться, застряв на три дня. Сестры Лида и Жоня, бывшие в гостях на Пречистенке, отсиживались там. Дом на Волхонке на протяжении этих дней простреливался с двух сторон, так как через некоторое время добавилась юнкерская артиллерия, бившая шрапнелью с Арбата» [Пастернак Е. Б., 1997. С. 289].

Этот адрес вошел и в «Охранную грамоту»: «В не убиравшуюся месяцами столовую смотрели с Сивцева Вражка зимние сумерки, террор, крыши и деревья Приарбатья» [Пастернак Б. Л., 2004. Т. III. С. 227].

Ну и, наконец, главный арбатский адрес романа — дом профессоров Громеко, ставший, как уже отмечалось нами, «полюсом тепла», символом старой московской культурной традиции, носителями которой и в реальности, и в романе были представители художественной и научной интеллигенции, ценители музыки, философии, литературы. Этот адрес делается важнейшим и в биографии главного героя.

Дом братьев Громеко стоял на углу Сивцева Вражка и другого переулка. Александр и Николай Александрович Громеко были профессора химии, первый — в Петровской Академии, а второй — в университете. Николай Александрович был холост, а Александр Александрович женат на Анне Ивановне, урожденной Крюгер, дочери фабриканта-железодельца и владельца заброшенных бездоходных рудников на принадлежавшей ему огромной лесной даче близ Юрятина на Урале. Дом был двухэтажный. Верх со спальнями, классной, кабинетом Александра Александровича и библиотекой, будуаром Анны Ивановны и комнатами Тони и Юры был для жилья, а низ для приемов. Благодаря фисташковым гардинам, зеркальным бликам на крышке рояля, аквариуму, оливковой мебели и комнатным растениям, похожим на водоросли, этот низ производил впечатление зеленого, сонно колышущегося морского дна. Громеко были образованные люди, хлебосолы и большие знатоки и любители музыки. Они собирали у себя общество и устраивали вечера камерной музыки, на которых исполнялись фортепианные трио, скрипичные сонаты и струнные квартеты. [Пастернак, 2004. Т. IV. С. 55].

Пастернаком описан реальный дом на углу Сивцева Вражка и Плотникова переулка (современный адрес: Плотников пер., 19/38), дом ему не просто хорошо знакомый, но посещавшийся и любимый им [см. комментарии Е. Б. и Е. В. Пастернак // Пастернак, 2004. Т. IV. С. 667]. Сама атмосфера реального дома точно воспроизведена на страницах «Доктора Живаго». В немного перестроенном виде этот угловой двухэтажный дом существовал еще в конце прошлого века, пока в 1999 г. на его месте не соорудили совершенно новую постройку «под старину». А на рубеже XIX и XX вв. дом принадлежал присяжному поверенному Владимиру Осиповичу Гаркави, дружившему с семьей Леонида Осиповича Пастернака. Дочь Гаркави Надежда вышла замуж за ученого агронома Александра Ивановича Угримова, председателя Московского Общества сельского хозяйства (еще одно проявление «двойственности», теперь этнокультурной — слились русская и еврейская семьи). Старший же брат Александра Борис Иванович Угримов был профессором электротехники.

В воспоминаниях Александра Александровича, сына Александра Ивановича, читаем: «Мои родители составляли прекрасную пару, и наш “дом” был известен в Москве. Обладая <...> большими природными способностями, развитыми широким всесторонним образованием, моя мать была красива, умна и в то же время очень скромна. Постепенно становясь все более и более рели-

гиозной, она приняла православие и стала верной прихожанкой нашей церкви Николы у Плотников, что стояла на углу Никольского переулка и Арбата (там, где теперь магазин “Диета”) и где священником и ее духовным отцом был очень известный в Москве отец Иосиф Фудель. Моя мать вошла в Религиозно-Философское общество, была попечительницей нескольких учебных заведений, основательницей музыкального кружка Brahmsverein, посещала много концертов, лекций — словом, принадлежала к соответствующему московскому культурному кругу. К так называемой “светской жизни” мои родители относились с презрением. Среди ближайших друзей и близких знакомых моих родителей, частых гостей у матери назову: Игоря Платоновича Демидова (член Государственной Думы) и его жену Екатерину Юрьевну, урожденную Новосильцеву; Константина Николаевича Игумнова (пианиста); Сергея Павловича Ордынского (адвоката); Юрия Николаевича Померанцева (дирижера в Большом театре); Сергея Андреевича Котляревского (моего крестного отца); Елену Владимировну Герье, Софью Владимировну Герье (теософку), их сестру Любовь Владимировну, бывшую замужем за Матвеевым; Полину Жильбертовну Доберт (камерную певицу, певшую и у нас в доме); Григория Алексеевича Рачинского (известного московского церковного деятеля, близкого к А. Д. Самарину); Лидию Новгородцеву (жену профессора); отца Иосифа Фуделя; Маргариту Кирилловну Морозову» [Угримов А. А., 2004. С. 379].

Как видим, список завсегдатаев вечеров у Угримовых впечатляет. Татьяна Александровна Угримова, публикатор воспоминаний своего отца Александра Александровича, приводит его мысль об особенностях поколения русских интеллигентов, к которому принадлежал и он сам, и весь круг собиравшихся в их доме, поколения, которое «родилось с этим веком, а воспитывалось в культурных и нравственных устоях того века. <...> Еще не проявив себя никак в прошлой эпохе, это поколение приняло на свои плечи величайший груз всех потрясений последующей <...> Не будучи причастным к судьбе и делам отцов и дедов, оно оказалось исторически ответственным за них. Это поколение наследников просвещенного русского общества и расплачивалось за грехи и ошибки прошлого, и хранило в себе его заветы, его культурные достижения» [Там же. С. 8]. Сказанное вполне относится к Борису Пастернаку и к его герою. Угримовы были высланы из Советской России на «философском пароходе» в 1922 году. Этот год становится рубежным и в биографии Юрия Живаго: он возвращается в Москву, и начинается новая страница его биографии. Последняя, московская, страница. Вскоре он узнает, что его семья во главе с тестем, профессором Громеко, выслана из России на том самом «философском пароходе».

Процитированное место в «Докторе Живаго» с описанием гостеприимного дома Громеко играет роль своего рода введения в «арбатские» страницы ро-

мана — это пятнадцатая глава второй части романа (всего в романе 17 частей, включая «Стихотворения Юрия Живаго»). Таким образом, очевидно, что экспозиция романа, реализованная в первых двух частях, фактически опирается на целый ряд топосов, в совокупности составляющих довольно полную картину московской культуры конца XIX — начала XX вв. Именно эти местности, сконцентрировавшие в себе дух той или иной культуры, как отмечал это Анциферов (дух рабочих окраин, дух творческой интеллигенции, дух детства, дух разврата, дух революции...), станут не просто фоном действия в дальнейшем разворачивании сюжета, но важнейшими опорными точками в развитии авторского замысла и реализации идей романа.

Главные и любимые герои романа Пастернака принадлежат *разной* Москве, но они одинаково дороги автору. В конфликте двух России, расколовшем страну в 1917 г., герои так и остаются *между* — ни Юрий, ни Лариса так и не встанут ни на одну из сторон. И даже Антипов-Стрельников, казалось бы, само олицетворение той могучей силы, которая надвинулась на старую Москву-Россию из рабочего пригорода у Брестского вокзала, — весь такой цельный и твердый, выкрашенный *в один цвет* герой — терпит мировоззренческое фиаско и добровольно уходит из жизни как человек, не сумевший встать «над» противоборствующими сторонами и не выдержавший своего собственного радикализма.

«Это ведь только в плохих книжках живущие разделены на два лагеря и не соприкасаются. А в действительности все так переплетается. Каким непоправимым ничтожеством надо быть, чтобы играть в жизни только одну роль, занимать одно лишь место в обществе, значить всего только одно и то же!» [Пастернак Б. Л., 2004. Т. IV. С. 297]. Рассказ Ларисы звучит как приговор Стрельникову. Пастернак не хочет быть на одном полюсе, он старается быть *между* полюсов, внутри бинарных оппозиций, таков же и «белый» Живаго, побывавший в «красном» партизанском отряде и даже вынужденно стрелявший в «своих». Кстати, избранная автором для главного героя профессия обязывает Живаго оказывать помощь всем, то есть и тем, и другим, и третьим... По существу, Живаго и в обыденной жизни оказывается выше политических размежеваний, над идеологиями, над партиями, выше сословных различий. Двойственен и Веденяпин, вместивший в себя и священство, и революционность. Сегодня очевидно, что роман опередил российское время, время современной ему литературы. Мы лишь к 1990-м начали осознавать, что роман, как и все творчество Пастернака, глубоко патриотичны («Я весь мир заставил плакать над красой земли моей...») и что путь идеологических крайностей, принцип нетерпимости, которому следовали гонители романа и его автора еще совсем недавно, — порочный и тупиковый, что признал в отношении

Пастернака даже один из участников пастернаковской «нобелевской» драмы Н. С. Хрущев, когда оказался в отставке.

Рассуждая о восприятии образа Юрия Живаго в советской критике, А. С. Акимова обращает внимание на неверное толкование оппозиции «слабость — сила». «Слабость его [Живаго — А. С.] заключалась, по мнению исследователей (Д. Заславского, Д. Урнова, В. Гусева), в житейской неприспособленности, предпочтении общественной жизни — жизни духовной». [Акимова, 2011. С. 138]. Это существенное замечание: понятие «общественный» маркировалось в те времена положительно, в то время как «духовность» — отрицательно.

Пастернак дает читателю возможность взглянуть на Москву с высоты птичьего полета. Но ведь это и взгляд на всю Россию. Это взгляд с высоты на смысл бытия. Лариса, плача на гробе любимого, произносит какие-то нелепые в устах советского гражданина слова о ничтожестве задач перекройки мира против загадок жизни и смерти. В финале романа доктор умирает по пути на новое место службы в Боткинскую (быв. Солдатенковскую) больницу. Почему в Боткинскую? И здесь есть реальная подоплека в московской биографии автора. В самый разгар работы над романом, в 1952 г., Пастернак с тяжелым инфарктом попадает в Боткинскую больницу, ощутив себя на пороге смерти. Именно там он размышляет об этих «загадках», составляющих главное в жизни человека. И именно там он ощутил себя в еще одном состоянии «между» — между жизнью и смертью, точнее сказать (Ведь «смерти нет. Смерть не по нашей части». Пастернак, 2004. Т. III. С. 69) — на перекрестье двух миров, земного и Небесного, на пересечении двух осей, горизонтальной оси земных путей и вертикальной оси восхождения в мир невидимый. Как верующий гражданин атеистической России 1950-х гг. Пастернак понимал, что построить рай на земле невозможно, как ни «перекраивай» земной шар. На земле любовь останется важнее всякой правильной идеологии, как и важнее суеты вешнего мира. За такие взгляды он и пострадал.

Список литературы и источников

Акимова А. С. Память как духовное странствие Жени Люверс // *Историософия в русской литературе XX и XXI веков: традиции и новый взгляд : материалы XI Шешуковских чтений / под ред. проф. Л. А. Трубиной.* М. : МПГУ, 2007. С. 215–219.

Акимова А. С. «Мы в книге рока на одной строке»: Шекспировский текст в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // *Знание. Понимание. Умение.* 2011. № 1. С. 137–141.

Анциферов Н. П., Анциферова Т. Н. Книга о городе : в 3 кн. Кн. 1. Город как выразитель сменяющихся культур. Картины и характеристики. Л. : Брокгауз и Ефрон, 1926. 224 с.

Ардов М. В. Не «поэтесса». Поэт! Из бесед с Анной Ахматовой // *Литературная газета.* 1989. № 1 (4 января). С. 5.

- Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта (социокультурная динамика России). 2-е изд. Т. 1. Новосибирск : «Новосибирский хронограф», 1997. 808 с.
- Берковская Е. Н. Судьбы скрещенья : воспоминания. М. : Возвращение, 2008. 720 с. : ил.
- Быков Д. Л. Борис Пастернак. 2-е изд. М. : Мол. гвардия, 2006. 896 с. : ил.
- Гиляровский В. Москва и москвичи. М. : Alvalite LLC, 2014. 365 с.
- Ивинская О. В. Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени. М. : Либрис, 1992. 464 с. : ил.
- Масленикова З. А. Портрет Бориса Пастернака. М. : Сов. Россия, 1990. 288 с.
- Муравина, Нинель. Житье тошней недуга: встречи и переписка с Борисом Пастернаком // Пастернаковский сб. : статьи, публикации и воспоминания. М. : РГГУ, 2013. С. 287–331.
- Пастернак Б. Л. Проза / сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. М. : СЛОВО/SLOVO, 2004. 632 с. (Полн. собр. соч. : в 11 т. ; т. III).
- Пастернак Б. Л. Доктор Живаго, 1945–1955 / сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. М. : СЛОВО/SLOVO, 2004. 760 с. (Полн. собр. соч. : в 11 т. ; т. IV).
- Пастернак Е. Б. Борис Пастернак. Биография. М. : Цитадель, 1997. 728 с.
- Сергеева-Клятис А. Ю., Смолицкий В. Г. Москва Пастернака. М. : Совпадение, 2009. 528 с. : ил.
- Топоров В. Н. Об одном индивидуальном варианте «автоинтертекстуальности»: случай Пастернака // Пастернаковские чтения. Вып. 2. М. : Наследие, 1998. С. 4–37.
- Угримов А. А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту / сост., предисл. и коммент. Т. А. Угримовой. М. : Изд-во «РА», 2004. 720 с. : ил.
- Цветаева, Марина. Письма. М. : Эллис Лак, 1995. 800 с. (Собр. соч. : в 7 т. ; т. 6).
- Чуковская Л. К. Из дневника. Воспоминания. М. : Время, 2010. 672 с.

Чекалов Кирилл Александрович, доктор филологических наук, заведующий отделом Классических литератур Западной Европы Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Москва, ул. Поварская, д. 25а; ktchekalov@mail.ru

ОТ АНГЛИЙСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ ДО АНГЛИЙСКОГО ПРОМЕНАДА. МНОГООБРАЗИЕ ЛОКУСОВ В ПРОЗЕ ЛИДИИ РОСТОПЧИНОЙ*

Аннотация

Русскоязычные и франкоязычные сочинения Лидии Ростопчиной рассмотрены в статье с точки зрения специфики воссоздания в них локальных городских текстов (петербургского, парижского, ниццкого) и провинциальных локусов, в контексте присутствующих в творчестве писательницы автобиографических компонентов и литературных влияний.

Ключевые слова

город, провинция, усадьба, роман, сказка, локус, топография, топоним, пейзаж

Проза и драматургия внучки знаменитого московского градоначальника Федора Васильевича Ростопчина, Лидии Андреевны Ростопчиной (она родилась в селе Анна Воронежской губернии в 1838 г., в одном из многочисленных имений ее отца; скончалась же в Париже в 1915 г.), принадлежит к совершенно забытым страницам отечественной и французской словесности. В 2015 г. исполняется сто лет со дня ее кончины, и это удачный повод вспомнить о творчестве «графини Лидии», как ее нередко именовали. Биография Ростопчиной известна плохо, а творчество ее (как франкоязычное, так и русскоязычное) не изучено совсем. Оно явственным образом тяготеет к массовой литературе и при этом достаточно разнообразно как с точки зрения жанровых и повествовательных моделей, так и в отношении географии воссоздаваемых писательницей локусов. Правда, в связи с труднодоступностью многих из ее сочинений получить ясное представление о полном спектре этих локусов не так-то легко.

К примеру, в не так давно переизданной у нас «Семейной хронике» (в России она впервые вышла в 1912 г. и является ценным, обладающим несомненными литературными достоинствами документом по истории рода Ростопчиных) Лидия Андреевна упоминает написанную ею книгу для детей под названием

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 13-24-08001 «Русская франкофония (XVIII — начало XX века)».

«Заир и Азико» (Zaïre et Azico); скорее всего, она публиковалась только в периодике — этот текст нам так и не удалось обнаружить. По названию можно предположить, что посвящена книга африканской теме; на самом деле, как указывает автор, Заир и Азико — имена попугаев, которые жили в ее семье. Бабка «графини Лидии», властная, жестокая и фанатичная Екатерина Петровна Ростопчина (урожденная Протасова), питала к этим птицам особенное расположение [Ростопчина, 2011. С. 203–206].

Детство «графини Лидии» прошло в разъездах по Европе, затем она жила в Москве и в семейной усадьбе Вороново, а после смерти матери (Евдокии Петровны Ростопчиной, урожденной Сушковой, известной поэтессы и светской красавицы) — в Петербурге. Полжизни Лидия Андреевна провела во Франции, куда окончательно переехала, скорее всего, в конце 1870-х гг., по следам своей сестры Ольги, которая была замужем за итальянским послом в Париже графом Торниелли Брузати ди Вергано и предоставляла ей средства к существованию (их отец Андрей Федорович Ростопчин, известный мот, не любил платить по счетам членов своей семьи). Взаимоотношения «графини Лидии» и ее тетки, знаменитой французской писательницы, основоположника современной детской литературы графини де Сегюр (урожденная Софья Федоровна Ростопчина), были не безоблачными: как известно, автор «Сонных проказ» и «Генерала Дуракина» исповедовала католическую веру и резко отрицательно относилась к российским властям; Лидия Андреевна на протяжении всей жизни сохраняла приверженность православию и занимала вполне определенную патриотическую позицию. В той же «Семейной хронике» можно обнаружить, например, страстную апологию Александра II — Освободителя. И тем не менее есть все основания утверждать, что между сочинениями де Сегюр, с одной стороны, и Лидии Ростопчиной — с другой имеются вполне определенные точки пересечения.

Память об ушедшей из жизни в 1874 г. тетке Лидия Андреевна хранила с благоговением. В январе 1912 г. она устроила в предместье Сен-Жермен благотворительный вечер в память о графине де Сегюр, который включал в себя прочитанную ею лекцию и написанную ею же небольшую любительскую инсценировку под названием «В садах графини де Сегюр», где в ролях персонажей различных произведений писательницы была занята многочисленная сегюровская родня [Théâtres, 1912. P. 5].

Не слишком склонная самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, Лидия Ростопчина активно вращалась в парижском свете и много путешествовала (Германия, Италия, Швейцария, а также Америка, «завоёвывать» которую, по ее собственному выражению, графиня отправилась в 1908 г.; на самом деле речь шла о выступлениях с лекциями, которые — по сообщениям некоторых газет — так и не состоялись из-за воспаления голосовых связок у Ростоп-

чиной). В светской хронике она многократно упоминается как участник парижских торжественных мероприятий; так, в июне 1898 г. она вместе с неким г-ном Анатолем Франсом присутствовала на званом ужине, который дал ее зять граф Торниелли в честь российского посланника в Париже Л. П. Урусова и его супруги.

За исключением уже упомянутой «Семейной хроники» и заново переведенной в 2000-х гг. детской повести «Красотка, умная и добрая»; подавляющее большинство сочинений Лидии Андреевны в современной России никому не известно. Между тем сама она придавала своей литературной деятельности очень большое значение и вела отчаянную борьбу за публикацию своих романов и повестей как во Франции, так и в России. То же самое относится и к драматургии писательницы, которую она старалась «пристроить» и в Париже, и в Петербурге. Увы, борьба эта далеко не всегда увенчивалась успехом.

Русская тема занимает в творчестве Ростопчиной относительно скромное место. Печатавшаяся на страницах газеты «Фигаро» в сентябре 1904 г. небольшая повесть «Исповедь генерала» (*La Confession du général*) относится к литературным однодневкам. Зато в числе наиболее примечательных сочинений Лидии Ростопчиной — русскоязычный роман «Падучая звезда», печатавшийся в «Русском вестнике» в 1886 г.; отдельным изданием роман никогда не выходил. Не исключено, что название книги позаимствовано из стихотворения матери Лидии Андреевны, датированного 1839 годом; позднее на него было написано несколько романсов, в том числе А. Варламовым и А. Рубинштейном. «Графиня Лидия» положила этот роман в основу франкоязычной пьесы, первоначально именовавшейся «*Maroussia*», а почти перед самой премьерой (первая постановка на любительской сцене состоялась, очевидно, в январе 1904 г.; до профессионального театра дело так и не дошло) вернувшей себя исходное название — *L'Étoile filante*. Лидия Андреевна приложила много усилий к тому, чтобы пьеса была поставлена на российской сцене, а именно — в петербургском Михайловском театре. Однако по решению управляющего императорскими театрами В. А. Теляковского пьесу отвергли. Вот что по этому поводу сообщает в своем дневнике сам Теляковский (запись от 7 апреля 1904 г.): «Отправил сегодня письмо и пьесу «Маруся» графине Ростопчиной, написав, что я не могу дать ее в Михайловском театре, ибо роль Маруси требует от исполнительницы русского акцента. Сама история — описание жизни одной нашей актрисы, оставившей здесь большую родню» [Теляковский, 2006. С. 206]. Как известно, в Михайловском театре пьесы игрались на французском языке.

И действительно, сюжет романа и пьесы был основан на хорошо знакомом публике трагическом случае: актриса Юлия Николаевна Фейгина (1859–1882), снискавшая огромный успех на сцене Комеди Франсез, из-за несчастной люб-

ви выстрелила в себя в Париже и умерла в страшных муках. Когда Фейгина блеснула в главной роли в пьесе А. де Мюссе «Барберина», некоторые французские газеты принялись зубоскалить по поводу ее ужасающего акцента. Лидия Андреевна в переписке иногда заменяет название «Маруся» на «Фейгину», а парижские газеты — например, «Ла Пресс» — уже в конце 1890-х гг. неоднократно сообщают о том, что Ростопчина пишет пятиактную пьесу, навеянную судьбой Юлии Фейгиной. Между тем писательница видоизменяет реальную жизненную канву, да и сам характер прототипа. По всей вероятности, Фейгиной были свойственны неустойчивость психики и склонность к суициду (с собой она покончила лишь с пятой попытки), чего никак нельзя сказать о вполне гармоничной Марусе Подольской, во многом воплощавшей собой топос «русской красавицы». И, что наиболее существенно с точки зрения темы нашей статьи, Ростопчина делает Марусю петербуржкой (Фейгина же родилась в Клину).

Действие романа, в полном соответствии с хронологией короткой жизни Фейгиной, происходит на рубеже 1870-х — 1880-х гг. Маруся Подольская, страстно увлеченная сценой и влюбленная в искусство («искусство стало ее кумиром, поэзия хлебом насущным»), мечтает стать театральной звездой в Париже. Однако, переехав с берегов Невы на берега Сены и при поддержке самого Александра Дюма-сына (именно так произошло в случае с Фейгиной) заключив контракт с одним из парижских театров, она сталкивается с «оборотной стороной» театрального мира, где все продается и покупается, а возможность сделать карьеру неотделима от нравственного падения.

События первой части «Падучей звезды» разворачиваются на берегах Невы. Причем локализованы они не там, где протекали молодые годы самой писательницы. Из «Семейной хроники» мы узнаем, что в 1860-х гг., после смерти матери, они с отцом проживали вначале в самом центре города, на Малой Конюшенной улице, а «затем отец снял весь первый этаж огромного дома Офросимова» [Ростопчина 2011. С. 228]. Это легендарное здание напротив Марсова поля, построенное в 1827 г. и известное также как дом Адамину, помнит многих русских художников и писателей, включая Ивана Гончарова, Леонида Андреева и Анну Ахматову. Между тем действие романа происходит совсем в другом, менее аристократическом месте, а именно между Коломной — где в гоголевские времена царили, по словам автора «Портрета», «тишина и отставка», — и той местностью, которую принято именовать «Петербург Достоевского». Перебравшаяся после кончины супруга в столицу малороссийская помещица Клавдия Васильевна Крупенская и ее внучка Маруся живут, как сказано в начале романа, «в квартирке в мезонине» напротив церкви Михаила Архангела. Упомянутого храма более не существует. Церковь

находилась на Воскресенской площади (с 1952 — площадь Кулибина, между рекой Пряжка и каналом Грибоедова, недалеко от Мариинского театра). Этот небезынтересный в архитектурном отношении храм в 1932 г. был взорван.

Как представляется, в «Падучей звезде» Лидия Ростопчина вполне сознательно и отчасти полемически обыгрывает топос, получивший впоследствии название «Петербург Достоевского». Примечательно, что для петербургских сцен романа Ростопчиной вовсе не характерен свойственный автору «Преступления и наказания» тревожный колорит — его сменяет поэтическое, проникнутое ностальгией воспоминание о «граде Петровом». Совсем не случайно действие происходит зимой; этот сезон под пером «графини Лидии» придает особую красоту городу. Излюбленные Раскольниковым снег с дождем, а также «дождливая холодная изморось», «мелкоснежная завитуха» и даже сеявшаяся с неба «неопределенная скверность» Вс. Крестовского (микроцитаты взяты из романа «Петербургские тайны», ставшего в России 1860-х гг. настоящим бестселлером) в книге Ростопчиной полностью отсутствуют. Город представит в «Падучей звезде» во всем своем зимнем великолепии. Приведем цитату, относящуюся к прогулке по ночному Петербургу Маруси с влюбленным в нее художником Бондаренко. Они стоят на Николаевском мосту через Неву (мост этот неоднократно менял свое название — Благовещенский, мост лейтенанта Шмидта, снова Благовещенский) и любуются городом:

«Слегка морозная зимняя ночь окутала столицу своею освежающею прелестью; луна сияла за облаками и разливала мягкий матовый свет, который ложился как скатерть по белоснежной поверхности недавно выпавшего снега, ярко освещая крыши домов и громадный купол Исаакиевского собора. Направо и налево тянулись длинные ряды зажженных фонарей, их дрожащее пламя мутно просвечивало в серебряном сиянии холодного воздуха и уходило в неизмеримую даль. На Английской набережной почти везде блестели ряды освещенных окон, и толпившиеся огни карет напоминали, что светская жизнь богатой части столичного населения только что начиналась» [Ростопчина, 1886. С. 190].

В вечернем освещении и под покровом снега город превращается в «фантастическую, волшебную грезу» (эту цитату из «Слабого сердца» Достоевского приводит в своем исследовании Н. П. Анциферов). В случае с «Падучей звездой» перед нами несколько сказочный образ города, овеянный несомненной ностальгией автора по России. Лунный свет действует здесь именно как благоприятная подсветка («собор потерял свою суетливость, очерченный лунной», напишет много позднее об Исакии Лев Карсавин в своей книге «Noctes Petropolitanae», 1922) и не придает описанию того «готического» налета, который был характерен для наверняка известной Ростопчиной литературной

традиции в описании северной столицы (включая и проанализированный Н. П. Анциферовым набросок гоголевской повести начала 1830-х гг. «Страшная рука» [Анциферов, 2009. С. 195], и эпизод сна Раскольникова). Зато та специфическая «призрачность и театральность», которые Ю. М. Лотман и многие другие исследователи считают важной особенностью «петербургского текста» [Лотман, 2001. С. 326], в приведенном фрагменте присутствуют в полной мере. Не случайно присутствие в ростопчинском описании освещенных окон — этих, по слову В. Н. Топорова, «горящих окон-очей» Петербурга, одновременно и притягивающих к себе взоры зрителей, и сами «контролирующих» своим взглядом прохожих [Топоров 2003, с. 674]. О теме окон в урбанистическом мире Достоевского писал и Н. П. Анциферов [Анциферов, 2009. С. 362–363].

Немаловажно и то, что вслед за описанием морозной ночи следует короткая зарисовка катка на Неве:

Глыбы колотого льда стояли огромными стеклистыми кабанями, пропуская в себя лунный свет прозрачно-зеленоватым огнем. Около них очищенная поверхность катка сияла как громадное зеркало, в котором трепетала красота усыпанного звездами неба. Чудною, серебряною фатой расстился везде снег и покрывал грязь и нечистоту земную [Ростопчина, 1886. С. 191].

Получается, что в зеркале катка отражается не столько «парадный Петербург», сколько именно небосвод, мироздание; природная стихия у Ростопчиной словно бы вбирает в себя урбанистическую среду. В дальнейшем мы сможем проследить нечто сходное и в воссозданном писательницей образе Парижа.

Г. Г. Амелин в своих «Лекциях по философии литературы» назвал Николаевский мост «раскольниковским топосом» [Амелин, 2005. С. 335]. Между тем приведенная у Ростопчиной картина резко контрастирует с той, что виделась с Николаевского моста неоднократно ходившему здесь Раскольникову. Герой Достоевского созерцает этот вид в летний погожий день. Приведем соответствующую, очень известную цитату из «Преступления и наказания»:

Небо было без малейшего облачка, а вода почти голубая, что на Неве так редко бывает. Купол собора, который ни с какой точки зрения не обрисовывается лучше, как смотря на него отсюда, с моста, не доходя шагов двадцать от часовни, так и сиял, и сквозь чистый воздух можно было отчетливо разглядеть даже каждое его украшение <...> Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы...

Н. П. Анциферов обращает внимание на «двухтактность» приведенного у Достоевского описания: «Достоевский вызвал перед нами светлый образ Северной Пальмиры для того лишь, чтобы отвергнуть ее» [Анциферов. 2009.

С. 333]. «Двухтактность» обнаруживается и у Ростопчиной, но иного рода; после того, как Бондаренко на Николаевском мосту объясняется Марусе в любви и убеждается в ее равнодушии, вся красота городского пейзажа для него меркнет; возникающий теперь образ уже и впрямь тяготеет к готизму:

Викентий дошел до скамейки, где сидел недавно с Марусей, и остановился перед нею в тупой скорби, как у закрывшейся могилы... Холодом веяло отовсюду, и вся широкая окрестность куталась в белый саван [Ростопчина, 1886. С. 201].

Разумеется, психологизация урбанистического пространства была в высшей степени свойственна и Достоевскому, однако у «графини Лидии» она приобретает упрощенный вид, что лишний раз доказывает близость автора к массовой литературе.

Но вот Маруся со своей бабушкой и прислугой Дуняшей перебираются с берегов Невы на берега Сены. Казалось бы, как писал Пьер Корнель в комедии «Лжец», в Париже «климат требует совсем иной метoды» (1, 1) (пер. М. Кудинова). На самом же деле Ростопчиной удастся отыскать во французской столице весьма созвучные душевному состоянию героинь уголки. Патриархальность Коломны с ее старинными домиками, где, по словам современного исследователя, «вели вялую, неторопливую жизнь люди среднего достатка и достоинства» [Зуев, 2007. С. 21], сменяется отнюдь не индустриальным и не светским, а столь же патриархальным Парижем. Маруся с бабушкой поселяются в пятиэтажном доме на авеню Ваграм и наслаждаются вполне старомодным уголком французской столицы, немного напоминающим им Москву — ну, а раз так, то вполне уместным кажется не столько даже питерское, сколько поистине московское хлебосольство, которое проявляет Клавдия Васильевна. (Антитеза Петербург — Москва, столь существенная для русской литературы, явно не имела большого значения для Лидии Андреевны — а ведь ей довелось жить в обеих российских столицах.) Образ патриархального, «доосмановского» города оказывается уютным и приятным для глаза, населяющие же «парижский дворик» персонажи выписаны прямо-таки в духе «физиологических очерков». Вот как выглядит вид из окна, демонстрируемый Марусей прибывшему к ней в гости Бондаренко:

Она открыла ставни и показала вид действительно редкий для Парижа, вид, где был простор глазу и воображению, где расстилалась ширь небесная, зеленели деревья и кусты. Правда, что налево возвышалась пятиэтажная стена соседнего дома по Ваграмскому проспекту, но она вся была занята балкончиками с цветами и представляла приятное зрелище. Направо, в отдалении, живописно лепились невысокие домики, обитаемые небогатым людом, но горшки с геранью, этой розою бедных, везде украшали окошки и ютились кое-где на крышах, превращая их в маленькое подобие Вавилонских садов <...> Глазам Викентия представилась таким образом картина, которую он совсем не ожидал встретить в центре Парижа; это скорее походило на окраины какого-нибудь провинциального города; только вдали фронтон

Триумфальной арки да темные чащи Булонского леса придавали картине парижский акцент [Ростопчина, 1886. С. 681].

Надо сказать, «графиня Лидия» в данном случае не слишком грешит против истины: авеню Ваграм (проспект соединяет площадь Де Голля, в ту пору Площадь Звезды, с парижским пригородом Нёйи) в середине XIX в. еще сохраняла в некоторых своих участках вполне провинциальный вид. Добавим к этому, что существование внутри французской столицы «уже не Парижа» и вместе с тем «еще Парижа» (так Н. П. Анциферов именует описанный в «Человеческой комедии» Бальзака район между Люксембургским садом и Обсерваторией) [Анциферов, 2009. С. 83] констатировали и писавшие в XIX веке о городе авторы, имея в виду прежде всего район Больших Бульваров.

Как представляется, вид из окна Марусиной квартиры тяготеет к достаточно распространенной в литературе романтической поры поэтизации мансарды [Citron, 1961. С. 162–163]. Топос нашел свое отражение, в частности, в «Истории моей жизни» Жорж Санд (1854–1855), где слышится ностальгия по патриархальному, насыщенному прилепившейся прямо к крышам растительностью, уходящему в прошлое Парижу [Guichardet, 2002. С. 103]. Напомним, что в Петербурге Маруся с бабушкой жили как раз в мансарде.

Другой (дважды возникающий в романе) парижский локус — расположенный недалеко от авеню Ваграм парк Монсо, разбитый еще в XVIII в. В послереволюционные годы и вплоть до середины следующего столетия, когда он перешел в городскую собственность, парк пребывал в забвении; как раз незадолго до написания «Падучей звезды» он был подвергнут обновлению и стал излюбленным (наряду с Люксембургским садом) местом прогулок парижан [Limido, 2002. С. 137]. Парк Монсо мельком упомянут в романе Бальзака «Беатриса» и занимает довольно важное место в романах Эмиля Золя «Добыча» (1871) и «Нана» (1880); автор «Рутон-Маккаров» к тому же выполнил интересные фотографии парка. Вот как описаны впечатления от парка Монсо художника Бондаренко (он шел мимо парка, направляясь в арендованную им квартиру на «мало известной», как подчеркивает автор романа, улице Добиньи; странно, что красоты парка не привлекли его внимание как живописца — в отличие от Моне, который примерно в тот же период написал несколько видов Монсо):

...заходящая луна разливала слабый свет на поляны, по которым тянулись фантастические тени высоких деревьев; среди благоухающих клумб цветов едва мелькала матовая белизна какой-нибудь статуи [Ростопчина, 1886. С. 688].

Эта картина, окрашенная, как и в случае с петербургской «ведутой», в романтические тона, вполне соответствует тогдашнему облику парка Монсо, с его изяществом и элегантностью, несколько магической атмосферой.

Романтический налет и множество редких видов деревьев отличали Монсо от других парижских парков той поры [Limido, 2002. С. 137–138]. Интересно, что одна из аллей парка носит имя графини де Сегюр.

Парковая тема продолжена в описании экскурсии Бондаренко в Фонтенбло (тамошний дворец «графиня Лидия» подчеркнуто игнорирует): «Давно тянуло его в этот чудный, роскошный лес, источник и рассадник вдохновения всех парижских артистов» [Ростопчина, 1886. С. 530]. (похоже, что перед нами галлицизм: слово *artiste* Ростопчина употребляет в его французском значении, как синоним «художника»). И даже Виаль, директор парижского театра, который «графиня Лидия» именуется *Renaissance Dramatique* (видимо, здесь подразумевается все-таки *Comédie Française*, где подвизалась Фейгина), «имел небольшую квартиру в заднем фасаде здания, и оттуда глазам представлялся восхитительный вид на виллы и сады вплоть до Булонского леса» [Ростопчина, 1886. С. 698].

Таким образом, плотная городская застройка Парижа у «графини Лидии» кажется отодвинутой на второй план по сравнению с парковыми пространствами, а также и исполненными провинциального шарма уголками «уже не Парижа». Природа властно втягивает в себя жилую среду и манит к себе жителей города.

Вполне естественно, что особенно сильно стремление выехать в «дачную местность» ощущается летом. «В жару Париж совершенно невыносим», писала графиня де Сегюр своей дочери Ольге 27 мая 1861 г.; ее племянница полностью солидарна с ней в этом вопросе. Так возникает в романе «Падучая звезда» достоверная картина безлюдного августовского Парижа, причем с русским акцентом. «Русский Париж» в романе представлен достаточно иронично, хотя до памфлетного пафоса картины «русской Ниццы», представленной Ростопчиной в романе «Растакуэрополис», здесь еще далеко:

Париж опустел. Немногочисленная русская колония тоже разъехалась, и по воскресеньям в русской церкви улицы Дарю собирались только семейства причта, да те бездомные вдовы и скиталицы старые девы, которых так много вокруг всех заграничных православных храмов. Отчего эти девы и вдовы так торопливо бегут из России и простите сравнение — впрочем, оно вполне русское — как тараканы расползаются по всей Европе, не берусь объяснить: погоня ли за счастьем или скорее за дешевизной, желание скрыть какое-нибудь горе или утопить его в увеселениях столицы, но неизвестный двигатель рассовал щедро по заграничным столицам огромный процент бесполезных дочерей Российской Империи [Ростопчина, 1886. С. 684].

Остается только гадать, в какой мере Лидия Андреевна относилась сказанное к себе самой...

По мысли «графини Лидии», утрата пресловутой патриархальности и приобщение к урбанизированному Парижу чреваты многочисленными невзго-

дами, которые незамедлительно начинают одолевать Марусю. Ростопчина не жалеет сатирических красок в изображении столичной околотеатральной публики, не щадя при этом ни французов, ни «русских парижанцев»: «разряженные представительницы великосветского порока», «табор падших, совращенных с пути, праздных, бесполезных и опасных, вся эта вызолоченная и надушенная сволочь» [Ростопчина, 1886. С. 79]. В составе упомянутого табора — купец Тит Титыч Патрикеев (явно навеянный известным персонажем А. Н. Островского), прожигающая жизнь на модных курортах подруга Маруси Марина Дюран (урожденная Талыщева), упомянутый уже Виаль и «парижский Алкивиад» герцог де Сиксто, которому предстоит сыграть роковую роль в судьбе Маруси. Не устояв перед этим искусным и опытным соблазнителем, Маруся «как будто отреклась от себя самой», но зато обрела желанную благосклонность со стороны света; принесла свое природное дарование в жертву той поверхностной манере игры, что в ходу у парижских актеров — снискала признание со стороны зрителей. Между тем герцог, пренебрегая искренней любовью Маруси, женится на знатной польской красавице; Маруся же в отчаянии кончает с собой. Парижский рай оказывается для нее губительным. Как и в романе «Нана», Париж у Ростопчиной «возносит и убивает» [Рубан 2014, с. 299].

Как указывает А. А. Рубан (в связи с написанным чуть ранее «Падучей звезды» романом Гюисманса «Наоборот»), «только музеи, Лувр, антикварные лавки, доживающие свой век окраины способны притупить чувство нарастающей тревоги. Уходит медлительность старого времени» [Рубан, 2014. С. 91]. В этом смысле и Лувр, и «провинциальный Париж» в «Падучей звезде» становятся своего рода опорными пунктами сопротивления «городу-спруту».

В опубликованном по-французски до «Падучей звезды» романе «Красотка, умная и добрая» (*Belle, Sage et Bonne*, 1880) действие полностью разворачивается в Париже, однако при этом какие-либо относящиеся к городскому тексту подробности сведены к минимуму. Выполненный самой Лидией Андреевной русский перевод вышел в 1888 г.; в 1993 г. Екатерина Ландсберг выпустила свой новый перевод под названием «Красавица, Умница и Добрая Душа» (в издании не сказано ни слова о существовании авторской русской версии). Роман этот, впервые опубликованный в издательской серии «Розовая библиотека» и снабженный посвящением графине де Сегюр, представляет собой редкую в творчестве Лидии Андреевны попытку довольно-таки прилежного подражания стилю тетки. Главные персонажи — три сестры: Амалия (Красотка), Клементина (Умница) и Мария (Добрая; в русском переводе автор предпочитает именовать ее Маней). Их отец, граф де Меран, владелец поместья в Нормандии, доверил воспитание девочек теще — мать скончалась вскоре после рождения младшей. Теща, баронесса де Монтарон, перебирается из провин-

ции в столицу: «все три сиротки оказались под ее кровом» [Ростопчина, 1888. С. 13]. После долгого путешествия по Америке и Африке граф прибывает в Париж, где словно бы заново открывает для себя дочерей. У каждой из них свои изъяны, а Красотка на поверку вовсе не так уж хороша внешне (про ее душевные свойства и говорить нечего); собственно, книга носит довольно-таки медитативный характер и тяготеет к детальному, насыщенному дидактизмом нравоописанию. Интересно, что — как и во многих других своих сочинениях — Ростопчина добавляет в «Красотку...» толику автобиографизма: одна из сестер, Клементина, повзрослев, «отказалась от замужества и посвятила себя совершенно отцу своему» [Ростопчина, 1888. С. 350]. Во многом сказанное относится и к Лидии Андреевне, никогда не вступавшей в брак и отдавшей много сил увековечиванию памяти отца и публикации его сочинений.

Ростопчина насыщает книгу упоминаниями вполне конкретных парижских адресов; видно, что реальная и социальная топография Парижа ей хорошо знакома. Так, роскошный особняк баронессы расположен на улице Сен-Доминик. Именно на этой улице жила двоюродная сестра Лидии Андреевны, дочь графини де Сегюр Ольга де Питрэ, писательница, также печатавшаяся в «Розовой библиотеке». Совсем недалеко, на улице Гренель, жила сама графиня де Сегюр. Сен-Доминик — длинная улица, отходящая от бульвара Сен-Жермен недалеко от нынешнего Музея Орсэ и пересекающая сквер Инвалидов, — поныне изобилует изысканными особняками. По словам А. Мартен-Фюжье, улица «насчитывала двадцать пять особняков, из которых иные были построены в XVIII или даже в XVII столетии» [Мартен-Фюжье, 1995].

Важно также, что к моменту написания «Красотки, умной и доброй» улица Сен-Доминик уже обладала определенной литературной репутацией — прежде всего, благодаря Бальзаку, неоднократно упоминавшему ее в «Человеческой комедии» (особенно в «Блеске и нищете куртизанок» и «Кузине Бетт», а также в «Отце Горио», «Мелких буржуа» и «Цезаре Бирото»). Однако, как отмечает Ж. Гишарде, Бальзак ни разу не описывает эту улицу подробно — как, впрочем, и другие улицы квартала Сен-Жермен [Guichardet, 1999. С. 191]. Так или иначе, речь идет об аристократическом Париже, а не о том, который фигурирует в «Падучей звезде».

Остальные парижские топонимы в романе носят преимущественно «туристический» характер и порой ориентированы на детские интересы: улица Бак, все тот же Лувр (Умница спорит со взрослыми относительно того, кому именно из архитекторов принадлежат отдельные здания этого комплекса), Ботанический сад, Булонский лес, храм Мадлен. Отдельного упоминания в «Красотке, умной и доброй» удостоена Университетская улица, расположенная в том же седьмом парижском районе, что и Сен-Доминик (близ аббатства Сен-Жер-

мен): на ней находилась лавка модной одежды, куда навещаются героини романа. Эта улица также упоминается в «Человеческой комедии».

Отчасти эти топонимы совпадают с теми, что названы в романе графини де Сегюр «Два несмышленьша» (*Les Deux nigauds*, 1863), юные героини которого принимают решение отправиться из Бретани в Париж, с тем, чтобы очень скоро горько раскаяться в своем решении [Чекалов, 2014. С. 375]. Однако резкая критика французской столицы, характерная для этого произведения де Сегюр, в интересующей нас книге ее племянницы полностью отсутствует.

Пунктирно намечена у «графини Лидии» тема городских социальных контрастов (граф де Меран не чужд филантропии, подобно Родольфу Герольштейнскому из «Парижских тайн» Эжена Сю). Причем весьма примечательно, что контрасты эти могут разворачиваться в пределах одной и той же улицы: граф помогает бедной семье, которая живет под крышей соседнего с особняком графини дома. Таким образом, «сытые» и «голодные» оказываются соседями.

Если в «Падучей звезде» действие полностью разворачивается в двух столицах, а в «Красотке, Умной и Доброй» — в одной, то события романа «Ивонна Три Звезды» (*Yvonne Trois Étoiles*, 1885; интересно, что он снабжен посвящением уроженке Санкт-Петербурга, принцессе Елене Георгиевне Мекленбург-Стрелицкой) локализованы во французской провинции, а точнее в Бретани. В то же время Париж все-таки на свой лад присутствует в романе — на правах «закадрового», подвергнутого сильной символизации локуса.

В центре сюжета история девочки-подкидыша, найденной на ступенях старого замка. Ивонна воспитывается в замке, искренне считая его хозяйку, графиню де Кейрос, своей матерью; та пишет завещание, по которому все имущество переходит к ее «ангелочку», но после внезапной смерти графини от аневризмы аорты завещание таинственным образом исчезает. В права владения замком должна вступить племянница графини, Жозефина Брюйер; Ивонну передают на попечение монахинь; но вдруг благодаря старому садовнику Тюрью обнаруживается припрятанное им завещание (добросердечный Тюрью опасался, что оно попадет в руки недоброжелателей Ивонны, камердинера Стефана и служанки Анжелины). Почти одновременно раскрывается и тайна рождения девочки — она дочь покойного маркиза де Кервада и американки, то есть внучатая племянница графини. Как и Реми в романе Г. Мало «Без семьи» (1878), Ивонна оказывается наследницей большого состояния. Однако Ивонна уже сделала свой выбор — она отказывается стать владелицей замка, остается в монастыре и полна желания служить Господу.

При этом, как оно нередко случалось в произведениях Лидии Ростопчиной, точное место действия отчасти зашифровано: в романе оно обозначено как городок Пенермор в департаменте Морбиан. Такого топонима не существует, хотя он и созвучен реальным бретонским географическим названи-

ям (например, Лармор). С другой стороны, основные события происходят в замке Лимолеан (Limoléan) — слегка модифицированное Limoëlan, название до сих пор существующего замка, точнее, двух замков: средневекового и стоящего недалеко от него более нового, построенного в XVIII в. Между тем Лимоэлан, хотя и впрямь находится в Бретани, находится на значительном расстоянии от департамента Морбиан и расположен в другом департаменте — Кот-д'Армор (в трех километрах от города Севиньяк).

Как представляется, Лидия Андреевна могла в данном случае вдохновляться и другим бретонским замком, который находится как раз в департаменте Морбиан — Кермадио (близ Орэ). Замок был приобретен ее зятем, сенатором Арманом де Френо в 1860 г. Ведь именно в этом замке, принадлежавшем одной из дочерей графини де Сегюр Анриэтт Френо, прошли последние годы автора «Сониных проказ» (свое имение в Нуэтт Софья Федоровна неожиданно продала в 1872 г.); замок Кермадио фигурирует в романе графини де Сегюр «Жан, который ворчит, и Жан, который смеется» (1865), причем там он именуется «Кермантре». В Кермадио графиня де Сегюр подолгу жила и прежде, а окончательно поселилась в 1870 г. Нет никакого сомнения в том, что Лидия Андреевна часто посещала свою престарелую тетку и уж наверняка хорошо знала ее сочинения. К тому же незадолго до своей кончины, летом 1914 г., Лидия Андреевна несколько месяцев провела в замке у племянника, о чем сообщила газета «Фигаро» (вообще уделявшая перемещениям «графини Лидии» по городам и весям повышенное внимание) [Renseignements mondains, 1914. С. 3].

Как бы то ни было, следует признать, что локус замка, обладающий столь плотными культурными коннотациями, очень слабо артикулирован в романе «графини Лидии». А следовательно, и готический налет, присутствующий на первых страницах повествования, в дальнейшем полностью исчезает. Точнее, готический хронотоп подвергается деструкции в пользу волшебной сказки, которая в свою очередь перерастает в социально-психологический роман бальзаковского типа. Но смена жанровых оптик ни в одном случае не сопровождается повышением интереса к детальному воссозданию локусов: в лучшем случае перед нами лишь намек на воссоздание *modus vivendi* маленького провинциального городка, но никаких подробностей о нем (кроме упоминания о местной церкви Св. Людовика) не приводится.

Следует обратить внимание на сознательную эксплуатацию автором топоса, в высшей степени востребованного массовой литературой, как французской, так и русской: подкидыши занимают большое место в творчестве Ф. Дюкре-Дюминия, «Иване Выжигине» Фаддея Булгарина, «Мартене-найденыше» Сю и так далее. Из наиболее хронологически близких примеров стоит упомянуть зачин «Петербургских тайн» Вс. Крестовского. Впрочем, в период написания «Ивонны» найденыши — уже не чисто литературный мотив, но и

резко обострившаяся в XIX веке социальная проблема европейского масштаба. Между тем в интерпретации Лидии Ростопчиной соответствующий сюжет обнаруживает не столько злободневный, сколько мифологизированный характер: первые главы романа явственным образом тяготеют к волшебной (а то и рождественской) сказке. Автор не только настаивает на «ангелическом» облике и внутреннем мире Ивонны, но и намекает на ее связь с миром волшебства: девочка чувствует особое притяжение к луне, а ее особая любовь к танцу, несомненно, выдает в ней что-то от феи. Не следует забывать, что действие книги происходит в Бретани — местности, издревле овеянной легендами; локальные мифы, связанные с феями, продолжают существовать и по сей день. А как раз ночные танцы гномов (*korrigan*) — важный элемент бретонского фольклора. Что же касается замка Лимолеан, то он в романе сравнивается с замком Спящей Красавицы. Соответствующая поэтика заставляет вспомнить автобиографическую притчу Лидии Ростопчиной «Крестница фей» (*La Filleule des fées*), которую она включила в самое известное из своих сочинений — упоминавшуюся выше «Семейную хронику».

Старому замку, после смерти ее владелицы постепенно приходящему в упадок, в романе противопоставлен обобщенный, лишенный какой-либо детализации Париж — столица моды и, по существу, «Город Желтого Дьявола», обобщенный символ продажности и порока. Именно в Париже живет чета Брюйер, в обрисовке которой присутствует явное «бальзаковское» начало; оно в значительной мере окрашено едкой иронией, сильно напоминающей поэтику самого знаменитого из романов Софи де Сегюр — «Генерал Дуракин» (1863). Если комическая фигура напомаженного и расфуфыренного петиметра-мужа по имени Исидор тяготеет к «уходящей натуре», то его уродливая, алчная и бездушная супруга — порождение новой, буржуазной эпохи; козни Жозефины (которая приобретает себе виллу в Ницце, полагая, что сумеет больше «прогнеть» там, чем в Париже) едва не привели к несправедливому разделу наследства графини. Она во многом напоминает отвратительную госпожу Поповскую, племянницу генерала Дуракина. Но, в отличие от Поповской, Жозефина Брюйер в романе не подвергнута жестокому и унижительному наказанию (хотя намек на возможность такого наказания у Ростопчиной имеется); напротив, как и постоянно донимавшая Ивонну служанка Анжели-на, она благодетельствована главной героиней (которая в финале, пользуясь словами Достоевского, «создает всеобщее счастье»). Правда, характер Жозефины от этого нисколько не улучшается, и под самый занавес Исидор сбегает от надоевшей супруги к родителям.

В «Падучей звезде» доминирует ориентация на традиции русской классической прозы; в «Ивонне Три Звезды» приоритетным ориентиром мож-

но считать европейскую прозу (в ее различных жанрово-стилистических модификациях), хотя финал романа обнаруживает сильную зависимость от толстовской морализации. Что же касается франкоязычной повести «Ирина» (Irina, оригинальное название «Письмо немолодого к молодой», опубликовано в 1894–1896 г.), то в ней одновременно просматривается зависимость как от европейской, так и от русской нарративных традиций.

Главный герой «Ирины», Аркадий Ахтомский, выглядит как во многом пресытившийся светом «сын века», напоминающий героев Шатобриана, Де Мюссе и Лермонтова. Он повествует о себе, о военной службе и пребывании в Петербурге (представленном мельком и без какой-либо детализации), но и о влиянии на него современной ему литературы. «Мне было тридцать лет, возраст <...>, когда мужчина со вздохом перебирает события своего прошлого. Я решил покинуть Петербург и обосноваться в Свитино, чтобы принести пользу людям» [Rostopchine, 1894–1896. С. 784]. Свитино для Аркадия — «земля предков», и хотя никаких дальнейших подробностей относительно этого географического пункта в книге не содержится, речь идет о весьма значимом топониме: Свитино — название деревни, входившей в состав имения Ростопчиных и актуализованной Софьей Федоровной де Сегюр в ее знаменитой повести «Сонины проказы» (подробнее о Свитине см. [Чекалов, 2014. С. 381]). Разумеется, Вороновское имение было хорошо известно «графине Лидии». Тем самым к событиям повести примешивается легкая автобиографическая нота. В данном случае это еще и вариант «деревни, где скучал Евгений»; герой Ростопчиной окунается в природу, принимает к естественной жизни.

Однако «моральная ущербность» разочарованного жизнью Аркадия не позволяет ему в полной мере осуществить заветы народников. Он принимает решение отправиться в Швейцарию, чтобы освоить там искусство резьбы по дереву. В Женеве Аркадий обосновывается на берегу озера Леман; речь идет о чрезвычайно олитературенном локусе, вызывающем множество ассоциаций с творчеством романтиков, и в первую очередь с Байроном и Шелли. Но важно подчеркнуть, что завораживающий швейцарский пейзаж отнюдь не становится для героев Ростопчиной поводом и стимулом к мистической экзальтации — в отличие, скажем, от протагониста романа Сенанкура «Оберман». Им приходится считаться с прозаическими реалиями повседневности. Так, прекрасная Швейцария, по мнению писательницы, наводнена ненавистными ей «нигилистами» (это слово Ростопчина трактует достаточно широко, как оно и было принято в конце XIX столетия в европейской культурной среде).

В повести присутствует топос роковой «русской красавицы»; это ампула закреплено за наделенной исключительной (античной!) красотой и магнетическим влиянием на мужчин владелицей расположившейся у берегов Лемана

виллы «Отрада» — баронессой Ириной Дмитриевной фон Шнебург. Первая же встреча Аркадия с Ириной — она происходит на балу, когда герой случайно подслушивает признание в любви Ирине одного из многочисленных поклонников — становится роковой; внезапно вспыхнувшая страсть полностью лишает его покоя. В ряду возможных прототипов Ирины следует назвать Варвару Петровну Шувалову (урожденную Шаховскую, 1796–1870). После неожиданной кончины мужа (в 1823 г.) вдова графа Шувалова поселилась в Швейцарии, на расположенной между Женевой и Лозанной вилле.

Подобно Руссо, Ахтомский плывет на лодке по водам живописного Лемана, созерцает мироздание и анализирует свои чувства; при этом пейзаж совершенно отступает на второй план, а озеро выступает в роли зеркала, подобно невшскому льду в «Падучей звезде»:

«Ночь была безлунная, кругом расстился бесконечный звездный небосвод, отражавшийся в темной глубине озера. Я оставил весла, вытянулся на дне лодки и обратил взор ввысь; я позабыл обо всем и полностью погрузился в созерцание обожаемого мною образа» [Rostopchine, 1894–1896. С. 796].

Есть основания сопоставить эти строки с известным пассажем из «Паломничества Чайльда Гарольда» Байрона (песнь 3, строфа 68):

Но вот Леман раскинулся кристальный,
И горы, звезды, синий свод над ним —
Все отразилось в глубине зеркальной,
Куда глядит, любуясь, пилигрим. (Пер. В. Левика.)

К числу крайне немногочисленных пейзажных описаний в «Ирине» относится также следующая зарисовка Монблана:

«Хотя на дворе уже стояла середина октября, день был погожий и теплый; горы, облаченные в прекрасные осенние наряды, пестрели многообразием красок. Надо всем этим великолепием, выделяясь ослепительной белизной своего купола на фоне лазурного неба, горделиво царил Монблан; казалось, он был счастлив на мгновение обрести свободу, вырвавшись из-под гнета докучавших ему облаков, что толпились вокруг него, словно придворные у трона» [Rostopchine, 1894–1896. С. 801].

Но, как правило, Ростопчина вполне сознательно минимизирует пейзажные описания, что особенно заметно на фоне развернутых, импрессионистических портретов (прежде всего — самой Ирины).

Тема избирательного средства, мгновенно, на экзистенциальном уровне возникающего между героями, имеет романтическое происхождение. Терзаемый ревностью (у него имеется некий могущественный соперник, известный французский писатель, имя которого не названо), Аркадий отправляется в Италию — «эту огромную гробницу прошлого, где можно забыть лишь

умершую любовь, но никак не полную жизни женщину, вызывающую в нас трепет страсти!» [Rostopchine, 1894–1896. С. 126]. Стремительное путешествие Ахтомского находится в русле характерных для романтиков странствий на Апеннины [Карташова, 2005], однако Италия предстает перед Аркадием прежде всего как средоточие чувственного начала: пытаюсь исторгнуть из своего сердца любовь к Ирине, он созерцает в Ватиканских музеях статуи языческих богинь — Венер, Юнон и Диан — и обнаруживает в них сходство с возлюбленной. Разумеется, все кончается возвращением героя в Женеву и физическим сближением влюбленных.

Местный колорит в «Ирине» выражается и в описании того чрезвычайно неприятного климатического явления, которое хорошо известно всем побывавшим в этом городе; жертвой печально знаменитой «бизы» становится пылко влюбленный в Ирину петербургский юноша по имени Павлик. Страсть заставляет его совершенно забыть о Петербурге, откуда он прибыл для лечения; но под влиянием бизы обостряются и его чахотка, и его нервное состояние:

Но тут начала дуть жуткая женеvская биза; тот самый ветер, что никогда не дует менее трех дней, а иногда длится и в три, и в девять раз более и порой дует двадцать семь дней кряду, совершенно расстраивая даже самые крепкие нервы, лишая сна как старцев, так и младенцев [Rostopchine, 1894–1896. С. 386].

Этот пронизывающий северный ветер фигурирует в ряде других литературных источников, и в том числе в известном стихотворении Тютчева 1864 г.:

Утихла биза... Легче дышит
Лазурный сонм женеvских вод
И лодка вновь по ним плывет,
И снова лебедь их колышет.

В 1908 г. на бизу жаловалась в своих воспоминаниях Надежда Константиновна Крупская: «Неприятно выглядела Женева. Не было ни снежинок, но дул холодный резкий ветер – биза». Как известно, Ленин считал Женеву «гнусной дырой» — биза в данном случае удачно дополняет эту негативную (и, наверное, не вполне заслуженную) характеристику.

Особое место в творчестве Ростопчиной, и в том числе с точки зрения воссоздания городского текста, занимает роман «Растакуэрополис» (Rastaquouéropolis, 1897; английский перевод под названием *The Real Monte Carlo* вышел в 1912 г.; «графиня Лидия» выполнила русский перевод под названием «Всемирный вертеп», но так и не смогла напечатать его в России). Слово «растакуэр» к моменту опубликования книги уже прочно вошло во французский язык, хотя точная этимология его и оставалась сомнительной. Впрочем, и до сих пор среди лексикологов нет единства в решении этого

вопроса: следует ли связывать этимон — «gastrascuero» (латиноамериканский вариант испанского языка) — с характерными для гаучо кожаными гетрами или же имеются в виду карманники, крадущие кожаные кошельки? Как бы то ни было, слово было усвоено французским языком около 1880 г. и обозначало авантюриста, богача с сомнительными доходами, чаще всего — латиноамериканца. На рубеже XIX–XX столетий слово «растакуэр» (вариант: «растаквэр») присутствовало также в русском языке и включалось в тогдашние отечественные словари иностранных слов. Среди источников Ростопчиной следует назвать опубликованный в 1889 г. роман малоизвестного писателя Жоржа Назима под названием «Растакуэры» («Rastaquouères»), где действие разворачивается именно в Ницце и где воссоздана история любви молодого французского офицера к русской красавице Наде [Hamon-Viboud, 2008. С. 256].

В книге Ростопчиной (подробнее о ней см. [Чекалов, Блеск и нищета, 2014]) анализируется тот своеобразный историко-культурный феномен, который обычно именуется «Русской Ниццей». Местность была очень хорошо знакома «графине Лидии» — она жила в Ницце и Ментоне в 1880-х — 1890-х гг., а в 1893 г. в Ментоне ею был учрежден приют для русских чахоточных больных. «Растакуэрополису» предпослано посвящение рулетке, этой «бесчестной богине», правящей в городе. Городской локус представлен в романе под знаком двух контрастных логик: мы оказываемся в своего рода городе Солнца (старинное название Растакуэрополиса, по Ростопчиной, — Солара) и одновременно в прибежище мошенников, своеобразном вселенском вертепе; завораживающая природа контрастирует с атмосферой разложения и нравственного гниения.

Поскольку Ростопчина усматривала свою задачу не просто в создании документальной картины Ниццы (в этом городе она жила в 1880-х гг.), а в создании аллегорического образа «града обреченного», то и реальная топография предстает у нее частично травестированной. К примеру, основное место пребывания курортной публики Растакуэрополиса — Променад Праздных, Promenade des Desoeuvrés; именно так в книге трансформировано название знаменитого Английского променада — двухкилометровой набережной Ниццы, тянущейся вдоль Бухты Ангелов; на Променаде жили, в частности, Мария Башкирцева, А. И. Герцен и А. Н. Плещеев. На наш взгляд, в топониме Promenade des Desoeuvrés могло отразиться влияние названия книги жившего в России немецкого дипломата Готгильфа Фабера «Безделки. Прогулки праздного по городу Санкт-Петербургу» (Bagatelles. Promenades d'un désœuvré dans la ville de Saint-Pétersbourg, 1811), первое издание которой выпустил петербургский издатель Плюшар.

Особенно же причудливой трансформации подвергается название одной из «артерий» Ниццы — набережной Св. Иоанна Крестителя (Quai Saint-Jean-

Baptiste); у Ростопчиной она превращается в Набережную Моисея-Грабителя (Quai Mosé-Rapiniste), где расположено множество лавок и где растакуэры, не торгуясь, приобретают товары по любой цене. Выкладки Ростопчиной подтверждаются документальными источниками: лавки, расположенные на набережных Массена и Св. Иоанна Крестителя, славились обилием предметов роскоши.

Видоизменены и другие топонимы Ниццы: например, бульвар Карабасель превращается у Ростопчиной в проспект Карабапуавр (в основе трансформации нехитрая игра слов: формант *sel*, соль заменяется на *roivre*, перец). Иные топонимы трансформируются в романе по принципу простой метатезы (так, площадь Массена превращается в площадь Намесса) или минимальной замены звуков (мост Маньян превращается в мост Раньян; проспект Avenue Dubouchage, названный так в честь префекта Марка де Грате, графа Дюбушаж — в Avenue du Vosage). Но некоторые топонимы и вовсе не подвергаются никаким изменениям (улица Св. Франциска из Паолы).

Для автора романа особенно важно, что Растакуэрополис расположен по соседству с «Монте-Кадаверо» (нехитрая трансформация топонима Монте-Карло, города, располагающегося в двух десятках километров от Ниццы). Этот притягательный для многих персонажей Ростопчиной город — он сопоставим с Рулетенбургом из повести Достоевского «Игрок», но к подробному его воссозданию писательница отнюдь не стремится — оказывается средоточием порока и зла. Если И. С. Шмелев, по свидетельству А. И. Куприна, ласково именовал Монте-Карло «Карлушкиной горкой», то Ростопчина наделяет город зловещим именем «Монте-Кадаверо» (итал. «гора-труп»): оно мотивировано тем, что проигравшиеся в пух и прах посетители казино нередко сводят здесь, в восхитительных подвесных садах, счеты с жизнью. Выкладки Ростопчиной перекликаются с письмом Чехова от 13 (25) апреля 1891: «Это милое Монте-Карло очень похоже на хорошенький... разбойничий вертеп. Самоубийства проигравшихся — явление заурядное» [Чехов, 2009. С. 210].

В тесном хороводе русских лиц угадывается присутствие самой же Лидии Ростопчиной — думается, именно она выведена под именем Зинаиды Лопшиной, внучки «знаменитого поджигателя» (явный намек на московский пожар 1812 г. и причастность к нему Федора Ростопчина), «человека недюжинного ума, настоящего патриота и — в часы досуга — литератора» [Rostopchine, 1897. С. 230]. Следует напомнить, что «графиня Лидия» в «Семейной хронике» всячески стремилась возвеличить образ своего деда. С другой стороны, и таинственная «принцесса Космополита» — дочь королевы страны Галевии по имени Королева — также вбирает в себя некоторые черты автора романа; совсем не случайно именно ей оказывается посвящена заключительная строка «Растакуэрополиса»: «она не замужем и никогда не выйдет замуж» [Rostopchine, 1897. С. 388].

Таким образом, есть все основания говорить о том, что при всем многообразии локусов в романах Ростопчиной писательница не испытывала особого интереса к воссозданию целостного городского текста — будь то в узком («топоровском») смысле этого понятия или же в широком. «Растакуэрополис» представляет собой скорее исключение из общего правила, коль скоро именно город фактически становится главным героем повествования. Символизация его как вновьявленного Содома сочетается с довольно точной топографической детализацией. Пожалуй, «Растакуэрополис» — единственное из сочинений «графини Лидии», которое может быть отнесено к категории, обозначенной Н. П. Анциферовым как «урбаническая литература». С другой стороны, прикосновение Ростопчиной к петербургскому тексту русской литературы в «Падучей звезде», пусть и мимолетное, является весьма примечательным свидетельством значимости этого текста для беллетристической традиции.

Список литературы

Амелин Г. Г. Лекции по философии литературы. М. : Языки славянской культуры, 2005. 416 с.

Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской литературе. М. : ИМЛИ РАН, 2009. 584 с.

Зуев Г. И. Петербургская Коломна. М. : Центрполиграф, 2007. 590 с.

Карташова И. В. Путешествие Гоголя в Италию в контексте романтических странствий // Романтизм: вечное странствие. М. : ИМЛИ РАН, 2005. С. 275–289.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб : Искусство-СПб, 2001. 703 с.

Мартен-Фюжье А. Светская жизнь и салоны [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 1995. № 13. Режим доступа : <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/SALON.HTM>.

Ростопчина Л. А. Семейная хроника / пер. с фр. А. Ф. Грейтман. М. : Тривант, 2011. 240 с.

Ростопчина Л. А. Падучая звезда // Русский вестник. М. : 1886. Т. 185. С. 166–219, 670–737 ; т. 186. с. 69–120, 525–591.

Ростопчина Л. А. Красотка, умная и добрая / пер. с фр. Лидии Ростопчиной. СПб : Польза, 1888. 376 с.

Ростопчина, графиня. Красавица, Умница и Добрая Душа / пер. Екатерины Ландсберг. Одесса ; Москва : Два Слона ; Дуэт, 1993. 256 с.

Рубан А. А. Функциональные особенности образа Парижа во французской литературе конца XIX — первой четверти XX века. Брянск : Курсив, 2014. 546 с.

Топоров В. Н. Петербургский текст. СПб. : Искусство-СПб, 2003. 616 с.

Чекалов К. А. Блеск и нищета французской Ривьеры в романе Лидии Ростопчиной «Растакуэрополис» // Вестник Воронежского Государственного Университета. 2014. № 2. С. 83–88. (Филология. Журналистика).

Чекалов К. А. Взаимодействие русских и французских локусов в прозе графини де Сегюр // Вторые Московские Анциферовские чтения : сб. ст. М. : Три квадрата, 2014. С. 373–385.

Чехов А. П. Письма. 2-е изд. Т. 4. Январь 1890 — февраль 1892 г. М. : Наука, 2009. С. 210.

Citron, Pierre. La poésie de Paris dans la littérature française de Rousseau à Baudelaire : Thèse. P. : Minuit, 1961. Т. II. 530 p.

Guichardet, Jeannine. Balzac «archéologue de Paris» [Электронный ресурс]. Genève : Slatkine, 1999. 497 p. Режим доступа : <https://books.google.fr/books?id=VG4UMBWX0foC&pg=PA191&dq=balzac+rue+saint+dominique&hl=fr&sa=X&ei=eMBAVO3TN4vXyQPhg4GIDg&ved=0CCgQ6AEwAQ#v=onepage&q=balzac%20rue%20saint%20dominique&f=false>.

Guichardet, Jeannine. La Présence de Paris dans Horace: Georges Sand dans le sillage balsacien? [Электронный ресурс] // Ville, campagne et nature dans l'oeuvre de Georges Sand. Clermont-Ferrand : Presses Universitaires Blaise Pascal, 2002. P. 91–106. Режим доступа : <https://books.google.fr/books?id=84e7XDFShuoC&printsec=frontcover&dq=Ville,+campagne+et+nature+dans+l'oeuvre+de+Georges+Sand.&hl=fr&sa=X&ei=0jvKVN39IaaAzAOvm4D4AQ&ved=0CDcQ6AEwAA#v=onepage&q=Ville%2C%20campagne%20et%20nature%20dans%20l'E2%80%99oeuvre%20de%20Georges%20Sand.&f=false>.

Hamon, Philippe et Viboud, Alexandre. Dictionnaire thématique du roman de moeurs 1814–1914. Vol. 2. J–Z. P. : Sorbonne Nouvelle, 2008. 410 p.

Limido, Luisa. L'art des jardins sous le Second Empire: Jean-Pierre Barillet-Deschamps [Электронный ресурс]. Seyssel ; Champ Vallon, 2002. 282 p. Режим доступа : https://books.google.fr/books?id=_PxXd0JLQ0gC&printsec=frontcover&dq=art+des+jardins+sous+le+second+empire&hl=fr&sa=X&ei=peHIVPz2IKGjyAPviYKICg&ved=0CCIQ6AEwAA#v=onepage&q=art%20des%20jardins%20sous%20le%20second%20empire&f=false.

Renseignements mondains // Le Figaro. 18.06.1914. P. 3.

Rostopchine, Lydie. Yvonne Trois Étoiles. P. : Tolra, 1885. 323 p.

Rostopchine, Lydie. Irina // Nouvelle Revue. Paris. Décembre 1894 — février 1896. P. 783–802, 98–128, 368–394, 583–605.

Rostopchine, Lydie. Rastaquouéropolis. P. : Oudin, 1897. 391 p.

Séгур, comtesse de. Lettre d'une grand'mère: la Comtesse de Séгур à son petit-fils Jacques de Pitray. P. : Houdin, 1898. 142 p.

Théâtres // Le Temps. 30.01.1912. P. 5.

Дата обращения к электронным ресурсам: 28.01.2015.

Йорг Шульте

Prof. Dr. Jörg Schulte. Slavisches Institut der Universität zu Köln. Weyertal 137 • 50931 Köln;
j.schulte@uni-koeln.de

ГЕОГРАФИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В ИДИЛЛИЯХ И ПОЭМАХ САУЛА ЧЕРНИХОВСКОГО

Аннотация

Саул Черниковский в своих идиллиях пользовался опытом филологической работы с эпосом Гомера. Имитируя не только Илиаду и Одиссею, но и традицию европейской идиллии, он воссоздал на иврите особенности Гомеровского стиля и географические описания: яркий пример тому — список кораблей во второй песне Илиады, который Черниковский превращает в список гостей на свадьбе еврейской девушки Эльки, приехавших из деревень северной части Таврической губернии.

Ключевые слова

Идиллия, Гомер, географическое описание, Таврида, топография, легенда местности, перевод

Друг милый, ангел мой! сокроемся туда,
Где волны кроткие Тавриду омывают,
И Фебовы лучи с любовью озаряют
Им древней Греции священные места.

Константиин Батюшков

В каменистой Тавриде наука Эллады...

Осип Манделъштам

Территория, которая была когда-то Таврической Губернией, имела особенное значение в русской литературе. Она когда-то была в прямом контакте с античным миром, ее пейзажи и реки носили греческие имена, на ее берег ступил Одиссей. В начале XX в. античное наследие Крыма оживили Максимилиан Волошин, Георгий Шенгели и Осип Манделъштам. Речь пойдет об их современнике, от которого ни один стих на русском языке не сохранился, но который знал русскую и польскую литературу, связанную с Таврической

губернией. Саул Гутманович Черниховский родился в 1875 г. в селе Большая Михайловка в Мелитопольском уезде Таврической губернии. В его семье говорили по-украински, по-русски и на идише. Он мог бы быть русским поэтом, но решил писать стихи только на иврите. Часть его произведений стала известна в России благодаря замечательным переводам Владислава Ходасевича, созданным в близком сотрудничестве с автором.

Если речь идет о топографическом подходе к литературе и к культуре, Черниховского можно бы было представить как автора одной большой поэмы «Га-адам эйно эле карка эрец ктана, га-адам эйно эле тавнит ноф-моладто» («Человек — только маленький клочок земли, человек — лишь контур пейзажа его детства») [Черниховский, 1955. С. 466]. Черниховский написал пятнадцать «Крымских сонетов» («Сонетос Крим») [Там же, С. 301–313], которые продолжают традицию А. Мицкевича, также посвятившего Крыму свои сонеты.

Топографию пейзажа своего детства Черниховский воссоздал в двух произведениях — в идиллии «Свадьба Эльки», написанной в 1920 г. в Одессе, и в поэме «Дедушка плывет в Одессу», созданной в Иерусалиме в 1941 г. В 1920 г. Черниховский работал над переводом Одиссеи и Илиады на иврит. Из его поколения он был единственным поэтом, который умел переводить с древнегреческого оригинала на иврит, на тот момент только-только ставший литературным языком в Восточной Европе. Выбирая жанр, в котором он мог использовать опыт филологической работы с эпосами Гомера, и создавая оригинальное произведение, он шел по следам великих переводчиков Гомера — Иоганна Генриха Фосса и Николая Гнедича. Черниховский написал идиллии, и эти идиллии не только стали лучшими произведениями на иврите, но и открыли новое измерение европейской идиллии. Черниховский был рожден в местности, которая стала страной идиллии в литературе. В период польского барокко Шимон и Иосиф Варфоломей Зиморовиц написали свои идиллии о малорусских пастухах и пастушках и назвали их «Roksolanki, to jest ruskie panny» и «Sielanki nowe ruskie». Первую русскую идиллию о берегах Днепра написал Михаил Ломоносов в честь Кирилла Григорьевича Разумовского. Вот почему в 1918 г. Шенгели написал в эссе «Киммерийские Афины»: «пейзаж Малороссии — идиллия» [Шенгели, 1991. С. 360].

«Свадьба Эльки» — самая длинная из Таврических идиллий Черниховского, насчитывающая в шести песнях около 1100 гекзаметров. В конце первой песни мы найдем яркий образец подражания Гомеру — воссоздание списка кораблей из второй песни Илиады, представленного как список гостей, приглашенных на свадьбу еврейской девушки Эльки. Список кораблей, как известно, следует удивительной географической схеме. Списку гостей на свадьбе не свойственен такой порядок, но мы видим, что этот список указывает на географическое

пространство в нижнем течении Днепра протяженностью более двухсот километров. Свадьба состоялась в деревне Подовка. Черниковский вырос в селе Михайловка и, возможно, поэтому он пишет о «далеких дворах села Алешки». Список гостей охватывает сорок строк, я приведу фрагмент:

Ну-с, Агайманы. Тут двое: Халецкий и старый Лисовский.
С давних времен мы друзья. Наверно приедут на свадьбу...
Каменка. Выходцы там из Добруджи живут, староверы —
Все огородники. Вот уж где хлеба-то много в амбарах!
Речка там — Конка, что в Днепр впадает. И в Каменке двое:
Циркин (горячка такая, что страх!) и Литинский (забавник,
Первый остряк — и родня мне). Наверно приедут на свадьбу... [Ходасевич, 1982.

Том 2, с. 216].

О некоторых деревнях, из которых приедут приглашенные, дается подробная информация в следующих главах идиллии. В Белозёрке, например, которую на идиш называли «Билибиркой» или, шутя, «маленький Египец», производили шляпы из овечьей шерсти, которые были известны во всей Таврической губернии.

Вторая песнь описывает, как Элька и ее семья едут навстречу семье жениха. Они встречаются рядом с курганом, который находится «два парасанга» от Подовки. Парасанг в Талмуде — мера длины, равная приблизительно шести километрам. В окрестностях Подовки нет кургана, который бы соответствовал описанию, единственный курган в окрестностях Подовки — курган у села Червоный Перекоп в трех километрах на запад. На курган поднимаются семьи невесты и жениха, чтобы отпраздновать встречу. Могу предположить, что в этом описании Черниковский отходит от реальной географии местности. Курганы он знал по окрестностям Михайловки (напр., Гайманову могилу на берегу Днепра), и они подсказали образ кургана в районе Подовки, ставшего одним из главных образов его таврических пейзажей. Когда Черниковский писал «Свадьбу Эльки», Гражданская война помешала ему побывать на родине, и он создавал топографическую карту своей идиллии по памяти. Из цитированного фрагмента мы видим, что он пользовался энциклопедией Брокгауза и Эфрона, в которой Каменка ошибочно помещена в устье реки Конки, а не в устье Белозерки. Несмотря на маленькие «ошибки», точность географических сведений впечатляет. Список гостей, подобно списку кораблей у Гомера, основывается на реальной географии и создан Черниковским по гомеровскому принципу. Так, в списке гостей Эльки указано их число, как у Гомера указано число кораблей из каждой местности, и также даны описания географического положения этих местностей и очень краткая характеристика героев.

Ходасевич уловил эти приемы гомеровского стиля и заметил, что Черниховский «нарочно подчеркивает гомерический дух своих идиллий». «Смысл этих идиллий, — продолжал он, — не только описательный, но и философский. [...] Черниховский как бы хочет подчеркнуть, что меняются только внешние облики, а сущность жизни человека всегда одна, и разница между Навсикаей и [невестой] Элькой не так-то уж велика» [Ходасевич, 1998. С. 52]. Я бы уточнил: «между Элькой и Пенелопой». Черниховский переводил греческий эпитет περίφρων Πηνελόπεια (который появляется более пятидесяти раз в Одиссее) как «Пенелопея га-цнуа» (скромная Пенелопа). Тот же эпитет использован и в характеристике Эльки, она «скромная Элька» (Элька га-цнуа). Заметим, что Ходасевич перевел «Элька га-цнуа» (скромная Элька) как «разумница Элька», т. е. используя эпитет, который со времен Жуковского носила Пенелопа в русском переводе. Жуковский переводил περίφρων Πηνελόπεια как «разумная Пенелопея» или «многообразная старца Икария дочь».

Список гостей из деревень по левому берегу Днепра указывает пространство, которое было некогда частью античного мира, являлось топографическим началом греческого мифа. Гости на свадьбу приезжают на повозках, но близость деревень к Днепру (античному Боресфену) характеризует их жителей как наследников античных мореплавателей. Для Черниховского эта связь означало нечто большее, чем поэтический прием. Прочитав монументальное исследование Виктора Бэрарда «Les Phéniciens et l'Odyssee», он был убежден, что в основу самой «Одиссеи» были положены записи семитских мореплавателей, которые были переведены на греческий перед тем, как составили географию гомеровского эпоса. Книга Бэрарда, кстати, вдохновила также Джеймса Джойса на создание «Улисса».

Черниховский вернулся к замыслу мифологизации берегов Днепра в 1941 г., когда писал поэму «Сава мафлиг ле Одеса» («Дедушка плывет в Одессу»). Эта поэма была переведена лишь один раз — на английский язык. Переводчику поэт не помогал, и поэтому его замысел в английском переводе уловить труднее. Дедушка и его друг Гаврило взяли с собой в качестве провианта несколько золотых таранек («кама таранкот згаваот») и ситцевую сумку с махоркой («кис-циц мемула махорка») [Черниховский 1955. С. 702]. В английском переводе эти предметы превратились в «путаницу золотого теранского вина» («a mess of golden teran») и «сумку с бахромой из Майорки» [Silberschlag, 1968. С. 182].

Дедушка — по имени Карп — родился в Голой Пристані на левом берегу в устье Днепра. Оттуда он плывал со своим украинском другом Гаврилой на Днепровский лиман. В поэме описывается порт Голой Пристані, подробно именуется все виды тыквы и пшеницы, которые в нем грузились на лодки.

Потом описывается путь, на котором дедушка и Гаврило плыли по Днепровскому лиману через Белогрудское гирло, вдоль островов Янушев и Вербка. На левом берегу герои видят деревню Рыбалчья, на правом берегу — Мыс Станислава и Мыс Бубликова. Черниковский здесь также ошибается в деталях географии, помещая Прогнойск (сегодняшнее Геройское) на правый берег. Герои плывут мимо острова Березань и Кинбурнской косы. Потом они попадают в бурю.

Лодку ветер, как вор, отнимал у волны, передавая другой,
и так мощно встряхнул ее, что борта закрипели,
мачта кренилась при каждой высокой волне,
лодка плясала на пене морской без руля и ветрил, и без весел. [Черниковский, 1955.

С. 703]

В описании бури Черниковский вспомнил бурю, в которой оказался Одиссей перед тем, как Левкофея его спасла и велела ему плыть на остров Схерия к Феакам.

ἔλασεν μέγα κύμα κατ' ἄκρης,
δεινὸν ἐπεσσύμενον, περὶ δὲ σχεδίην ἐλέλιξε.
τῆλε δ' ἀπὸ σχεδίδης αὐτὸς πέσε, πηδάλιον δὲ
ἐκ χειρῶν προέηκε• μέσον δὲ οἱ ἴστων ἔαξε
δεινὴ μισογμένων ἀνέμων ἐλθοῦσα θύελλα• (E, 313-317)

Эти строки Гомера звучат в переводе Жуковского следующим образом:

В это мгновенье большая волна поднялась и расшиблась
Вся над его головою; стремительно плот закружился;
Схваченный, с палубы в море упал он стремглав, упустивши
Руль из руки; повалилася мачта, сломясь под тяжелым,
Ветров противных, слетевшихся друг против друга, ударом... [Жуковский, 2010. С. 95]

Черниковский сам перевел μέγα κύμα как «мишбар адирим», и такая же гигантская волна (мишбар адирим) угрожает боту дедушки и Гаврилы. Слова τῆλε δ' ἀπὸ σχεδίδης αὐτὸς πέσε («Отбрасывало его далеко качание лодки») Черниковский также использовал в точном переводе в своем описании, только мачта («торен» на иврите) у Черниковского не ломается («нишбар»), а только крениется («миштахве»).

Буря кончается, и наступает штиль, который Черниковский обозначает арамейском словом «галина», заимствованным из греческого. Именно словом γαλήνη пользовался Гомер, когда описывал штиль в Средиземном море. У Черниковского арамейская «галина» появляется в акцентуированном гек-

замете в той же позиции, которую занимает γαλήνη в классическом гекзаметре Гомера.

Черниковский заканчивает поэму рассказом о своем двоюродном брате, который стал адмиралом аргентинского флота, и объясняет, как тот выбрал эту профессию:

В Голой Пристани был он рожден, в Борсфеновском устье,
дед его как-то проплыл от Херсона, достигнув Одессы,
не на паруснике и пароходе, а на шаланде,
прозванной «душегубкой», он прошел этот путь,
как у грека Гомера, по мокрым тропинкам воды. [Черниковский, 1955. С. 704]

«Мокрые тропинки воды» («дерех га-маим га-леха») — это ὑγρὰ κέλευθα, которые часто появляются в «Одиссее», а «душегубка» поэт указал в сноске (как объяснение слова «рацханит»). Черниковский пользуется и редким словом «ареве», которое в Талмуде обозначает маленькую лодку; на ней возили фрукты по Иордану (Т. Е. Шаббат 4.2, Т. Б. Авида Цара 40а, Ерубим 88а). В последних строках поэмы раскрывается замысел, вдохновивший Черниковского при создании списка гостей в «Свадьбе Эльки». Поэт задает вопрос, не сохранилась ли в крови его предков, проживавших на берегу Днепра, шестидесятая доля (это талмудический образ) крови давних семитских мореплавателей, современников греческих завоевателей Трои. Из Иосифа Флавия (Ant. Jud. VIII, 6, 4) Черниковский знал, что флот Соломона плывал из Эцион-Гебер (на берегу Красного моря) до Офира, который греки называли Береникеей.

В другой поэме Черниковский упоминает Таврические деревни Британ, Каиры и Серегозы и спрашивает, нужны ли литературе Британия, Каир и Сиракузы [Черниковский, 1955. С. 753]. Действие поэм и идиллий Черниковского происходит всегда без исключения в северной части Таврической губернии, часто в Большой Михайловке, в Белозерке и Сельках. Действие двух других поэм происходит в тюрьме Мелитополя, в котором Черниковский провел несколько недель в 1907 г. Его поэмы читали во всех частях мира, где знали иврит, но Черниковский понимал, что для читателей его поэм деревни Таврии — такие же мифологические местности, как и местности из списка кораблей «Илиады».

Список литературы

Волошин М. А. Стихотворения, статьи, воспоминания современников / сост. Давыдов З. Д., Купченко В. М., 1991. 488 с.

Жуковский В. А. Полное собр. соч. и писем : в 20 т. М., 2004 —.

Ходасевич В. Ф. Собрание стихов в двух томах. Париж : La Presse Libre, 1982.

Ходасевич В. Ф. Из еврейских поэтов. Иерусалим ; М., 1998. 426 с.

Черниковский Ш. Ширим. Тель-Авив, 1955. 879 стр.

Silberschlag, Eisig. Saul Tschernichowsky: Poet of Revolt. Bristol: East and West Library, 1968. 240 p.

РАЗДЕЛ II. Н. П. АНЦИФЕРОВ.
КОНТЕКСТЫ БИОГРАФИИ

О. Л. Курбатова

Курбатова Ольга Леонидовна, доктор биологических наук, заведующая лабораторией. Институт общей генетики им. Н. И. Вавилова РАН. 119991 Москва, ул. Губкина, д. 3; okurbat@list.ru

МОСКОВСКИЕ АДРЕСА Н. П. АНЦИФЕРОВА: ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

Аннотация

По материалам воспоминаний Николая Павловича Анциферова описано его первое посещение Москвы в 1903 г., знакомство с московскими родственниками Курбатовыми, проживавшими на территории Павловской больницы, где работал хирургом глава семьи — И. И. Курбатов. Кратко охарактеризована история Павловской больницы (ныне ГKB № 4), приведены описания ее территории и строений в начале XX в., содержащиеся в рукописных мемуарах членов семьи Курбатовых, и сведения о других московских адресах в Замоскворечье (улицы Пятницкая, Большая Полянка, Валовая), где Н. П. Анциферов жил или гостил.

Ключевые слова

Н. П. Анциферов, московские адреса, Замоскворечье, Павловская больница, И. И. Курбатов, Пятницкая ул., Валовая ул.

Я полюбил Москву...
Н. П. Анциферов. Воспоминания
«Путь моей жизни»

Николай Павлович Анциферов, уроженец юга России, проведший детские годы в Крыму, а гимназические — в Киеве, впервые побывал в Москве в 13-летнем возрасте весной 1903 г. и затем приезжал почти каждый год, исключая периоды заключения в тюрьмы и лагеря [Анциферов, 1992]. С 1933 г. он жил и работал в Москве и здесь обрел в 1958 г. последний приют на Ваганьковском кладбище (уч. 44), которое можно считать его последним адресом [Никульский, 2009. С. 6]. Московские адреса Н. П. Анциферова в основном кластеризуются на карте города в три группы: 1) Замоскворечье (здесь жили его родные Курбатовы, у которых он часто гостил, а иногда и жил подолгу; в 1933 г. жил в съемной квартире на Пятницкой ул.); 2) Арбат (здесь он с женой Софьей Александровной Гарелиной прожил 22 года в Большом Афанасьевском пере-

улке) и 3) Северо-Запад столицы (один из первых московских адресов — дом Фортунатовых (Фортунатовы — «семья, ставшая для меня родной» [Анциферов, 1992. С. 25], многодетная семья, главой которой был Алексей Федорович Фортунатов (1856–1925), ученый в области статистики и географии сельского хозяйства, профессор Киевского политехнического института, Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства (совр. Пулавы, Польша), Московского сельскохозяйственного института (Петровской академии). Н. П. Анциферов испытывал к А. Ф. Фортунатову сыновние чувства, а с его сыновьями и дочерью Н. П. связывала многолетняя дружба) в парке Сельскохозяйственной академии в Петровско-Разумовском, где они жили до 1915 г.; дом Дмитрия Ивановича Курбатова в Покровском-Стрешневе по адресу Щукинская ул., д. 40, где Николай Павлович бывал у родных многократно, начиная с 1920-х гг., а после войны — уже с внуком Мишей; последнее жилище — долгожданная отдельная квартира вблизи метро «Аэропорт», в «писательском доме» по ул. 2-я Аэропортовская, д. 7/15 (ныне ул. Черняховского, д. 4), где он поселился в 1956 г., незадолго до кончины.

Арбатский период жизни Н. П. Анциферова подробно освещен в очерке Д. С. Московской [2009. С. 496–506]. Адреса в северо-западной части города требуют отдельного рассмотрения. В этой статье мы сконцентрируемся на Замоскворечье — районе, дольше всех сохранявшем свой старинный облик.

Первое посещение Москвы Н. П. Анциферовым — 1903 год

Одной из целей поездки в Москву весной 1903 г. было общение с Фортунатовыми и знакомство с Курбатовыми, родственниками Н. П. Анциферова по отцовской линии [Курбатова, Анциферов, 2006]. Коля Анциферов, единственный ребенок у родителей, рано остался без отца, жил вдвоем с матерью. Ему *«хотелось иметь большую семью с крепкими родовыми связями, фамильными традициями и преданиями»* [Анциферов, 1992. С. 22]. Именно такой была многодетная семья его тети, Антонины Николаевны, ур. Вихляевой (1952–1927), которая была замужем за доктором медицины Иваном Ильичом Курбатовым (1846–1923). Павел Григорьевич Анциферов (1851–1897) перед смертью завещал своей жене Екатерине Максимовне (1853–1933) и сыну сблизиться с Курбатовыми — с семьей своей любимой архангелогородской кузины Нины [Варфоломеев, Курбатова, 2012]. Знакомство Н. П. Анциферова с Курбатовыми состоялось в пасхальные дни 1903 г. в Москве, в белом двухэтажном доме на территории Павловской больницы, в которой И. И. Курбатов работал хирургом (вкладу Ивана Ильича Курбатова в развитие мировой хирургии посвящена отдельная глава в книге М. Б. Мирского [2000]).

Дадим слово самому Николаю Павловичу:

...В моем воспоминании живо сохранилась первая поездка в Москву, когда я познакомился с семьей Курбатовых.

Весной 1903 г. мы проводили Страстную и Пасхальную недели в Москве <...>. Мне хотелось познакомиться с родными: отца, и в особенности хотелось увидеть Москву, Кремль, Третьяковскую галерею. И что же могло быть заманчивее, чем знакомство с Москвой в дни Страстной недели, встреча в старой столице России светлого русского праздника Пасхи!

От этого первого посещения мне запомнился великопостный звон, призывный, сдержанный и строгий, напоминающий о духе «целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви».

Мне вспоминаются и бульвары с клейкими весенними листочками, золотые маковки «сорока сороков», черные галки в небе и черные монахи у Страстного монастыря, а также неуклюжие конки с «империалами», куда я взбирался по крутой лестнице, чтобы взглянуть во все глаза на этот самый русский из всех русских городов.

Курбатовы жили в Замоскворечье, близ Данилова монастыря в Павловской больнице. Мой дядя Иван Ильич Курбатов был врачом. (В подобной больнице в Москве протекало детство Достоевского.)» (Мариинская больница для бедных на Божедомке. Современный адрес: ул. Достоевского, д. 4. — О. К.) [Анциферов, 1992. С. 93]

Итак, Павловскую больницу можно считать первым московским адресом Н. П. Анциферова.

Павловская больница. Современный адрес: ул. Павловская, д. 25

В настоящее время это Городская клиническая больница № 4 Департамента здравоохранения г. Москвы (в народе по-прежнему часто называется «Павловской» или «Четвертой Градской»).

История Павловской больницы. Больница Императора Павла I была основана в 1763 г. по указу императрицы Екатерины II в честь выздоровления от тяжелой болезни наследника престола Павла: «...учредить свободную больницу, к чему и способное место избрано, близ Данилова монастыря...». Это место — загородный двор А. И. Глебова, генерал-кригс-комиссара, который был должен казне больше 200 тысяч рублей. Официально открытая 14 сентября 1763 г., Павловская больница является старейшей московской больницей «для бедных» (Раньше, в 1706 г., в Москве был основан только Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко — старейшее медицинское учреждение России). Первоначально она состояла из нескольких деревянных корпусов, однако в 1784 г., после того, как сгорел главный больничный корпус, архитектором Матвеем Казаковым по повелению Павла I было построено большое каменное здание дворцового типа, напоминавшее Голицынскую больницу (в настоящее время 1-я ГКБ, или Первая Градская). В центре главного корпуса находилась церковь, которая была освящена в память апостолов Петра и Павла. С 1830 г. ансамбль больницы начали перестраивать, и архитекторы Доменико Жилярди и А. Г. Григорьев возвели два двухэтажных флигеля по бокам от главного здания, благодаря чему перед ним образовался парадный двор. Во флигелях находились прачечная, аптека и квартиры для сотрудников больницы, духовенства и чиновников. Продолжив оформлять

больницу в духе царской усадьбы, Жиллярди выполнил парадный двор в стиле ампир и добавил ворота, увенчанные скульптурами львов, которые можно считать символом Павловской больницы. На сегодняшний день многие корпуса ГКБ № 4 являются памятниками архитектуры XVIII–XIX веков.

Иван Ильич Курбатов, проработавший хирургом в Павловской больнице 25 лет — с 1881 по 1906 гг., посвятил ей отдельную главу своих воспоминаний [Курбатов, 1920, глава 6]. Приведем фрагмент, описывающий территорию больницы и ее окрестности в конце XIX века.

Усадьба больницы была очень большая, и лишь часть ее занималась собственно больничными зданиями, дворами и садами, а большая сдавалась в долгосрочную аренду под огороды, доходившие до Москвы-реки. Эта аренда давала хорошую плату на содержание больных, а казна приплачивала очень мало. Во время моего поступления в больницу, на содержание больного отпускалось всего 17½ коп. в день — это на пищу, на чай и на лекарства. Да кроме того, из той же аптеки мог получать медикаменты каждый служащий для себя, членов своего семейства, стало быть, больным доставалось еще меньше.

Больница была бесплатная для всех сословий. Она стояла на южной окраине Москвы близ Камер-Коллежского вала, близ Серпуховской заставы; ближайшими соседями ее были монахи Данилова монастыря, от которого была даже своя койка в больнице. Между двумя садами (передним и задним, липовым) был очень большой двор, на котором стояли здания с квартирами служащих, а среди двора невысокая каменная круглая башня с тротуаром вокруг. Назначение ее состояло в хранении в ней денег, принадлежавших всем учреждениям Ведомства Императрицы Марии в Москве, когда деньги были лишь в виде монеты звонкой, а теперь в ней хранилось до поры до времени всякое старье, в том числе и имущество умерших в больнице больных впредь до аукционной его продажи, что делалось по временам.

По обе стороны главного здания находились большие поляны — более чем в десятину каждая; одна из них лишь отчасти занималась складом дров, а на остальном протяжении ее паслись коровы служащих, а потом и моя, а другая поляна оберегалась для кошения сена на ней. Сена этого собиралось довольно много для казенной лошади, его косили дворники даром, но оно показывалось купленным у поставщика, что составляло как бы «безгрешный доход» зрителю. За этим двором, ближе к огородам, был большой старый совершенно запущенный сад и в конце его — два пруда, выложенные по дну и по берегам камнем, поверх которого набралось уже немало ила и всякой грязи, потому что их никогда не чистили.

На берегу одного из прудов стоял необычайной толщины огромный вяз, вероятно, еще с тех пор, когда вся теперешняя усадьба больницы составляла загородную резиденцию Государственного прокурора Глебова, у которого она была куплена для наследника престола малолетнего Павла Петровича (для постройки здесь больницы). Это было в первое время царствования Екатерины II. Против больницы была (и теперь есть) большая площадь, на которой находятся Александровские казармы, выстроенные г. за 3 до моего поступления в больницу. И вся эта площадь раньше была занята лесом и болотами в нем. В этих болотах водились кулики и даже утки, за которыми охотились ординаторы больницы в часы досуга, в том числе и доктор А. Х. Репман.

Теперь к больнице шло довольно хорошее шоссе от Б. Серпуховской улицы до Даниловского монастыря, а раньше, до постройки казармы, была грунтовая дорога, по которой ни

один извозчик не решался ехать в больницу, особенно ночью. Старожилы этой местности, особенно жители Даниловской слободы (за заставой Серпуховской) говорили мне, что вся эта местность за последние годы стала неузнаваемая. Тянувшиеся здесь день и ночь длинные обозы со всяким товаром в ту и другую сторону через Даниловку по Варшавскому или Каширскому шоссе, теперь совершенно прекратились, точно провалились куда-то, и Даниловская слобода, почти сплошь состоявшая из постоянных дворов, кабаков и трактиров, значительно обеднела. Теперь она поддерживает свое существование лишь тем, что сдает у себя помещения под квартиры фабричным рабочим. [Там же. С. 15].

Отдала дань Павловской больнице в своих воспоминаниях и дочь Ивана Ильича — Наталья Ивановна Курбатова:

«За больницей, сзади нее, был расположен старинный сад, за ним — большой зеленый двор, по сторонам которого находились белые двухэтажные корпуса и особняки с квартирами докторов. Двор замыкался белой каменной оградой, за нею находился очень большой сад, точнее — парк, распланированный по-старинному. Аллеи, обсаженные огромными старыми липами, далеко уходили от ворот вглубь парка к двум прудам. Высокий забор огораживал парк. За заборами тянулись пустыри, огороды, за ними виднелся лес — Тюфелева роща. Вправо поблескивала Москва-река, на берегу которой возвышался Даниловский монастырь.

Этот парк назывался «Большой сад» в отличие от первого сада, примыкавшего к больнице и называвшегося «Больничный сад». Он состоял из нескольких недлинных аллей, имел какой-то неуютный вид, кустов в нем не было между деревьями, и как на ладони все в нем было видно, все гуляющие по его аллеям. Это были исключительно больные в коричневых халатах и белых колпаках, уныло бродившие там в дневные часы. Через этот сад, по широкой аллее въезжали во двор к квартирам докторов. От двора сад отделялся длинным низким зданием странного вида, без окон, желтого цвета, с рядом дверей с замками на них. Здесь помещались погреба с подвалами, для каждой квартиры — свой погреб.

За корпусами с квартирами были расположены еще небольшие дворы с конюшнями для лошадей врачей; за этими постройками территория больницы заканчивалась двумя большими полянами — «лужками»; на одном из них летом паслись коровы служащих; другой — зеленый, цветущий — летом косили.

Больница была очень красива на фоне зелени садов. Перед нею, перед ее большим каменным крыльцом во многих ступеней, был также большой зеленый двор, ограниченный с одной стороны двухэтажным белым домом с аптекой. С другой стороны — таким же домом, где жили фельдшера и низшие служащие. Вдоль передней части двора тянулась высокая каменная ограда с воротами в виде двух широких столбов, украшенных наверху каменными белыми фигурами львов, лежащих в спокойных позах» [Курбатова, 1958. С. 10–11].

Семья Курбатовых первоначально занимала небольшую квартиру в двухэтажном корпусе больницы (ныне это корпус № 7), с окнами, выходящими с одной стороны на «зеленый двор», с другой — в липовый парк — «Большой сад». По просьбе И. И. Курбатова к этой стороне была пристроена крытая деревянная терраса, которая, как ни странно, сохранилась до сих пор. В 1885 г. семья переехала в более поместительную квартиру на территории Павловской

больницы. «Это был хороший старинный особняк в два этажа, с нижним полуподвальным этажом, где помещались кухня, прачечная, кладовая, комната для кухарки и столовая для прислуги. Тут же были чуланы. Построен дом был в 1816 г. Дом был уютный, замечательно теплый. Верхний этаж состоял из четырех низеньких комнат, которые, по-видимому, предназначались для детей. Во втором этаже — в бельэтаже — комнаты были много больше и выше: зала в 6 окон, кабинет, спальня, столовая, комната проходная с лестницей вверх и две передние — у парадного и у черного хода.<...> Из верхних комнат открывался чудесный вид вдаль, на Симонов монастырь. Колокольня, башни и золотые главы храмов красиво выделялись на фоне при закате на светлом небе, озаренные лучами вечернего солнца. Этот вид мы созерцали постоянно, при всяком освещении, во все времена г. За другими окнами поднимались деревья сада до верхнего этажа. Пестрые осенние листья кленов я любила тогда на всю жизнь» [Курбатовá, 1958. Там же. С. 23]. В этой квартире прошли детство и юность пяти старших детей Курбатовых и родилось еще четверо детей. Вот сюда и прибыли из Киева весной 1903 г. Екатерина Максимовна Анциферова с тринадцатилетним сыном Николаем. Здесь они побывали еще раз в 1905 г.

Мои родственники занимали белый двухэтажный дом с садом и старыми липами, усеянными гнездами грачей. Это была патриархальная семья. Иван Ильич — коренастый старик с больными ногами, опиравшийся всегда на палку с резиновым набалдашником. Лицо его могло показаться суровым. Густые и седые брови нависали над умными пристальными глазами. Над высоким лбом поднимались откинутые набок густые волосы чудесного серебристого оттенка. Прямой, короткий нос. Лицо обрамляла борода, придававшая Ивану Ильичу сходство с Тургеневым. Когда я вспоминаю своего дядю, то вижу его в широком темно-коричневом халате, сидящим глубоко в кресле, к ручке которого прислонена неразлучная с ним палка. Иван Ильич был часто погружен в чтение книги или газеты (конечно, «Русские ведомости»).<...> Несмотря на твердый характер и непререкаемый авторитет Ивана Ильича, не он правил семьей. Весь дом вела его жена Антонина Николаевна — двоюродная сестра моего отца, нежно им любимая всю жизнь. В далекие и глухие годы она, молодой девушкой, вопреки воле родных покинула с моим отцом родной Архангельск, чтобы получить медицинское образование в Петербурге. Это была статная красавица, умная и властная. В ее благородном облике что-то напоминало боярыню Морозову.<...>

Антонина Николаевна родила много детей. Не все выжили. Вырастить ей удалось: Антонину, Федора, Екатерину, Наталию, Христину, Дмитрия, Николая, Татьяну и Михаила (Антонина Ивановна Курбатовá, в замужестве Бер (1875–1963); Федор Иванович Курбатов (1878–1940); Екатерина Ивановна Курбатовá, в замужестве Кипарисова (1879–1973); Наталия Ивановна Курбатовá (1880–1961); Христина Ивановна Курбатовá (1882–1963); Дмитрий Иванович Курбатов (1883–1967); Николай Иванович Курбатов (1885–1957); Татьяна Ивановна Курбатовá, в замужестве Богданова (1889–1970); Михаил Иванович Курбатов (1891–1937) — прим. О. К.)

Это была поистине патриархальная семья, в которой родители величаво возвыщались над детьми, как старые ели, окруженные молодняком. <...>

На всю жизнь запомнилась мне эта подготовка к встрече праздника целой семьей. Я давно был в такие дни один с мамой, без отца, и всегда без братьев и сестер. Тянуло меня к такой дружной, крепко спаянной семье. <...>

А в белом домике — пасхальный стол. Иван Ильич, тщательно причесавший свою копну серебристых волос, в белом галстуке, повязанном широким бантом, окруженный всей семьей и друзьями *pater familias*. <...>

А на другой день — приятная праздничная истома. Все время возобновлявшийся колокольный звон. Игра с катанием цветных яиц с горки, устроенной между пальмами и фикусами. В игре участвовали: моя ровесница Таня, полная девочка с большими серо-голубыми глазами и русыми косами, и кудрявый, черноокий мальчик Миша <...>. Младшие дети жили наверху, спускаясь для игр со мной из своей детской по внутренней лестнице, которая придавала такой уют дому.

Так семья Курбатовых включилась в мою жизнь [Анциферов, 1992. С. 93–95].

Особое впечатление на юношу-гимназиста произвела кузина Наталия, художница, выпускница Строгановского училища, которая была старше его на 9 лет: «Да, это была Курбатова. Печать семьи лежала на ее облике. Она походила и на сестер, и, в особенности, на мать. Имя Наталии Курбатовой уже жило в моей душе, главным образом, по рассказам Христи — прекрасной рассказчицы <...> мне особенно было дорого это имя — Наташа. Его носила любимая мной героиня “Войны и Мира”» [Там же. С. 96].

Наталия Курбатова поразила романтического юношу не только своей внешностью, но и одухотворенностью, богатым внутренним миром. Именно от нее Николай Анциферов ждал ответов на вечные вопросы о Добре и Зле, о Вере, и, конечно, о Любви. «Она неведомо для себя открыла мне тот путь любви, который привел меня к моей Тане» <Оберучевой, которая стала женой Н. П. Анциферова в 1914 г. — ОЛК> [Там же. Рукописный вариант]. Сама Наталия писала в своем дневнике (17 июля 1905 г.) о «брате Коле»: «славный, веселый характер и глубокое, сильное искание правды жизни». Особенно сблизило молодых людей совместное «хождение в народ» — занятия с крестьянскими детьми в курбатовском имении «Барановка» в Рязанской губернии. Через много лет известный ученый и писатель пишет: «оглядываясь на пройденную жизнь, могу сказать, что тогда действительно для меня началась новая жизнь, основам которой я хотел быть всегда верен» [Там же. С. 96].

Все получилось так, как завещал отец — его родственная привязанность к кухне перешла и в следующее поколение, нежная дружба между Николаем Павловичем и его троюродными братьями и сестрами, возникшая в юности, сохранилась до конца их дней. «Я был влюблен во всех Курбатовых сразу, как Васька Денисов в семью Ростовых... Добрый, застенчивый, мешковатый

Митя, студент-технолог, напоминал мне Пьера, а красивый, шумный, жизнерадостный Коля, студент-агроном, любимец семьи, казался похожим на Николая» [Там же. С. 97].

По завершении работы И. И. Курбатова в Павловской больнице семья Курбатовых переехала в квартиру на Большой Полянке, где Н. П. Анциферов, несомненно, неоднократно бывал.

Квартира Курбатовых на ул. Б. Полянка 75, кв. 3.

В этой квартире Курбатовы жили года три-четыре (1906–1910?). Здесь Н. П. Анциферов бывал, приезжая в Москву в 1906, 1908 и 1910 гг., особенно длительно — в 1908 г. После провала Коли Анциферова на выпускных экзаменах в киевской гимназии мать и сын Анциферовы «скитались» «по трем столицам» — между Петербургом, Москвой и Киевом. Всю осень 1908 г. они прожили в Москве, в номерах Гунста в Хрущевском переулке (здание для меблированных комнат построено архитектором А. О. Гунстом в 1900 г. на углу Староконюшенного и Хрущевского переулков, на той стороне участка, которая выходит в Хрущевский переулок. По воспоминаниям, в меблированные комнаты пускали по знакомству и в основном учителей, врачей, юристов. В них часто останавливался И. А. Бунин. [http://rumagic.com/ru_zar/religion/muromtseva-bunina/0/j179.html]). Николай Павлович часто виделся с Курбатовыми и Фортунатовыми. С кузиной Наташей посещали Третьяковскую галерею, гуляли по Воробьевым горам [Анциферов, 1992. С. 135].

После переезда в Москву из Ленинграда в 1933 г. Н. П. Анциферов вновь оказался в Замоскворечье, где первое время снимал квартиру по адресу:

Пятницкая ул., д. 28, кв. 2

Этот адрес указан 2 декабря 1933 г. в редакционных документах издательства «Academia», с которым Н. П. Анциферов заключил договор о подготовке книги «Герцен в воспоминаниях современников» [Московская, 2010. С. 52]. Судя по материалам Моспроекта («Историко-архитектурное обследование г. Москвы. Район Якиманский. Квартал № 397». 1989 г.), это «Дом причта», входивший в ансамбль Церкви Сщмч. Климента Папы Римского (Комплекс застройки приходской церкви с храмом XVIII–XIX вв.). Дом этот, возведенный в 1880-е годы, был надстроен до пяти этажей в 1930-е годы. В настоящее время предлагаемый статус дома — «Объект историко-градостроительной среды».

Совсем рядом, в квартире, знакомой Николаю Павловичу с дореволюционных времен, жили Курбатовы.

Курбатовская квартира на Валовой ул. (угол Пятницкой), д. 32/75. Современный адрес: ул. Валовая д. 32, кв. 4

Курбатовы поселились в этой квартире примерно в 1910 г., и последняя из Курбатовых (Христина Ивановна) умерла в ней в 1963 г. Я не знаю, арен-

довали ли Курбатовы квартиру в этом доме до революции или владели ей. Из воспоминаний Н. И. Курбатовой:

Г. через два-три <после переезда в квартиру на Полянке — ОЛК> нашлась квартира более поместительная, на Вальной улице, где мы и живем сейчас до сих пор. В ней и кончилась прежняя семейная жизнь Курбатовых.

Папин кабинет был здесь большая светлая комната в три окна. В ней стоял рояль, у стены налево от двери — его большой турецкий диван: по другую сторону печки — его прекрасный письменный стол, над ним на стене большая фотография — группа студентов-медиков его выпуска. Папа очень любил эту группу. На маленьком столе у печки — знакомая лампа с белым колпаком. У стены — книжный шкаф с его библиотекой книг по медицине, большей частью на французском и немецком языках. На этом шкафу — большая картина маслом, написанная на стекле: Богоматерь с младенцем, нерусского типа, с четками в руках. На столе — книги, газеты. На полу — большой персидский ковер, подарок хорошей знакомой.

Рядом с кабинетом была спальня, где стояли кровати родителей, большое зеркало в простенке между окнами и у стены налево — мамин столик, за которым она писала письма и работала.

Столовая помещалась в другой комнате. У нас были также отдельные комнаты. Одна из них, самая большая, в три окна на двор, называлась «молодецкая», в ней жили три брата. Постепенно семья уменьшалась, окончившие курс братья уезжали из Москвы. Сестры вышли замуж и тоже уехали» [Курбатова, 1958. С. 33–34].

Следует добавить, что Иван Ильич умер в 1923 г., Антонина Николаевна — в 1927 г., и в квартире остались две их незамужние дочери — Наталия и Христина. После революции их «уплотнили», квартира стала коммунальной. В начале 1960-х годов автор этих строк навещала вместе с родителями старушек Наталью Ивановну и Христину Ивановну, которые занимали две комнатки в этой большой коммунальной квартире. Комнатки были узкие, как пеналы, но с высокими потолками, по остаткам лепнины на потолке можно было судить, что они образовались в результате разделения большой комнаты на части (у нас в семье это называлось «тетки в норках»). Квартира была на третьем этаже (вход через подъезд со стороны Пятницкой ул.); на первом этаже располагалась булочная, на втором — пункт охраны общественного порядка.

В этой квартире Николай Павлович был частым гостем во все времена, а в 1933 г., после освобождения из Белбалтлага и переезда в Москву и до своей женитьбы на С. А. Гарелиной, какое-то время жил у своих кузин Наталии и Христины.

Вспоминая зиму 1933–34 годов, Н. П. Анциферов пишет жене (Д. 142. Письма Гарелиной С. А., первая половина 1939 г. Письмо от 23.01.39. Любезно предоставлено Д. С. Московской) из нового заключения (Уссурийский лагерь, 1939 г.), что тогда «почувствовал себя погруженным в атмосферу московской

жизни. <...> Ведь это было подобием моей второй молодости. Пятницкая — дом из потемневшего красного кирпича — против церкви в стиле барокко, видной из окна моей маленькой студенческой комнатки. Я выходил на улицы Москвы и наслаждался чувством свободы. Жизнь вновь разворачивалась передо мною. Я шел, и, казалось, земля гудит под ногами. Столько сил, столько бодрости чувствовал в себе, несмотря на тяжкий груз последних лет. И вновь казалось новым все ощущение бытия». А наряду с этим — приступы тоски о былой жизни, о доме, об умерших, и мрак одиночества среди даже друзей. Чувство одиночества и боль утрат обострились после встречи Н. П. Анциферова с братьями Фортунатовыми, которые все были со своими женами: «Я ушел от них в мрак зимней ночи, когда так крутил снег над сугробами, и так жутко гудела черная вода под Москворецким мостом. Я шел пешком. И этот мрак, эта вьюга — звали меня идти из жизни. И я тогда не понимал, что ведь это был зов жизни, что это одиночество — так жгуче трагичное — вело меня к тебе. Загроможденная ящиками, красками, эскизами комната Наташи и такая чистая, убранная комната Христи. Их всегдашняя ласка, забота, участие. Все это было, было. И снова я один в своей комнате на Пятницкой — тома Герцена на столе, стульях, на полу. Начало работы — “Герцен в отзывах современников”. Вспоминал Румянцевский дворец — библиотеку Ленина. Как оттуда тянуло на Арбатскую площадь, там мимо памятника Гоголю — к дому на Б. Афанасьевском».

Бывают странные сближенья... В 1990-е годы в московских газетах стали появляться материалы, посвященные Д. Д. Васильеву, лидеру приснопамятной организации «Память» (Народно-Патриотический Фронт «Память»). В своих интервью Дим Димыч (так его называли журналисты) всегда с большой теплотой и даже с благодарностью поминал Курбатовых и Николая Павловича Анциферова, которые «дали ему образование, равное трем университетам». Будучи заинтригованной упоминанием наших родных в таком неожиданном контексте, я стала собирать вырезки из газет с разными статьями о Д. Д. Васильеве, одна из которых начиналась так: «В особняк графа Курбатова на Добрынинской площади <...> ночная бригада “МК” прибыла в гости к лидеру общества “Память” Дмитрию Васильеву» [«Памятники», ленинцы и первенец «МК», 1993. С. 2]. Замечу, что Курбатовы были дворянами, но не принадлежали к титулованному дворянству, и дом на углу Пятницкой и Вальной улиц, который и особняком назвать трудно (большое трехэтажное здание — доходный дом), до революции им не принадлежал. Из газетных материалов стало понятно, что теперь в этом «особняке» проживает Д. Д. Васильев. Не могу сказать, что эта ситуация меня обрадовала. Когда количество материалов стало «критическим», я решила позвонить. На другом конце провода прозвучало радост-

ное изумление — Дим Димыч, оказывается, оставлял нам записки на могиле Курбатовых на Ваганьковском кладбище в надежде кого-нибудь из Курбатовых разыскать. Выяснилось, что он вырос в этой квартире и действительно хорошо знал моих родственников. «Мне в жизни повезло. Меня воспитывали Курбатовы, очень известный дворянский род. <...> Когда-то все эти семь комнат принадлежали Курбатовым. А затем советская власть устроила здесь коммуналку на 30 человек. Спина к спине. Жуть что творилось. Потом постепенно жильцы стали выезжать в новые квартиры, а я не захотел. Ностальгия у меня по этому дому. Тут прошла вся моя жизнь. Когда-то мы восьмером ютились в угловой комнатке на 17-и метрах. Спали на полу, на столе. Сам я и сейчас живу в 14-метровой комнате, остальное — общественное помещение фронта. Здесь и штаб, и редакция нашей газеты, и радиостанция» [Ванденко, 1992. С. 1–2]. «Своим воспитанием я обязан древнему роду Курбатовых, а точнее — Николаю Павловичу Анциферову — писателю, просидевшему 27 лет в лагерях. Все знания в меня были заложены только им. Он успешно занимался со мной литературой, лексикой, риторикой» [Руга, 1991. С. 2].

Мы посетили квартиру втроем — моя двоюродная тетка Галина Александровна Богданова (дочь Татьяны Ивановны Курбатовой), приехавшая к нам в гости из Одессы, троюродный брат Дмитрий Эдуардович Подаревский (внук Дмитрия Ивановича Курбатова) и я. Мы с Митей бывали в этой квартире детьми, а Г. А. Богданова какое-то время, в 1950-е годы, во время подготовки к защите диссертации в Московском педагогическом институте иностранных языков, жила здесь у своих теток Наталии и Христины. За нами был прислан хороший автомобиль с водителем, одетым в черную рубашку. Хозяин принял нас очень радушно. Показал комнаты, где жили Наталья Ивановна и Христина Ивановна, заверив, что он сохранил все так, как было при них — показал «вазочку Христины Ивановны», «чашечку Натальи Ивановны», иконы — и сказал, что все это по праву наше и что мы можем в любое время жить в этой квартире. В частности, предложил тете Гале остановиться у него, а для передвижения по городу и поездок в Третьяковскую галерею и другие музеи выделил автомобиль (все-таки ей уже было за 80).

Следует сказать, что Дмитрий Васильев не произвел на нас впечатления «кровожадного экстремиста», скорее ощущалась некая «театральность» — недаром он был актером по образованию — в его облике, манерах, жилище, где стены были увешаны портретами царской семьи, иконами и работами самого Васильева, а у входа дежурили чернорубашечные охранники. Но по крайней мере, в его рассказах о Николае Павловиче и его кузенах и кузинах Курбатовых звучали неподдельная теплота и искренность. Мы договорились о дальнейшем общении, но эта единственная встреча оказалось и последней — в июле 2003 г. Дмитрий Васильев скончался в возрасте 58 лет.

Миф о том, что Николай Павлович Анциферов дал Д. Д. Васильеву «образование, равное трем университетам», и об «особняке графа Курбатова» очень устойчив. Популярная Википедия в статье, посвященной Дмитрию Васильеву, в разделе «Биографические легенды» содержит отдельный абзац с отсылкой на Николая Павловича:

Отношения с Анциферовым. Своим воспитанием, по его словам, Васильев обязан писателю Николаю Павловичу Анциферову (1889–1958) из дворянского рода Курбатовых, автору книги «Петербург Достоевского», многолетнему узнику советских лагерей, который якобы «знал историю его происхождения» и дал ему «прекрасное образование» [<https://ru.wikipedia.org/wiki/>].

Что касается «образования, равного трем университетам» — это явное преувеличение, поскольку на дату смерти Н. П. Анциферова Дмитрию Васильеву было всего 13 лет. Конечно, можно представить, что бездетные старушки Наталья Ивановна и Христина Ивановна, имевшие, помимо гимназического, еще и высшее гуманитарное образование, могли уделять соседскому мальчику много времени и способствовать его культурному развитию.

Дом на углу Вальной и Пятницкой сохранился, но в настоящее время (2015 г.) находится на реставрации, жильцы выселены. Согласно документам Моспроекта (работа «Историко-архитектурное обследование центра Москвы. Замоскворечье. Квартал № 390», Моспроект-2. Мастерская № 17. М., 1995 г.), наименование объекта: «Доходный дом с магазинами, 1864, 1881, 1905, 1910 гг., архитекторы С. Е. Антонов, А. И. Покровский, реконструкция 1997 г.». Предлагаемый статус дома — «Исторически-ценный градоформирующий объект. Среднемасштабный жилой и торговый доходный комплекс второй половины XIX века». Характеристиками дома, обосновывающими необходимость его сохранения, являются ценный фасад (архитектурное оформление фасадов в приемах «классики») и то, что здание формирует угол квартала.

Завершая этот очерк, автор отдает себе отчет в том, что из всех московских адресов, связанных с памятью Н. П. Анциферова, «пальма первенства» принадлежит Арбату — в Большом Афанасьевском переулке он прожил более 20 лет, и там была «своя жилплощадь». Но все же замоскворецкий итинерарий тоже важен, поскольку вмещает огромный период времени — от 1903 г. до 1958 г. — т. е. почти всю сознательную жизнь Николая Павловича. При этом курбатовская квартира на пересечении улиц Вальная и Пятницкая была самым «долгим» его адресом — он бывал здесь на протяжении почти полувека — с 1910 г. и до своей кончины в 1958 г. И прощание с Николаем Павловичем — гражданская панихида — тоже было в Замоскворечье — на Якиманке, в помещении Литературного музея. Задумываясь об увековечивании памя-

ти ученого и писателя «на местности», не лишним будет обратить внимание на представленные в нашей статье памятные места в Замоскворечье.

Список литературы и источников

Анциферов Н. П. Из дум о былом. Воспоминания. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. 512 с. (Анциферов Н. П. Память в борьбе со временем (Из дум о былом); ч. 4. Рукописный вариант мемуаров).

Ванденко, Андрей. Дмитрий Васильев: что-то с «памятью» моей стало // Новый Взгляд. 1992. № 28. С. 1–2.

Барфоломеев Л. А., Курбатова О. Л. Родственные и духовные связи Н. П. Анциферова с исторической родиной — Архангельском // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего. По материалам междунар. науч. конф. «Первые московские Анциферовские чтения». Москва, 25–27 сентября 2012 г. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 436–441.

Курбатов И. И. Воспоминания Ивана Ильича Курбатова, доктора медицины (1846–1923) [Рукопись]. Т. 2. С. 355–439.

Курбатова Н. И. Записи о моей жизни (рукопись). 165 с.

Курбатова О. Л., Анциферов М. С. Северные корни нашей родословной // Знаменитые люди Севера: от М. В. Ломоносова до наших дней: матер. междунар. науч. конф., посвященной 295-летию со дня рождения великого русского ученого М. В. Ломоносова (1711–1765 гг.). 31 окт. — 2 нояб. 2006 г. Архангельск, 2006. С. 38–41.

Мирский М. Б. Хирургия от древности до современности. Очерки истории. М.: Наука, 2000. С. 592–596.

Московская Д. С. Николай Павлович Анциферов:– арбатский период жизни // Арбатский архив: Историко-краеведческий альманах. Выпуск II. М.: Наука, 2009. С. 496–506.

Московская Д. С. Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 432 с.

Никольский, Андрей. Ваганьковское мемориальное кладбище: иллюстрир. путеводитель-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЗАО «Техмодуль», 2009. С. 6.

«Памятники», ленинцы и первенец «МК» // Московский комсомолец. 7 августа 1993 г. № 150 (14.655). С. 2.

Руга, Владимир. Час «Памяти» // Московский комсомолец. 14 августа 1991 г. С. 2.

Сайт ГКБ № 4: <http://www.4-городская-больница.рф>.

<http://medportal.ru/mednovosti/main/2014/06/20/4724gkb/?picnum=5#gallery>

https://ru.wikipedia.org/wiki/Васильев,_Дмитрий_Дмитриевич

А. Л. Головцов, Н. В. Михайлова

Головцов Александр Леонтьевич, кандидат технических наук, писатель-краевед. Киев (Украина); golovtsov@meta.ua

Михайлова Наталия Владимировна, старший библиотекарь. Умань (Украина); mikhailova.nat@yandex.ua

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ ОБЕРУЧЕВ — ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, ПИСАТЕЛЬ, ИСТОРИК

Аннотация

Описывается жизненный путь, общественно-политическая деятельность, литературное творчество исторического, краеведческого, военно-артиллерийского направлений Константина Михайловича Оберучева, дяди Татьяны Николаевны Оберучевой-Анциферовой.

Ключевые слова

Оберучев, теория артиллерийской стрельбы, народничество, Туркестанский край, Шевченко, Киев, Умань, события 1917 г., эмиграция

Для реконструкции биографии и мировоззрения К. М. Оберучева в этой статье были использованы его мемуары: К. М. Оберучев. Воспоминания. В двух частях. Издание Группы Почитателей; Памяти К. М. Оберучева. Нью-Йорк, 1930; К. М. Оберучев. К биографии Т. Г. Шевченко. «Киевская старина», 1900, № 2; К. Оберучев. В дни революции. Воспоминания участника Великой Русской Революции. Нью-Йорк, 1919; К. М. Оберучев. Офицеры в Русской Революции. Издание «Первого Русского Издательства в Америке». Нью-Йорк, 1918, — а также сведения из неопубликованной части воспоминаний Н. П. Анциферова из семейного архива М. С. Анциферова, в настоящее время готовящихся к изданию в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

Как утверждают специалисты по ономастике, происхождением своим фамилия Оберучев обязана носителям прозвища Оберуч, коим предки наши награждали людей, одинаково ловко владевшими обеими руками. В духе такого толкования, расширенного до интеллектуальной неординарности характеризуемого человека, Константин Михайлович Оберучев являл собой воистину замечательную личность, заметно проявившую себя как общественный деятель, писатель, историк. По образованию Константин Михайлович был ученым офицером-артиллеристом, чьи работы пользовались общеевропейской

известностью. В ранней юности — в восьмидесятих годах девятнадцатого столетия — он примкнул к русскому революционному движению и под социалистическим знаменем шел и боролся всю свою жизнь, пройдя неизбежный для своего времени стаж тюрьмы, ссылки и изгнания, занял в зрелом возрасте, после победы Февральской революции семнадцатого года, пост командующего войсками Киевского военного округа. Обладая несомненным даром пера, он, в пору своей военной службы (фактически — ссылки) в Закаспийском крае, посетил и описал места пребывания там Тараса Григорьевича Шевченко. В революционные дни подготовил несколько работ, ставшие ценными историческими источниками сведений о событиях тех бурных дней. Позже, оказавшись в эмиграции, в Америке, написал фундаментальные воспоминания, посвященные революционным дням в Киеве.

Константин Михайлович Оберучев родился 4 июня 1864 г. в Туркестане, в форте Перовском (ныне город Кзыл-Орда в независимом государстве Казахстан), где служил царю и отечеству его отец, полковник русской армии. Женой полковника была дочь румынского боярина Карпа, по имени Калипсо, которую ее будущий муж, Михаил Оберучев, вывез из турецкого похода. Был Константин третьим ребенком в семье (и последышем); кроме него у супругов Оберучевых были еще сын Николай, родившийся 23 марта 1861 г., и дочь Софья, заметно старше двух братьев. О ней — в пору совместной жизни в Киеве — с благодарностью пишет в своих «Воспоминаниях» ее младший брат: «Говоря о влиянии в семье, я должен отметить, что первым моим учителем была моя старшая сестра. Девушка семидесятих годов, стремившаяся стать народной учительницей, мечтавшая о самостоятельной жизни и деятельности, она хотела уехать в далекий Туркестан, но почувствовавшая, как тяжело это отзовется на родителях, она осталась дома и отдалась обучению детей тут же в Киеве, обучению не для заработка, а исключительно для удовлетворения своей потребности быть полезной. Учила она и меня к вступительным экзаменам в военную гимназию, и она-то заложила во мне стремление к знанию, и желание не поверхностно, а серьезно изучать те предметы, которые приходится изучать. Она сделала из меня прилежного ученика. Но этого мало. Находясь под влиянием веяний того времени, она внушила мне любовь к “меньшему, страдающему брату”. И это ее влияние осталось на всю жизнь».

В гимназическом и высшем военном образовании младший Оберучев следовал за старшим братом, Николаем — с разницей в три года — тем же образовательным путем. В 1879 г. Николай Оберучев окончил Владимирскую гимназию и продолжил обучение в Третьем военном Александровском училище (в Москве) и был выпущен с прикомандированием к лейб-гвардии Литовскому полку. Пройдя весь послужной путь от подпоручика до подполковника, он в 1900 г. (несколько месяцев) исполнял обязанности наставника в Киевском

Владимирском кадетском корпусе, после чего был переведен в 166-й пехотный Ровенский полк; участвовал в русско-японской войне, получил звание полковника.

Константин Оберучев по примеру брата среднее образование получил также во Владимирской военной гимназии (другое название — Киевский кадетский корпус). Его гимназические годы пришлись на время начала «хождения в народ» русской интеллигенции, и теме этой посвящены начальные страницы его «Воспоминаний». За получением высшего образования по решению родителей он был отправлен, в 1881 г., в Петербург, в Михайловское артиллерийское училище. Это высшее военное учебное заведение было создано в 1820 г. младшим сыном императора Павла I, великим князем Михаилом Павловичем. Училище имело целью подготовку офицеров для службы в строевых частях артиллерии, а также послужило подготовительным заведением для будущей Михайловской академии.

Идеи народничества, которыми Константин Оберучев увлекся еще в гимназические годы, ко времени его учебы продолжали владеть им, не став, впрочем, руководством к серьезным действиям. «Начало восьмидесятых годов известно в истории русского освободительного движения как время усиленного вовлечения в политику военных. Мне лично не пришлось примкнуть к такой военно-революционной организации. Я знал и был близок со многими членами этой организации в нашем училище, но сам как-то не был вовлечен в это течение.»

По окончании училища в 1884 г. молодой поручик Константин Оберучев, так хотевший вернуться в Киев, получил, однако, назначение в город Литин, что неподалеку от Винницы, где он был назначен заведовать батареейной школой. В эту пору службы большая семья Оберучевых понесла тяжелую утрату — в 1885 г., в возрасте 72 лет, скончался ее глава, полковник Николай Оберучев.

После первых двух лет воинской службы Константин Оберучев поступил, в 1886 г., в Михайловскую Артиллерийскую Академию, готовившую военных инженеров-технологов. «Начало восьмидесятых годов известно в истории русского освободительного движения как время усиленного вовлечения в политику военных. С одной стороны, правительство стремилось проводить определенно реакционную политику и привлекать к ней офицерство, с другой — оппозиционные и революционные группировки ставили перед военными вопросы их гражданского долга.

Еще юношами слышали мы имена офицеров в рядах революционеров. Но если не считать декабристов, большинство офицеров, сочувствовавших и примыкавших к революционному движению, участвовали в таковом не как офицеры, а обычно оставляли военную службу с тем, чтобы войти в революционные группировки. Так было, например, с офицерами-народниками,

которые, раз решили идти в народ, снимали офицерский мундир и шли дровосеками, рабочими и т. п.

“Народная воля”, решив, что правительство могло быть свергнуто только силой, обратила свое внимание на армию и стремилась привлечь ее на свою сторону. Она пришла к мысли о необходимости создания военно-революционных организаций в рядах войсковых частей, и в эти организации входили исключительно офицеры.

К 1881 г. уже были оформлены программа и тактика “Военно-революционных организаций” и таковые начинали создаваться в разных частях войск и объединялись вокруг одного центра под руководством Исполнительного Комитета Партии.»

В Петербурге в это время организационной работой среди военной молодежи, офицеров гвардейских полков, юнкеров и офицеров академии занимались Николай Александрович Рубакин и Надежда Ивановна Игнатьева (впоследствии — его жена). Окончивший Петербургский университет, прошедший курс обучения одновременно на трех факультетах (естественном, историко-филологическом и юридическом), Николай Александрович посвятил себя идейной издательско-библиотечной деятельности, составлявшей одну из наиболее характерных черт русского народолюбия конца девятнадцатого века (и на поприще этом достиг выдающихся результатов). С ним общался по делам народническим Константин Оберучев. «Оба они работали среди рабочих Петербурга, и оба они также были заняты работой среди военных. Эта последняя свела меня с ними. Они оба, обыкновенно порознь, а не вместе — заходили ко мне в комнату на Шпалерной, где я жил в годы своей академической жизни, и вели долгие беседы о путях революции и о необходимости вовлечения армии в революционную борьбу, без чего никакая революция немыслима. Частенько и я заходил и к Надежде Ивановне, и к Николаю Александровичу, то поделиться своими мыслями и наблюдениями, то на конспиративные свидания.»

В первые годы своего пребывания в Академии, сочувствуя революционным методам преобразования общества, слушатель Оберучев тем не менее не вступал ни в какую революционную связь ни с какими группами, хотя пользовался значительным доверием в революционных кругах; ему доверялись некоторые партийные и групповые тайны. Знал он о существовании специального паспортного бюро, которое могло снабдить его паспортом при необходимости выехать за границу.

В это время Константин Оберучев обвенчался с девушкой, его соратницей по подпольной деятельности, звали ее Ольгой Федоровной. После окончания им Академии, по распределению, молодая семья уехала в Киев. «Я приехал в Киев в начале июня месяца, и мы вместе с женой остановились у моих род-

ных. Она жила там все лето, и я отправился в лагери, а затем на маневры, на большие маневры в район Ровно, которые закончились большим парадом войск перед Александром III.» Продолжившиеся в Киеве занятия народничеством привели к аресту Оберучева летом 1889 г. и отправке его в Петербург. Здесь жандармские власти обвинили его в работе по возрождению революционной организации, арестовали и посадили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. В начале 1890 г. Константин Михайлович был освобожден из временного заключения и до принятия решения по нему отправлен в Киев, где его ждала жена и родившийся (во время заключения отца) сын Михаил. Молодые супруги намеревались уехать от родных, снять квартиру подальше от городского центра, но тому не судилось быть. «В половине октября, или начале ноября, я получаю повестку прибыть в качестве свидетеля на процесс Софьи Михайловны Гинсбург. Этот вызов был сделан мне и другим освобожденным раньше товарищам-офицерам по просьбе нашего сотоварища, единственного оказавшегося на скамье подсудимых вместе с Гинсбург, — поручика Петра Георгиевича Душевского.

Софья Михайловна Гинсбург вскоре была перевезена в Шлиссельбургскую крепость и посажена в одиночную камеру в старой тюрьме. Там она очень скоро покончила самоубийством, не выдержав тюремного режима и не дождавшись перевода в новую, где сидели уже многие политические заключенные.

Уже в 1906 г., после первой революции, когда двери Шлиссельбургской тюрьмы были открыты, мне удалось посетить тюрьму, и там жандармы, служившие нашими проводниками, показали нам камеру, где сожгла себя Софья Михайловна Гинсбург.»

В Киеве Оберучеву довелось послужить недолго. В ноябре или декабре 1889 г. ему было объявлено Высочайшее повеление о переводе на службу в Туркестанский Военный Округ с отдачей под надзор местной полиции и начальству. Во исполнение его в апреле 1891 г. — с женой с восьмимесячным ребенком — Константин Михайлович Оберучев убыл по новому месту службы, совершив долгое путешествие через всю страну, через Туркестан, в далекий Новый Маргелан. «Служба в Туркестане протекала спокойно, так как там не было в то время жандармов. Тут же началась моя деятельность литературная. В 1896 г. был командирован в Офицерскую Артиллерийскую школу, которую окончил, возвратился в Асхабад, а в 1893 г. был назначен командиром батареи 5-й резервной артиллерийской бригады в Вознесенск. Там пришлось принять участие в помощи голодающему населению окрестных деревень. Офицеры внесли пожертвования деньгами, солдаты уделяли ежедневно часть хлебного пайка. Кроме того, воззвания, посланные мною в разные газеты, дали приток пожертвований. На эти средства были открыты столовые, в которых получали пищу нуждающиеся.»

Служа в Вознесенске, Оберучев вновь, в 1899 г., побывал в Туркестанском крае и впечатления от этой — ставшей краеведческой — поездки изложил в журнале «Киевская старина» за 1900 год: «4-го мая 1899 г. я приехал случайно в Форт-Александровск, бывшее укрепление Ново-Петровское, место ссылки Т. Г. Шевченка. Более 40 лет прошло с тех пор, как уехал отсюда Т. Г., но место это представляет и донныне такой же безотрадный уголок, каким изобразил его много лет тому назад сам Шевченко». Пообщавшись со старожилками, помнившими великого украинца, пересмотрев множество архивных документов, Оберучев, в заключение, рассказал о высаженном поэтом в маловодной степи саде: «Сад этот, являясь лучшим памятником пребывания здесь Шевченка, надо полагать, не погибнет: личный интерес служащих в форте заставит поддержать и сохранить его, и надо надеяться, что все будет сделано для того, чтобы он не погиб». Офицерская артиллерийская школа стрельбы, в которой повышал военную квалификацию офицер Оберучев, находилась в Царском Селе и готовила командиров артиллерийских батарей. Курс обучения в школе составлял семь месяцев; самая большая заслуга школы заключалась в разработке и практическом внедрении стрельбы с закрытых огневых позиций. «В 1904 г. я был назначен начальником киевского полигона. Моя мечта быть в Киеве прочно осуществилась, отчасти благодаря тому, что, будучи в офицерской артиллерийской школе, я выработал прием наводки батареи по невидимой цели, прием, который был введен в уставы как «метод подполковника Оберучева»».

Пребывание Оберучева в Киеве совпало с подъемом общественного движения, закончившегося манифестом 17 октября 1905 г. и учреждением Думы. В это время он принимал участие в работе Киевского Комитета Грамотности. Заколотобродила и молодежь, прошли родительские собрания (в том числе в школе, где обучался сын Оберучева) для выяснения отношений между учащимися и начальством. Речи подполковника Оберучева на этих собраниях не понравились командующему войсками округа генералу Сухомлинову, и он отправил в столицу, великому князю Сергею Михайловичу, который командовал всей артиллерией, депешу о непредставлении к званию полковника Оберучева, которое должно было состояться в очередном порядке. Великий князь посоветовал Оберучеву на время сменить место службы, что тот и сделал. Он поменялся местами с начальником туркестанского полигона, переехал в Ташкент, где пробыл все время выборов во Вторую Государственную Думу, наблюдая, как таковые происходят в Туркестане.

На юге Константин Михайлович стал корреспондентом социалистической газеты, публикации в которой подписывал своим именем, чем привел в изумление сотрудников издания. В то же самое время он посылал свои статьи под псевдонимом «Военный» в издававшуюся в Петербурге газету «Сын Отече-

ства»; под этим же псевдонимом печатался в газете «Асхабад». В Туркестане у Оберучева зародилась мысль оставить военную службу, пребывание на которой требовало от него все больше и больше компромиссов, на которые он не был склонен. Приехав в конце 1905 г. в Киев, он подал прошение об отставке.

В эту пору, сойдясь ближе с революционными группировками, Константин Михайлович получил от киевских служивых предложение ехать в Москву, на съезд военных, примыкавших к партии социал-революционеров. Поездке помешала ведшаяся за Оберучевым слежка (тем более, что в организации этого съезда деятельное участие принимал, как вскоре выяснилось, провокатор Азеф). В Киеве Оберучев начал работать в газете «Киевская мысль», где главный контингент сотрудников составляли социал-демократы; одновременно он давал статьи в «Артиллерийский журнал», в «Военный Сборник». В конце 1907 г. редакция «Киевской мысли» командировала Оберучева в Петербург на процесс генерала Стесселя, судившегося за сдачу Порт-Артура. Из Петербурга Константин Михайлович посылал телеграммы и корреспонденции в «Киевскую» мысль, а также передавал сведения по телефону издававшейся в Москве газете «Заря». Жандармское преследование Оберучева закончилось арестом последнего летом 1909 г., но на последовавшем так называемом процессе «Военно-революционных организаций в войсках 12 армейского корпуса» он был оправдан.

По завершении этого процесса Оберучев поехал в Петербург, где получил приглашение в сенаторскую ревизию Гагарина в качестве эксперта по артиллерийским вопросам. В ней он проработал несколько месяцев, после чего вернулся в Киев к своему литературному труду и конспиративным отношениям.

В августе 1913 г. в Киеве состоялся 2-ой кооперативный съезд. Оберучев был в числе основных его докладчиков. По завершении съезда он получил приглашение на съезд Московского Союза Потребительских Обществ, решавший вопросы культурно-просветительской деятельности кооперации. Ехал Константин Михайлович через Петербург, где встретился со старым народником, участником знаменитого «процесса 193», Всеволодом Александровичем Лопатиным.

Это посещение стало роковым для Оберучева. Ведомый — из Питера до Москвы — шпиками, он, приехав в первопрестольную, переночевал у приятеля, не успевшего (из-за позднего времени) заявить о приезде друге в полицию. Утром киевский гость был арестован жандармами, отвезен в Петербург и помещен в дом предварительного заключения, на Шпалерной, где пробыл до Рождества. Далее Константин Михайлович был освобожден до решения вопроса «в административном порядке» и с обязательством выехать в Киев, что он и сделал.

Через месяц пришло распоряжение о высылке подполковника Оберучева в Олонецкую губернию на три года. Вмешавшиеся друзья его «вошли в сношения» с Министерством Внутренних Дел и добились замены высылки на возможность выезда за границу на тот же срок. В начале марта Константин Михайлович выехал в Швейцарию, где поселилась в городе Лозанне.

Проживая в Швейцарии, Оберучев продолжал сотрудничать с издательством «Гранат», с газетами «Киевская мысль», «Русские ведомости», передавая в печать описания разных сторон местной жизни, знакомился с особенностями устройства швейцарской армии. Принимал он участие в редакционных совещаниях газеты «Жизнь», издававшейся в Женеве под редакцией Виктора Михайловича Чернова, одного из лидеров эсеров; встречался с большевистскими лидерами — Лениным, Троцким, Луначарским, Пятаковым, Бухариным.

С началом мировой войны в Швейцарии усилилась политическая активность различных партийных кругов, началась полоса выступлений, рефератов их представителей. В начале августа 1914 г. в зале № 6 народного дома города Лозанны Оберучев был в числе слушателей реферата Ленина «О причинах войны». «Передо мной был Ленин, тот Ленин, о котором его почитатели отзывались с такой похвалой, восторгом и особым почитанием...

Его внешним видом я не был особенно удовлетворен. Не было ни интеллигентности в лице, ни того энтузиазма в речи, который заражает и внушает особое доверие к словам оратора.»

Доклад вождя пролетариата, указавшего на империалистическую фазу развития капитализма и особую роль в нем пролетариата, народнику и эсеру Оберучеву не понравился. Больше впечатление на него произвел Троцкий. «Не таков Троцкий. Это человек весьма гибкого ума, ловкий и искусный полемист, легко отвечавший, правда, иногда в чрезмерно грубой форме, своему оппоненту». Луначарский же не пришелся по душе Оберучеву тем, что все вопросы искусства будущей нарком просвещения рассматривал исключительно под пролетарским углом зрения.

В это время жившие в Швейцарии русские политические эмигранты организовали Комитет Помощи Военнопленным с целью сбора средств для них. Оберучев, став его деятельным участником, на свой страх и риск отправился в Соединенные Штаты для сбора средств среди живших в стране выходцев из России и в деле этом преуспел. Здесь истек трехлетний срок его вынужденного изгнания, и он решил возвратиться в Россию; на обратном пути встречался и общался с Александрой Михайловной Коллонтай, плывшей с ним на одном пароходе. Из-за атак немецких подводных лодок пароход миновал Британию и причалил в норвежском Бергене. Отсюда Оберучев отправился в Петроград и далее, к семье — в Киев, куда прибыл в начале февраля 1917 г.

Семья Константина Оберучева (вместе с его матерью и сестрой) жила на улице Гоголевской, 24. Как сообщает Николай Павлович Анциферов, «близ 37-го, на Гоголевской улице, стоял дом бабушки Оберучевых (№ 24). Это были две старушки. Одна из них — мать братьев Оберучевых, бабушка Калипсо, другая, сестра их отца — бабушка Маша. <...> В доме бабушки жила и семья К. М. Оберучева. Его жена Ольга Федоровна, смотревшая на мир глазами мужа, вместе с тем жизнерадостная, добрая, отзывчивая, целиком преданная своей семье. Ее очень любила Таня. <...> В доме бабушек было чисто, уютно и тихо. Хорошо вымытые полы, коврики, половички, большой рояль и много цветов. Большая веранда, зимой закрытая, выходила в фруктовый сад, теперь засыпанный снегом».

Неподалеку от Гоголевской улицы (и ныне так называемой), на улице Мало-Владимирской, в тридцать седьмом доме жила семья старшего брата Константина Михайловича, Николая Михайловича Оберучева, который (судя по воспоминаниям Николая Павловича Анциферова) с семьей не жил, а по указанному адресу проживала его законная супруга с тремя дочерьми — Татьяной, Анной и Людмилой.

В мемуарах своих Константин Михайлович старшему брату уделяет до обидного мало внимания — эпизод совместного баловства в детстве и «поминальный вздох» о нем у Аскольдовой могилы, мимо которой генерал Оберучев проплывал пароходом летом 1917 г. «Вот Аскольдова могила. Она темна теперь. А сколько раз я бывал на этом кладбище. Красивое оно и хорошо расположенное...

Несколько поодаль, но тоже на виду над Днепром стоит могила моего брата, убитого в эту войну.

Он был командиром полка, стоявшего далеко, в Благовещенске на Амуре. Не думало царское правительство, что придется тронуть эти дальние полки с Востока и перевести на боевой германский фронт. И прибегло оно к испытанному им в японскую кампанию очень вредному средству освобождения полков от кадров для оставления и пополнения новых боевых единиц. И взяли из полка моего брата и офицеров, и унтер-офицеров, и солдат, и перевели в другие части, а в его полк прислали новых...

И вот, не успели еще солдаты и офицеры, взятые из полка моего брата, доехать до своих мест, не успели еще вновь набранные привыкнуть к полку, как полк мобилизуют и он месяца через полтора-два после освобождения его от старых кадров отправляется на позицию. Там где-то под Праснышем в февральских боях 1915 г. был в одном из первых боев убит мой брат во время одной из атак, когда полки этой сибирской дивизии были брошены против пулеметов германцев. И не один мой брат сложил здесь без толку и без пользы свою буйную голову. Полк его, да и соседние с ним пострадали и очень пострадали.»

Вернувшись после трехлетнего отсутствия — весной 1917 г. — в Киев, Оберучев окунулся в самую гущу общественно-политической жизни. Здесь он был принят в Комитет Юго-Западного фронта, и здесь же он был в начале марта неожиданно арестован и посажен в крепость с перспективой высылки в Иркутскую губернию. Командующий войсками округа генерал Ходорович (после телеграммы комиссара Временного правительства Бубликова) исправил нелепость с арестом заслуженного эсера — выяснилось, что сработала сила политической инерции при запоздавшей информации о революции в столице. «Я пришел домой в радостные объятия ожидавшей меня семьи, а в тот же день вечером мне сообщили, что я избран в Исполнительный Комитет Совета общественных организаций, который явился новой революционной властью в Киеве. Так начались первые дни моей новой свободной жизни.»

На первом заседании этого Комитета Оберучев был избран Военным Комиссаром Киева и в должности этой, занимаясь положенными ему делами, сотрудничал с другими новыми властными структурами города — Советом рабочих депутатов и Советом офицерских депутатов войск киевского гарнизона, а также (некоторое еще время) с командующим Киевским военным округом генералом Ходоровичем. Впрочем, последнего полковник Оберучев вскоре сменил на посту командующего, получив одновременно присвоенное ему Временным правительством воинское звание генерал-майора.

Ездил Константин Михайлович на фронт, встречался там с генералами Брусиловым и Калединым, совещался с ними по актуальным военным вопросам, обсуждал возможности достойного выхода из войны. Последнюю тему новому командующему приходилось — не раз и не два — затрагивать болезненно во время частых солдатских митингов, проходивших в Киеве. В числе актуальных для Оберучева были вопросы нежелания солдат уходить на фронт, дезертирства, лечения раненых, солдатских отпусков, функционирования военных училищ и школ прапорщиков, вновь созданной милиции и прочая и прочая.

Но, что называется, «сломал зубы» генерал-майор Оберучев на попытках не допустить национализации войск, предпринятой сформировавшейся в Киеве — в первые революционные месяцы — Центральной Радой. «Трагизм положения заключался в том, что, как социалист-революционер, я являюсь сторонником самоопределения народностей, самой широкой автономии и федеративного строя будущей России.

Как человек, с раннего детства живший в Киеве, всеми фибрами души моей связанный с Украиной и имевший там среди лучших общественных деятелей Украины личных друзей, я, конечно, был сторонником самостоятельного развития Украины и вхождения ее в федерацию свободных народов России как равного члена.

И при таких условиях мне пришлось выслушивать упреки как гасителя украинского духа, противника национального развития Украины!

И все произошло от того, что я считал вредным для общего дела свободы немедленную национализацию армии, украинизацию войска.»

Проблема эта возникла уже в первые революционные дни, когда к Константину Михайловичу явились три офицера и на украинском языке пригласили его быть почетным членом только составившегося оргкомитета по формированию украинского войска. С гостями Военком обошелся весьма деликатно, посочувствовав делу будущей украинизации войска, при условии, чтобы было оно добровольческим и не привлекало в свои ряды солдат из уже действующих войск. Некоторое время тема эта открыто не звучала, пока в начале мая толпа дезертиров, покинув самовольно распределительный пункт, не хлынула на устроенный штабс-капитаном Путником-Гребенюком митинг, результатом которого стала резолюция признать их «Первым Украинским имени Гетмана Богдана Хмельницкого полком». Засим началась полоса всеукраинских войсковых съездов и отказ украинизированных солдат отправляться на фронт не под желто-голубым знаменем, а далее — и вообще участвовать в боевых действиях.

Показательны в упомянутом плане (и поныне актуальны) результаты совершенной в июне 1917 г. генералом Оберучевым инспекционной поездки во вверенные ему гарнизоны, в том числе в располагавшийся в городе Умань. «Поздно вечером приехали мы в Умань к гостинице, где был нам приготовлен номер, и где наш приезд ожидало не только военное начальство, но и большая толпа народа.

Мы вошли в свой номер. Сейчас же туда пришли начальствующие лица, а также представители как партийных, рабочих, так и военных организаций, и у нас завязалась продолжительная беседа о настроениях в Умани. Были здесь и украинские солдаты, и не солдаты, и с ними шла горячая беседа по вопросу об украинизации войска. Вопрос этот для Умани был острым в то время. Пока мы разговаривали с пришедшими в наш номер, публика на улице все прибывала и оттуда раздавались крики, упоминались наши фамилии.

Мы совсем упустили из виду, что публика уманская хотела услышать приезжих гостей — представителей новой революционной власти. Крики с улицы напоминали нам об этом, и мы вынуждены были выйти на балкон нашего номера.

Появление наше было встречено громким «ура» толпы, и когда первый порыв успокоился, я обратился с горячим призывом к собравшимся — поддержать фронт и помнить, что закрепление и благополучие дела революции в стране находится в полной зависимости от устойчивости и надежности фронта. В ответных речах раздавались уверенные голоса, что все, как один

человек, станут на защиту ныне свободной страны. И если прежде такого желания не было, то теперь оно стало всеобщим.

Днем часов в одиннадцать предполагался смотр полка.

Полк этот был больной полк. В нем остро стоял национальный вопрос, и незадолго до нашего приезда он уже фактически раскололся на две неравные части — одну большую украинскую и другую — всех других национальностей.

Украинизация полка началась еще, кажется, за месяц до того. Были по этому поводу беспорядки в полку, и украинский флаг выкинут был тогда, когда от меня пришел приказ направить на фронт маршевые роты.

Это было обычным явлением в те дни.

Но здесь вопрос стал острее, чем в других местах, потому что явился агитатор, подпоручик Ворона, который был поддержан вопреки моему указанию украинским войсковым генеральным комитетом.

Долго шла борьба по поводу разделения полка. Положение усложнилось тем, что полк был назначен для перевода из округа в состав фронтовых частей и путем сношений с фронтовым начальством войсковому комитету удалось заполучить косвенное признание прав на украинизацию.

Был отдан приказ по полку о переименовании его в украинский, подписанный временно командовавшим 9-ой запасной бригадой полковником Вяземцевым, который оказался избранным в командиры 14 украинского пехотного полка. Правда, он только один день прокомандовал этим полком и на следующий день отказался от этой чести и полком командовал подпоручик Ворона, который отдавал приказы по украинской части полка. Полковник Вяземцев вновь вступил в командование бригадой.

Появилось нечто донельзя странное. Одновременно существовало два командных состава. Представлял мне полк старый командный состав.

В назначенное время полк был собран с красными и желто-голубыми знаменами на площади перед казармами и я был встречен полком в полном порядке; обошел я весь полк, поздоровался, сделал несколько поворотов и упражнений, а затем позвал всех к холму для беседы.

Полк сразу разделился на два враждебных лагеря. С одной стороны масса украинцев и именовавших себя таковыми, с другой — все россияне.

Видно было, что национальная вражда дошла здесь до большой крайности и трудно было придти к какому-либо соглашению.

Ни мои речи, ни речи Таска в украинской части полка не находили сочувствия, наоборот, в части русской именно они встречали бурные отклики. Полных два часа мы вели беседу и иногда, казалось, удавалось прийти к какому-то соглашению. Но вдруг появился какой-нибудь украинский оратор, ставший на узко националистическую позицию и под флагом защиты Украины настаивавший на необходимости оставаться на месте и никуда не ухо-

дять, и опять крики: « Не підемо из Умани! Хай они ідут в свою Московщину! Геть!» — и т. п. были ответом на призывы всяческих Ворон.

Мы почувствовали, что здесь развал полный, что договориться здесь не удастся и закончили нашу беседу пожеланием все-таки сговориться между собой частям полка, пожеланием неосуществимым.

Мы поехали в обозно-починочную мастерскую, где выдержали большой спор по вопросу, во-первых, о взятии солдат этой мастерской, как рабочих, на учет, а во-вторых, по вопросу о восьмичасовом рабочем дне.

Еще вечером я получил две телеграммы из Киева о выступлении «полуботковцев», и посему весь день настроение было тревожное. Мы торопились кончить все дела в Умани и уехать в Киев. Мною был заказан даже специальный паровоз, который в спешном порядке должен был нас доставить назад. Мы ждали только прибытия паровоза.

Мы двинулись в путь, напутствуемые добрыми пожеланиями собравшихся и скоро, почти без остановок приехали в Киев.»

До середины сентября 1917 г. пытался генерал Оберучев бороться с украинизацией войск киевского гарнизона, за что от имени самозванного совета украинских военных получил «черную метку» как враг украинского войска и Украины с отказом исполнять его воинами приказы и распоряжения ненавистного командующего. Сия вопиющая анархия со стороны национально выраженного воинства переполнила чашу терпения Константина Михайловича, и он послал телеграфом вышестоящему начальству (в том числе главноверху Керенскому) рапорт об увольнении. После первоначального отказа от лиц начальствующих и воследовавших посылок наверх конкретных фактов неповиновения генералу Оберучеву украинизированных воинских частей просьба его была удовлетворена, и во второй половине сентября 1917 г., сдав все дела в Киеве, ставший гражданским Константин Михайлович перебрался в Петроград (и, кажется, без семьи).

Вскоре Константин Михайлович «был делегирован Исполнительным Комитетом Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов на международную конференцию по обмену военнопленными в Копенгагене. Большевистский переворот в России произошел в его отсутствие. «Хотя представители большевиков в Стокгольме, Воровский и Красин, — пишет Оберучев, — приглашали меня в Россию для занятия ответственного поста по военному ведомству, я уклонился от этой чести, не считая намеченные большевиками методы управления полезными для страны и народа».

Так начались его годы изгнания в Швеции, продолжившиеся в Американских Штатах. За океаном Константин Михайлович написал и издал две книги: «В дни революции» и «Офицеры в Русской революции», составил рукопись мемуарных «Воспоминаний». Судя по всему, эмигрировал Константин

Михайлович Оберучев в одиночестве. Известно, что его сын, Михаил Константинович Оберучев, 1889 г. рождения, учился на инженера-электрика в советском вузе, завершив высшее образование в Бельгии. Далее он трудился главным инженером Главэнерго, в Саратове, и чуть было не до смерти был репрессирован в 1930 г., но остался в живых благодаря заступничеству самого Орджоникидзе. Вообще, о делах семейных Константин Михайлович пишет очень скупо, ничего практически не сообщая о жене и ее судьбе; вскользь сообщает он о смерти своего новорожденного внука в 1919 г....

В Нью-Йорке эмигрант Оберучев большей частью работал в им учрежденном Фонде помощи русским писателям и ученым, одновременно преподавал историю в также учрежденном при его участии Русском Народном университете. Скончался он 29 сентября 1929 г. После этого печального события составившаяся в Нью-Йорке «Группа Почитателей Памяти К. М. Оберучева» обработала все писательское наследие почившего, издала — в марте 1930 г. — его «Воспоминания», предварив их добрыми словами об авторе: «В эти тяжелые годы, когда на поверхность русской жизни всплыли и над всем доминируют черты крайней жестокости и безразличия к людям, когда своеобразно понятая “любовь к дальнему” затемнила целиком любовь к живому, к конкретному, к “ближнему”, К. М. Оберучев был напоминанием того, что в глубине русской народной души живут и движутся другие, более значительные и исторически непреходящие черты. Он тоже любил человечество, и верой в его будущее было озарено его народническое, социалистическое мировоззрение. Но, вместе с тем, он любил также и тех живых, конкретных людей, которые жили вокруг него, и в свете и тепле его души грелись не только его единомышленники и друзья, но часто и те, кому его мировоззрение и подвижничество его жизни было почти чуждо...»

Д. С. Московская

Московская Дарья Сергеевна, доктор филологических наук, заведующая Отделом рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Москва, ул. Поварская, д. 25а; darya-mos@yandex.ru

ЧЕРТЫ К ПОРТРЕТУ КОНСТАНТИНА МИХАЙЛОВИЧА ОБЕРУЧЕВА (1868–1929)

Аннотация

К. М. Оберучев входил в круг ближайшего общения Н. П. Анциферова, во многом определив мировоззрение ученого и его первой жены Т. Н. Оберучевой. Публикуемая в качестве приложения развернувшаяся в кругах русской эмиграции полемика по поводу гражданской позиции К. М. Оберучева позволяет сконцентрировать внимание на личности и политических воззрениях последнего и проследить отношение к ним Анциферова. Делается попытка обосновать духовно-нравственные и историософские и философские причины верности Анциферова своим юношеским убеждениям и его мироприемлющей позиции в условиях тюрьмы и каторги.

Ключевые слова

воспоминания, переписка, Амурлаг, Тарас Шевченко, К. М. Оберучев, революция, народничество, эмиграция, демократизм, тайное общество, христианство

На 1945–1947 гг. приходится время работы Николая Павловича Анциферова над четвертой частью своих воспоминаний «В тумане утреннем». События этой части охватывают бурный революционный период российской истории с 1904 по 1908 гг., которые гимназист-Анциферов пережил, находясь поочередно в Киеве, Крыму, Ницце, имени родственников Курбатовых Барановке Рязанской губернии и снова в Киеве. Важнейшим событием, выпавшим на этот период, была встреча в канун Пасхи 1907 г. с будущей женой Татьяной Николаевной Оберучевой. История текста мемуаров показывает, что в работе над ними Анциферов в целом следовал хронологии, но более детальная разработка того или иного сюжета была связана (подготовлена) событиями внешней жизни автора. Так обстояло и с повествованием о встрече в Страстную Субботу с Татьяной Оберучевой.

В конце мая — июне 1946 г. Анциферов проводил свой летний отдых в доме творчества писателей Литфонда в Келломяки (ныне поселок Комарово в со-

ставе Курортного района г. Санкт-Петербурга), выполняя время от времени небольшие поручения В. Д. Бонч-Бруевича и работая над книгой воспоминаний. В первые дни лета произошло важное событие: Анциферов получил неожиданную и счастливую весть о благополучной судьбе дочери Татьяны, во время войны оказавшейся в немецкой оккупации. Вот как рассказала об этом событии его участница — подруга дочери Анциферова Ариадна Александровна Ладыгина (урожд. Верховская): «В двенадцати километрах от нас поселилась Лала, внучка поэта Анненского... Я как-то ее навестила. Мы ведь вместе были в Германии. <...> Как-то она была в гостях у Анны Ахматовой, и там оказался Танин папа — Николай Павлович Анциферов. Он посетовал, что ничего не знает о дочери. Лала дала мой адрес. И встреча наша состоялась. Я все подробно рассказала Николаю Павловичу о Тане, подарила фото дочери [Ладыгина, 2012. С. 45]. Сохранился фрагмент воспоминаний Анциферова об этом, едва ли не самом счастливом в его жизни дне: «Летом 1946 года я проводил отпуск в Келомяках.... Я уже знал, в Териоках работает вернувшаяся из немецкого плена Лала Анненская — внучка поэта Анненского, которая встречалась с Танюшей. <...> От Лалы я узнал, что Таня вышла замуж. Мать Лалы меня направила в соседнее Тюрисево к Верховским (тоже царскоселам) <...>. От них я узнал многое, обнадежившее меня <...> я, возвращенный к жизни спасением моей дочери; шел в Келомяки по берегу моря и слушал шум прибоя и крик чаек в белую ночь» (Анциферов Н. П. наброски. Дополнения к воспоминаниям. ОР РНБ. Ф. 27. Д. 64. Л. 35–39; разыскания И. А. Голубевой) [Московская, 2014. С. 101].

Анциферов обычно не датировал автографы мемуаров, которые были созданы в течение шестнадцати лет, с 1941 по 1957 г. И если делал исключение, то для того, чтобы подчеркнуть значимость момента написания. Так было и с автографом рассказа о покойной матери его единственного выжившего дитяти. Раздел мемуаров, посвященный событиям 1905–1908 гг., в его жизни поворотным, он подписал: «Июнь 1946 г. Келомяки. Дом творчества».

Первая глава этой части посвящена обстановке дома полковника Николая Михайловича Оберучева, в котором был образован молодежный кружок с названием по номеру дома на Малой Владимирской «№ 37». Здесь описана судьбоносная встреча и читателю впервые представлена Татьяна Оберучева. Анциферов передал основные темы споров и бесед в № 37, очертил портреты и дал психологические характеристики окружавших объект его рыцарского обожания и так или иначе формировавших мировоззрение той, которой спустя девять лет предстояло стать его женой: «Таню Оберучеву воспитали в духе позитивизма. Ее дядя, Александр Михайлович Покровский, доцент Харьковского университета, антрополог, был совершеннейший скептик; другой дядя, со стороны отца, полковник Константин Михайлович Оберучев был стойким революционером, формировавшим свое мировоззрение на Чернышевском, Добролюбовом, Михайловском» [Анциферов, 1992, С.113–129].

Благодаря няне-староверке Татьяне удалось сохранить нерушимый идеализм и отрицание революционного радикализма, последнее, возможно, благодаря позиции отца, Николая Михайловича, о котором известно, что он не походил на своего брата Константина. «Это был честный, простой, добрый человек, нежно любивший семью, но плывший по традиционному руслу военного служаки. Лишь во время революционных событий 1905 года он проявил себя по-своему. Не примкнув к революции, Николай Михайлович не захотел участвовать и в ее подавлении. Получив приказ выступить против мятежников, он сделал вид, что не понял, куда ему вести свой полк, и привел его не по назначению. Николая Михайловича любили, и он отделался каким-то незначительным дисциплинарным взысканием» [Там же. С. 116–117].

Но не политически индифферентная, в целом, позиция отца, а общественная деятельность и убеждения его младшего брата Константина Михайловича в наибольшей степени способствовали тому, что Татьяна Николаевна рано усвоила себе уважение к простому народу, народолюбие и исполненное демократизма правдоискательство. «“Русское искание правды”, — вспоминал Анциферов, — было больше всего свойственно именно ей. В своей правдивости она доходила до беспощадности, она искала истину бесстрашно. И хорила самые дорогие верования, если начинала считать их ложными» [Там же. С. 123]. О непосредственном влиянии на формирование мировоззрения Татьяны дяди говорит и дружба ее с женой К. М. Оберучева, соратницей его по революционной деятельности, и страстное желание уйти в народ, реализации которого всячески содействовал сын Константина Михайловича Миша Оберучев. Вот как об этом событии вспоминает Анциферов: «Таня хотела получить паспорт какой-нибудь мещанки и, соответственно одевшись, пойти с богомольцами по святым местам. Этот паспорт ей должна была достать революционная организация. Миша взялся это устроить» [Там же. С. 117]. От Константина Михайловича, возможно, шла и готовность Тани послужить простым людям своими знаниями, которая была во всей полноте осуществлена после Октября 1917.

Следует подчеркнуть особую роль, которую играл Миша Оберучев в тайном кружке «№ 37». Анциферов вспоминает: «Кружок состоял из реалистов, товарищей Миши, двоюродного брата трех сестер. Все эти реалисты были исключены из реального училища за участие в революционном движении 1905 — 1906 годов. <...> Кружок не ставил себе политической задачи. Его цель была — самообразование» [Там же. С. 114]. И хотя дальнейшее повествование сосредотачивается, прежде всего, на Татьяне, приведенный фрагмент ясно говорит об особом месте Михаила Оберучева в кружке юных участников революции. Есть и прямое на этот счет указание: «...Миша... скоро приедет. Этот

приезд очень волновал меня. Что привнесет он нового в наш кружок, который, в сущности, был создан по его инициативе» [цит. по конволюту из семейного архива М. С. Анциферова; сокращенный эпизод, см.: Там же. С. 125].

Мечтательному и тихому юноше Анциферову, сердечно разделявшему революционно-демократические настроения друзей, Миша Оберучев казался полной противоположностью себе. «Реалист невысокого роста, с черными глазами. Его лицо не было красиво. Волевая складка на лбу выражала сосредоточенность, и его улыбка также не меняла выражения глаз. Крепкий, мускулистый, скупастый, он казался мне юношей большой силы воли, трезвым и трудоспособным. Полным контрастом мне» [Там же. С. 114]. Сквозь всю главу проходит тема целеустремленной силы, прочности мировоззрения, бескомпромиссности кузена Татьяны: «Все мы считали Мишу самым выдающимся в нашей среде. Его ясный, трезвый ум; его ирония и шутка, его талант поэта и художника, его физическая сила и, в особенности, казалась сильной его воля, как мы думали, воля героя. Он казался живым Рахметовым («Что делать?»). <...> Миша не пил, не курил. Ну, как не Рахметов! <...> Миша не признавал вещей в себе, и, мне казалось, занимал позицию “наивного реализма”» [цит. по конволюту из семейного архива М. С. Анциферова; в сокращении см.: Там же. С. 125].

Весьма показательны для характеристики Миши Оберучева его ответы на разработанную в кружке анкету:

1) Любите ли Вы жизнь?

Люблю жизнь, потому что люблю людей

2) Отношение к смерти?

Различное в различные минуты.

3) Цель Вашей жизни?

Отказался ответить

4) В чем счастье?

В стремлении к идеалу

5) Что желаете человечеству?

Равенства

6) Отношение к браку?

В качестве идеала отрицаю. В качестве паллиатива свободной любви

7) Отношение к свободной воле?

Субъективно да, объективно нет

8) Какую вину простите?

Никакой

9) Взгляд на искусство?

Искусство для движения человечества к идеалу

10) Любимое искусство и его представители?

Музыка

11) Отношение к эротизму современной литературы?

Отрицательное

12) Любимые науки?

Социология

13) Любимые писатели?

Тургенев

14) Любимый поэт?

Лонгфелло

15) Любимые исторические личности?

Муций Сцевола

16) Любимые добродетели?

Сила воли

17) Ваш непростительный для Вас недостаток?

Присутствие эгоизма

18) Ваш любимый художник?

Нет

19) Любимый композитор?

отказ ответить

20) Кого считаете выше: женщину или мужчину?

Одинаково.

21) Ваш девиз?

22) Взгляд на историю

Равнодействующее стремление всех личностей

23) Есть ли что-либо трагическое в жизни?

В сознании крушения идеалов

24) Любимый герой?

Андрей Болконский

25) Любимая героиня?

Марьяна («Новь»)

26) Удовлетворены ли Вы?

Не могу ответить, потому что не проводил идеалов в жизнь

27) Предъявляете ли жизни какие-либо требования?

Подчинения ее моим идеалам

28) Во что Вы верите?

Отказ

[цит. по конволюту из семейного архива М. С. Анциферова; в сокращении см.: Там же. С. 425–426].

Татьяна, наряду с кузенном, несомненно, была самостоятельным центром притяжения кружка, она выполняла в нем роль «медиатора»: «Душой кружка была Таня. Она вовремя умела отвести спор от личностей, внести умиротворяющее начало. Все юноши относились к ней с особой почтительностью, даже нежностью» [цит. по конволюту из семейного архива М. С. Анциферова; сокращенный эпизод, см.: Там же. С. 123]. Татьяна была хорошим организатором

и стратегом, умеющим выработать план дальнейшего развития общества. И все же закономерен вопрос, почему центром тайного общества был избран дом юных девиц — сестер Оберучевых? Ведь Миша Оберучев жил неподалеку: «Близ 37-го, на Гоголевской улице, стоял дом бабушки Оберучевых (№ 24)» [цит. по конволюту из семейного архива М. С. Анциферова; в сокращении см.: Там же. С. 425–426]. Почему нельзя было проводить тайные встречи «кружка самообразования» здесь, у бабушек Михаила и сестер Оберучевых? Ответ, вероятно, в том, что в доме бабушки жила семья К. М. Оберучева, он сам и его жена Ольга Федоровна, «смотревшая на мир глазами мужа» [цит. по конволюту из семейного архива М. С. Анциферова; в сокращении см.: Там же. С. 425].

По всей вероятности, ответ в том, что пребывание тайного кружка в доме подполковника было небезопасным ни для его членов, отчисленных за революционные настроения реалистов, ни для хозяина дома: биография К. М. Оберучева была политически небезупречна. Сведения о ней можно почерпнуть из написанных им в эмиграции воспоминаний. Редакторское предисловие предуведомляло читателя: «...генерал-майор Константин Михайлович Оберучев, ... является выдающимся общественным деятелем, почетное имя которого должно быть занесено на почетные страницы русской Революции». Он характеризовался как один «из тех немногочисленных русских деятелей, находящихся сейчас в Америке, чьим безупречно-достойным именем русские люди в Америке могут гордиться» [Оберучев, Б/д. С. 2–3]. О Константине Ивановиче было известно, что еще в бытность свою в Артиллерийской академии он принадлежал к военно-революционной организации «Народная воля». Арестованный по делу этой организации, он был выслан в Туркестан с оставлением на службе. Служа во время революции 1905 г. в Киеве, он имел столкновение с командовавшим тогда войсками Киевского военного округа генералом Сухомлиновым (в последствии военным министром, уличенным в измене), уехал обратно в Туркестан, где и вышел в отставку. После Февральской революции военный и организационный опыт Оберучева был востребован Временным правительством [подробнее см. Головцов, наст. изд. С. 204–217]: Оберучев был назначен комиссаром Киевского военного округа, а потом его начальником. На месте службы он неизменно подчеркивал свои революционно-демократические, народнические взгляды, и, как символ этих убеждений, на почетном месте в его кабинете висел портрет Тараса Шевченко, которого Оберучев глубоко почитал. В эмиграции Оберучев оказался волей случая, еще до событий Октябрьской революции. Вот как он объясняет событие, навсегда разлучившее его с родиной и семьей: «Я случайно остановился в Швеции, возвращаясь с копенгагенской конференции по вопросу об обмене военнопленными и улучшении их быта. <...> Ехали мы с тем, чтобы

возвратиться в Россию, чтобы там добиться от Временного правительства скорейшего утверждения наших соглашений и скорее провести их в жизнь и облегчить тем самым участь обездоленных.

Но не удалось нам это. В столице России группа лиц совершила переворот. Правительство, поставленное революцией и ведшее народ и страну к Учредительному Собранию, оказалось свергнутым, и нам некому докладывать, не от кого получать санкции на осуществление того, над чем все мы работали с верой в полезность нашей работы и надеждой на самое скорое проведение ее в жизнь» [Оберучев, 1919. С. 6].

Из воспоминаний Анциферова известно, что еще до вступления в кружок № 37 он был готов к этому шагу. В ту зиму, будучи в Ницце, он поклонялся могиле Герцена, страстно искал встречи с деятелями русской революции, гордился общением с ними, глубоко осознанные демократические ценности подавили в нем зарождающееся увлечение юной красавицей, богатой наследницей, и отвратили окончательно от высшего сословия. Его духовные устремления закономерно увенчались встречей с киевскими революционерами-интеллигентами Оберучевыми. Трудно допустить, что Константин Михайлович не поделился с юношами воспоминаниями о встречах с революционерами, собственным опытом пребывания в местах заключения и в его рассказах не сказалась привязанность к идущей от декабристов, через Чернышевского, Добролюбова, Тараса Шевченко, Герцена традиции русского политического протестантизма. Революционная настроенность, связь с известными народниками и социал-демократами, опыт ссылок и заключений Оберучева сыграли решающую роль в том, что его сын встал на тот же путь и в годы реакции вместе с двоюродной сестрой создал «тайное общество», руководствующееся идеями свободы, равенства и братства. Влияние взглядов и судьбы К. М. Оберучева сказалась не только на его сыне и племяннице. Вероятно, его судьба поразила и запомнилась Анциферову. И хотя в своих воспоминаниях он, по понятным причинам, не стремился подробно писать о белогвардейском генерал-майоре, эмигранте, память о роли и месте К. М. Оберучева в его жизни не изгладилась. Оценку этой роли можно реконструировать по переписке с женой времен пребывания в третьей и последней ссылке в Амурлаге в 1938–1939 гг. Это было время немалых испытаний для немолодого и больного уже Анциферова — время напряженной рефлексии и вопрошания прошлого о смысле прожитого, время начала работы над мемуарами, авантестом к которым служили письма Софье Александровне Гарелиной.

Больше свободы для работы и чтения давало пребывание в больнице. В 1939 г., находясь на излечении от тяжелой формы анемии, он прочитал попавшийся ему номер журнала «Новый мир» со статьями о Тарасе Шевченко.

В письмо с размышлениями о собственной судьбе и выпавших на долю его поколения, его друзей страданиях причудливым образом вплелись мысли об украинском поэте: «Вот что писал Шевченко: “Страшно впасти у кайданы, умирать в неволі, а ще горше спати, спати и спати на воле”. ... *Жизнь-спячка хуже всего. И я свою жизнь ни с кем не меняю, со всеми ее муками, со всей ее горечью.* Мне попался № Нового мира с 3 статьями о Шевченко ... С живостью читал о его жизни в ссылке, о его наблюдениях над жизнью киргизов, над караванами бухарцев, читал отрывки из его дневника, рассматривал его рисунки — вся его жизнь в ссылке проходила передо мной с ее стихами, с его чтением литературных новинок, с его прогулками. А пострадать ему приходилось очень много. <...> *Ночью все снилась семья Оберучевых, и я с утра полон давно умолкнувшим чувством, связанным с Киевом*» (курсив мой. — Д. М.). (Письмо от 24 августа 1939. Дело 143. Письма С. А. Гарелиной. Июль-декабрь 1939 г. ОР РГБ.)

В процитированном фрагменте речь идет о мартовском номере журнала «Новый мир» за 1939 г., посвященном 125-летию со дня рождения великого украинского поэта и художника Тараса Григорьевича Шевченко, где были опубликованы четыре привлекшие внимание Анциферова статьи: «Эстетика Тараса Шевченко» М. Шагинян, «Невольничья поэзия» Н. Бельчикова, «Представители революционной демократии и Шевченко» Л. Ходорковского и «Шевченко-художник» Л. Варшавского. Все они щедро иллюстрированы репродукциями с рисунков поэта, где запечатлелись зарисовки быта ссыльных, местных жителей, киевские ведуты и сельские пейзажи прекрасной Украины — родины детства Анциферова. Можно лишь предполагать, какие три из четырех статей, посвященных Шевченко, вызвали первоочередной интерес ученого. С большой степенью вероятности его заинтересовала статья члена Пушкинской комиссии АН СССР, текстолога и археографа Николая Федоровича Бельчикова, которого Анциферов знал лично, и раздел, посвященный месту дневника в творчестве Шевченко. Особое внимание Бельчиков уделил нравственному состоянию Шевченко. В продолжавшейся более 10 лет ссылке Шевченко пел не «песни отчаяния» и грусти, «а вольные песни о предстоящей революционной борьбе...» [Бельчиков, 1939. С. 202]. Несмотря на строжайший запрет, писал свои стихотворения в крошечную книжечку, которую прятал за голенищем сапога, и «остался верным идеям революции и преданным своему народу борцом» [Там же]. Бельчиков цитировал дневник поэта: «*Все это несправедливое горе, все роды унижения и поругания прошли, как будто не касаясь меня. Малейшего следа не оставили по себе. Ни одна черта в моем внутреннем образе не изменилась...*» (курсив мой. — Д. М.) [Там же. С. 218].

Страдания и стойкость Шевченко, вероятно, придавали силы и рождали надежду в Анциферове. Для построения гипотезы о том, как после всех перенесенных и продолжающихся еще страданий Анциферов оценивал юношеские мечты, намерения и конечный выбор, который совершился в его киевском прошлом, важна фраза: *«Жизнь-спячка хуже всего. И я свою жизнь ни с кем не меняю, со всеми ее муками, со всей ее горечью»*. Последняя строка цитированного письма указывает на прямой адрес воспоминаний: поворотные в его судьбе киевские встречи, семья Оберучевых и все, что с ней было связано; кружок № 37, Таня – монахиня-революционерка — и Константин Михайлович Оберучев с его культом Тараса Шевченко — все это, очевидно, ожило в памяти Анциферова.

Настоящая публикация эмигрантской переписки Константина Михайловича и его соратника по «белой гвардии» Д. И. Дорошенко дает представление о характере демократизма К. М. Оберучева в предреволюционные годы. Этому демократизму, как мы видим из письма, Анциферов остался верен и после совершившегося возмездия над ним и теми его родственниками и друзьями, кто хотел воплотить в жизнь высокую, исполненную христианского смысла идею служения и любви к ближнему как самому себе. В то же время эта переписка — это интересный документ времени, являющийся еще одним штрихом к революционной армейской повседневности на Украине между Февральской и Октябрьской революцией.

Уважаемый Дмитрий Иванович!

В № 4 журнала «Историк и современник» напечатаны Ваши воспоминания под заглавием «Война и революция на Украине». Вы между прочим пишете:

«Уже прошел слух о назначении К. М. Оберучева. Но Оберучев уже успел испортить отношения с украинцами. Вообще этот, лично безукоризненно честный и прямой, человек сыграл печальную роль в истории революции на Украине. И как начальник военного округа много способствовал разложению армии и распространению анархии своей демагогией, своим непростительным для военного человека расшатыванием дисциплины и порядка, которое он проявил с первых же своих шагов как комиссар [1] военного округа, а потом как начальник его». (стр. 180). И далее: «Наиболее ожесточенным противником украинизации явился начальник Киевского военного округа, полковник К. М. Оберучев, лично очень порядочный и честный человек, но удивительно упрямый, стремившийся самым искренним образом к поддержанию порядка в армии и ее боеспособности, но своими неумелыми и в высшей степени бестактными действиями как никто способствовавший разложению и гибели армии» (стр. 194). Прочтя эти характеристики, я тщательно старался в Вашей работе найти хотя бы малейшие указания и подтверждения Вашего заявления, что я расшатывал дисциплину в армии и способствовал разложению и гибели армии, сохранить боеспособность какой было, по Вашему собственному заявлению, моим искренним стремлением.

Обвинения, брошенные Вами мне публично в печати, слишком серьезны, но для того, чтобы дать по поводу них какие бы то ни было объяснения, мне очень важно знать те действия мои, которые послужили основанием для сделанных Вами заключений, и я прошу Вас привести факты, подтверждающие Ваши утверждения.

Я прошу Вас это сделать не только потому, что мне лично очень важно снять с себя, по моему мнению, незаслуженные обвинения, но, главным образом, потому, что приведение Вами фактов и затем мои по поводу них объяснения и дополнения могут послужить лишь к выяснению весьма сложного и запутанного вопроса об украинизации армии, что даст возможность выяснить истину.

А истина всего дороже.

Надеюсь, что Вы, Дмитрий Иванович, не откажитесь ответить публично на мой вопрос, остаюсь уважающий Вас

К. Оберучев.

От редакции.

3 октября редакцией было получено письмо К. М. Оберучева и сейчас же переслано в Прагу Д. И. Дорошенку. Через несколько дней был получен ответ, каковой имелось в виду напечатать в книге 5 «Историка и Современника». Вскоре письмо К. М. Оберучева появилось и в газете «Дни» в Берлине. В связи с этим Д. И. Дорошенко просил его ответ направить в редакцию означенной газеты, что нами и было исполнено. Однако газета «Дни», ссылаясь на пространность, отказалась напечатать ответ Д. И. Дорошенка, также осталась без последствий и просьба о заметке, что ответ Д. И. Дорошенка будет напечатан в 5 книге нашего журнала.

Ответ К. М. Оберучеву.

Многоуважаемый Константин Михайлович!

В ответ на Ваше открытое письмо, я считаю своим долгом заявить нижеследующее. Я признаю свои выражения о «демагогии» и «бестактности» слишком резкими и беру их обратно. Однако Вашу деятельность в 1917 году, сначала как комиссара Киевского военного округа, а затем как его командующего, я считаю проникнутою совершенно ошибочным направлением, приведшим к совсем иным результатам, чем Вы сами хотели. И вот почему я так думаю.

Ведь если стать на такую точку зрения, что революция в феврале – марте 1917 года была политическим переворотом, долженствовавшим обновить страну, дать ей лучшее правительство и укрепить ее для продолжения и успешного окончания тяжелой борьбы с внешним врагом, то, по моему мнению, все, кто именно так понимал смысл и цели революции, должны были с первых же ее шагов приложить все усилия к тому, чтобы сохранить русскую армию, удерживать в ней дисциплину и боеспособность. Для этого, полагаю, было необходимо избегать всего того, что могло расшатывать устои, на которых она десятилетиями создавалась и воспитывалась, вообще не производить в ней внутренней ломки, пока идет война. Я думаю, что люди военные, к которым принадлежали и вы, в особенности должны были разделять такую точку зрения.

И вот Вас назначают комиссаром Киевского Военного Округа. Спустя неделю или две после Вашего назначения я как-то встретил Вас в коридоре Киевской городской думы и, видя Вас в штатском костюме, спросил: «Почему Вы не оденете теперь военной формы, как полковник артиллерии?» На это вы мне ответили: «А пусть их» (тут вы очень резко выразились по адресу «их», надо полагать, — офицеров или вообще командного состава), «пусть привыкают видеть над собою человека в штатском!» Я, помню, ничего не возразил Вам, но был крайне удивлен. Теперь же эта, совершенно случайно оброненная Вами фраза, представляется мне весьма характерной и знаменательной: Вы, сами — военный человек в чине полковника — считали, оказывается, военный мундир не почетною принадлежностью, присвоенною воину — защитнику отечества, а чем то как бы унижающим человека, раз было необходимо приучать военных людей к тому, чтобы они видели в качестве начальствующего над ними лица — штатского человека.

Вы согласились взять на себя обязанности лица, приставленного для надзора за заподозренную часть армии — ее командным составом [2], и, вместо того, чтобы воспользоваться своим престижем полковника и вместе с тем старого революционного деятеля для поддержания авторитета и власти командного состава, Вы стали на точку зрения ограничения его власти и авторитета, содействуя формированию всевозможных советов и комитетов, сыгравших такую печальную роль в деле разложения и гибели русской армии.

В различных революционных учреждениях, возникших в Киеве в первые дни после переворота, Вы не возвысили Вашего авторитетного голоса против губительного внесения в армию политики и в пользу ограждения ее от митингования, всевозможных выборов, системы комитетов и т. д., как советовали, помню, немногие сохранившие тогда трезвое отношение к событиям люди (между прочим, один бывший Ваш и мой товарищ по «Комитету юго-западного фронта всероссийского союза городов» инж. Я., бывший военный), наоборот — Вы сами приняли активное участие в деле насаждения в армии «политики» в форме так называемого «осведомления солдат о происходящих событиях», т. е. устройства в казармах митингов (см. Ваши воспоминания «В дни революции», стр. 36).

Сделавшись начальником Киевского Военного Округа, Вы как бы ввели в систему в качестве обычного способа общения с солдатской массой форму митингов, на которых Вы выступали с пространными речами, разъяснениями, убеждениями, причем неизменно подчеркивали, что Вы прежде всего — революционер. Но это только подрывало Ваш собственный авторитет как начальника, ибо согласитесь, что лицо не приказывающее, а только убеждающее и уговаривающее, не есть власть. Вашим же постоянным обращением к солдатской массе, так сказать, через головы офицерского состава, прием, как передают очевидцы, Вы настолько увлекались в этом направлении, что являясь на смотр (как это было в Полтаве) забывали поздороваться с офицерами и, минуя их, обращались прямо к солдатам [3], Вы несомненно роняли и без того уже поколебленный (начиная с печальной памяти «приказа № 1») авторитет командного состава и уже никак не способствовали поднятию повиновения и дисциплины.

Вы спрашиваете меня о фактах. Но Ваши собственные воспоминания («В дни революции») пестреют фактами, иллюстрирующими Вашу деятельность: она вся наполнена митинговыми выступлениями, чем далее, тем менее успешными, ибо развращенная упрашиваниями солдатская масса не хотела потом слушать Ваших призывов к порядку и повиновению. Я знаю, что Вы при этом исходили из самых лучших побуждений и были воодушевлены очень высокими чувствами, но что ж из этого? Результаты были очень плачевны: Вам одному из первых пришлось очутиться в эмиграции. И если бы Вы были менее «гуманны», менее «великодушны», если бы Вы вместо того, чтобы «дружески пожимать руку» лицу, открыто Вам заявлявшему о своем намерении ограбить арсенал, чтобы начать гражданскую войну (см. Ваши воспоминания), если бы вместо этого Вы отдали бы приказ о его аресте, то — удалось ли бы это Вам или нет — был бы соблюден престиж Вашей власти, и вообще, карая отдельных лиц, Вы спасли бы тысячи и миллионы.

Вы осуждаете генерала Л. Г. Корнилова, этого честного солдата и патриота, называя его попытку восстановить в армии и в стране порядок «мятежом» [4]. Но скажите: Ваши способы поддержания порядка и дисциплины в армии, Ваши речи и страстные призывы, точно так как и речи А. Ф. Керенского — подействовали на солдатскую массу? Спасли армию от разложения? Большевистские агитаторы побили Вас Вашим же собственным оружием.

Перехожу к вопросу об украинизации армии. Вы были ее решительным противником и боролись против ее не только средствами предоставленной Вам власти, но и газетными

статьями на страницах враждебной украинскому движению «Киевской Мысли», очень зло высмеивая, как Вы выражались, «украинизацию штыка». Стоя на точке зрения русских и еврейских социал-революционных партий («русская революционная демократия» на Украине), Вы не хотели видеть в стремлении к созданию украинских военных частей здорового национального чувства, которое могло бы оздоровить, укрепить армию, внести в нее новый дух. Ибо в то время как с падением лозунга «За царя и отечество» в русской армии упало и ее боевое настроение (ибо «за свободу» умирать никто не хотел, а, напротив, все хотели жить, дабы вкусить прелесть этой свободы), единственное только национальное чувство, национальный подъем, лозунг борьбы «за Украину» могли у нас, на юго-западном фронте, лежащем на украинской земле, — поднять боеспособность армии при условии выделения украинцев в особые части и устранения из них всех туляков и пермяков, говоривших: «Мы тульские, до нас неприятель не дойдет» — и потому не желавших воевать.

И если бы Вы, вместо того, чтобы всячески тормозить, задерживать и дискредитировать украинское движение в армии, пошли бы ему навстречу, то очень вероятно, что оно и в Киеве, и вообще в целом Киевском округе развивалось бы успешнее, и главное — пошло бы более прямыми путями, чем тот, по которому направлял его Украинский Войсковой Генеральный комитет, возглавляемый С. В. Петлюрой. Но, неизменно противодействуя формированию украинских военных частей, Вы, по Вашему же признанию (стр. 117–120), достигли лишь того, что Ваше имя сделалось одиозным по всей Украине, и вы должны были покинуть свой пост в Киеве. И сколько я ни убеждал и ни убеждаю своих земляков, что Вы любили Украину, принимали участие в ее культурной жизни (как сотрудник «Киевской Старины»), что вы с величайшим уважением относились к нашему национальному поэту — Шевченко, портрет которого висел на первом месте у Вас в кабинете, — я не могу убедить их в том, что Вы не были заклятым врагом украинского движения.

В своих воспоминаниях вы сводите начало украинизации армии к выступлению дезертиров на распределительном пункте Киева 18 апреля 1917 года. Вы не раз подчеркиваете, будто в украинизированные части шли сплошь дезертиры и уклоняющиеся от службы на фронте. Это фактически не верно. О формировании украинских частей по образцу польских (удивительно, почему Вас не возмущала «полонизация» штыка, не только его «украинизация») заговорил Украинский Национальный Конгресс, собравшийся в Киеве в первых числах апреля. Конгресс выслал по этому поводу делегацию к приехавшему тогда в Киев министру А. И. Гучкову, состоящую из Н. И. Михновского, С. И. Эрастова и меня, протестовать о разрешении украинских формирований. Желание Национального Конгресса шло только навстречу тому стихийному движению, которое охватило украинцев, находившихся на всех фронтах от Риги до Трапунта. В Вашем лице, повторяю, украинизация армии встретила решительного противника. Но я напомню, что главнокомандующий юго-западным фронтом генерал Корнилов неоднократно свидетельствовал, что украинизированные части (например, 56 дивизия) сражались превосходно и потому он сам отдал приказ об украинизации 34 армейского корпуса, находившегося под командой генерала П. П. Скоропадского (будущего гетмана Украины). Значит, не одни дезертиры и уклоняющиеся составили контингент украинизированных частей!

Я лично считаю, что способы и приемы формирования украинских частей, употреблявшийся Украинским войсковым генеральным комитетом во главе с С. В. Петлюрой, были далеко не правильны и не целесообразны с военной точки зрения: они носили отпечаток тех же взглядов и понятий, которые утверждались и в русской армии с начала революции (комитеты, характер добровольчества, революционная демагогия), и потому им не удалось создать

прочной военной силы. Но организованный на началах строго порядка и дисциплины украинский корпус генерала П. П. Скоропадского сослужил огромную пользу Киеву и всей Украине. Когда в ноябре 1917 года двинулись с фронта на Киев обольщившиеся войска (в том числе 2 гвардейский корпус под командой знаменитой госпожи Евгении Бош), все громя и уничтожая на своем пути, то этот украинский корпус задержал их, разоружил и направил их кружным путем через ст. Калинковичи на север и северо-восток.

С сентября 1917 года мне пришлось исполнять обязанности черниговского комиссара. В Чернигове в это время был расположен 13 пехотный запасной полк, сделавшийся истинным бичом населения и постоянной угрозой безопасности города. Полк безобразничал, бунтовал, арестовывал своих командиров. И городская дума, и я тщетно добивались у Вас по крайней мере увода этого полка из города. Точно таким же бедствием для Полтавы являлся расквартированный там 4 полк, составленный из дезертиров и амнистированных уголовных преступников. Этот полк не только совершал возмутительные безобразия, но и был опорой для всех анархических элементов в Полтаве. Но на все просьбы и ходатайства увести этот полк Вы отвечали отказом, хотя сами еще в апреле настаивали на необходимости распустить в Киеве солдат старших призывных возрастов из тыловых частей. Сколько я ни доказывал Вам, что пополнение 13 запасного полка (он разбух до колоссальных размеров, доходя до состава в 18 000 человек) и держание его в Чернигове есть не только угроза городу, но и будоражение, «революционизирование» окрестного населения, Вы упорно отказывались увести этот полк (или хотя бы отдать приказ о прекращении его пополнения, ибо в октябре 1917 года трудно было помышлять о посылке его на фронт), и наоборот, требовали вывода из Чернигова 2 украинского батальона, единственной в то время дисциплинированной воинской части в Чернигове. Скажите, что я мог по поводу этого возразить моим землякам, которые утверждали и утверждают до сих пор, что эти полки в Чернигове и Полтаве Вы держали намеренно для поддержания «революционного» настроения среди местного населения и для предотвращения возможных выступлений украинцев?

Итак, вместо того, чтобы помочь украинцам создать дисциплинированную армию, которая по ходу событий могла бы помочь сохранить правопорядок и в самой России (вспомните чешские дружины — чем, как не своей национальной однородностью и сплоченностью, сохранили они боеспособность, возьмите даже хотя бы наши казачьи части — донские, кубанские — что их сохраняло, как не территориально-национальный принцип?), вы истратили столько сил на борьбу с украинизацией и этим, по моему крайнему разумению, только повредили делу поддержания боеспособности юго-западного, а за ним и румынского фронта. Вот в этом смысле я считал и считаю Вашу деятельность как комиссара и потом начальника Киевского Военного Округа ошибочной и способствовавшей «разложению и гибели русской армии», как я писал в своих воспоминаниях в № 4 «Историка и Современника».

Примите уверение в моем неизменном к Вам уважении.

Д. Дорошенко [Оберучев, 1924. С. 126–131].

Примечания

[1] Вот как комментирует деятельность военных комиссаров эпохи Временного правительства Ф. Степун: «С этой точки зрения очень показателен институт военных комиссаров. Подлинно нужны были революции ... *правительственные* комиссары (по возможности назначенные из числа верных революции офицеров). Комиссары же, как представители Совета рабочих и солдатских депутатов, одинаково чуждые как солдатской массе, так и командному составу, подрывавшие, с одной стороны, авторитет офицерства, с другой — выборных ко-

митетчиков, были типичным порождением той беспредметно-революционной атмосферы, которую с самого начала была проникнута деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов. Я не отрицаю, что некоторые комиссары сыграли на фронте большую и положительную роль, но они сыграли ее вопреки своему официальному положению и исключительно благодаря своим личным качествам» // *Степун Ф. Мысли о России. Современные записки.* Париж. 1924. № 21. С. 288. (Прим. — Д. М.)

[2] Кстати сказать, это подозрение в отношении офицерства и вообще командного состава армии не имело оснований, ибо командный состав (по крайней мере на юго-западном фронте), начиная с самого главнокомандующего генерала Брусилова, определенно стал на сторону нового строя и сохранял саму строгую лояльность по отношению к Вр. П-ству. (Прим. Д. И. Дорошенка.)

[3] Этот парад кончился для полковника Оберучева печально: солдаты полка запасного, к которым он обращался с речами, ответили ему градом камней, и он должен был спастись к своему автомобилю бегством. (Прим. редакции.)

[4] Ср. мнение Ф. А. Степуна: «Корниловское восстание вещь очень сложная, и я сейчас говорю... только об одной его стороне: об его *правде*. Для меня нет ни малейшего сомнения, что *своей правды* у Корнилова не было, что вся его правда только *наша вина, вина демократии перед Россией*. Правда корниловского восстания исключительно в психологии корниловцев, в чувстве России и стыда за ее нравственное падение, за революционное поругание национального долга и национальной доблести, за позор не революционного ухода, а *военного побега с поля брани и чести*. Весь мир и строй этих чувств был в последнем счете демократии не только чужд, он был ей подозрителен и враждебен. Теперь это изменилось, но в эпоху Временного правительства полновесного, онтологического ощущения России в рядах демократии было не слишком много. Максимальный демократический патриотизм выражался тогда формулой — за родину и революцию, в которой тогда никто не слышал нелепого уравнения *вечной истины и страшной болезни*. ... Козырнув против Корнилова в конце концов все же Лениным, Временное правительство не надолго отсрочило свою гибель, но на очень долго погубило престиж демократии в глазах всей религиозно-национально настроенной России». (Степун Ф. Мысли о России. Современные записки. 1924. № 21. С. 290. — Прим. Д. М.)

Список литературы

Анциферов Н. П. Из дум о былом : воспоминания. М. : Феникс ; Культурная инициатива, 1992. 512 с.

Бельчиков Н. <Ф.> Невольничья поэзия // Новый мир. 1939. № 3. С. 195–212.

Ладыгина А. А. Нездешний свет. Встречи заветные. М.; СПб.: «Духовное преображение». 271 с.

Московская Д. С. О времени и о себе // Вторые московские Анциферовские чтения. Сб. ст. по материалам Междунар. конф., посвящ. 140-летию В. Д. Бонч-Бруевича. М. : ГЛМ ; Три квадрата, 2014. С. 88–131.

Оберучев К. М. В дни революции. Воспоминания участника великой русской революции 1917-го года. Нью-Йорк : Народопрямство, 1919. 143 с.

Оберучев К. М. Открытое письмо Д. И. Дорошенку // Историк и современник. Париж. 1924. № 5. С. 126–131.

Оберучев К. М. Офицеры в Русской революции. Нью-Йорк : Первое русское издательство в Америке, [1918]. 46 с.

Д. С. Московская

Московская Дарья Сергеевна, доктор филологических наук, заведующая Отделом рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Москва, ул. Поварская, д. 25а; darya-mos@yandex.ru

АНЦИФЕРОВ И РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация

В статье представлен повседневный круг общения Н. П. Анциферова, который составили выдающиеся ученые — представители гуманитарных и естественно-технических наук. После революции их судьба сложилась по-разному. Значительное число оказалось в эмиграции. Однако интерес к творчеству оказавшихся по разные стороны границы знакомых не прекратился. В статье приводятся примеры подобного непрямого общения. Одно из его проявлений — публикуемая в приложении рецензия на работы Анциферова во французском эмигрантском журнале «Современные записки».

Ключевые слова

Н. П. Анциферов, Первая Киевская гимназия, И. М. Гревс, «Воскресенье», русское зарубежье, эмиграция, круг общения, «Современные записки», образ мысли, «философский» пароход, литературная критика, издательство Гржебина

Происхождение из дворян, домашнее воспитание, предполагавшее изучение иностранных языков, широкий круг чтения, родственные связи и ежедневное общение с блестящими учеными — представителями естественно-технических наук: Н. М. Сибирцевым, И. И. Курбатовым, А. Ф. Фортунатовым, С. Г. Навашиным, Н. Б. Делоне, Д. С. Леванда, И. И. Мечниковым, — все это с ранних лет обеспечивало Анциферову образ мысли и жизни, характерный для представителей русской научной интеллигенции конца XIX — начала XX вв. Выбор, для продолжения образования, одного из лучших учебных заведений Киева начала XX в. — 1-ой классической Киевской гимназии, где обучались отпрыски аристократических родов и высшего чиновничества и которая дала целую плеяду знаменитых художников, писателей, артистов, общественных деятелей, среди которых Н. Н. Ге, М. И. Ростовцев, М. А. Булгаков, А. Н. Вертинский, К. Г. Паустовский, — открыл Анциферову

путь в Петербургский университет. Здесь в семинарии по духовной культуре средневековых европейских городов он вошел в круг лучших представителей русской научной гуманитарной интеллигенции — учеников и друзей «раде» Ивана Михайловича Гревса и его коллег, таких как Михаил Иванович Ростовцев, Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская, Александрович Алексеевич Гизетти, Эрвин Давидович Гримм, Феликс Фадеевич Зелинский, Николай Иванович Кареев, Лев Платонович Карсавин, Николай Петрович Оттокар, Сергей Федорович Платонов, Сергей Федорович Ольденбург, Георгий Петрович Федотов, Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Новый круг общения сформировался, когда Анциферов стал членом петербургского религиозного общества «Воскресение», которым руководил А. А. Мейер. Здесь его ждала встреча со знаменитой супружеской четой Д. Мережковского и З. Гиппиус, биологом Л. А. Орбели, художником К. С. Петровом-Водкиным и Л. А. Бруни, литературоведом Л. В. Пумпянским, музыкантом М. В. Юдиной (дружба с последней не прекращалась до самой смерти Анциферова). По-разному сложилась судьба всех этих людей после Октябрьской революции. Одни, подобно Анциферову, остались в России, надеясь быть полезными ей на переломе истории. Другие, войдя в непримиримое противоречие с новыми властью предержащими, по собственной воле или гонимые, покинули родину. За рубежом из окружения Анциферова в разное время оказались Михаил Иванович Ростовцев, Феликс Фадеевич Зелинский, Николай Иванович Кареев, Лев Платонович Карсавин, Николай Петрович Оттокар, Георгий Петрович Федотов, Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. В Америке осел Константин Иванович Оберучев — дядя жены Анциферова, Татьяны.

В либеральный первый период нэпа Анциферов, подобно многим представителям московской и петербургской интеллигенции, имел общение с русской эмиграцией. Следами этого общения была его публикация в издательстве З. И. Гржебина в Берлине очерка «Ламеннэ» (1922), где в тот же год публиковались такие выдающиеся писатели, как Пастернак, Гумилев, Ходасевич, Марина Цветаева, Замятин, Пильняк, Ремизов и других яркие представители русского модернизма. В том же году, 15 ноября, Анциферов провожал второй, «философский» пароход «Пруссия», отплывавший в Штеттин с изгнанными из страны его хорошими знакомыми по Петербургскому университету и Тенишевскому училищу — философами Л. П. Карсавиным, И. И. Лапшиным, Н. О. Лосским. Момент прощания был описан А. А. Кроленко: «Среди уезжающих Л. П. Карсавин, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, А. С. Каган, Я. Н. Блох и др. Толпы провожающих — профессора университета, писатели, художники. Встречаюсь и беседую с Нест. А. Котляревским, Ф. Д. Батюшковым, Н. П. Анциферовым, А. А. Ахматовой, Н. В. Болдыревым, Геллером, Боголеповым ...» [цит. по: Замятин, 2011. С. 13].

О внимании Анциферова к культуре русского зарубежья свидетельствует то обстоятельство, что он имел возможность познакомиться с романом Ф. А. Степуна «Николай Переслегин» в год его публикации в 1924 г. в парижских «Современных записках». С жадностью вместе с женой читал он рукопись: «Как в ней много есть от нашего времени, наших дум... Как в этих строках есть что-то от нас, какими мы были в Швейцарии и Италии», — записал в 1924 г. в своем дневнике Анциферов [Анциферов, 2014. С. 631]. Роман во многом послужил источником его собственного мемуарного творчества.

На этом список известных нам документальных свидетельств о контактах Анциферова с русским зарубежьем исчерпан. В то же время известно, что его знаковая книга «Душа Петербурга» стала культовой в среде русской эмиграции: «Душа Петербурга, как и душа всей России, стали слагаемыми исторической памяти, которая питала творчество всех эмигрантских писателей» [Спиридонова, 1999. С. 21–22]. Документальным свидетельством внимания русской эмиграции к трудам Анциферова является приводимая ниже рецензия 1928 г. на две книги из его «петербургской трилогии» — «Душа Петербурга» и «Петербург Достоевского», подготовленная для «Современных записок» П. Прокофьевым, который публиковал в этом издании статьи и рецензии философско-эстетической тематики.

П. Прокофьев.

Н. Н. (так!) Анциферов: Душа Петербурга. Гравюры на дереве А. П. Остроумовой-Лебедевой. Петербург. 1922 стр. 267. Его же: Петербург Достоевского. Рисунки М. Добужинского. Петербург, 1923, стр. 106.

В книгах г. Анциферова, собственно, слиты несколько тем. Отсюда и некоторая внешняя неровность и неоднородность их стиля, мы встречаемся с конкретными указаниями для проведения экскурсии по Петербургу, и со страницами хрестоматийного характера — собранием незаслуженно забытых образов Петербурга в русской поэзии, и с попытками постижения «души Петербурга», и с рядом лишь бегло намеченных мыслей к философии русской истории. Книга о «Душе Петербурга» даже внешне распадается на две части — первая посвящена попытке понять «genius loci» (термин Вернон Ли) Петербурга, вторая дает историю образа Петербурга в русской литературе. Сумароков, Ломоносов, Державин, Батюшков, Пушкин, В. Ф. Одоевский, Лермонтов, В. С. Печерин, М. Дмитриев, Полонский, Короленко, Ап. Григорьев, Достоевский, Тютчев, кн. П. Вяземский, Фет, историки искусства (Бенуа, Грабарь, Лукомский), поэты современности (от Белого и Блока — до Маяковского) проходят перед нами несколько слишком пестрою чередою. Лишь иногда автор выстраивает цитаты и отрывки в стройные ряды и только беглыми штрихами намечает основные черты отношения русских поэтов к Петербургу.

Все образы Петербурга разворачиваются, по мнению автора, из основной его характеристики — Петербург — «город трагического империализма» (как жаль, что употреблено это несколько пообновленное в речи русской современности слово!). «Трагический империализм» — это великодержавность, рождающая творенья, спаянные единством воли, дерзновенно вступающая в борьбу и с самою природою, оформляющая хаос в гармоничное бытие,

но оторвавшаяся «от корней народных», покоящаяся «на рабстве народа», строящая жизнь «на костях человеческих». Автор видит неизбежность этого пути русской государственности, пути Петра Великого. Красота и величие Петербурга и его трагическая судьба воплощают именно это раздвоение, заложенное в самых основах державы российской. Судьба Петербурга, его печальная участь в настоящем (книга написана в 1921–22 гг.) являются неизбежным (для всякой судьбы вообще) «органическим развитием» его индивидуальности. Этой характеристике нельзя отказать в тонкости и глубине. Но нам кажется, что самое понятие «судьбы» взято автором в несколько неверной перспективе. Судьба в значительной степени вырастает не из внутреннего развитая индивидуума, а из ограничивающих индивидуальность моментов — для самого индивидуума внешних, стоящих выше или ниже его. Так к строящим судьбу человека моментам принадлежат и его тело, и с ним связанные, низшие по отношению к существу человеческой души «стремления» и инстинкты, так же участвуют в судьбе индивидуума и моменты высшего, надиндивидуального порядка (если оставить в стороне религиозный смысл понятия «Судьба») — жизнь нации и государства, весь исторический процесс в целом — г. Анциферов, анализируя Судьбу Петербурга (или судьбу его образа в художественной литературе), сам отклоняется от своего определения «судьбы», привлекая при развертывании понятия «трагического империализма» высшие и низшие по отношению к индивидуальности города моменты — государство и его долю, «стихии» и т. д. Но вместе с тем он опускает некоторые существенные моменты, вытекающее из всего изложения.

Самое понятие «трагического империализма» представляется нам несколько узким и несколько «политизированным». По нашему мнению, здесь было бы более на месте понятие творческой, оформляющей хаос воли, если угодно, воли «державной», но не только и не исключительно политически («империалистически») направленной. Если мы от этого понятия подойдем к проблеме Петербурга, то перед нами с большей ясностью раскроется горький смысл обрисованной г. Анциферовым истории образа Петербурга.

Остановимся несколько на очерке г. Анциферова. XVIII век безо всяких вопросов и сомнений восторгался «северною Пальмирой», не замечая враждебных городу сил, изумляясь гармоничному сочетанию искусства с природою. Пушкин дает уже образ Петербурга на фоне того хаоса, из которого он вырос. На месте — «мшистых, топких берегов», «топи блат», покрытых «лесом, неведомым лучам в тумане спрятанного солнца», изб, разбросанных «здесь и там», реки, по которой «челн стремился одиноко» — через сто лет прекрасный город — «строгий, стройный вид», «Невы державное течение, береговой ее гранит», «оград узор чугунный» — все эпитеты подчеркивают оформление, гармонизацию, укрощение хаоса. — Но Пушкин видит и развертывающуюся под ногами символизирующего упорядочивающее хаос волевое начало Медного Всадника бездну, чувствует возможность восстания бездны — стихий и человека, ставшего на сторону стихий и хаоса против гармонии и формы. Пушкин в этом споре — всецело на стороне творческой воли.

Но удивительно! «Пушкин был последним певцом светлой стороны Петербурга». Через все дальнейшее развитие образа Петербурга в русской литературе проходят одни и те же ноты — утеряна вера в силу творческой, формирующей воли и уважение к ней. «Строгий, стройный вид» Петербурга ощущается уже только, как проявление деспотизма, гнета и суровости. От Гоголя через Достоевского к Андрею Белому развивается образ Петербурга как призрачного города, оторванного от реального бытия, выросшего из болотного тумана, города «лжи», иллюзии и обмана. «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе этот гнилой, склизкий город? Поднимется вместе с туманом и исчезнет, как дым, а останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?...» (Достоевский).

«Гражданская поэзия» привлекает еще один мотив — некий первородный грех города — страдания и жертвы индивидуума, на которых он вырос (смерть «Глупого мужичонки», «на костях» которого стоит Петербург — в «Миазме» Полонского). — В восстании стихии против Петербурга, в их победе над творческой волей строителя Петербурга русская поэзия видит как будто торжество, победу некоей высшей справедливости. Образ гибели Петербурга становится (начиная от В. Ф. Одоевского, Лермонтова и В. С. Печерина) одним из изблуженных образов. И гибель Петербурга ощущается как заслуженный приговор судьбы —

О геенна! град разврата!
Сколько крови ты испил!
Сколько царств и сколько злата
в диком чреве поглотил!
Изрекли уж Евмениды
приговор свой роковой
и секира Немезиды
поднята уж над тобой...
Анафема! Анафема! Анафема!

Эти мощные (при всей своей художественной слабости) стихи В. С. Печерина («Торжество Смерти») глубоко характерны.

И в борьбе западников и славянофилов Петербург остался чужд и тем, и другим. Для первых — он порождение восточного деспотизма, для вторых — он чужд России... Мотив гибели Петербурга повторен и Тургеневым («Призраки»), и Григоровичем («Сон Карелина»).

Величие дела «строителя чудотворного» не замечается. Привлекает внимание современный Петербург — прозаический, пошлый, серый (Достоевский), чуждая России ненужность.

Возникнув с помощью чухонского народа
Из топей и болот в каких-нибудь два года,
Она до наших дней с Россией не срослась. (Некрасов).

И если у Помяловского образ Петербурга вырождается в образ какой-то помойной ямы, то ведь и для Достоевского и Ап. Григорьева Петербург — мрачный и тяжкий «страшно-пошлый мир».

Даже пробудившийся интерес к петербургской архитектуре не мог преодолеть ставшей традиционной ненависти и злобы против Петербурга. — Петербург в русской поэзии такой же, как и раньше —

Ни цветов, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни грез, ни улыбки —
Только камни из мертвых пустынь,
да сознание проклятой ошибки. (Ин. Анненский.)

«Все плоско, буднично и в то же время похоже на сон», «каменная чухонская деревня» (Мережковский), «город... железно-серый, где ветер, ветер, дождь, и зыбь, и мгла», «с расплещенной чашей вина на звере багряном жена» (А. Блок). И «анафему» Печерина припоминают проклятия З. Гиппиус —

Твой остов прям, твой облик жесток...
Твое холодное кипенье
Страшней бездвижности пустынь.

Твое дыханье — смерть и тленье,
а воды — горькая полынь...
— Ты утонешь в тине черной,
проклятый город, Божий враг...
И червь болотный, червь упорный
Поест твой каменный костяк. (З. Гиппиус.)

Для стоящего в традиции Достоевского Андрея Белого Петербург срастается с Россией, символизирует и представляет ее; но это не спасает Петербурга, а, наоборот, бросает мрачный и безнадежный ответ на всю Россию.

Лишь случайно — Белинский, Гаршин, Короленко обмолвятся словом в защиту Петербурга. Петербург — город «будущей жизни», город, из труда возникший и в труде живущий (Белинский, Короленко), город страдающий и радующийся за всю Россию (Гаршин). Но эти замечания остаются одинокими. —

Смысл очерченной Анциферовым истории образа Петербурга — констатирование глубокого разрыва, лежащего в существе русской культурной жизни — разрыва между стихией, жизненной силою, онтологическими устоями и формой, творчеством, целеполаганием, трансцендентальной «надстройкою»... По прочтении книги г. Анциферова, тонкого ценителя красоты и величия Петербурга, складывается впечатление, что русская поэзия глубоко неправа перед Петербургом. Это впечатление **не вполне верно**. Несомненно, Петербург виновен перед Россией и эту его вину, быть может с преувеличенной остротой, ощутили — по-разному каждый — и В. Ф. Одоевский, и Печерин, и Тургенев, и Некрасов, и Блок, и З. Гиппиус. «Вина» в глубоких культурно-исторических разрывах **никогда** не лежит на одной стороне. — Книга г. Анциферова подводит нас вплотную к одной из существеннейших проблем философии русской истории — к факту недооценки в русской культуре формообразующих, творчески активных, целеполагающих моментов. Конечно, эта недооценка, эта великая «опасность» русского духа не может быть уяснена на одном примере, хотя бы и таком ярком, как предлагаемая г. Анциферовым история образа Петербурга.

«Петербург Достоевского» — попытка тщательно проследить в **современном** Петербурге остатки Петербурга времени Достоевского, а в особенности — бережно собрать все сведения об уголках города, связанных с жизнью и творчеством Достоевского. Автору не только удается дать общий фон к петербургским повестям и романам Достоевского, но и со значительной степенью вероятности указать отдельные уголки города и даже дома, послужившие «моделями» тех или иных образов (например, дом, где жил Раскольников, Соня Мармеладова, процентщица) (внизу страницы сноски: «Материал об отношении Достоевского к Петербургу нужно дополнить фельетоном Достоевского, перепечатанным неявно в “Красной Газете”, а из нее “Рулем” (в декабре 1927 г.)» — Д. М.).

Обе книги изданы (издательством Брокгауз — Ефрон) любовно и внимательно. Очень хороши иллюстрации, особенно рисунки Добужинского, более конгениальные «Петербургу Достоевского», чем прекрасные гравюры Остроумовой-Лебедевой, несколько диссонансирующие с текстом, — художнице, очевидно, в образе Петербурга ближе светлое, радостное, «пушкинское».

Обе книги дают больше, чем обещают их заглавия — много ведущих далее их тем, намеков и указаний. Тем более жаль, что объявленная автором книга «Миф и быль Петербурга» (с тех пор так нелепо переименованного в Ленинград) до сих пор не увидела света.

Рисунки Добужинского теперь воспроизведены, хотя и не очень удачно, в немецком издании набросков Достоевского к «Преступлению и Наказанию» — Raskolnikoff's Tagenbuch, изд. Pieper'a [Прокофьев, 1928].

Список литературы

Анциферов Н. П. Радость жизни былой... Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций. Новосибирск : Свиньин и сыновья, 2014. 652 с.

Евгений Замятин. «Мы». Текст и материалы к творческой истории романа. СПб : Издат. дом «Мир». 2011. 600 с.

Прокофьев П. Современные записки : рецензия. Париж, 1928. № 35. С. 542–547.

Спиридонова Л. А. Бессмертие смеха: Комическое в литературе русского зарубежья. М. : Наследие, 1999. 336 с.

К. И. Плотников

Плотников Константин Иванович, старший научный сотрудник Отдела рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Москва, ул. Поварская, д. 25а; k.i.plotnikov@gmail.com

К БИОГРАФИИ Н. П. АНЦИФЕРОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО ДЕЛА ИЗ АРХИВА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ)

Аннотация

В настоящей статье уточняются факты биографии Н. П. Анциферова, связанные с его вступлением в Союз советских писателей, подтверждаются факты заведования им кафедрой древней истории во 2-м Педагогическом институте с 1919 по 1922 г.; публикуются автобиографии, написанные самим Н. П. Анциферовым, а также отзывы о деятельности литературоведа, данные такими учеными и писателями, как М. Лозинский, Б. Томашевский, В. Шишков и др.

Ключевые слова

Н. П. Анциферов, Союз советских писателей, автобиография, архив, биография, отзыв, рекомендация, личный листок по учету кадров, публикация

Наследие Н. П. Анциферова в последние годы вызывает все больший интерес ученых-гуманитариев различных специальностей (историков, литературоведов, музейных работников). На повестке дня остается разыскание фактического материала, связанного с научной и творческой биографией ученого. Многие для ее уточнения было сделано петербургскими исследователями, прежде всего, А. И. Добкиным, в развернутых комментариях которого к публикации мемуаров Анциферова («Из дум о былом». М., 1992) был выявлен широкий «петербургско-ленинградский» контекст его жизни. Научные изыскания Д. С. Московской открыли новый этап в исследовании наследия этого ученого и писателя. Сосредоточившись на изучении теории локально-исторического метода Анциферова, а также его практическом применении к произведениям русской литературы 1920–1930-х гг. [Московская, 2010], она в то же время установила подробности биографии «московского» периода жизни ученого. Данная публикация продолжает биографическое направление исследований и на архивном материале документально подтверждает ряд уже известных фактов научной деятельности Анциферова и выявляет новые, относящиеся к периоду его работы в Государ-

ственном литературном музее Москвы. В монографии Д. С. Московской упоминается факт принятия Анциферова в Союз советских писателей 14 апреля 1943 г.: «На днях избран в члены союза писателей. Сейчас это очень трудно. Из 21 кандидата прошло только 4» [Московская, 2010. С. 71]. Настоящая публикация позволяет уточнить подробности этого события по документам личного дела Н. П. Анциферова из фонда ССП РГАЛИ (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 320. Л. 12–53). Мы узнаем из них, что Анциферов входил в круг ведущих ученых-филологов и блестящих писателей, был высоко ценим такими выдающимися деятелями науки и культуры, как Б. В. Томашевский, М. Лозинский, А. А. Реформатский, В. Я. Шишков, которые поддержали кандидатуру Анциферова на выборах в Союз советских писателей. В то же время автобиографические сведения (ответы на анкету, представленные Анциферовым при вступлении в ССП) дают возможность составить более подробное и точное представление о научной и преподавательской деятельности ученого с конкретными местами работы и датами не только в Москве, но и в Петрограде-Ленинграде. Так, Д. С. Московская указывает в своей монографии, что Анциферов в возрасте 30 лет стал заведующим кафедрой в Педагогическом институте [Московская, 2010. С. 25]. Утверждение основано на «curriculum vitae», отложившемся в архиве ГЛМ (ОР ГЛМ. Фонд 349. Оп. 1. Д. 55). В личном деле Анциферова в ССП мы находим еще одно указание на этот факт: «Мне была предложена кафедра во 2-м Педагогическом Институте в Петрограде — где я работал в течение 4-х лет вплоть до его слияния с 1-м Педагогическим Институтом» (Л. 40). «В 1919 году я получил кафедру (История средних веков) во 2-ом Педагогическом институте» (Л. 28). Узнаем мы также и подробности упоминаемой Д. С. Московской работы Анциферова в Институте истории искусств в 1925–1928 гг.: «В эти же годы я вел семинарий по экскурсионному методу в Институте Истории Искусств на двух факультетах Изо<бразительном> и Лит<ературном>» [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 320. Л. 12]. Узнаем мы и о начале научной карьеры Анциферова по окончании университета, совпавшем в Первой мировой войной: «Начало войны задержало сдачу государственных экзаменов. (Я работал санитаром на вокзале и в попечительстве о семьях призванных на войну)» [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 320. Л. 41]. Важно, что все эти и многие другие сведения предоставлены нам самим Анциферовым, хотя, справедливости ради, следует отметить наличие ряда незначительных рассогласований в датировке некоторых из представленных им данных, вполне естественных: домашний архив, как и его библиотека, погибли во время войны в Детском Селе.

Выборка из документов личного дела Н. П. Анциферова (РГАЛИ Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 320) публикуется по нормам современной орфографии и пунктуации.

Автобиографии Н. П. Анциферова

Документ № 1

<Л. 12>

Автобиография

Родился я в семье педагога-естественника в 1889 г. в г. Умани. Рано потерял отца и был воспитан матерью, преподавательницей музыки. Среднее образование получил в Киеве, в 1-ой гимназии. Еще будучи гимназистом, со своими двоюродными сестрами, дочерьми земского врача, летом 1905–1906 гг. устроил занятия для крестьянских детей типа вольной школы. В 1909 году поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. В студенческие годы читал лекции рабочим на Обуховском заводе. Принял участие в организации экскурсионистического кружка в Эрмитаже. Это был первый кружок, поставивший себе целью организацию массовых экскурсий преимущественно для рабочих. В первую войну с Германией члены кружка провели много экскурсий с воинскими частями. В студенческие годы я работал также в общественных студенческих организациях в Киевском землячестве, в филологической комиссии, в издательском комитете. В области науки специализировался на истории итальянского Средневековья. Участвовал в научной экспедиции, организованной в 1912 году Проф<ессором>Гревсом в Италию, по окончании университета в 1915 году был оставлен при университете для подготовки к профессуре (ввиду чего был освобожден от воинской повинности). В 1919 году был приглашен во 2-ой Педагогический институт читать лекции по всеобщей истории. В том же году был избран профессором в Туркестанский университет. В 1919–1920 гг. принимал участие в организационной работе в Москве и Ленинграде и разрабатывал свой курс лекций. Однако выехать в Ташкент не смог из-за запрета врачей (начало сердечной болезни). Одновременно с работой в вузах (и до нее) я работал в средней школе — в Тенишевском училище.

Опыт Эрмитажного кружка рано связал меня с экскурсионным делом. Лишь Октябрьская революция дала мне возможность развернуть во всю ширь экскурсионную работу. С 1920 г. я работаю в экскурсионной секции Музейного отдела, а затем в Политпросвете. Я был один из руководителей семинария по изучению Павловска (лето 1921 и 1922 гг.) и возглавлял семинарий по изучению города Пушкина (1925–1929 гг.). В эти же годы я вел семинарий по экскурсионному методу в Институте Истории Искусств на двух факультетах — Изо<бразительном> и Лит<ературном>. Экскурсионная работа связала меня с краеведением. В 1927 году на Всероссийском съезде краеведов (РСФСР) я был избран членом Центрального Бюро Краеведения. Интерес к городу, пробудившийся экскурсионной работой, направил мою литературную работу в об-

ласть градоведения. Мой первый печатный труд «Непостижимый город» был помещен в Сборнике «Памяти А. Блока» (написан в 1921 г.). Затем в издательстве «Брокгауз и Ефрон» одна за другой вышли мои книги «Душа Петербурга» (обзор образов Петербурга в русской художественной литературе). Написана книга в 1919 г., издана в 1922. Вышла она с иллюстрациями А. П. Остроумовой-Лебедевой — художника, прославленной своими видами Ленинграда. Следующая моя книга была Посвящена «Петербургу Достоевского». Она вышла в 1923 г. с иллюстрациями М. В. Добужинского. Это была первая книга в этом жанре. (Книга Е. Beresford'a «The London of Charles Dickens» появилась в 1924 г., книга N. Stevenson «Paris dans la Comedie humaine de Balzac» в 1932 г.). В 1924 г. в том же издательстве вышла книга «Быль и миф Петербурга», в которой я сопоставлял поэму «Медный всадник» с историческими фактами возникновения северной столицы. Последующие мои статьи и книги были посвящены проблеме градоведения и экскурсионной методики («Путь изучения города», «Теория и практика Литературной экскурсии» и др.). Давно возникший интерес к Герцену (в Париже и в Лондоне в юношеские годы я посетил его дочерей) в конце 20-х — начале 30-х годов заставили меня заняться вплотную Герценом. Я закончил договоры с издательством «Academia» на 2 больших труда: «Герцен в воспоминаниях современников», «Летопись жизни Герцена». Первый труд мне было предложено перестроить, так как он принял характер трудов Вересаева о «Пушкине в жизни». «Летопись жизни» была принята издательством, однако не была издана. Над этим трудом я продолжаю работать и в настоящее время. В 1933 году я переехал в Москву, где получил место в Музее города Москвы. В 1937 году перешел в «Литературный музей», так как все более и более углублялся в проблемы литературоведения. Принимаю участие в организации юбилейных выставок, посвященных Пушкину (1937 г.); Герцену (1932) — в клубе ССП; Ломоносову (1940); Лермонтову (1941 и 1945 гг.). Прочел ряд докладов о Москве в Мемуарной секции Союза Писателей, членом которой сделался в 1943 г. В годы Великой Отечественной войны читал лекции в воинских частях и лагерях. Выезжал в действующую армию, когда враг был на подступах Москвы. Лекции были посвящены городам-героям и писателям-патриотам. Писал статьи для «Литературной газеты», «Вокса» и «Информбюро». В 1944 г. защитил диссертацию на тему, сочетающую оба мои основные интересы — литературоведение и градоведение: «Проблема урбанизма в художественной литературе». В последующие годы вышли мои книги: «Пригороды Ленинграда» (Павловск, Царское село, Петергоф в художественной литературе, продолжение книги «Душа Петербурга»), «Москва Пушкина», «Петербург Пушкина», «Пушкин в <нрзб>». В настоящее время я работаю над изучением архива Герцена — Огарева (полученного из Праги). «Литературным наследством» приняты две мои статьи для намеченных трех томов, посвященных Герцену — Огареву:

1) «Новые иконографические материалы по Герцену», 2) «Переписка Герцена с М. К. Рейхель». Работу в архиве продолжаю. Мною обнаружено неизвестных 58 писем Герцена. Во время выборов в органы государственной власти два раза был доверенным лицом и один раз членом избирательной комиссии.

Н. Анциферов.

Документ № 2

<Л. 27–33>

Автобиография Н. П. Анциферова

Родился в 1889 году 30 июля (ст. стиля) под Уманью (Украина) в Софиевке.

Это имение графов Потоцких, превращенное в училище садоводства. Мой отец, ученый-садовод, был преподавателем в этом училище. Детство провел в Никитском саду на южном берегу Крыма, куда был переведен мой отец. Вкусы мои определились очень рано. В семь лет я решил стать историком. Однако семейные вкусы влекли меня и в сторону биологических наук. Все мои родные по отцу и по матери были естествоиспытатели. Среди них — известный ученый-почвовед Н. М. Сибирцев. Отца я потерял, когда мне едва исполнилось восемь лет. Моя мать переехала в Киев. (Она была учительницей музыки.)

Я окончил 1-ую Киевскую гимназию. Одновременно со мной, но в других классах, обучались: Н. И. Берсенев, М. А. Булгаков, К. Г. Паустовский. Я многим обязан своему учителю русского языка Л. Ф. Батуеву, развившему во мне вкус к художественной литературе. В кружке молодежи, образовавшемся из учащихся разных учебных заведений, мужских и женских, наряду с политической экономией, с юношеским пылом мы изучали русскую литературу.

Окончив гимназию в 1909 году, я поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Своей специальностью я избрал средние века. В основном работал над Данте.

Во время забастовки 1911 года я с несколькими товарищами поехал в Париж, где знакомился с теми местами, которые были связаны с Французской революцией конца XVIII века. Эти занятия пробудили во мне интерес к исторической топографии и к локальному изучению исторических событий и явлений. В следующем году с семинарием профессора И. М. Гревса я побывал в Италии, где обошел пешком многие места, связанные с Данте. Тогда меня заинтересовала проблема изучения культурно-исторических ландшафтов, в частности, городских. Метод: Ж. Мишле, Г. Буасье, Э. Ренана и Ан. Франса. (Ж. Мишле (Jules Michelet; 1798–1874) — французский историк и публицист, представитель романтической историографии, автор глубоко субъективных трактатов об истории, обществе и природе; Мари Луи Гастон Буассье (Boissier, 1823–1908) — французский историк античности, специалист по культуре античного мира и истории раннего христианства; Жозеф Эрнест Ренан (Joseph Ernest Renan; 1823–1892) — французский философ и писатель, историк ре-

лигии, семитолог; Анатоль Франс (Anatole France; 1844–1924) — французский писатель и литературный критик— прим. К. П.)

В студенческие годы я был одним из организаторов кружка студентов и курсисток, которые изучали Эрмитаж с целью создания кадров для экскурсионной работы с рабочими. Тогда же я читал лекции на Обуховском заводе. Нашим «Эрмитажным кружком» было положено начало экскурсионной работе с широкими массами.

Университет я кончил в 1915 году и был оставлен для подготовки к профессуре. В 1919 году я получил кафедру (История средних веков) во 2-ом Педагогическом Институте (Ленинград). Из моих студенческих работ выросли статьи «Следы Рима в творчестве Данте», «Черты светского быта во французском городе (Париж XII и XIII в.), «Mater Franciscus (к проблеме раннего ренессанса)».

Война с Германией лишила меня возможности пользоваться локальным методом при изучении интересовавших меня проблем, связанных с моей специальностью медиевиста. Во мне все сильнее развивался интерес к родным городам. Здесь соединились мои разносторонние интересы: мой исконный вкус к художественной литературе, мой интерес к городам и их истории объединились. Я начал изучать образы городов, <их> преломление в художественной литературе. Меня заинтересовала связь художественного творчества с его вдохновителями — городами моей родины. Ленинградские формалисты мне доказывали, что я иду по ложному пути, что литература питается литературной традицией, а не реальными явлениями или памятниками жизни и истории. Из моих работ того времени отмечу: «Душа Петербурга», «Петербург Достоевского» и «Быль и миф Петербурга» (Петербург Пушкина — соотношение вымысла и реальности).

Аналогичные работы в литературоведении на Западе появились несколько позднее (Chancellor B. London of Charles Dickens. 1927. Catton. La Venise de Byron. 1924. Clouzotet Va Censi. Le Paris de la comedie humaine. 1925).

Революционная эпоха открыла мне большие возможности для применения накопленных знаний и опыта.

Широкий размах экскурсионной работы, расцвет краеведения дали мне возможность приложить свои силы. Я работал в Экскурсионном Институте и на экскурсбазе. Мною издан ряд книг и статей, посвященных экскурсиям, в частности, литературным. Я работал в центральном бюро Краеведения и объездил много городов. Мною напечатан ряд книг по градоведению. В статье, напечатанной в журнале «Краеведение», «Локальный метод» мною дано обоснование этому методу изучения истории и литературы. В конце 20-х годов я вел семинарий в Ин-те истории искусств (на Литер<атурном> факультете) по изучению художественной литературы в связи с изучением Ленин-

града и его окрестностей. В 1933 году я переехал в Москву и первоначально работал в «Музее г. Москвы». В частности, мною была организована в 1937 г. выставка «Пушкинская Москва». В том же году я принимал участие в организации Всесоюзной Пушкинской выставки, превращенной в постоянный музей. С 1937 года я работаю в Госуд<арственном> Литер<атурном> Музее. Мною организована секция по изучению литературных мест нашей родины.

Мною выработана инструкция, разосланная в областные центры. Интерес к такой работе проявился в ряде изданий, посвященных литературной жизни своего края (В Пензе, в Ульяновске, в Чкалове).

Гос<ударственный> Лит<ературный> Музей начал издавать серию книг «Литературные места». Вышло два выпуска. Моя книга «Пригороды Ленинграда» и книга «Подмосковье» с моими статьями о Герцене. В годы войны я читал лекции в госпиталях, в воинских частях Москвы, а также в действующей армии, когда шли бои на подступах к столице. Особый интерес вызвали лекции «Героическая Москва» и «Непобедимый город» (Ленинград). За свою работу я награжден медалями: «За оборону Москвы», «За доблестный труд». Ряд статей моих о русских городах напечатан в «Литературной газете» и принят «ВОКСом».

Последние десять лет, наряду с продумыванием работ по урбанизму, я написал ряд исследований по художественной литературе. Напечатать удалось две брошюры: «Тургенев» и «Герцен», статью «Дворянское гнездо» Тургенева, «Герцен и Женевский конгресс мира и свободы». «Герцен <нрзб>». К печати подготовлены «Письма крепостной девушки к Н. А. Герцен» и большая работа «Летопись жизни Герцена» (26 печ<атных> лист<ов>).

По тематике, связанной с локальным методом, мною напечатаны статьи «Грибоедовская Москва» и написана (защищена) диссертация «Проблемы урбанизма в художественной литературе», 25 печ<атных> лист<ов>, в которой я подвел итог многолетним трудам (1944 г).

В изд-ве «Молодая Гвардия» в связи с предстоящим восьмисотлетним юбилеем Москвы выходит моя книга, написанная совместно с член<ом>-кор<респондентом> Акад<емии> Наук С. В. Бахрушиным и моей женой С. А. Гарелиной: «Москва» (Раздел «Панорамы Москвы»).

Н. Анциферов

Документ № 3

<Л. 40–41>

Автобиографическая справка

Родился я в г. Умани в 1889 г. Мой отец был педагог и ученый-садовод Софиевского училища садоводства. Среднее образование я получил в Киевской 1-ой гимназии. Высшее — в Петербургском университете, на историко-филологическом факультете. Моя специальность была: «Данте и его эпоха».

Для написания дипломной работы я ездил (перед государственными экзаменами) в Италию в 1914 году (выпускное свидетельство я получил в декабре 1914 года). Начало войны задержало сдачу государственных экзаменов. (Я работал санитаром на вокзале и в попечительстве о семьях призванных на войну). По сдаче государственных экзаменов был оставлен при университете для подготовки к профессуре. Мои первые работы по специальности были: «Символика образа Беатриче» («Vita nova» и «Divina Comedia»), прочитанная мною в Историческом обществе при университете, и «Образ Рима в творчестве Данте», прочитанная позднее в «Обществе друзей итальянской культуры». В 1920 году я был избран профессором Туркестанского университета и в течение года работал по организации историко-филологического факультета. Из-за болезни не смог выехать в июле этого года в Ташкент вместе со своим факультетом. Мне была предложена кафедра во 2-м Педагогическом Институте в Петрограде — где я работал в течение 4-х лет вплоть до его слияния с 1-м Педагогическим Институтом.

Мой интерес к локальному методу изучения памятников культуры в их естественной среде заставил меня переключиться на изучение русской литературы. Здесь у меня наметились два центра.

Первый — изучение Герцена и Огарева, которыми я увлекся еще в пятнадцатилетнем возрасте. (Во время моего заграничного путешествия я посетил обеих его дочерей.) Список моих печатных трудов по Герцену прилагается. Здесь отмечу: 1) открытый мною портрет Герцена (мало известного художника), опубликованный в Герценовском «Литературном» Наследстве, 2) найденное мною письмо П. А. Бахметьева (прототипа Рахметова из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать») — единственный документ, устанавливающий его личность. Еще М. Лемке считал, что загадочный помещик был тверской дворянин Н. Ф. Бахметьев, 3) принятую к напечатанию переписку крепостной девушки Саши Вырлиной (описанной в «Былом и думах»). Основные мои труды по Герцену: «Летопись жизни Герцена» и «Москва Герцена» еще из печати не вышли. В настоящее время я сдал в ГИХЛ работу «Великий патриот — Герцен». В 1937 г. от Государственного Литературного Музея я организовал в Доме Союза Советских Писателей выставку, посвященную юбилею Герцена.

Второй центр моих работ — изучение отражений городов в образах художественной литературы. Больше всего я работал над Ленинградом. Здесь отмечу три мои книги: «Душа Петербурга» с иллюстрациями А. П. Остроумовой-Лебедевой, «Петербург Достоевского» с иллюстрациями М. В. Добужинского и «Быль и Миф Петербурга» (о Пушкинском «Медном Всаднике»). Изучая монументальный город в образах литературы, я разработал методику литературных экскурсий, изложенную мною в особой брошюре. Я составляю картотеку по отражению различных мест и городов нашей родины

в художественной литературе — собрал до 1500 названий. Преимущественно по Ленинграду и Москве. Только что мною сдана в ГИХЛ книга о героической Москве. Отзыв прилагается. В настоящее время я работаю над темой «Героический Ленинград и его прошлое».

После Педагогического Института я преподавал в Институте истории искусств на Литерат<урном> Отдел<ении> и Отд<елении> Изобр<азительного> Искусства (до его закрытия в 1929 году). На Съезде Краеведов (РСФСР) в 1927 году я был избран в действительные члены Центрального Бюро Краеведения. В 1933 году переехал Москву, где работал до 1937 года в Музее города Москвы (раздел Истории). В 1937 году при этом музее организовал выставку «Москва Пушкина». В этом же году принимал участие в организации Всесоюзной Пушкинской выставки, в 1930 году — стоял во главе организации Ломоносовской выставки Гос<ударственного> Литературного музея, а в 1941 году принимал участие в организации Всесоюзной Лермонтовской выставки. В Государственном Литературном музее я служу с 1937 г. по сей день. В настоящее время подготавливаю выставки передвижки и веду интенсивную лекционную работу в лазаретах и воинских частях (Москвы и окрестностей).

Н. Анциферов.

Документ № 4

<Л. 42>

Анциферов Николай Павлович

Родился в 1889 г. в г. Умань. Русский, беспартийный. Образование высшее. Окончил Ленинградский университет — историко-филологический факультет. В 1920 г. избран профессором Туркестанского университета и в течение года работал по организации историко-филологического факультета. Из-за болезни не смог выехать в Ташкент вместе с факультетом. Ему была предложена кафедра во 2-м педагогическом институте в Петрограде — где работал в течение 3-х лет, до слияния с 1-м Пединститутом. Позже перешел на изучение русской литературы. В 1937 г. организовал выставку, от Гос. Литерат. Музея, в доме Союза Советских Писателей, посвященную юбилею Герцена.

После педагогического Института преподавал в Институте Истории искусств на литературн<ом> Отделен<ии> и Отд<елении> Изобр<азительного> Искусства. На съезде Краеведов избран в действительные члены Центрального Бюро Краеведения. В 1933 г. переехал в Москву, работал до 1937 г. в музее гор. Москвы (раздел истории). В 1937 г. при музее организовал выставку «Москва Пушкина». В этом же году принимал участие в организации Всесоюзной пушкинской выставки, в 1930 г. стоял во главе организации Ломоносовской выставки Гос<ударственного> Литературного музея, а в 1941 г. принимал участие в организации Всесоюзной Лермонтовской выставки.

В 1937 г. работает в Гос<ударственном> Литературном музее.

Награжден медалью «За оборону Москвы».

Домашний адрес: Б. Афанасьевский пер., дом. 41, кв. 1.

Отзывы о работах Н. П. Анциферова

Документ № 1

<Л. 43>

Академия Наук СССР

Институт Мировой Литературы имени А. М. Горького

Ученый Совет в своем заседании от 1-го августа 1944 года, ознакомившись с представленной Н. П. Анциферовым диссертацией на тему «Проблемы урбанизма в художественной литературе», на основании Постановлений Совета Народных комиссаров Союза ССР от 20 марта 1937 года и 26 апреля 1938 года об ученых степенях и званиях постановки присвоить Николаю Павловичу Анциферову ученую степень кандидата филологических наук.

Председатель Ученого Совета
и директор Института мировой литературы
им. А.М. Горького.

И. О. Ученого секретаря.

2 августа 1944 г. № 25 Москва

Документ № 2

<Л. 49>

Всячески поддерживаю ходатайство Ник<олая>Павл<овича> Анциферова о зачислении его в члены Союза Сов<етских> Писателей. Н. П. Анциферов обладает большим литературным стажем и продолжает активно работать в области литературы. По характеру своей литературной деятельности Н. П. Анциферов, конечно, принадлежит к семье писателей. Та широкая известность, которой пользуются его произведения, делает бесспорным его право состоять в Союзе.

1/IV — 42 г. Томашевский
Член ССП.

(В 1942 г. Б. В. Томашевский был назначен от Союза советских писателей заместителем директора Литературного института. — Прим. К. П.)

Документ № 3

<Л. 50>

На бланке Государственного Издательства Художественная Литература.

Книга Н. П. Анциферова «Москва» носит историко-беллетристический характер[1]. Это история Москвы, написанная блестящим языком, доступным широким массам, наполнена первоклассным историческим материалом,

в большинстве до сих пор малоизвестными и меткими цитатами из классиков литературы. Чувствуется большая любовь автора к Москве, она пронизывает всю книгу с начала до конца. Благодаря всему этому художественно исторический очерк Н. П. Анциферова читается с захватывающим интересом и является ценным вкладом в историю Москвы и в русскую литературу.

Книгу крайне желательно и необходимо издать тиражом не менее 100.000 экземпляров, соответствующим образом снабдив иллюстрационным материалом.

Редактор Гослитиздата Н. Родионов.

(Известный редактор и литературовед Николай Сергеевич Родионов (1889–1960). В 1930-е гг. входил в редакторский комитет по изданию полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Сотрудничал с редакцией «Литературного наследства» [Родионов, 1961. С. 429–436]. — Прим. К. П.)

Документ № 4

<Л. 51>

Знаю Николая Павловича Анциферова по его работе, как научного сотрудника Литературного музея по подготовке Лермонтовской выставки, и по ряду литературных работ.

Поддерживаю ходатайство Н. П. Анциферова о приеме его в члены Союза Советских Писателей.

4 апреля 1942 г.

М. Эссен

Член ССП

(Мария Моисеевна Эссен (1872–1956), журналист, редактор, с 1938 г. член ССП. В 1942 работала в Гослитиздате. — прим. К. П.)

Документ № 5

<Л. 55>

Считаю, что Николай Павлович Анциферов, автор многих историко-литературных трудов, вполне достоин быть членом Союза Советских Писателей, что своей подписью и удостоверяю.

Вячеслав Шишков

17. IV — 42.

Москва. Гостиница Москва, комната 114

(Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) — советский писатель. До 1 апреля 1942 г. Шишков находится в блокадном Ленинграде. По сообщению Т. Н. Камендровской, был знаком с Н. П. Анциферовым с 1920-х гг. — Прим. К. П.)

Документ № 6

<Л. 58>

В Правление Союза Советских Писателей.

Отзыв о литературной работе Николая Павловича Анциферова.

Николай Павлович Анциферов — талантливый и своеобразный писатель, завоевавший себе прочное имя в нашей литературе. Он — ученый-историк, которому в равной мере знакомо прошлое как нашего отечества, так и Запада; он — краевед и градовед, один из наиболее авторитетных у нас; он литературовед, особенно много сделавший для изучения жизни и творчества Герцена. За двадцать лет Н. П. Анциферов напечатал ряд книг и множество статей на темы исторические, краеведческие, литературоведческие. Все им написанное, независимо от научной или теоретической ценности, обличает в нем яркий писательский талант.

Как художник слова, неутомимо работающий над углублением нашей культуры, Н. П. Анциферов имеет неоспоримое право быть членом Союза Советских Писателей.

Член ССП — М. Лозинский [2].

Елабуга

20 апреля 1942 г.

Документ № 7

<Л. 60>

В Президиум Союза Советских Писателей.

Целиком присоединяюсь к отзыву Михаила Леонидовича Лозинского о литературной работе Николая Павловича Анциферова.

Н. П. Анциферов — талантливый писатель, знаток русской старины, краевед, исследователь литературы. Широко известны его книги о прошлом Петербурга-Ленинграда («Быль и миф Петербурга», «Душа Петербурга»), а также его трилогия — «Книга о городе», посвященная городам древнего Востока, феодального периода и современной Европы.

Как исследователь литературы, Н. П. Анциферов занимался Пушкиным (книга «Пушкин в Царском Селе») и Герценом (статьи в Герценовском томе «Литературного Наследства» и большая — в 25 печатных листов — работа «Летопись жизни Герцена»).

Николай Павлович безусловно и давно уже имеет право состоять членом Союза Советских Писателей. Всемерно поддерживаю его ходатайство.

С. Маршак [3].

15 мая 1942 г.

Документ № 8

<Л. 61>

Всемерно поддерживаю ходатайство о восстановлении Н. П. Анциферова в звании члена Секции Научных работников. Это один из талантливейших наших ученых, продуктивно работающих в области как истории, так и истории литературы.

Документ № 9

<Л. 62>

На бланке Государственного Литературного Музея

От 31 июля 1942 г. № 364

Справка

Сия справка выдана старшему научному сотруднику Гос. Литературного Музея т. Н. П. Анциферову в том, что он с декабря 1941 г. ведет интенсивную лекционную работу в госпиталях и воинских частях как Москвы, так и в ее окрестностях.

Директор Гослитмузея В. Д. Бонч-Бруевич [5].

Документ № 10

<Л. 52>

Отзыв о работах тов. Н. П. Анциферова.

Я знакомился с двумя книгами т. Анциферова «Душа Петербурга» (1922) и «Героическая Москва и ее прошлое» (1942). Обе работы, с моей точки зрения, обладают большими историко-литературными достоинствами и показывают определенное самостоятельное литературное лицо автора.

Глубокое знание исторического и литературного материала, свой подход к анализу фактов, изложение, характеризующее автора как стилиста, позволяет мне, учитывая к тому же длительный литературный стаж автора, рекомендовать принять его в Члены Союза Советских писателей.

Подпись <нрзб>

21.9.42

Документ № 11

<Л. 53>

В Президиум Союза Советских Писателей.

Николай Павлович Анциферов — профессор и литературовед и историк, специалист по эпохе Данте; печатается и читает лекции более 20 лет.

В 1922 году вышла его известная книга «Душа Петербурга» и была очень хорошо встречена печатью. С тех пор его любимая тема — город Ленина в образах классической и советской литературы.

Многие тысячи экскурсантов познакомились с Ленинградом по его книгам «Быль и миф» и «Петербург Достоевского».

В военное время т. Анциферов дал «Литиздату» книгу «Москва» (11 п. л.), ее героическое прошлое и настоящее, донес основанную на образах художественной литературы.

Вторая тема его работ — А. Н. Герцен. Его большой труд, потребовавший многолетних <нрзб> — «Летопись (жизни и творчества) А. Н. Герцена» (24 п. л.), был подписан в набор редактором Лебедевым-Полянским, но по издательским <нрзб> до сих пор не вышла в свет.

Н. П. Анциферов — литературовед, специфика которого — отражение в художественных образах наших обеих героических столиц, владеющий исчерпывающе своим материалом, мастерством изложения и с увлечением занятый своей разной <нрзб>.

Предлагаю Н. П. Анциферова в члены Союза.
12-IV-42. С. Анисимов [6]

Примечания

[1] Рецензия дана на книгу Н. П. Анциферова «Героическая Москва и ее прошлое». Книга о Москве вырастает из лекций, которые непрерывно в первые осенние месяцы войны Н. П. Анциферов читает бойцам и командному составу в госпиталях, воинских частях и военно-пересыльных пунктах столицы. К весне 1942 г. книга о Москве была завершена, однако в июне того же года она была отвергнута редакцией ГИХЛ. В РГАЛИ сохранился отзыв кандидата филологических наук И. Баса: «Серьезным недостатком книги, особенно чувствительным в такой объемной книге, является то, что автор не продумал, какую основную идею он хочет положить в основу всей работы. В книге нет такой одной идеи, которая бы ее пронизывала от начала до конца, проходила бы красной нитью по всей книге и придавала бы ей цельность, стройность, лаконичность и ясность...» (цит. по [Московская, 2010, С. 65]. Подробнее об истории книги см. [Московская, 2012, с. 64–69.

[2] Михаил Леонидович Лозинский (1886–1955) — поэт, выдающийся переводчик, один из создателей советской школы поэтического перевода, вместе со своей супругой Татьяной Борисовной были близкими друзьями Анциферова. С середины 1920-х гг. Татьяна Борисовна работает с Николаем Павловичем в Центральном бюро краеведения. Позднее, когда начались гонения против краеведов и волна репрессий захватила многих друзей Лозинских, в том числе Николая Павловича, Татьяна Борисовна ездила навещать его, хлопотала об освобождении, привозила ему детей, старалась утешить и ободрить. [Вербловская, 2012. С. 453]. Как сообщает М. Б. Вербловская, в 1937–1939 гг. Лозинская посылала Николаю Павловичу посылки и письма. В одной из таких посылок Николаю Павловичу была отправлена серебряная ложка, которая доехала почему-то сломанная, о чем Анциферов писал в одном из своих писем к Софье Александровне. В конце ноября 1941 г. Лозинские перебрались из Ленинграда в Елабугу, где в апреле 1942 г. Михаилом Леонидовичем был написан выше публикуемый отзыв.

[3] Самуил Яковлевич Маршак (1887–1964), русский поэт, драматург, переводчик, литературный критик, по воспоминаниям М. С. Анциферова, был хорошим знакомым Н. П. Анциферова. Из выступления М. С. Анциферова на Третьих московских Анциферовских чтениях (ИМЛИ — ГЛМ, декабрь 2014 г.).

[4] В 1928 г. Н. П. Анциферов был арестован по делу философско-религиозного кружка А. А. Мейера. В 1930 г. Анциферов был дополнительно привлечен по «Академическому делу» вредительства на историческом фронте — делу С. Ф. Платонова и Е. В. Тарле (1974–1955). Третий арест произошел в 1937 г. В письме Софьи Александровны к наркому Л. П. Берии с просьбой о пересмотре дела мужа вновь возникает фамилия академика Тарле. «Со своей стороны, решаюсь напомнить, что главные лица по делу историков, как Тарле, Готье и др., ныне пользуются доверием правительства, избраны в Академию...». [Московская, 2010. С. 63].

[5] История деловых и личных отношений Николая Павловича Анциферова и Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича восходит к 1936 г., ко времени участия обоих в подготовке Всесоюзной Пушкинской выставки. В 1937 г. Бонч-Бруевич пригласил Анциферова работать в Государственный Литературный музей. Однако долгожданная для ученого работа была прервана арестом и ссылкой в Уссурийский край. Среди материалов следственного дела исследователем Д. С. Московской была найдена справка за подписью Бонч-Бруевича с политической и деловой характеристикой Анциферова, данная по специальному запросу ОГПУ, из которой следует, что Бонч-Бруевич неустанно хлопотал для освобождения Анциферова. Директор ГЛМ дал самую высокую оценку профессионализму Анциферова. Среди блестяще выполненных им работ он особо выделил «описание всех мест пребывания Герцена в Москве и под Москвой», требовавших «больших литературоведческих и исторических знаний»; подробнее см. [Московская, 2014. С. 88–90]. Осенью 1939 г. Анциферов был освобожден и вскоре вернулся в Москву. В январе 1940 г. он был вновь принят на работу в ГЛМ высоко ценившим его Бонч-Бруевичем.

[6] «Президиуму Союза кандидатура Н. П. Анциферова была доложена С. С. Анисимовым. Писатель, начавший творческий путь в еще предреволюционные годы, он был автором историко-краеведческих книг, пьес и очерков, посвященных Кавказу, Грузии и Абхазии, городам Сибири и Украины — Тобольску, Донецку и Харькову» [Московская, 2010. С. 70–71].

Список литературы

Анциферов М. С. Мои встречи с дедушкой // Вторые московские Анциферовские чтения. Сб. ст. по материалам Междунар. конф., посвящ. 140-летию В. Д. Бонч-Бруевича. М. : ГЛМ ; Три квадрата, 2014. С. 132–135.

Вербловская М. Б. Т. Б. Лозинская — друг Н. П. Анциферова // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего : по материалам междунар. науч. конф. «Первые московские Анциферовские чтения». Москва, 25–27 сентября 2012 г. М. : ИМЛИ РАН, 2012. С. 450–459.

Московская Д. С. Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг. К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М. : ИМЛИ РАН, 2010. 432 с.

Московская Д. С. О времени и о себе. Из переписки В. Д. Бонч-Бруевича с Н. П. Анциферовым // Вторые московские Анциферовские чтения. Сб. ст. по материалам Междунар. конф., посвящ. 140-летию В. Д. Бонч-Бруевича. М., 2014. С. 88–131.

Реформатский А. А. Борис Викторович Томашевский [Электронный ресурс] : мемуар // Звезда. 2007. № 8. К 50-летию со дня смерти Бориса Викторовича Томашевского. Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/8/re12.html>.

Радионов Н. История и организация [юбилейного собр. соч. Л. Н. Толстого] // Лев Толстой / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М. : изд-во АН СССР, 1961. Кн. 2. С. 429–436. (Литнаследство ; т. 69).

М. А. Реформатская

Мария Александровна Реформатская, кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры всеобщей истории искусства Исторического факультета МГУ. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; glebpospelov1@gmail.com

СЕМЬЯ РЕФОРМАТСКИХ. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

Аннотация

Воспоминания дочери А. А. Реформатского и Н. В. Вахмистровой охватывают первые пореволюционные десятилетия, когда складывалась Московская лингвистическая школа, видным представителем которой являлся А. А. Реформатский. В эти годы в круг общения семьи Реформатского входили Н. П. Анциферов, Б. М. Томашевский, В. Д. Бонч-Бруевич, О. Брик, В. Шкловский и многие другие.

Ключевые слова

Н. П. Анциферов, А. А. Реформатский, Б. М. Томашевский, М. В. Юдина, Д. Н. Ушаков, Д. Е. Михальчи, Л. П. Гроссман, ОПОЯз, филология, кружок

Мои родители — языковед Александр Александрович (1900–1978) и литературовед Надежда Васильевна (урожденная Вахмистрова) Реформатские (1901–1985) — были в полном смысле слова ровесниками XX века. Они принадлежали к поколению московских филологов, давно отошедшему в мир иной. Для современных людей их имена соотносятся с книжными обложками учебников и монографий (у отца) и оглавлениями литературоведческих сборников и журналов (у матери). Мне бы хотелось своими заметками вернуть их в живую историю и представить в домашней среде, в которой дух филологии был разлит в разных проявлениях, от серьезных занятий до шутиливой игры. «Филологические контакты» — понятие, вынесенное в заголовок, — может быть проиллюстрировано кругом примеров довольно широкого спектра. Сюда относятся не только указания на знакомство с собратьями по профессии (учителями и сверстниками, единомышленниками и сослуживцами), на встречах с которыми шло обсуждение специальных вопросов и более широких тем, но и воспоминания об обычном ходе семейной жизни, когда к случаю слетали с языка то каламбуры, то цитаты из стихов или их

парафразы; обстоятельства, произошедшие с конкретными людьми, соотносились с ситуациями литературных героев или эпизодами из биографии любимых писателей. Мне запомнилась некая атмосфера «нахождения» внутри филологической материи, внутри самого мира слов и текстов. Любимые книги зачитывались до дыр и воспринимались как лучшие друзья.

Гуманитарные наклонности родителей выявились еще в гимназическую пору. Им обоим удивительно повезло с учителями-словесниками, которые поощряли в них интерес к литературе, выделяли их ответы и сочинения. У мамы уроки словесности вел знаменитый в дореволюционной Москве преподаватель А. Д. Алферов, у папы — учитель вузовского ранга, автор исследования «Поэтика Лермонтова» (1914 г.), В. М. Фишер, про которого отец говорил, что он «вдохновил и направил мой путь на филологический факультет». Они ярко излагали материал, часто вызывали гимназистов на споры, но, главное, воодушевляли аудиторию своим потрясающим чтением. Видимо, с того времени повелось в нашей семье ценить устное чтение и считать, что лучшими исполнителями прозы и особенно стихов являются филологи, а не профессиональные актеры. Наибольшей критике подвергались мхатовцы, меньшей — артисты Малого театра. Очень любили «Старосветских помещиков» в исполнении И. В. Ильинского и многие программы, особенно чеховские, у Д. Н. Журавлева. Мне неоднократно приходилось убеждаться в правильности подобных суждений.

Судьба первых родительских наставников была трагичной. В 1919 г., в разгул красного террора, расстреляли Алферова, а во Вторую мировую войну погиб в Варшавском гетто Фишер. Александр Александрович и Надежда Васильевна до конца своих дней хранили о них благодарную память.

По окончании гимназии в 1918 г. мои родители не сразу нашли себя в выбранной профессии. Мама, следуя веянию времени, вслед за старшими сестрами поступила на медицинский факультет. И только после года насилия над собой и тяжелого тифа в нарушение семейной традиции перевелась на историко-филологический факультет Московского университета. Папа совмещал работу грузчика на книжном складе (для получения пайка первой категории) возле Сретенки с вечерними занятиями филологией в Университете, но никакой увлеченности наукой на первых порах не проявил, зато набирался колоритных жизненных впечатлений. Однажды при перевозке архива своего начальника В. Д. Бонч-Бруевича молодой грузчик разбил по неосторожности ящик, и из него посыпались пачки писем — переписка Владимира Дмитриевича с духоборами. Собирали вместе, лежа на полу. И тут же, несмотря на неудобную позу, Бонч-Бруевич очень горячо и интересно принимался комментировать: «А вот, поглядите, что Лев Толстой об этом как раз писал!».

Александра Александровича неудержимо тянуло в театр, а не на студенческую скамью. Через год в тайне от академически настроенной семьи он сбегал в театральную студию при «Театре РСФСР 1» (Мейерхольда). Ведь театр был его давней страстью.

Обыкновенно рождественские или пасхальные каникулы ознаменовывались домашними спектаклями под руководством матери Александра Александровича или ее дальнего родственника И. А. Витвера (в будущем профессора экономической географии). На подготовке постановки чеховской пьесы «Свадьба» в 1917 г. и состоялась первая встреча моих родителей, но никакого продолжения это знакомство тогда не получило. В 1918 г. бывшие гимназисты организовали кружок «Сикамбр», на заседаниях которого обсуждались вопросы общеэстетического характера и готовились к показу отрывки из пьес Гоголя и Островского, старинный французский фарс «Адвокат Пателен». С успехом прошла инсценировка рассказа Лескова «Грабеж», сыгранная в военном госпитале в Мерзляковском переулке. Название театрального кружка произошло от эффектного слова Сатина из нашумевшей мхатовской постановки пьесы Горького «На дне». Так называлось одно из варварских германских племен. В контексте пьесы оно означало «дикий», «непросвещенный», «нехристь». В устах же кружковцев это слово обретало характерный для тех лет эпатажный характер. Вспомним названия предреволюционных художественных объединений «Бубновый валет», «Мишень», «Ослиный хвост».

В театральной студии Александр Александрович Мейерхольда не застал, тот был в отъезде на юге. Но зато он, слушая преподававших там филологов новой формации О. Брика, Р. Якобсона и иногда В. Шкловского, почувствовал в себе главную профессиональную жилу и вернулся в филологическое лоно зимой 1920–1921 гг., на сей раз активно отдавшись занятиям. Правда, в организации учебного процесса в те годы царила полнейшая неразбериха. Студенты аттестовались не по годовым курсам, а по числу сданных предметов. Но в этом было и свое преимущество: студенты строго не закреплялись за курсами и могли свободно выбирать себе по вкусу лекции, семинарии и кружки как в самом Университете, так и за его пределами. Знакомились с разными профессорами и учащимися разных возрастов. Внутри Университета широкой известностью пользовался кружок П. Н. Сакулина, а вне его стен, для особенно пытливых, — московское отделение ОПОЯЗа под началом О. Брика, собиравшегося у него на квартире. Долгое время хранился выданный на имя Надежды Васильевны Вахмистровой (девичья фамилия мамы) членский билет № 3, рукодельный, но с подлинной печатью. Там произошла и памятная встреча с Маяковским, попросившим студентов расставить в его корректуре знаки препинания.

Настоящее «лингвистическое крещение» родители получили на занятиях у Д. Н. Ушакова. Под его руководством они готовили выпускную работу. Каждый, имея индивидуальное задание по определенной языковедческой проблеме, проводил исследование по одному источнику — «Истории о Великом князе московском» Андрея Курбского. С ними в компании был третий выпускник — Т. А. Борзова (в замужестве Корина). Таковы в те годы были университетские порядки! Параллельно Ушаков привлечет Реформатского к работе уже тогда зародившегося знаменитого «Толкового словаря русского языка», поручив ему выборку языковых примеров из сочинений М. М. Пришвина. Личное знакомство с полубившимся в молодые годы писателем состоится через десять лет на почве литературы и охоты, а мама посвятит этому мемуарный очерк. С Ушаковым же сложатся тесные и продолжительные отношения, основанные на научном сотрудничестве и душевной привязанности. Возникшие в общении учителя и ученика прозвища «Шер-Метр» и «Шер-Элев» (мама именовалась «Шерелевицей») вошли теперь в филологическую мифологию. А были еще и такие понятия: «ушаковские мальчишки», «ушаковский чай» и «ушаковки» — это обороты словарных карточек, пущенные в обиход как бумажное сырье. Об Ушакове Александр Александрович писал особенно проникновенно: «Дмитрий Николаевич был самым очаровательным человеком, каких я встречал в жизни: живой, умный, изящный, точный, озорной — редкое сочетание качеств в одном человеке! <...> В Дмитрие Николаевиче было много “чеховского” — и его отвращение к фразе, простота и изящество, его тонкий юмор. Недаром в его кабинете рядом с Пушкиным висел и портрет Чехова. Это были его любимые писатели. И до чего же он понимал и чувствовал людей, и как его коробила любая фальшь и пошлость. А это тоже ведь «чеховское». К тому же Дмитрий Николаевич замечательно читал Чехова. <...> А какой он был рассказчик и собеседник! Великолепный мастер и знаток русской речи, и талантливейший хозяин интонации и повествования. И все так просто и непринужденно».

Заметный след в памяти родителей оставил семинарий профессора М. А. Петровского по морфологии новелл Мопассана, куда их завлекли более начитанные и просвещенные студенты Л. Н. Галицкий и Д. Е. Михальчи, близкие друзья до конца их жизни. Как вспоминал позднее Реформатский: «Это был незабываемый семинарий, когда в уютном маленьком зальчике в Шереметьевском переулке с его плюшевыми красными диванчиками и, кстати, с доской (sic!) — мы ведь любили формулы и схемы, а без доски это демонстрировать нельзя! — сидел в шубе с бобровым воротником Михаил Александрович, а мы вокруг. Кто-нибудь докладывал, чаще у доски с мелом в руках, и уж обязательно с убежденностью во взоре». Реформатскому для доклада, вызвавшего бурные прения, была предложена мопассановская новелла

«Петух запел», а сам профессор выступил перед слушателями с собственным анализом «Выстрела» Пушкина и «Вечного мужа» Достоевского, а несколько позднее прочитал в стенах ГАХНа доклад о новелле Чехова «Шампанское».

По окончании Университета любители новеллы замыслили организовать аналогичный кружок по морфологии анекдота с М. Петровским, О. Бриком и Л. П. Гроссманом во главе и даже провели три заседания в течении 1923 г. на квартире отца Александра Александровича в Дурновском переулке. Но вскоре эту затею пришлось оставить из-за «цензурной трудности». Как вспоминал Реформатский: «Наш материал нельзя опубликовать, так как либо он политически не благонадежен, либо — он похабен! Так чудесный кружок и распался».

Но хорошие отношения с Петровским продолжились в домашней обстановке. «Михаил Александрович из наставника и профессора сразу стал старшим другом “на равных”», — рассказывал папа, а мама даже начала его называть просто «Мишей». Папа при этом добавлял: «у нас музыка, семиотика, мировая культура и водочка не мешали друг другу, а шахматы помогали». В 1928 г. Реформатские и их друзья готовили сборник статей для издательства «Никитинские субботники», посвященный столетию со дня рождения Льва Толстого, и хотели видеть своим редактором М. Петровского. Но и этой затее не суждено было осуществиться: издательство прикрыли, а предполагаемый редактор вскоре оказался, как говорил А. А., «вне игры», зарабатывая на жизнь в качестве техреда в БСЭ и переводами вплоть до ареста в 1935 г. и ссылки в Томск, где его в 1937 г. арестовали повторно и расстреляли. Эти скорбные подробности последних дней любимого учителя родителям известны не были. Каждый раз при встрече с братом Михаила Александровича, Федором Александровичем родители неизменно задавали вопрос: есть ли новости о Мише?

Кроме ушаковского «профессорского особнячка» в Сивцевом Вражке, почитавшегося в Москве лингвистической Меккой, и квартиры Петровских в Шереметьевском переулке местом притяжения филологов в 1930-е гг. становится дом Григория Осиповича Винокура на Арбате. Это был своеобразный культурный центр, где велись оживленные беседы на темы языковедения и музыки, пушкинистики и литературной жизни 1920-х гг. С Винокуром родители познакомились еще в молодые годы, приходя на заседания лингвистического кружка, где он либо сам делал доклад (о книге Фердинанда де Соссюра), либо сидел на председательском месте во время доклада о стихосложении их старшего товарища Максима Кёнигсберга. Талант этого рано умершего филолога высоко ценился в родительском окружении.

С Винокуром связывало и общее ушаковское ученичество, и единомыслие по ряду лингвистических и литературоведческих вопросов, и интерес к идеям

Г. Г. Шпета, у которого Реформатские прослушали два курса в Институте слова. Книги и статьи философа повлияли на многих филологов. Помимо этого Григорий Осипович притягивал к себе широтою знаний и бесконечным обаянием своей личности, за что и удостоился ласкового прозвища — «Цветок», иногда для игривости произносимого как «Цвяток» — по реплике персонажа из вахтанговской постановки «Егор Булычев и другие».

В это время в гуманитарной среде широко обсуждались проблемы текстологического характера, затрагивающие как литературные произведения (авторство Пушкина, Шекспира, Шолохова и др.), так и музыкальные (редакции «Хованщины» Мусоргского, выполненные Римским-Корсаковым и Ламмом). Первый пример. Мама, просматривая подборку журнала «Русское богатство», обратила внимание на сходство текстов Ф. Крюкова с «Тихим Доном» Шолохова и поделилась своими наблюдениями с А. Фадеевым. Тот посоветовал молодому текстологу не вмешиваться в дискуссию, добавив, что во всем разберется Серафимович.

Второй пример. Намечается встреча друзей у Винокура. Темой вечера предполагается обсуждение редакции «Хованщины». Реформатский, согласовав с хозяином приглашение С. М. Бонди, посылает ему записку в стихах:

С. М.! Здесь заключен союз
На предмет скорой встречи
Где под эгидой светлых муз
Должны раздаться речи.
Дом 20, улица Арбат, —
Вам адрес сей известен?
Внимание! Мы бьем в набат.
Наш клич ей-ей Вам лестен...

Послание пишется во время какого-то научного заседания. И тут же приходит ответ:

Спешу стихами приготовить
Вам утвердительный ответ.
Поскольку в этом ничего ведь
Предосудительного нет...
Не перепьемся мы, как боров,
Сойдемся скромно, для бесед;
И темы наших разговоров:
Мусоргский, Корсаков и Шпет.

На обороте бондиевского листка остался забракованный им и перечеркнутый первоначальный вариант:

Ответ послал я утвердительный
На приглашенья Ваше, друг.

А сам боюсь, а что как бдительный
Глаз ГПУ заглянет вдруг?

Год — 1932 — написания этих стихов не без основания свидетельствует о возможных неприятностях. Уже многие коллеги и родственники томилась в заключении. Назревали крупные посадки по сфабрикованным делам, которые коснутся стольких близких людей. В дневнике мамы появляется цитата из Пушкина: «Иных уж нет, а те далече...», несколько страниц заполняются выписками из «Бесов» Достоевского о «шигалевщине» с такими заключениями: «У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом... Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство... мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство».

Но жизнь брала свое и продолжалась вопреки угрозам с опорой на любимое дело и дружескую поддержку. Вот и третий пример, необыкновенно актуально звучащий в эпоху сталинского режима. На основании квалифицированной текстологической экспертизы, лексического анализа и аргументированных языковедческих выводов Винокуру удалось определить с математической точностью автора цензорского отзыва на драму Пушкина «Борис Годунов». Им был Ф. Булгарин. Тайное николаевского времени становилось явным через сто лет. На оттиске своей статьи об этом сюжете, опубликованной в 1936 г., Григорий Осипович написал: «Дорогому А. А. Реформатскому. "Pereat mundus fiat linguistica!"» — «Да здравствует лингвистика, хотя бы погиб мир!». Подарок был сделан 3 августа 1942 г.; дата также объясняет смысл надписи. О спасительной поглощенности работой в военное время свидетельствуют выдержки из писем Александра Александровича сыну на фронт: «Верчусь, как бес. Надо собрать все студенческие и профессорские силы. Лекции порой идут в "убежествах", но не прерываются <...> работать будем до последнего, авось оно не придет».

Наш постоянный спутник жизни — Пушкин — подвигал отечественных филологов не только на глубокие исследования, особенно в период подготовки столетия со дня гибели поэта, но и на забавные шутки. Осенью 1936 г. у Реформатских, живших тогда в 7-м Ростовском переулке (они тогда попеременно обитали то по этому адресу, то в квартире родителей Александра Александровича в Дурновском переулке — «Странствуем, как цыгане — это в честь пушкинского юбилея», — говорили они) замышлялся вечер. По стенам комнаты развесили листы из плотной бумаги с преобладанием вакхических призывов, напоминающих о культе веселых пиров и крепких узах лицейской дружбы: «Умножайте шум и радость. Пойте песни в добрый час!», «Пролей мне в грудь отрадное похмелье». Но из противоположной стороны слышалось предостережение: «Потише, господа! Ведь вы здесь не в харчев-

не!». На самом видном месте красовались лозунги, имеющие двоякий смысл: «Октябрь уж наступил» и «Прекрасен наш Союз!». Причем слова «Октябрь» и «Союз» выделены красным цветом и заглавными буквами — не подкопаться! Старшее поколение гостей удостоилось персональных зарисовок. Лист с наклеенной фотографией почтенного профессора химии Александра Николаевича Реформатского (моего деда) гласил: «Вот он, Вот Вах!». Для Ушакова, нежно прозываемого в этой компании «Душенька», был взят текст из И. Ф. Богдановича: «Во всех ты, Душенька, нарядах (нам) хорош...». Милейший Дмитрий Николаевич был представлен в девичьем платье с оборками и в кружевных панталонах с изящным цветком в правой руке, бутон которого напоминал голову любимого ученика — Винокура.

22 ноября в доме Винокура произошла первая встреча Реформатского с Б. В. Томашевским, который в московские приезды всегда здесь останавливался. Впоследствии знакомство вылилось в тесную дружбу. Свою близость с сильно превосходящим его по возрасту Борисом Викторовичем папа пояснял мне аналогией отношений между Пушкиным и Чаадаевым. Но на мой вопрос «Кто же у вас кто?» отмалчивался, хитро улыбаясь. Весной 1942 г. Томашевские были эвакуированы из блокадного Ленинграда и на 3,5 года стали москвичами. Александр Александрович, пользуясь своим недолгим деканством в МГПИ, зачислил Бориса Викторовича профессором, а тот, став со временем замдиректора Литературного института, пригласил Александра Александровича заведовать там кафедрой языкознания. Вот и пошли с тех пор гулять выражения «Сурковая масса», «Сплошное маррево» (о засилье сторонников учения Марра), «зацементированность мозгов» (неподатливость на разумные советы по обновлению учебных программ, исходившая от директора института Ф. Гладкова, автора романа «Цемент»).

Об увлеченности родителей личностью Томашевского, общности их научных, литературных и культурных интересов хорошо сказано в мемуарном очерке Реформатского. Хочется еще раз напомнить об одном эпизоде, который врезался в сознание слушателей, пришедших на доклад Бориса Викторовича о становлении лирики Пушкина от «южных поэм» до «Пророка». Мама отметила, что доклад «был исключительно интересен и читал он его вдохновенно — иначе не скажешь. Ко всему этому мастерство построения и необычайная простота изложения». Докладчик завершил выступление чтением «Пророка», как в свое время Достоевский!

Ко мне, пятилетней, Борис Викторович, именуемый Борвиком, проявлял исключительную ласку и заботливость, хотя и весело подтрунивал, называя бандерлогом, а не Маугли. Иногда он сажал меня на закорки. Я простирала вперед длань, мой «конь» пускался вскачь, порою выдвигал ногами бурные движения, обозначающие волны наводнения. Так мы изображали «Медно-

го всадника». Однажды Борвик застал меня в неутешных слезах по поводу печального финала «Дубровского». Он принялся меня утешать, ссылаясь на то, что у Пушкина были другие варианты — с более счастливой концовкой. К прописным истинам, официозной патетике, затертым словосочетаниям, прививаемым в советской школе, Томашевский относился с язвительной насмешкой. Наблюдая, как я корплю над школьным заданием — изготовить лозунг «Собака — друг человека», Борис Викторович возмутился: «Почему все твердят собака, собака? А чем другие зверушки хуже? Ты, бандерлог, лучше напиши: “Жаба — друг человека”». Я поддалась на провокацию и вывесила в коридоре большой лист бумаги с предложенным изречением, положив начало «Жабьей газете», в которую охотно писали и давали рисунки обитатели нашей многосемейной квартиры и их знакомые. Взрослые отводили душу в этой невинной детской забаве, наполняя свои вирши аллюзиями на ситуации современной жизни. Папина басня о жабе-карьеристке с дипломом «доктора болот» была с моралью: «Науки и чины — не только жабам вред». Томашевский представил философическое сочинение, построенное на противоположных значениях одного и того же слова: «жаба — болотная и грудная, червь дождевой и червь сомненья, гады ползучие и двуногие».

Мы, конечно, гадам рады,
К ним я злобы не пойму,
Но двуногие есть гады
Не по вкусу моему.

Другое стихотворение заключало не менее важную сентенцию:

Знайте, счастье во влаге,
И, конечно, очень плох,
Кто в листах сухой бумаги
Сам над книжками засох.

В сближении родителей с Томашевским огромную роль сыграла его музыкальность. Он хорошо знал музыкальную литературу, свободно ориентировался в клавирах опер и симфоний, собирал пластинки и нас пристрастил к их коллекционированию, подарив мне на день рождения проигрыватель первой модели. Он постоянно посещал концерты симфонической и инструментальной музыки. Из пианистов очень ценил В. Софроницкого, М. Юдину (Мария Вениаминовна, гастролируя в Ленинграде, часто репетировала за его инструментом). Нашим общим увлечением были концерты С. Рихтера: и сольные, и с оркестром, и в ансамбле с замечательной певицей Н. Дорлиак, восхищавшей культурой, чувством стиля и великолепным французским произношением в романсах Веккерлена и Дебюсси. Для чуткого лингвистического уха воспитанника Сорбонны это особенно было дорого.

Приятной неожиданностью было узнать, что Борис Викторович сам неплохо играет на рояле. Неожиданно, застигнув его музицирующим у нас дома, мама воскликнула: «Да Вы совсем как Грибоедов!». С грибоедовской темой переплеталось многое. Грибоедовым занималась Ирина Николаевна Томашевская, жена Борвика. На канале Грибоедова № 9 они жили в Ленинграде. В школе имени Грибоедова училась я. Ну как тут не вспомнить эпизод из озорной молодости Реформатского. В 1929 г. отмечали столетие со дня гибели писателя, и Александр Александрович заключил пари, что явится на службу в Госиздат в облике Грибоедова. Он специально отрастил бачки, завел очки с темной оправой, занял у Д. Михальчи цилиндр и вытащил из сундука дедову шубу с енотовым воротником. Он обошел всех сослуживцев, кланяясь им при встрече и прощаясь после рабочего дня. Пари было выиграно!

Томашевские после войны вернулись в уцелевшую ленинградскую квартиру, а, приезжая в Москву, всегда останавливались у нас, пока их сын не обзавелся своим московским жильем. К ним приходили разные интересные люди, которые потом превращались и в наших знакомых. Очень многолюдным было собрание по случаю 60-летия Бориса Викторовича. Были Слонимские, Богатыревы (все трое), С. М. Бонди, Т. Г. Зенгер-Цявловская, Н. М. Любимов, К. П. Богаевская. По делу Пушкинского словаря приходили А. Д. Григорьева, И. С. Ильинская, В. Н. Сидоров — с ними у Александра Александровича были свои давние близкие отношения. Помню И. Л. Андроникова, который прервал серьезную беседу с Борисом Викторовичем, услышав раздавшийся в коридоре громкий возглас «Иа-Иа!» — мое подражание герою популярного тогда фильма «Смелые люди» — и присоединился к воплям.

О Николае Павловиче Анциферове, общение с которым также было подарено Томашевскими, я вспоминаю с неизменным ощущением какого-то разлития света. Более деликатного, чистого и романтического человека я не встречала. Он приходил к нам по московскому обычаю «на огонек», беседовал с родителями и ласково расспрашивал меня, что я читаю, как изучают в школе литературу и что я думаю о прочитанном. Он удостоил меня и мой класс (пятый А) приглашением на собственную экскурсию по юбилейной пушкинской экспозиции в Литературном музее (на территории современного музея Пушкина на Пречистенке). Сохранилась фотография с точной фиксацией дня — 12 февраля 1950 г.

Но произошла и другая история. Школа моя считалась образцовой, но в ней царил отвратительная атмосфера, в миниатюре напоминающая общий дух страны: поощрение доносов, подхалимства, показухи и фальши. Был создан форменный культ личности директрисы, которая позволяла себе при учениках грубо кричать на почтенных педагогов, устраивала проработки учеников. Директрису избирали в Верховный Совет и расклеили по всему району пла-

каты с ее фотографиями. Я решила выразить свой протест публично и, идя домой от Зубовской площади до Дурновского переулка (расстояние в полтора — два километра), срывала знаки наглядной агитации, что попадались мне на пути. О своих «подвигах» я с гордостью доложила родителям и пришедшему к ним в гости Николаю Павловичу. Как сейчас помню: он сидел в излучине рояля, мирно попивал чаек и что-то рассказывал. За ним высились книжные полки с портретом Пушкина (репродукция с картины В. А. Тропинина — частое украшение интеллигентских домов). Никогда не забуду выражение его лица после услышанного. Оно было преисполнено глубочайшей тоски и беспокойства. Я прочитала в нем укор родителям, допустившим мое уличное хулиганство. И только повзрослев и узнав подробности биографии Николая Павловича, я поняла, что означал его печальный взгляд. Родители угрюмо молчали.

Первую книгу Николая Павловича я прочитала в середине 1950-х годов, и опять не без участия Томашевских. Несмотря на слабо развитые мозги, я глубоко прониклась и книгой, и личностью ее автора. Речь идет о «Петербурге Достоевского» с рисунками М. Добужинского (Петербург, 1923), подаренной мне Ириной Николаевной. И вот при каких обстоятельствах. Шел 1954 год. Я в Ленинграде уже вторично. Первое знакомство уже состоялось год назад. Петровский Петербург показывала Ирина Николаевна, Петербург Пушкина — Борис Викторович с осмотром памятных мест, площадей и дворцов и даже с демонстрацией пушкинских автографов в Пушкинском доме. А попутно в той же комнате Борис Викторович в свойственной ему иронической манере обратил внимание на скульптуру А. Н. Веселовского, покрытую простыней и сосланную сюда во время борьбы с космополитизмом и компартивизмом. После поездки в Царское село я признала сходство лицейского дортуара с комнатками детей Томашевских. Одну из них, кажется, пушинскую, занимала в оба приезда я. Томашевские считали, что в моих прогулках по городу преобладают впечатления от парадного праздничного Петербурга. Но есть другой, пережитый Достоевским. И я должна его узнать. Планировалась экскурсия по всем правилам анциферовской методики, которую хорошо усвоили Томашевские за долгие дружбы с Николаем Павловичем. Ирина Николаевна была его прямой ученицей по Институту истории искусств.

В эти дни в северной столице гастролировали Дорлиак и Рихтер, с которыми и Томашевские, и я были знакомы с гурзуфского лета 1949 г. Они выразили желание присоединиться к экскурсии (вернее, все-таки меня, Машку-бандерлога, к ней присоединили). Определился поздний час — белые ночи в самом разгаре — после выступления артистов в Малом зале филармонии с чудной программой: «Детская» Мусоргского и «Гадкий утенок» Прокофьева. Впятером мы отправились осматривать район, где протекала жизнь героев

«Преступления и наказания», заглядывали во дворы и закоулки, примеривали описание домов у Достоевского с реальным обликом их прототипов. Томашевские прекрасно помнили текст повести. Заглядывали на лестницу старухи-процентщицы, взбирались к предполагаемой каморке Раскольникова (кв. 15), причем Святослав Теофилович аршинными прыжками отмеривал лестничный подъем и вообще чрезвычайно заинтересованно на все реагировал. Вид домов был не прилизанный, как сейчас, чуть ли не с опознавательными табличками: «Дом Сонечки Мармеладовой» и т. п., — а по-настоящему трущобный. Грязь, облезлые стены, застоявшийся запах щей и кошек. У Воскресенского моста сразу сменилась атмосфера. Из здания школы, где выпускники справляли бал, высыпали галдящие девочки и мальчики. А мы направились по Екатерининскому (тогда Грибоедовскому) каналу в сторону Невского проспекта. При подходе к Казанскому собору нас встретил рассвет, занималась нежная заря, по широкому зеленому ковру-газона грациозно крапалась... розовая кошка. Да-да! Не палевая, не рыжая, а нежно-розовая, как восход! На следующий день Ирина Николаевна вручила мне подарок — книгу «Петербург Достоевского» Н. П. Анциферова с надписью: «Машеньке Реформатской на память о ночной прогулке, квартире № 15 и проч. удивительных вещах. 24/VI. 1954. И. Томашевская».

Б. Е. Степанов

Степанов Борис Евгеньевич, кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований Национального исследовательского университета Высшей школы экономики. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; steppann@mail.ru

ЭКСКУРСИОННАЯ ПРАКТИКА И ГОРОДСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ В РАБОТАХ АНЦИФЕРОВА НАЧАЛА 1920-х ГОДОВ*

...Вчерашний день еще не родился.
Его еще не было по-настоящему.
О. Мандельштам

Задавая вопрос природе нашего сегодняшнего интереса к наследию Николая Павловича Анциферова и возможных подходах к его изучению, мы обнаруживаем себя в пространстве, где это наследие востребуется и актуализируется представителями различных дисциплин и областей знания. Наряду с обращением к его текстам в работах исследователей истории науки, литературы краеведения, появляются новые области, в которых работы Анциферова воспринимаются как заслуживающие упоминания (необходимо оговориться, что в библиографических ссылках к этой статье я ограничиваюсь лишь отдельными примерами и не претендую на полноту). Так, для философов его тексты становятся источником размышлений об историософии и метафизике города [Уваров, 2011]. В работах культурных географов ссылки на работы Анциферова возникают в связи с осмыслением проблематики ландшафта, а также с практическими вопросами формирования имиджа и повышения туристической привлекательности регионов [Фирсова, 2012]. У представителей культурной антропологии обращение к работам Анциферова происходит в контексте изучения различных форм городского фольклора [Алексеевский, Ахметова, Лурье, 2010]. Для социологов актуальной оказывается тема специфической роли архитектурного наследия в становлении и деятельности петербургских краеведческих движений [Гладарев, 2011].

---

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Городские образы в системах коммуникации: от XV к XXI вв.», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

Более того, в рамках некоторых из названных полей — будь то филология [Муратов, 2005; Московская, 2010] или история краеведения [Шмидт, 1992; Лоскутова, 2011] — более или менее определенно намечаются расхождения в интерпретации наследия ученого. В этой ситуации сама традиция изучения творчества и актуализации идей Н. П. Анциферова сегодня уже сама по себе могла бы быть предметом как исторического, так и — продолжая пространственную метафору — топографического изучения. Оно позволило бы нам не только оценить масштабы пространства, в котором актуализируется это наследие, осмыслить его внутреннюю организацию и имеющиеся наработки, но и более точно определить критерии новизны и адекватности получаемого знания, возможные направления дальнейшего изучения. Наряду с обращением к работам Анциферова 30-х — 50-х годов, которые были возвращены к жизни в последние годы во многом благодаря усилиям Д. С. Московской, по-прежнему актуальным в некоторых отношениях представляется обращение к его работам 1910-х 1920-х годов, как классическим, таким как «Душа Петербурга» и «Петербург Достоевского», так и менее востребованным работам о краеведении, экскурсиях и т. д. На мой взгляд, эти работы, несмотря на свою известность и наличие ряда исследований, посвященных петербургскому периоду жизни Анциферова, остаются еще в значительной степени не прочитанными. Между тем, именно описанная выше ситуация междисциплинарного взаимодействия делает упомянутые тексты — наряду со многими другими трудами, порожденными интеллектуально насыщенной атмосферой 1920-х годов — особенно интересными для анализа. Особого внимания, как мне представляется, заслуживает тема взаимосвязи идей и трудов Анциферова с его вовлеченностью в экскурсионную практику, которая уже поднималась в целом ряде исследований [Степанов, 2004; Johnson, 2006; Сизинцева, 2011; Святославский, 2012 и др.]. Возросший сегодня интерес к проблематике литературной культуры, исторической памяти и жизни города делает именно этот сюжет особенно актуальным. В подтверждение этого тезиса я хотел бы в нижеследующем тексте остановиться на некоторых сюжетах, связанных с интеллектуальными истоками подхода Анциферова, и наметить возможности анализа его градоведческих работ в перспективе городских исследований. Синтетический характер его текстов, сочетающих поэтические фрагменты и парафразы с аналитическими рассуждениями, делает анализ формы выражения высказываемых идей особенно актуальной частью анализа их содержания. Подобный подход позволяет добиться более объемного видения наследия ученого, в котором опыт города выражается в сложном переплетении науки, литературы и искусства, памяти и религиозности.

Одним из направлений осуществляемой сегодня работы по включению Анциферова в контекст современного гуманитарного знания является сопоставление его идей с теми концепциями, которые воплощают систему научных авторитетов в современном гуманитарном знании. Таким образом, Анциферов проходит тот путь, который двадцать лет назад уже «проходили» другие представители школы И. М. Гревса, в частности, Л. П. Карсавин, Н. П. Оттокар [Ястребицкая, 1991; Свешников, Степанов, 2009], творчество которых сопоставлялось с подходами, разработанными представителями школы Анналов. Специфика работ Анциферова, который, несмотря на полученное историческое образование, не реализовал себя как профессиональный историк, делает такого рода сопоставления еще более дискуссионными, чем в случае Карсавина и Оттокара. Более оправданным представляется рассмотрение исторической концепции Анциферова в связи с методологическими идеями А. С. Лаппо-Данилевского [Московская, 2010. С. 89–90], который сегодня признается одним из создателей современной парадигмы научной гуманитаристики [Румянцева, 1999]. Впрочем, несмотря на наличие ссылок на работы историка (так, в работе «Теория и практика литературных экскурсий» Анциферов использует почерпнутое им у Лаппо-Данилевского понятие «консензус»), здесь все же вряд ли можно говорить о каком-то существенном влиянии. Важно учитывать также и то, что в среде учеников Гревса методологические идеи Лаппо-Данилевского воспринимались достаточно неоднозначно [Свешников, 2003]. Идентификация этих исследователей с Петербургской исторической школой также требует существенно более развернутой характеристики. Для понимания истоков и существа концепции Анциферова гораздо более важной представляется не только ее связь с историческими воззрениями его учителя И. М. Гревса, но и тот экскурсионный контекст, в котором она формировалась и развивалась. В книге А. В. Свешникова показано, какое значение имела практика исторических экскурсий для формирования школы Гревса [Свешников, 2010. С. 283–308]. О том воздействии, которое оказало участие в экскурсии в Италию, организованной Гревсом для своих студентов 1912 году, на самого Анциферова, свидетельствует ее обстоятельное описание, данное в его мемуарах. Приверженность идеям учителя стала залогом их личной близости и дальнейшего сотрудничества в рамках организации экскурсионной работы и краеведения в Петербурге в революционные годы. Опыт этого сотрудничества, как и сформулированная Гревсом концепция постижения города и путешествия, оказали сильное влияние на творчество Анциферова. Можно сказать, что именно в работах Николая Павловича значимая для Гревса идея экзистенциального смысла путешествий и экскурсий оказалась не только последовательно развита, но и спроецирована в область литературы.

Мне представляется, что для понимания генезиса концепции Анциферова важно учесть, по крайней мере, три сюжета, связанных с проблематикой экскурсии: рефлексию об экскурсии как культурной практике, тему вживания и использование персональных и биографических метафор.

Связь идей Анциферова с экскурсионной практикой неоднозначно оценивалась исследователями его творчества. Можно предположить, что для некоторых из них эта связь служила поводом для заключений о не вполне научном статусе работ Анциферова [см. об этом: Московская, 2010. С. 13–15]. Аналогичные оценки высказывались и в адрес некоторых работ его учителя Гревса [Каганович, 2007. С. 52–53]. Эти оценки вполне понятны в том случае, если отправной точкой выступает позитивистская концепция научности. Иная точка зрения возможна, если мы рассмотрим работы Анциферова в перспективе саморефлексии, формирующейся на стыке двух важнейших для современной культуры институтов — туризма и образования.

Как было отмечено историками современного туризма, возникновение идеи экскурсии отразило не только растущую значимость туристической практики, но также и важные тенденции в развитии образования [более подробно об этом см.: Степанов, 2003; Johnson, 2006. С. 97–124]. В культуре модерна путешествие осмысляется как одна из форм персональной самореализации, значимая как в познавательном, так и в эмоциональном плане [Урри, 2012]. Утверждение высокой культурной и экзистенциальной значимости этой идеи для современного человека оказывается связано не только с представлением о путешествии как форме раскрытия сущностных сил человека и приобщения к культуре. Уже в практике Grand Tour личностный смысл путешествия связывается с посещением культурно значимых мест и достопримечательностей. Важной формой утверждения культурной значимости путешествия становится критика тривиализации туристической активности (всеядности туристов, поверхностности их впечатлений и т. д.) [Степанов, 2008. С. 158–159]. Поиск переживания подлинного смысла культурного наследия формирует в XIX в. соответствующую традицию текстов о путешествиях, наиболее известные образцы которой представлены в работах Дж. Рескина, И. Тэна, Г. Буасье, У. Патера, Вернон Ли и др. В переписке, связанной с итальянскими экскурсиями и командировками учеников Гревса, мы находим оценки этих текстов [см. напр.: Русская историческая мысль, 1994. С. 24]. К этой традиции в своих работах неоднократно обращаются Гревс, а затем и Анциферов. Опубликованный Гревсом в 1903 году очерк «Научные прогулки по историческим центрам Италии (Очерки флорентийской культуры)» был продиктован стремлением представить Италию как «лучшую школу гуманности». П. П. Муратов, автор классического труда «Образы Италии», во введении к нему назвал Гревса «...одним из тех, кто возродил в русской культу-

ре конца XIX — начала XX века “чувство Италии”» [цит. по: Каганович, 1986. С. 219]. Этому жанру отдали дань и другие ученики Гревса: Н. П. Оттокар, О. А. Добиаш-Рождественская, а впоследствии — и ученики младшего поколения, которые сотрудничали с ним в Петроградском экскурсионном институте, например, Т. Б. Лозинская, Г. Э. Петри, Е. А. Лютер [Анциферов, 1992. С. 400–402].

Свидетельством высокой значимости, придаваемой экскурсионному опыту, можно считать то, что становление концепции исторических экскурсий сопровождается — главным образом в работах Гревса — оформлением концепции «духа путешественности». «Путешественность — погружение в природу и культуру при свободном и деятельном отношении с их объектами и необычайно интенсивная игра разнообразных психических сил и неповторимые формы их синтеза — полнее культивируются только экскурсией, разворачиваются только ею» [Гревс, 1922а. С. 15]. И не случайно в характеристике путешествия в текстах Гревса и Анциферова возникают религиозные метафоры, сближающие его с паломничеством — ср. характерные выражения из работ об экскурсиях «научные паломничества», «научный пелеринаж», «флорентийские радения», «святилища истории» и др. У Анциферова идея экзистенциального смысла путешествия приобретает еще более фундаментальный характер. В тексте «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность» Анциферов рассматривает путешествие к исторически значимым местам как форму «погружения в минувшее». Подобное место, которое характеризуется как «живое звено в цепи времен», «место встречи предков с потомками», Анциферов наделяет здесь почти магической силой побеждать время, давая возможность прикоснуться к минувшему, подпитываться его энергией [Анциферов, 2004. С. 153–154]. Практика путешествий оказывается значимой и для становления краеведения. Вслед за Гревсом Анциферов пишет о том, что понимание ценности отечественного наследия пришло к нашим соотечественникам (повторившим в этом отношении немецкий опыт) в результате посещения европейских городов и знакомства с местными практиками сохранения и культивирования памятников [Анциферов, 1926. С. 96–97].

Таким образом, рассмотрение текстов Анциферова в контексте рефлексии о туризме позволяет нам не только указать на жанровые ориентиры создаваемых им текстов, но и осмыслить их как опыты рефлексии по поводу значения туризма в формировании исторического опыта и восприятия истории, предвосхищающие систематическое изучение этих сюжетов, развернувшееся в различных областях гуманитарного знания в последние десятилетия.

Если обратиться к образовательному контексту становления экскурсионной практики, то здесь ее становление стало симптомом падения авторитета классической модели образования, наследовавшей риторической культуре,

и распространением «реального» образования, ориентирующегося на современную рациональность и опытное изучение окружающего мира. Как один из элементов этой модели экскурсия была первоначально связана преимущественно с познанием явлений природы. Однако постепенно предпринимаются все более настойчивые попытки осмыслить ценность экскурсий и путешествий не только для естественнонаучного, но также и для гуманитарного знания. Именно в этом контексте и развивается концепция Гревса, рассматривавшего экскурсию как важный элемент не только мировоззренческого, но и профессионального становления ученого. Как «необходимая форма исторического семинария» экскурсия должна была способствовать «углублению знаний, проверке понятий, образованию идей и уточнению приемов и навыков их добывания». «От книг к памятникам, из кабинета на реальную сцену истории и с вольного исторического воздуха опять в библиотеку и в архив! Таков должен быть девиз, который символизировал бы в историке взаимодействие различных факторов, обуславливающих возможность и силу его творчества», — писал Гревс [Гревс, 1910. С. 9]. Организованные им образовательные поездки стали завершением руководимых им семинаров по изучению различных аспектов позднесредневековой и ренессансной культуры. Как известно, их маршрут проходил по многим городам Италии, его кульминацией в поездке 1912 года было двухнедельное пребывание во Флоренции, насыщенное прогулками по городу и его окрестностям и посещениями музеев. Как справедливо замечает Э. Джонсон, роль Анциферова в развитии экскурсионного дела заключалась не только в реализации систематической методической рефлексии о практике гуманитарных экскурсий, но также в разработке литературных экскурсий. Для 1920-х годов такие экскурсии были вещью, возможно, и не первопроходческой, но вполне инновационной [Johnson, 2006. P. 128–130].

Второй из сюжетов, о котором я хотел бы упомянуть, связан с концепцией вживания, которая уже неоднократно становилась предметом анализа для исследователей школы Гревса. Эта концепция, в теоретическом виде сформулированная в работах другого ученика Гревса, Л. П. Карсавина, и связанная с философским интуитивизмом [Степанов, 2002], существенно отличается от «постижения чужой индивидуальности», теоретическую характеристику которого мы находим в работах Лаппо-Данилевского. При том, что она не разделялась многими представителями школы, ее появление, несомненно, не случайно. Эта концепция, на мой взгляд, доводит до радикального выражения некоторые общие для учеников Гревса методологические установки, связанные со становлением истории культуры. Показательна здесь характеристика эволюции методологических взглядов И. М. Гревса, которую А. В. Свешников вслед за Б. С. Кагановичем связывает с постепенным ослаблением позитивистских моментов и усилением влияния христианской философии истории,

«идеализма и религиозности» [Свешников, 2010. С. 63–64]. В обобщенном виде это можно было бы описать следующим образом. Преодолевая издержки экспансии позитивизма в исторической науке, историк стремился расширить представления о предмете и возможностях исторического познания. «Утверждение культуры, понимаемой как “дух эпохи”, в качестве преимущественного объекта исследования и принципа исторического синтеза и индивидуализирующего подхода как метода осуществления этого синтеза было связано у историков школы Гревса с критикой “внешних” объяснений в истории (концепция факторов и т. п.), с расширением представлений об исторической реальности и поиском более “глубоких”, “внутренних” ее пластов [Гревс, 1999. С. 282–284]. Вместо позитивистской установки на очищение реальности от субъективного вымысла в творчестве Гревса и его учеников мы видим стремление понять “миф”, “легенду”, “религиозность”, т. е. само субъективное восприятие, как часть исторической реальности или даже как ее существо. В соответствии с этими устремлениями осуществлялось и переосмысление критериев достоверности знания, смена приоритетов в подборе исторических источников и технике работе с ними. Поиски проявлений “психической стихии” автора источника или “жизненной стихии” эпохи повышали значимость не только “литературных” источников, но и вообще эстетических и стилистических аспектов любого источника, в которых усматривались более непосредственные проявления прошлого. В основе описанных изменений в работе с источниками лежало стремление добиться большей жизненности переживания и представления прошлого, непосредственно и лично ощутить свою связь с ним. Это проявлялось и в концепции экскурсии. Вместе с тем, яркость и свежесть впечатлений, а также то, что преимущественным объектом экскурсии для Гревса выступают не музеи, а монументальные памятники города, — все это придает экскурсионному опыту специфическое качество непосредственности и соприкосновения с прошлым как таковым [см. Гревс, 1922б. С. 10]» [Анциферов, 2003. С. 119–120]. Таким образом, концепции Гревса и Анциферова в рафинированной форме выражают основополагающую для экскурсионной практики идею непосредственного познания. Думается, что многие характеристики, которые Анциферов дает постижению города, и идеи, высказанные им в не опубликованной при жизни автора работе «История как одна из форм борьбы за вечность», вполне отвечают этой характеристике.

Со значением личностного компонента в познании прошлого связан и третий из важных для понимания генезиса концепции Анциферова сюжетов, касающийся персональных и биографических метафор. Характеристика города как объекта экскурсии определялась общими принципами его исторических воззрений (о противоречивости этих принципов в свое время уже писал Б. С. Каганович [Каганович, 2007. С. 32–33]). Важнейшим из них было призна-

ние биографии воплощением целостности истории. Вечные гуманистические ценности воспринимались им сквозь призму «образов человечества», «духовно прекрасных личностей», таких как Данте или Франциск Ассизский. Гревс рассматривал их как создателей непреходящих культурных ценностей, но, одновременно, и как выразителей своеобразия эпохи, ее «couleur temporal». Склонность к символическому пониманию индивидуального в истории, обоснованная в конечном итоге пониманием истории как биографии человеческого рода, была спроецирована им и в сферу изучения города. Познание города, который в статьях начала 1920-х гг. он характеризует как высшую форму концентрации культурной жизни данного типа или эпохи (развивая эту идею, Гревс, а впоследствии и Анциферов ссылаются на концепцию О. Шпенглера. В 1926–1927 годах Анциферов совместно со своей женой Татьяной опубликует трехтомную хрестоматию «Книга о городе», в которой будет намечена попытка представить историю цивилизации через историю развития города как социальной и культурной формы), должно, по мнению Гревса, осуществляться биографическим методом. «Город, — писал он, — надо понять как нечто внутренне цельное, как особый “субъект”, собирательную личность, живое существо, в “лицо” которого мы должны взглядеться, понять его “душу”, познать и восстановить “биографию города”» [Гревс, 1924. С. 249]. Таким образом, в изучении города моральный императив изучения истории преобразуется для них в императив эстетический, поскольку город воплощает сложность культуры и одновременно обладает целостностью, присущей личности.

Метафора познания «души города» также имеет свои истоки в упомянутой выше традиции туристической рефлексии. Как отмечает Е. Берар, инспирированные ею проекты восходят в значительной мере к работам Рескина, в частности, к его книге «Камни Венеции» [Берар, 2009. С. 218]. Как известно, Анциферов актуализирует в этом контексте метафору «genius loci», почерпнутую им у Вернон Ли (о специфике подхода трактовки этой метафоры у Анциферова по сравнению с Вернон Ли см. [Johnson, 2006. P. 196–199]), и, вместе с тем, максимально расширяет сферу ее применения: предметом вчувствования у него становятся не только города, но также отдельные места и дома.

Сюжет о персональных и биографических метафорах позволяет снова вернуться к вопросу о параллелях с философией истории Карсавина. Хотя Гревс и Анциферов не обращаются философско-историческим идеям последнего, однако признание ими города коллективной индивидуальностью несомненно сближает их рассуждения с этими идеями. Впрочем, этот сюжет, несомненно, заслуживает более подробного анализа. Дело в том, что метафоры целостности, в число которых входят не только «личность» и «биография», но и метафора «организма», которая также использовалась Анциферовым, являются формой фиксации целостностей в языке, в том числе в языке науки [Гудков,

1994. С. 263]. Метафора «биографии» является вполне тривиальным способом обозначения истории города, а метафора организма, которую будет развивать впоследствии Анциферов, весьма популярна среди урбанистов начала XX века (достаточно вспомнить П. Геддеса, Л. Мамфорда, Р. Парка и др.), да и сегодня остается весьма популярной в сообществе архитекторов (см. [Úbeda Mansilla, 2003]). Дальнейшее исследование этого сюжета позволит выявить корпус подобных метафор в текстах Анциферова и поставить вопрос о различиях в их логическом статусе.

Оттолкнувшись от этих соображений, можно рассматривать конструкцию знания в градоведческих работах Анциферова. Не имея возможности анализировать здесь различные типы текстов ученого — теоретические, краеведческие, филологические и т. д., — я ограничусь наброском характеристики книг «Петербургской трилогии». Достаточно очевидно, что в каждой из этих книг мы находим подступы к созданию «биографии города». Очевидно, что критерии адекватности этой работы далеки от позитивистских, на что указывает и сам Анциферов в своих рассуждениях о соотношении «были и мифа» [Анциферов, 1924. С. 5–6, 48–49, 57; Анциферов, 2004. С. 146–148]. Тем самым в центре нашего внимания оказывается проблематика городского воображения, а предметом изучения становятся типы и техники использования работы как с литературным текстом, так и с городским пространством, которыми задается специфика того образа города, который создается в каждой из книг. Так, в «Душе Петербурга» под влиянием мирискусников на первый план выходит тема монументального облика города. Прослеживая развитие темы Петербурга в литературе, Анциферов рассматривает последнюю в плане эволюции чувствительности к восприятию города как целого — начиная от Сумарокова и заканчивая Ахматовой и Маяковским. «Несущей конструкцией» при этом становится петербургская историософия, связанная с оппозициями порядка и стихии, правителя и «маленького человека», Европы и России и т. д. Давая возможность связать разнородные тексты, она одновременно побуждает оценивать их с точки зрения произвольности воображения того или иного литератора по отношению к объективно развивающемуся образу города (более подробного анализа заслуживает проблематика оправдания Петербурга в современной литературе [ср. Ронен, 2006]). В более концентрированном виде и в более непосредственном отношении к городскому пространству эта проблематика разворачивается в книге «Быль и миф Петербурга». Эта книга построена уже непосредственно как экскурсионный нарратив, объединяющий два события рождения «образа города»: историю возникновения Петербурга и кристаллизацию Петербургского мифа в ключевом для этой традиции тексте — пушкинском «Медном всаднике». В первом случае экскурсионное изучение складывания городского ядра со всеми характерными для традиции

школы Гревса приемами городской экскурсии: панорамным обзором с вышки, позволяющим охватить пространственную структуру города, а также увидеть его в природной раме; выявлением городского ядра. Во второй части осмотр привязан к сюжету пушкинской поэмы и завершается анализом памятника, который Анциферов рассматривает как *genius loci* Петербурга [подробнее см.: Степанов, 2009]. Погружение в «Петербург Достоевского» в одноименной книге предполагает существенно иной взгляд на город, поскольку здесь, в отличие от первых двух книг, сосредоточенных в большей степени на классическом Петербурге и историософской перспективе, на первый план выходит проблематика большого города. В связи с этим важным становится опыт фланера (фигура фланера является одной из ключевых познавательных инстанций для современных городских исследований со времен классических работ В. Беньямина о Париже XIX века [Беньямин, 2011]). Присутствует она и у Анциферова, который выносит ее из романов Достоевского. Это свидетельствует о чувствительности исследователя к проблематике современного города, хотя трактовка этой фигуры отличается от той, что мы находим в работах Беньямина. Сопоставление образов фланера у Достоевского и Бодлера см. в работе С. Фокина [Фокин, 2013. С. 305–315]), позволяющей сформировать ощущение атмосферы романов Достоевского в реальном городском пространстве, навыки детектива, необходимые для обнаружения мест, которые могли бы служить прототипами локусов, изображенных в романах и повестях писателя, способность одухотворения домов (не относящихся по преимуществу к образцам классической архитектуры), обнаруживающая их соотнесенность с миром героев. Опыт представленной в книге экскурсионной разработки предполагает погружение в литературный мир Достоевского, в котором пространственное измерение романного нарратива приобретает особое значение. Если говорить об образе города в целом, то здесь особое значение приобретает заданная Достоевским тема «фантастичности», «умышленности» Петербурга, ирреальности городского существования, которая отличает творчество писателя от предшествующей «физиологической литературы» (как отмечает М. Б. Ямпольский, эта тема присутствует в мифологии всех крупных мегаполисов [Ямпольский, 2000. С. 42]). Постигание этой мистериальной подоплеки городской повседневности возможно благодаря «мыслящему взору», которым обладает фланер. «В этих замечательных отрывках Достоевский поведал нам, как он сам умел всматриваться в Петербург, схватывать выражение его лица и, созерцая его “мыслящим взглядом”, прозревать за внешней оболочкой присутствие иного бытия» [Анциферов, 1923. С. 55].

Систематическое развертывание намеченного выше анализа позволило бы не ограничиваться констатацией введенных Анциферовым метафор и историософских конструкций, но осмыслить их в более широкой перспективе

городского и исторического опыта современности. Продуктивность такой работы будет определяться осознанием сложности и внутренней неоднородности концепции исследователя.

Список литературы

- Анциферов Н. П.* Быль и миф Петербурга. СПб. : Брокгауз — Ефрон, 1924. 88 с.
- Анциферов Н. П.* Душа Петербурга. СПб. : Брокгауз — Ефрон, 1922. 227 с.
- Анциферов Н. П.* Петербург Достоевского СПб. : Брокгауз — Ефрон, 1923. 105 с.
- Анциферов Н. П.* Из дум о былом. М. : Феникс, 1992. 512 с.
- Анциферов Н. П.* Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность: Фрагменты / подгот. к публ. и предисл. А. Свешникова, Б. Степанова // Исследования по истории русской мысли : ежегодник / под ред. М. А. Колерова. М. : Три квадрата, 2004. С. 107–162.
- Анциферов Н. П.* Теория и практика литературных экскурсий. Л. : Сеятель, 1926. 109 с.
- Анциферов Н. П.* О методах и типах историко-культурных экскурсий. Пг. : Начатки знаний, 1923. 39 с.
- Алексеевский М., Ахметова М., Лурье М.* Форум: Исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 16–25.
- Беньямин В.* Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма // Маски времени : эссе о культуре и литературе. СПб. : Симпозиум, 2004. С. 47–235.
- Берар Е.* Несколько замечаний по поводу формирования архитектурной эстетики мирискусников: немецкие и французские ориентиры // Европейский контекст русского формализма (к проблеме эстетических пересечений: Франция, Германия, Италия, Россия) = Le contexte européen du formalisme russe (croisements esthétiques: France, Allemagne, Italie, Russie) / под ред. Е. Дмитриевой (отв. ред.), В. Земскова и М. Эспаня. М. : ИМЛИ РАН, 2009. С. 215–222.
- Гладарев Б.* Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общности из духа города // От общественного к публичному / под ред. О. Хархордина. СПб. : изд-во ЕУ СПб, 2011. С. 71–304.
- Гревс И. М.* Город как предмет краеведения // Краеведение. 1924. № 3. С. 245–258.
- Гревс И. М.* Дальние гуманитарные экскурсии и их воспитательный и образовательный смысл // Экскурсионное дело. 1922а. № 4–6. С. 1–16.
- Гревс И. М.* К теории и практике экскурсий как орудия научного изучения истории в университетах. СПб. : [б. и.], 1910. 35 с.
- Гревс И. М.* О культуре (Мысли при чтении «Переписки из двух углов» Вячеслава Иванова и М. О. Гершензона, Петербург, 1921) // Мир историка: идеалы, традиции, творчество / под ред. В. Г. Рыженко. Омск : Курьер, 1999. С. 279–318.
- Гревс И. М.* Экскурсионное дело и нужды русской культуры // Наука и ее работники. 1922б. № 3–4. С. 3–14.
- Гудков Л. Д.* Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии. М. : РУСИНА, 1994. 430 с.
- Каганович Б. С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб. : Гиперион, 2007. 244 с.

Каганович Б. С. И. М. Гревс — историк средневековой городской культуры // Городская культура Средневековья и начала Нового времени / под. ред. В. И. Рутенбурга. Л. : Наука, 1986. С. 216–235.

Лоскутова М. В. «Наука областного масштаба»: идея естественных районов в российской географии и истоки краеведческого движения 1920-х гг. // *Ab imperio*. 2011. № 2. С. 83–121.

Московская Д. С. Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы. 1920–1930-х гг.: к истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М. : ИМЛИ РАН, 2010. 431 с.

Московская Д. С. Н. П. Анциферов — историк и теоретик литературы // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего. По материалам Междунар. науч. конф. «Первые московские Анциферовские чтения». Москва, 25–27 сентября 2012 г. М. : ИМЛИ РАН, 2012. С.22–31.

Муратов А. Б. Действительно ли существует «Петербургский текст»? // Существует ли Петербургский текст? СПб. : изд-во СПбГУ, 2005. С. 12–23.

Русская историческая мысль. Из эпистолярного наследия Л. П. Карсавина: письма И. М. Гревсу (1906–1916) / подгот. публ. А. К. и В. А. Клементьевых. М. : ИНИОН, 1994. 172 с.

Румянцева М. Ф. Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского и современные проблемы гуманитарного познания // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 138–146.

Свешников А. В. Образ А. С. Лаппо-Данилевского в творчестве Л. П. Карсавина // Историческая наука и методология истории в России XX века: к 140-ю со дня рождения академика А. С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб. : Северная звезда. 2003. С. 308–315.

Свешников А. В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск : ОмГУ, 2010. 406 с.

Свешников А. В., Степанов Б. Е. История одного классика: Лев Платонович Карсавин в постсоветской историографии // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой и А. В. Полетаева. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 332–360.

Святославский А. В. Анциферовские принципы анализа художественной пространственной среды как методическая основа современного литературного краеведения и экскурсоведения // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего. По материалам Междунар. науч. конф. Первые Московские Анциферовские чтения. Москва, 25–27 сентября 2012 г. М. : ИМЛИ РАН, 2012. С.32–37.

Сизинцева Л. И. Отечественные экскурсионные школы второй половины XIX — первой трети XX века. Кострома : изд-во Костром. гос. технол. ун-та, 2011. 180 с.

Ронен О. Оправдание Петербурга у акмеистов // Эткиндовские чтения II–III: Сб. ст. по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинды. СПб. : изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. С. 147–157.

Степанов Б. Е. «Ковчег былого»: город как объект исторической экскурсии // Визуальная антропология: городские карты памяти / под. ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М. : Научная Книга, 2009. С. 99–121.

Степанов Б. Е. Навстречу прошлому: экскурсионная практика и философия памяти в творчестве И. М. Гревса и Н. П. Анциферова // Отечественные записки. 2008. № 43. С. 311–339.

Степанов Б. Е. Знание о прошлом в теории экскурсии И. М. Гревса и Н. П. Анциферова // Феномен прошлого / под ред. И. М. Савельевой и А. В. Полетаева. М. : ГУ-ВШЭ, 2005. С. 419–475.

Степанов Б. Е. Проблема достоверности в методологии истории культуры Л. П. Карсавина // Достоверность и доказательность в исследованиях по теории и истории культуры : сб. ст. / под ред. Г. С. Кнабе. Кн. 1. М. : РГГУ, 2002. С. 183–215.

Уваров М. С. Поэтика Петербурга: очерки по философии культуры. СПб. : изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. 252 с.

Урри Д. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М. : Высшая школа экономики, 2012. 336 с.

Фирсова А. В. Литературный туризм как продукт культурного картирования // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. 6, Биология. Науки о Земле. 2012. № 2. С. 142–148.

Фокин С. Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб. : РХГА, 2013.

Шмидт С. О. Краеведение и документальные памятники. Тверь : Алтей, 1992. 85 с.

Ямпольский М. Б. Наблюдатель: Очерки истории видения. М. : Ad Marginem, 2000. 287 с.

Ястребицкая А. Л. Историк-медиевист — Лев Платонович Карсавин (1882–1952). М. : ИНИОН, 1991. 131 с.

Johnson E. D. How St. Petersburg Learned to Study Itself. The Russian Idea of Kraevedenie. University Park, PA : Pennsylvania State University Press, 2006. 303 p.

Úbeda Mansilla P. Metaphor at work: a study of metaphors used by European architects when talking about their projects // Ibérica. 2003. Vol. 5. P. 35–48.

Е. Н. Пенская

Пенская Елена Наумовна, доктор филологических наук, ординарный профессор, руководитель школы филологии Факультета гуманитарных наук, заместитель главного редактора журнала «Вопросы образования» Института гуманитарных историко-теоретических исследований Национального исследовательского университета Высшей школы экономики. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e.penskaya@gmail.com

«ГОРОДСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ» ТРИЛОГИИ СУХОВО-КОБЫЛИНА В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ОПТИКЕ Н. П. АНЦИФЕРОВА

Аннотация

Театр занимал в культурной и исследовательской практике Н. П. Анциферова немаловажную роль, но эти занятия обычно интерпретировались как любительские и оставались на периферии внимания тех, кто изучает наследие Н. П. Анциферова. Архивные материалы Государственного литературного музея позволяют реконструировать ландшафт его научных интересов, включающих драматический жанр и особенно творчество Сухово-Кобылина в соотношении с пониманием городского пространства как сцены. Внимание к драматургу активизировалось благодаря просмотру спектаклей 1950-х гг. Переписка В. Д. Бонч-Бруевича, основателя и первого директора Государственного Литературного музея, с сотрудниками музея показывает, что в 1930-х — 1950-х г. складывалась концепция экспозиционной работы с учетом и использованием элементов театра.

Ключевые слова

театральное пространство, музейная экспозиция, реконструкция спектакля, город как сцена, Бонч-Бруевич, Сухово-Кобылин, Анциферов, Гроссман, Слонимский

До сих пор мы не располагали данными о каком-либо эксплицитно выраженном интересе Николая Павловича Анциферова к драматургии Сухово-Кобылина. В самом деле, его занятия, казалось бы, не предполагали фокусировку внимания на сухово-кобылинских темах, находящихся в стороне от истории и краеведения. Драматург естественным образом присутствовал лишь в списках имен как «легенда» столичной культуры, вобравшей ее московские черты. С историей его семьи связано немало преданий, слухов, сплетен и значимых событий, а топография города вбирает канву сухово-кобылинской биографии, закрепленной московскими адресами. Родился в Москве (Большой Харитоньевский переулок, 17) в палатах дьяка Андреяна Ратманова. В 1800–1830-х гг. особняк перешел во владение полковника Василия Сухово-Кобылина. Детство, юность, молодость, зрелые года так или иначе связаны

с Москвой. Будущий драматург окончил физико-математическое отделение философского факультета Московского университета (1838); студентом был дружен с А. И. Герценом, К. С. Аксаковым, в доме которого нередко собирались. Брюсов переулок, 21; Брюсов переулок, 27 — до 1849 года Сухово-Кобылин снимал квартиру для себя, здесь жила и Симон-Деманш; Большой Кисловский пер, д. 4, дом графа Сухтелена в 1838–1847 гг. снимала семья Сухово-Кобылиных, в студенческие годы Александр жил на первом этаже, сестра Евгения Васильевна, в замужестве Салиас де Турнемир (писательница Е. Тур), занимала второй этаж, и флигель дома А. И. Гудовича, одна из съемных квартир Симон-Деманш. В числе московских адресов Сухово-Кобылина — Страстной бульвар, 9 (1849–68; с перерывами) и Страстной бульвар, 10. Там в типографии «Катков и Ко» в 1869 г. напечатано первое издание трилогии «Картины прошедшего». Начиная с первой постановки комедии «Свадьба Кречинского» (Малый театр, 1855), пьесы Сухово-Кобылина тематически связаны с Москвой и Петербургом и составляют ядро классического репертуара столичных сцен.

Таким образом, семейство Сухово-Кобылиных и сам драматург во всей сложности его отношений со средой, изоэтрности театрального письма и запутанности судебного дела для Н. П. Анциферова до поры до времени привычно воспринимались прежде всего как «объект и памятник московской культуры» в ряду его фактографических экскурсионных обозрений [Анциферов. Стенограмма].

Более того, условная «встреча», а вернее «соседство», а затем и собственное «открытие», прочтение Сухово-Кобылина происходит на территории Гослитмузея во второй половине 1930-х гг., когда директор музея В. Д. Бонч-Бруевич приобретает архив Сухово-Кобылина, а Н. П. Анциферов в этот период начинает сотрудничество с музеем, которое проходило в несколько этапов — в 1936–1937 гг. [Анциферов, Кудрявцева. Отчет] (до ареста и отправки в Бамлаг) [Анциферов. Отчеты и докладные записки] в 1939 г. после освобождения из лагеря; в 1940-х гг. и практически до самой смерти в 1958 г. Интерпретация Н. П. Анциферова, словно бы «нашедшего» своего Сухово-Кобылина, относится к более позднему времени, к последнему десятилетию жизни. Но характерна не просто анциферовская интерпретация, не столько «открытие», нетривиальное прочтение, а музейный путь, прочтение сквозь специфический музейный опыт. Об антропологии такого рода синтетического подхода и пойдет речь ниже.

Правы те исследователи творчества Сухово-Кобылина и биографии Н. П. Анциферова, которые не усматривают пересечений в данном случае: сотрудник музея сам по себе, а указанный архив приобретен и существует независимо, автономно, согласно своей логике. Но природа «катакомбной» жиз-

ни и устройства Гослитмузея такова (ГЛМ буквально с первых дней своего основания в 1934 был «островком», где вопреки обстоятельствам существовала относительная свобода. Традиция трудоустройства репрессированных, негласно заложенная В. Д. Бонч-Бруевичем, сохранялась и в 1950-х, 1960-х, и в послеоттепельных, застойных 1970-х — 1980-х гг., в самые трудные и глухие времена вплоть до перестройки ГЛМ давал возможность инакомыслящим «спрятаться», «отсидеться» на скромных должностях), что и материалы, и архивные люди существовали в нем по каким-то иным законам, не всегда просчитываемым и прогнозируемым. В этих «притяжениях» предметов, вещей, персоналий, в обретении ими второй, новой жизни, в способах обращения к культуре ушедшей эпохи, казалось бы, навсегда погибшей, складывалась особая теплота отношений и каких-то неожиданных, внезапных прозрений, обеспеченных «пограничьем» материала — памятных свидетельств о неразрывных переплетениях искусства и жизни, повседневного быта и истории. Не идеализируя В. Д. Бонч-Бруевича, не превышая и не принижая его заслуг как создателя уникального мощного культурно-политического, исследовательского, просветительского института, в равной степени элитарного и массового, можно сказать, что он умел собрать «команду», соединив людей разных профессий, и задавать им траектории движения. Так, в течение ряда десятилетий создавалась литмузейная школа. Она держалась индивидуальным, авторским, режиссерским управлением, обеспечиваемым главным лицом — директором. Он сочетал одновременно многие функции дипломата, опытного чиновника и политика, ученого, публициста. Школа стояла на «трех китах»: 1) она предполагала постоянный «мониторинг» (как мы бы сказали сейчас), непрерывные «разведывательные» действия, «сканирование» потенциальных источников, поиск и приобретение архивов; 2) научная работа с архивными материалами включала расшифровку, систематизацию, комментирование, нередко подготовку к печати; 3) создание целой экспозиционной практики, благодаря изощренным визуальным инструментам которой возник новый язык культурного «посредничества». Роль В. Д. Бонч-Бруевича как «связного» и «посредника» между разными социальными, временными, видовыми пластами не осмыслена до конца, вовлечение Н. П. Анциферова в работу литмузейной «фабрики» по производству исторических артефактов — один из ключевых этапов ее становления.

В этой связи приобретение в 1930-х г. Рапперсвильского архива и передача его в Россию — значимое событие, заложившее одну из основ будущего ГЛМ [Герцен, Огарев и их окружение, 1940]. Одна из самых фундаментальных частей этого архива — это семейный архив Сухово-Кобылиных. Из них 172 ед. хр. — это материалы, связанные с судьбой писательницы Евгении Тур, сестры Александра Васильевича Сухово-Кобылина, и 194 ед. хр. — архив са-

мого драматурга. И сохранение этих материалов тем более важно, что, как известно, пожар, случившийся в Кобылинке, родовом имении Сухова-Кобылина в 1899 г., уничтожил огромную часть архива писателя. Спасенные материалы находились у дочери писателя Луизы Фальтан во Франции, в Болье, где последние годы жил Сухово-Кобылин.

Все материалы, связанные с этими семейными архивами, сейчас находятся Литмузее; в РГАЛИ — фонды Евгении Тур и самого Сухова-Кобылина; в рукописном отделе РГБ (фонд Петрово-Соловово) и в отделе рукописей РНБ. В каждом хранилище имеются сопроводительные материалы, подготовленные самим Бонч-Бруевичем или его помощниками.

Сотрудничество архивистов и исследователей, многие скрытые от глаз перипетии, на самом деле играют важную роль для того, чтобы проследить «закадровые» пути и проложить историю толкования, комментирования, подготовки научного издания. И в данном контексте «случай Сухова-Кобылина» — один из самых показательных.

Так, Бонч-Бруевич привлек Л. П. Гроссмана к работе с архивом и расшифровке сухово-кобылинских рукописей, не в последнюю очередь инспирировал его монографию [Гроссман, 1940]. В фонде Гроссмана Л. П. в РГАЛИ хранятся материалы, фиксирующие этапы работы над монографией. Особенно ценны и любопытны те, что относятся к подготовительному этапу: договор, заключенный между Бонч-Бруевичем и Гроссманом и получение Гроссманом допуска в архив Гослитмузея (1935), 28 писем Бонч-Бруевича Гроссману, написанных в 1935–1936 г. [Бонч-Бруевич, Гроссман. Переписка].

В середине 1930-х гг. практически сразу после открытия в Гослитмузее в связи с подготовкой издательских серий, с одной стороны, и широкого спектра выставок и экспозиций, постоянных, сменных, передвижных — с другой, разрабатываются текстологические принципы, а также стратегии расшифровки и комментирования рукописей. Эта музейная практика, ее история и развитие требуют отдельного разговора. Коллекция материалов семьи Сухова-Кобылиных в силу своего объема стала своего рода лабораторной площадкой, полигоном. Неслучайно В. Д. Бонч-Бруевич столь пристально следит, вмешивается, руководит. В эти годы почти вслед за Л. П. Гроссманом допуск к архиву получают еще несколько исследователей. Среди них И. М. Клейнер [Бонч-Бруевич, Клейнер. Переписка], монография которого о драматургии Сухова-Кобылина вышла в 1961 г., а также театровед В. А. Павлов (результаты его разысканий неизвестны)[Бонч-Бруевич. Письма Павлову].

Л. П. Гроссман, И. М. Клейнер, В. А. Павлов — каждый решал свои задачи. В. Д. Бонч-Бруевич не разграничивал части архива, закрывая или открывая разделы по своему усмотрению. Но, судя по документам, все исследователи

имели доступ ко всем материалам и обращались к помощи квалифицированных штатных машинисток, которые первично разбирали рукописи. В. Д. Бонч-Бруевич так или иначе курировал все звенья цепи, требуя отчеты с той или иной степенью настоятельности, при необходимости продлевая договор. К концу 1936 г. условия меняются, сроки и графики, система отчетности становятся более жесткими.

Однако «канцелярский корпус», сопровождающий внутреннюю кухню реконструкции сухово-кобылинского мира, позволяет восстановить и сам реставрационный процесс, фиксируемый до малейших, казалось бы, посторонних деталей, находящихся в поле зрения В. Д. Бонч-Бруевича: уход в отпуск машинистки, вносящий ритмический сбой, временное отсутствие бумаги, промедления научных сотрудников в сверке рукописей. Стихийно складывается «внутренняя конференция». К проведению почерковедческой экспертизы подключены сразу несколько участников, а В. Д. Бонч-Бруевич с дотошностью следователя сравнивает показания и находки, чтобы выбрать правильный, с его точки зрения, вариант. Деловой и прикладной характер документации допускают и наблюдения над тем, как эволюционирует почерк Сухово-Кобылина от 1850-х к 1890-м гг., который, естественно, менялся не только в зависимости от времени, настроения, житейских и географических обстоятельств, но и, «костюмируясь», реагировал на жанровый репертуар занятий, менял свои «графические маски» и визуальную пластику в дневнике, художественном или публицистическом наброске, интимной эпистолярной. Постепенное «оieroглифовывание», превращение в почти нечитаемый знак, колебания между внезапно открывшейся ясностью начертания элементов, почти строгой каллиграфичностью (речь идет о тех случаях, когда Сухово-Кобылин собственноручно вел записи; известно также, что нередко он обращался к услугам переписчиков, а к концу жизни надиктовывал или отдавал свои черновики секретарям. В материалах архива РГАЛИ есть указания на то, к примеру, что «беловой вариант осуществлен рукой Сергея Манухина», помощника Сухово-Кобылина в 1880-1890-х гг. [Сухово-Кобылин. Философские письма]) и очередным погружением в нечитаемое состояние, — вся эта «графологическая диагностика», «почерковые маски», по мнению И. М. Клейнера [Бонч-Бруевич, Клейнер. Переписка, Л. 18], поддержанного Л. П. Гроссманом и В. Д. Бонч-Бруевичем [Бонч-Бруевич, Гроссман. Переписка, Л. 10], в какой-то мере совпадает и с общей стратегией поведения, отторжения современников, той тяжбой, превращенной в театр, которую Сухово-Кобылин на протяжении полувека вел со своими обидчиками.

«Магма эпохи», «застывшая в рукописях лава страстей», «пепел потухшего вулкана, откристаллизовавшийся в рукописях»... Примерно так участники

«группы шифровальщиков» сопровождают свои гипотезы, выстраивая разрозненные открытия в прочтении отдельных фрагментов в определенную линию — технику прочтения, обобщая и формулируя подходы к реинтерпретациям, стимулирующим к пересмотру детективных коннотаций, доминирующих по отношению к творчеству Сухова-Кобылина как в 1910-х — 1920-х гг., так и, по-прежнему, в 1930-х гг.

Если на первом «романтическом» этапе в довоенные годы в условиях поступления и обработки новых коллекций формировалась азбука музейного дела, то уже на втором этапе в послевоенную пору закреплялась теория и практика. В служебных циркулярах и частных письмах 1940-х — 1950-х гг. В. Д. Бонч-Бруевич нередко возвращается к осмыслению экспозиционных концепций и к обоснованию синтетической, зрелищной природы музея как театрального пространства. Так, в серии писем, адресованных А. Л. Слонимскому, он возвращается к идее «вещи, рукописи как действующего лица в сложно организованном спектакле литературной выставки» [Бонч-Бруевич. Письма Слонимскому, Л. 12–14].

Сюжет «музей — театр» обретает неожиданно новые валентности. Любопытно, что во второй половине 1940-х гг. к А. Л. Слонимскому с подобной темой эпистолярно обращается Н. П. Анциферов [Анциферов. Письма Слонимскому, Л. 11–21]. В этом цикле его театральные пристрастия и зрительское начало неожиданно раскрываются как фундамент его историко-культурных, краеведческих опытов.

В этих письмах обсуждаются театральные впечатления, свежие и мемуарного характера.

Очевидно, что А. Л. Слонимский — собеседник В. Д. Бонч-Бруевича и Н. П. Анциферова — возникает в эпистолярных диалогах как человек, имеющий прямое отношение к текущей музейной повседневности (Николай Анциферов был, к примеру, инициатором и автором поздравительного текста, направленного от Гослитмузея А. Л. Слонимскому в связи с 50-летием его научной и педагогической деятельности, передавал ему оттиски своих публикаций с автографами. См.: РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 243), с одной стороны, а с другой — к театральной культуре 1920-х — 1930-х гг. «Театральные страницы» его биографии, близость к В. Э. Мейерхольду, а затем «покаяние», отход в ходе разгромных антиформалистских кампаний — все эти биографические факты практически не фигурировали в официальных документах. В 1950-е гг. упоминаются иные профессиональные достижения.

Слонимский — прежде всего пушкинист, беллетрист, просветитель. Исследователи вплоть до настоящего времени преимущественно приводят ссылки на его пушкинистские и околпушкинистские штудии. Однако интерес к Пушкину, обозначившийся еще в университетские годы, между тем до се-

редины 1930-х гг. совмещался в практике Слонимского с иными занятиями. С 1916 г. он сближается и плотно сотрудничает с ОПОЯЗовцами — Шкловским, Эйхенбаумом, Жирмунским, Томашевским, Бриком. Его имя упоминается постоянно в списке с Бонди, Клеманом, Якубинским, Лунцем, Якобсоном и много публикуется в тогдашней прессе — «Книга и революция», «Рабочий и театр» и др. Неслучайно «Техника комического у Гоголя», написанная в 1923 г., через пять лет после выхода эйхенбаумовской «Шинели» Гоголя, продолжает формалистские принципы анализа. Сфера его интересов включает литературную теорию, современную художественную критику на стыке литературы и театра. В 1920–1930-х гг. он был одной из ключевых фигур в становлении и разрушении театроведения, связанного в первую очередь с группой А. А. Гвоздева, а также с трансформацией и ликвидацией ведущих гуманитарных институций — Государственного института истории искусств (ГИИИ), в 1931 г. закрытого постановлением Совнаркома и преобразованного в Ленинградское отделение созданной этим же постановлением Государственной академии искусствознания (ЛОГАИС).

Анциферов в 1920-х нередко составлял компанию Слонимскому в качестве зрителя и разделял его театральные увлечения. Критический опыт Слонимского 1930-х гг., намеренно забытый, снова возвращается в этих беседах [Слонимский. «Свадьба Кречинского». С. 10–11].

Ядро эпистолярного сюжета и повод к фокусировке его на фигуре Сухово-Кобылина — это просмотр в 1951 г. спектакля «Свадьба Кречинского» в Московском драматическом театре им. А. С. Пушкина и пьесы «Дело» в 1954 г. на сцене Ленинградского театра им. Ленсовета в постановке Николая Акимова, симпатиями к которому Н. П. Анциферов делится и анализирует его режиссерский почерк.

Н. П. Анциферов собирает и пересылает своему адресату некоторые вырезки газетно-журнальных рецензий, очеркивая карандашом спорные места или суждения, вызвавшие его поддержку и одобрение [Залесский. 1951, с. 3; Театрал. 1955, с. 10; Зингерман. 1955, с. 48–50; Рудницкий. 1955, с. 5] (любопытно, что пометы на заметке Рудницкого носят отчасти раздраженный и полемический характер [Шейнин. 1955, с. 7]).

Но достаточно подробно Н. П. Анциферов делится своими театральными впечатлениями от просмотра пьесы Сухово-Кобылина «Дело», возобновленной после долгого перерыва на следующий год после смерти Сталина (Ленинградский театр имени Ленсовета, 1954 г.). Попутно Анциферов вспоминает о том, что видел все три послереволюционные постановки (в том числе мейерхольдовские) — в 1916, 1917 и 1927 гг. (МХАТ-2).

Попробуем систематизировать театральные признания Н. П. Анциферова и воспользуемся ими отчасти в качестве компаса и путеводителя по театраль-

ному миру, миру русской драматургии 1850-х — 1870-х гг., казалось бы, всегда находившейся на периферии профессионального внимания историка и краеведа. Письма А. Л. Слонимскому дают возможность даже сделать тематическую «разметку» на этой театральной карте.

Анциферов сообщает адресату, что последнее время его «потянуло на драму» — не только смотреть, но и все больше читать. Он называет свой список. В него вошли, как и ожидается, Островский — «Гроза» (многократно перечитанная и открывшаяся все новой и новой стороной), «Лес», «Бесприданница» и «Бешеные деньги»; Писемский — «Хищники» и «Самоуправцы»; Потехин — «совсем забытый Потехин, ревностный старатель и прилежный ученик своего учителя Островского, по-своему сильный, но так и не смогший выйти из-под опеки великих»; сообщает своему адресату, что перечитал драмы Потехина: «Мишура», «Закулисные тайны», «Вакантное место», «Виноватая», «Шуба овечья...», «В мутной воде»; перечитал Тургенева — «Провинциалку» и «Месяц в деревне». Словом, повторяет Н. П. Анциферов, «всерьез потянуло на драму. Все свежо, все читается по-новому» [Анциферов. Письма Слонимскому, Л. 14].

Новизна этого прочтения очевидна Н. П. Анциферову не только и не столько потому, что по-прежнему свежи и открываются новыми современными гранями характеры и выпуклый язык. Со всей очевидностью для него проступило общее, незримо объединяющее эти пьесы: все они «городские». И не так уж важно, где на самом деле происходит действие — в усадьбе, в деревне ли. Город, как тень и фон, город как закадровый пейзаж, персонаж сценический и внесценический активно участвует в разговорах, постоянно сопровождая происходящим событиями, сопровождая интригу, конфликт, развязку счастливую или трагическую. Город является теми координатами, с которыми соотносится место и время, развитие характеров. То призрачной мечтой, то тяжелым наваждением, реальностью или легендой город притягивает и отталкивает. В системе этих «городских вибраций» происходит достижение «зрелого возраста» драматическим жанром и освоение пластических возможностей сценического языка авторами второй половины XIX в.

Его выписки, как и газетно-журнальные вырезки статей, носят почти альбомный, коллекционный характер. Но любопытны принципы группировки и комментария. Н. П. Анциферов строит таблицы, словно бы выкладывая «кирпичи» постройки*:

* При воспроизведении данной таблицы сохранены способы организации текстовых фрагментов, используемых Н. П. Анциферовым. Логика черновых эпистолярных выписок, очевидно, допускала небрежность: неточное цитирование, произвольное указание прикрепленности реплик к тому или иному действующему лицу. Очевидна задача автора: поделиться с адресатом результатами своего наблюдения над тем, как устроено городское пространство в драматургии, «снять» городской слой и наметить его функции. Эти заготовки и первый подход к классификации должны были, вероятно, стать основой нового исследования.

Автор и название пьесы	Москва	Петербург	Город	Столица
1	2	3	4	5
А. А. Потехин. Мишура (1858)	Так не я тебя в гимназию определила, не я за тебя последние деньги платила, не на свой счет тебя в Москву, в Университет свезла?	Нам бы как только провести время, покамест он здесь служит, а ведь он из таких, что как раз в Петербург переведут... Они только из того и хлопочут, чтобы как в Петербурге местечко получить... Вот он у нас почти каждый день бывает; вы приказываете, чтобы я была с ним любезна; ну, а если я очень привыкну к нему, а он уедет в Петербург, вы поедете ли туда? ...О, я это время провел очень приятно в обществе милой, образованной, очень хорошенькой и богатой, которая приехала из Петербурга хлопотать по своим делам... Хорошо, как уберется, в Петербург уедет, а если пробудет еще хоть с неделю, — прощай служба... Вольдемар, Володя, как бы ты знал, как бы ты умел догадаться!		
А. А. Потехин. Шуба овечья — душа человечья (1854)			Гости и слуги. Действие происходит в уездном городе. Действие первое. Надолго ли из усадьбы к нам в город изволили приехать? Перконторов (в смущении). В нашем городе очень весело! Как вам понравился наш город-с? В нашем городе очень весело! Как вам понравился наш город-с? Анна Ивановна. Перконторов. Очень приятный город-с. Общество гостеприимное-с, никем не гнушаются-с! Вы какую жизнь изволите предпочитать? В городе, или в деревне? Анна Ивановна. Лизанька. Ну, что нового в городе? Радугин. Панибратов. Да, помилуйте, это весь город говорит... Радугин.	

1	2	3	4	5
<p>А. А. Потехин. Закулисные тайны (1860–1870)</p>	<p>Много леса около Москвы... тысяч на сто... Скажи, что вот они, дескать, каждый год приезжают на зиму в Москву и живут открыто... что знакомы с самыми лучшими аристократическими семействами... Ваше дело летать беззаботно по Москве, любезничать, побеждать и увлекать сердца, одним словом, срывать розы жизни, а наше дело нюхать архивную пыль... Да, мы только лето проводим в деревне, а на зиму всегда приезжаем в Москву... А вот брат Поль постоянно живет в Москве... Мы приезжаем в Москву в октябре или ноябре месяце и бываем здесь до весны... Нет... я к тому... я хотела знать: вы постоянно живете в Москве? Мне почти вся Москва знакома, но признаюсь, я редко встречаю девиц, которые бы так мало обращали внимания на эту мелочность, на этот мундир, который...</p>	<p>Неужели он уедет в Петербург совсем? (Ломает руки). Этот человек в одно и то же время ухаживал за вами и за пожилою вдовой, почти старухой, за то только, что она богата и имеет связи в Петербурге! Так как же, вы совсем в Петербург, али на время только?... Мало здесь набрали, в Петербург поедем себя показывать...</p>		

1	2	3	4	5
<p>А. А. Потехин. Новейший оракул (1860–1870)</p>	<p>Арбузкин, купец. (Действие происходит в Москве). Действие первое. Это будет стыдно Москве, если она его не оценит... Вы знаете, вся Москва знает и говорит обо мне, вся знать ищет моего знакомства...</p>			
<p>А. А. Потехин. Виноватая (1868)</p>	<p>Понятые. Действие происходит в Москве. Между первым</p>			
<p>А. А. Потехин. В мутной воде (1871)</p>	<p>действием (прологом) и последними проходит четыре года. Ну, скажи ты мне: хотела бы ты жить в собственном своем большом великолепном доме, иметь множество ливрейной прислуги, швейцара с булавою у подъезда, кататься в таких колясках, на таких лошадях, чтобы все завидовали, давать балы на удивление всей Москве, собирать вокруг себя самую лучшую, самую избранную молодежь?</p>	<p>А-а, помню... раз в Петербурге у генерала были, деньги привозили... Ведь это халуй, братцы, такой же, как вы, только, что он в Петербурге важности набрался, а то в десять раз хуже, чем вы... Да признаться сказать, я и сам их не знаю хорошо; видел и говорил с генералом только три-четыре раза, как определялся, да деньги как-то возил в Петербург. Знаю, что он весьма значительный человек в Петербурге, видное место занимал, большим дельцом считался, а теперь вот, из газет видно, в отставку вышел: по своей ли воле, или приказали — не знаю.</p>		

1	2	3	4	5
		<p>Они в Петербурге нам, низким людям, не показываются, к ним нашему брату, слава Богу, доступу нет...</p> <p>Как невестой в Петербург повезли, до той минуточки не расставалась с ней...</p> <p>Граф Телятнев. Да, в Петербурге таким не дышат. Во всяком случае, мне полезно отдохнуть и пожить в деревне.</p> <p>А в Петербурге ведь покупное, хорошего не получите...</p> <p>Иван Павлыч. Вы думали, что в Петербурге... Нет, здесь Старое Вороново...</p> <p>Нет, здесь Старое Вороново... Видно, Петербург-то уж не воротится... Граф Телятнев.</p>		
<p>А. А. Потехин. Вакантное место (1870)</p>		<p>Помните, когда я только что приехала сюда из Петербурга, была еще помоложе и давала вечера, как было весело... ведь уж она известна в Петербурге, ведь ее оттуда выгнали за какую-то скандальную историю...</p>		

1	2	3	4	5
		<p>Нет, что тут за- вязывать Ивана Яковлевича в эту историю: у нее есть там, в Петербурге, ста- рые связи; еще, пожалуй, какая неприятность выйдет... для Ивана Яковлеви- ча...</p> <p>Муж мне гово- рил, что Иван Яковлевич тоже дурного об ней мнения, да она и в Петербурге известна, как самая скандаль- ная женщина... и там ее не принимали ни в один порядоч- ный дом.</p> <p>Бубенчикова. Ее история в Петербурге очень известна! Позвонкова. Да давно ли, давно ли он ходил ко мне в Петербур- ге гвардейским офицером!</p> <p>Иван Яковлевич обещал ему вых- лопотать место в Петербурге...</p> <p>А много ли здесь добудешь: не Петербург!</p>		
<p>А. А. Потехин. Выгодное пред- приятие (1877)</p>				<p>... если бы вы увидели, какая там, в столице, есть бедность, нищета и голод, то, ручаюсь, при вашем добром, восприимчивом сердце, вам будет совестно кидать бесцельно день- ги и отдавать их и все ваше время одному веселью и развлечениям</p>
<p>А. А. Потехин. Чужое добро впрок не идет (1855)</p>			<p>В городе театры, собрания, кон- церты, гулянья, выезды, можно большой круг знакомых заве- сти...</p> <p>Да и кину... Уеду в город жить... Марья Григорь- евна. Вот этот чудак упросил меня: поедем- те в город, в собрание, там все дворянство будет...</p>	

1	2	3	4	5
			<p>Так это от нас зависит: сегодня в деревне, а завтра в городе — не привязаны... Орест. Так город городу рознь... То наш городишко, а то Петербург... Кажется, он говорил, что его мать — вдова, бедная чиновница... Здесь недалеко, в уездном городе... Воынов. У меня уж и лошадь нанята до города... Разве со мной сейчас доедете в город на моих лошадях? Поедем в город, там вы мне выдадите доверенность на получение ссуды, дадите какую-нибудь расписку, или вексель там, что ли, в деньгах, которые я внесу за вас в Петербурге — и дело с концом... Как? Так в город-то нужно разве?... Воынов.</p>	<p>Живу в разных столицах и городах; а ты вот простой мужик-вахлак, нигде не бывал, дальше своей деревни ничего не видал.</p> <p>Вот что, бывал ли ты в столицах, видал ли ты, как там живут?...</p> <p>В столице теперь народу-то тысяч десять в театре-то усядется, — вот он какой!</p> <p>Отнимем, да и покатаем сейчас по разным столицам...</p>
<p>А. Ф. Писемский. Ваал (1873)</p>	<p>Девочка говорит, что ее барыня услала в Москву с письмом. Мирович (в недоумении). Как в Москву с письмом? Зачем?</p>		<p>«Ну так, говорит, скажите ему, что я буду; но я, говорит, для этого с дачи в город должен приезжать, а потому желаю с него получить тысячу рублей серебром за визит!</p>	

1	2	3	4	5
			<p>... Я хотел ему сказать: господин доктор, дорого это очень; не для одного же господина моего вы поедете, и далеко ли ваша дача от городу, но побоялся: он сердитый, надо быть, этакий!» Что хочешь, то и делай: ни за дачу заплатить нечем, ни в городе нанять квартиры не на что, а службы все еще пока нет! Я устала очень! Пешком пришла из города... Жалко было денег на извозчика, да к тому же рассердилась...</p>	
<p>А. Ф. Писемский. Хищники (1873)</p>		<p>И я не знаю, правда ли это, но весь Петербург, говорят, понял так, что это Ольга Петровна Басаева. Если вы его уж так боитесь, так уезжайте куда-нибудь на время из Петербурга, а записочку эту передайте мне с письмом от себя, в котором опишите все, что мне теперь говорили, и просите меня, чтобы я эту записку и самое письмо представил Графу, как единственному в этом случае защитнику вашему.</p>	<p>«Какое, говорит, на даче; она в городе и больна!» «Мы сегодня луч нашего фонаря наведем во внутренность одного из петербургских домов, в небольшую, но мило убранную квартиру; в ней сидит с кроткими чертами лица женщина; против нее помещается уже знакомый нашему читателю. И я желал бы только спросить твоего мужа, что неужели в его гадкой и черствой душонке за все, что я сделал для него, и что</p>	

1	2	3	4	5
		<p>Только я хоть и больна теперь, но завтра же уеду из Петербурга: я ужасно боюсь здесь оставаться. Весь Петербург, я думаю, знает, что у вас всегда была любовница. Чувство мое заставило меня сделать это, потому что когда я возвратился в Петербург, то через два же месяца получил от Ольги Петровны письмо, где она умоляла меня достать и выслать к ней двести тысяч франков, которыми она могла бы заплатить долги свои; а иначе ей угрожала опасность быть посаженной в тюрьму! Это, вероятно, господин Андашевский представил все вашему сиятельству в превратном виде; но в этих статьях ни я, ни господин Шуберский ни сколько не участвовали; а что они являются, так потому, что дело это огласилось на весь Петербург и что оно не выду-</p>	<p>теперь я сумасшедший даже!</p>	

1	2	3	4	5
		<p>мано, а факт, так я даже доказательство имею на то: госпожа Сони́на, бывшая близкою особою господина Андашевского, прислала мне письмо, удостоверяющее, что все напечатанное в газетах совершенно справедливо, и к этому присоединила даже собственноручную записку господина Андашевского, подтверждающую этот факт, прося все это представить вашему сиятельству, что я и исполняю в настоящем случае! Тогда, как вас назначили в товарищи, я был в командировке и, конечно, прискакал сейчас же в Петербург; являюсь, между прочим, к Владимиру Иванычу и начинаю ему, по своей откровенности, хвалить вас!</p>		
<p>А. Ф. Писемский. Самоуправцы (1867)</p>		<p>Мне скучен Петербург, двор... я живу более года, без всякой надежды, около вас и около ревливой пасти вашего мужа, и мне остается, как утопающему, схватиться за соломинку, одна надежда воспользоваться вашим письмом!</p>		<p>Он человек светский, жил всегда в столицах; я женщина простая, он будет скучать со мной.</p>

1	2	3	4	5
<p>А. Ф. Писемский. Просвещенное время (1875).</p>			<p>Одна компания «Сыродровка», сами знаете, на краю города; чиновники также все в разных пунктах. В город, должно быть, закупить что-нибудь для вечера.</p>	
<p>Д. В. Григорович. Столичный воздух (1873)</p>		<p>Действие — в Петербурге, между часом и тремя пополудни. ...загубил нас этот Петербург проклятый, чтоб ему провалиться! До Петербурга до вашего ничего с ним такого не было; в шесть недель всему выучил! Прожить шесть лет, как я прожила, благословляя каждый миг своей жизни, и все это будет забыто, забыто в какие-нибудь шесть недель... забыто потому только, что в Петербурге существуют какие-то обольщения... Ты еще не знаешь Петербурга; только слава; а относительно сплетен: c'est un vrai Арзамас; ну, так будь мила; я просила его быть очаровательным... А тут Петербург со своей возней; то туда, то сюда, нет ни минуты</p>	<p>Il en perde la tête... Начинают болтать об этом в городе. Cette chere capitale! Вся молодежь явится, весь город, tout le monde! Право, какой странный город этот Петербург; целый день ничего не делаешь, только мечешься во все стороны... а между тем нет минуты свободного времени.</p>	<p>Здесь в роскошной, северной столице нашей проживает бедная вдовица, некто Вильгельмина Пешель, имеющая сына, прекрасного молодого человека, одаренного всеми качествами, требующимися для образования замечательного чиновника...</p>

1	2	3	4	5
		<p>разумного спокойствия! Ну, хоть бы как я теперь, приехал в Петербург, где условия жизни совсем другие, чем в деревне... не могу же я быть здесь вечно прикованным к жене! Вопрос, ясно показывающий, что ты заглох в провинции; вопрос в Петербурге неразрешимый; одни тебе скажут: умен, как ясный день! Новинская (в сторону). Как Петербург успел его скоро испортить... Можно ли так лукавить...</p>		
<p>А. В. Сухово-Кобылин. Дело (1861)</p>	<p>Одет по моде; говорит мягко, внушительно и вообще так, как говорят люди, которые в Петербурге называются теплыми, в прямую супротивность Москве, где под этим разумеются воры. Как, бывало, Сальви валял эту арию в Москве — так мое почтение. Имею я, Ваше Сиятельство, единственную дочь, — и пять лет тому назад проживал я с моим семейством в Москве; имел круг знакомства; словом, держал</p>		<p>Как уж тут не обратиться — только вот беда-то наша: по городу, можете себе представить, такие пошлы толки, суды да пересуды, что и сказать не могу: что Лидочка и в связи-то с ним была, и бежать-то с ним хотела, и отца обобрать — это все уж говорили; так что и глаза показать ни к кому невозможно было. А вот что: этот маркер, мой батюшка, такой игрок на бильярде, что, может,</p>	<p>В отечестве нашем считается, милостивая государыня, две столицы и сорок девять губерний...</p>

1	2	3	4	5
	<p>дом, какой фамилии моей надлежало...</p>		<p>первый по всему городу. Ни оне рукодельем каким, ни трудом праведным не занимаются; опустел дом, печь стоит холодная; гоняют по городу, сводят дружбу со всяким встречным — вот, по слабоумию своему, и набегают. Ну, батюшко, я вот в этот самый город и приехал; — а про него уже и в Писании сказано: Тамо убо море... великое и пространное — идеже гадов несть числа! Приехавши в этот город, я к одному такому животному великому и направился.</p>	
<p>А. В. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского (1855)</p>	<p>Действие происходит в Москве. Вытащили меня в Москву: пошли затеи, балы да балы, денежная трата всякая, знакомство... суетня, стукотня! Он мне говорил, тетенька, что ему надо ехать из Москвы. Ведь вы Москву не знаете: ведь что вам первый встречный скажет, то и несете. Кто же из нас, живучи в Москве, не расстроен?</p>		<p>Потом: гонять по городу; там в театр, там на бал. Так, батюшка, жить в городе нельзя. Будь теперь у вас мущина, знаете, этакий ловкий, светский, совершенный <i>comme il faut</i>, — и дом ваш будет первый в городе. Нашему брату, помещику, одно зло — это город. Великую вы правду сказали: одно зло — это город.</p>	

1	2	3	4	5
	<p>Кречинский. Я из Москвы еду. Как пить даст, запишет; влепит своим хамским почерком имя мое в книгу, и как гром какой разразится по Москве весть!</p> <p>Вот вам скажу, был здесь в Москве (вздыхает) профессор натуральной магии и египетских таинств господин Боско: из шляпы вино лил красное и белое (всхлипывает), канареек в пистолеты заряжал; из кулака букеты жертвовал, и всей публике; — ну, этакой теперь штуки, закладываю вам мою многогрешную душу, исполнить он не мог; и выходит он, Боско, против Михаила Васильича мальчишка и щенка.</p> <p>Жить изволите в Москве или в деревне?</p> <p>В Москве-с, в Москве, то есть иногда... а то больше в деревне.</p>		<p>Ну, я думаю, он это дело обделает: он на это таки ловок — обрыщет весь город.</p> <p>Ведь об этом нынче будет знать весь клуб, а завтра — весь город!...</p> <p>Старика теперь дома нет: об эту пору он всегда таскается по городу на своих замороженных клячах.</p> <p>Так, по-твоему, с нею лучше по городу шататься?</p> <p>Я за ним... туда, сюда... мотал, мотал по городу-то, и вот до сего часа...</p>	
<p>А. В. Сухо-во-Кобылин. Смерть Тарелкина (1869)</p>	<p>1869 г. февраля 20-го. Москва. В глушь! В Москву! — Там и притаюсь — пока все это совершенно смолкнет и успокоится... Жил я в Москве; приходят ко мне из моего Симбирского</p>	<p>Теперь здесь, по Петербургу, надо устроить мою собственную, официальную несомненную смерть.</p>	<p>— Видите: — почти скандал; похоронить нечем; — пожалуй, в городе узнают — скажут: с голоду умер; — товарищи оставили; — начальство не пеклось; — нехорошо — даже и публика не оправдает.</p>	

1	2	3	4	5
	имения мужики. Тарелкин. Весь Петербург и вся Москва. Расплюев (Оху). Формуляр-то его; — я тотчас в Москву и улизну.		А во-вторых, сударь, — извольте дать подписочку о невыезде из города. — К чему же подписку; что за подписка; я и так из города никуда не поеду.	

Мы постарались аутентично воспроизвести подступы к городской картографии драматического жанра, которые в виде машинописных лент-таблиц изготавливает Н. П. Анциферов. (Анциферов, приглашая адресата к размышлению, поясняет, что пишущую машинку купил недавно, заменив после поломки предыдущую, и объясняет технические накладки, к примеру, «рассортированный» Потехин, не поддающийся сборке, потому что некоторые «городские» эпизоды его пьес в таблице «живут своей жизнью» и расплозятся, потеряв привязки к своим «родовым гнездам».)

Движение в сторону «урбанизации драматического жанра» отчасти, по мысли Н. П. Анциферова, сближает драму с романной формой, объясняет тяготение к детективу и серийной циклизации в 1850–1870-х гг. Ни в одной культуре, рассуждает Анциферов, город так остро не присутствует в сюжете, как в русском театре. У города, как правило, есть имя — Москва, Петербург, — в других случаях он присутствует безымянно — просто «город», просто «столица», — либо обозначается псевдонимами или аббревиатурами.

На этом общем фоне Н. П. Анциферов признает сильный «городской потенциал» трилогии Сухово-Кобылина «Картины прошедшего», вторую часть которой — пьесу «Дело» — он смотрел в Ленинградском драматическом в 1954 г.

Анциферов приглашает Слонимского вслушаться и всмотреться в этот городской пейзаж и московско-петербургский рисунок пьес, напряженно и мерцающе проступивший сквозь причудливую вязь слов: «Укачу в матушку-Москву — город тихий, найму квартирку у Успенья на Могильцах, в Мертвом переулке, в доме купца Грובה, да так до второго пришествия и заночую».

Он делится своим открытием: Сухово-Кобылин — абсолютно городской автор, и очень важно, что первая часть происходит в Москве, а вторая и третья — в Петербурге.

Выписки, которые Анциферов прикладывает к письму, видимо, предполагали более развернутые комментарии, но даже этот городской срез, тестирование Сухово-Кобылина на присутствие городского компонента в его «крови», само по себе показательное:

«Москва и Петербург сошлись в трилогии Сухова-Кобылина в смертельном споре, потому что все три пьесы про гибель, про дорогу к смерти, которую проходят персонажи, про разные способы умереть. Каждый город, первая и вторая столица услужливо предлагают много гибельных возможностей. Сухово-Кобылин сфокусировал в своей трилогии эти смертельные начала, сконцентрированные в городах, где ему самому пришлось познать все муки ада — уголовного обвинения и непризнанности» [Анциферов. Письма Слонимскому. Л. 21].

Для нас крайне важно восстановить и интерпретировать логику рассуждений, анциферовское прочтение и его театральную оптику, которая, на наш взгляд, безусловно, корреспондирует с его рецепцией городского пространства как сцены.

Думается, учесть этот сюжет любопытно по трем причинам:

– во-первых, потому, что тема «Анциферов-зритель», как подтверждают анцифероведы, отчасти остается по объективным причинам на периферии, хотя известно, что театр занимал в его культурной практике немаловажную роль;

– во-вторых, его суждения о театре, нуждаясь в систематизации, способны дать новые импульсы к прочтению театрального пласта культуры, который был Анциферову интересен. Сюда относится русская классическая драматургия и так называемый «новый театр» — пьесы 1920–1930-х гг.;

– в-третьих, включение, а точнее — возвращение театральных сюжетов в урбанистический контекст заполняет существенную лакуну: исследователи и читатели, как правило, чувствительны к пространственным характеристикам, и пресловутый «хронотоп» был изобретен применительно к романной форме, а драматический жанр — с тех пор, как классицистические правила единства времени и места утратили свою актуальность — оставался с этой точки зрения на периферии внимания.

Рассыпанные в эпистолярной идеи Анциферова о свойствах поэтики городского пространства в драме дают новый ключ к рецепции целого ряда драматических текстов и их авторов, они могут быть полезны как постановщикам, так и зрителям, для которых эта городская система координат нередко либо совсем не существует, либо является вторичной по отношению к происходящему.

Библиография

Анциферов Н. П. Стенограмма доклада «Москва эпохи Пушкина и Грибоедова». На заседании секции по изучению и охране памятников архитектуры // РГАЛИ. Ф. 2455. Оп. 1. Ед. хр. 92.

Анциферов Н. П. Письма А. Л. Слонимскому 19 сентября 1948 — 14 ноября 1957 // РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 97.

Анциферов Н. П., Кудрявцева О. А. Отчет научных сотрудников ГЛМ о командировке в Завидово для консультирования работы музея С. Д. Дрожжина. 10 июля 1937 // РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 91.

Анциферов Н. П. Отчеты и докладные записки научного сотрудника ГЛМ о командировке в Коктебель, Ленинград, Одинцово, Звенигород и др. места, связанные с жизнью и творчеством М. А. Волошина, А. И. Герцена, М. Ю. Лермонтова // РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 60.

Бонч-Бруевич В. Д., Клейнер И. М. Переписка о подготовке к печати биографических материалов из архива А. В. Сухова-Кобылина. 29 октября 1937 — 10 декабря 1939 // РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 202.

Бонч-Бруевич В. Д. Письма Павлову Владимиру Александровичу, сотруднику ГЛМ, работающему по договорам над фондом А. В. Сухова-Кобылина. 16 сентября 1937 — 29 ноября 1938 // РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 217.

Бонч-Бруевич В. Д. Письма А. Л. Слонимскому 28 июля 1948-12 августа 1953 // РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1, Ед. хр. 109.

Бонч-Бруевич В. Д., Гроссман Л. П. Переписка 1935–1936 // РГАЛИ. Ф. 1386. Оп. 1. Ед. хр. 14; 29; 34; 36; 137; 139.

Герцен, Огарев и их окружение. Рукописи, переписка, документы // Бюллетени Государственного литературного музея. № 5. М. : ГЛМ, 1940. См.: Описание фонда Салиас-де-Турнемир (544 единицы хранения).

Гроссман Л. П. Театр Сухова-Кобылина. М. ; Л., 1940.

Залесский В. Ф. Яркий спектакль // Московская правда. 1951. 25 апреля.

Зингерман Б. И. Акимов сегодня // Театр. 1955. № 12.

Рудницкий К. Л. Заметки о сатирическом спектакле // Вечерняя Москва. 1955. 10 августа.

Слонимский А. Л. «Свадьба Кречинского» в постановке Вс. Мейерхольда // Рабочий и театр. 1933. № 12.

Сухова-Кобылин А. В. «Философские письма или этюды спекулятивной философии в ее поступании за Гегелизм». I том. [Позднейший вариант] 1899. Авторизованная рукопись Манухина // РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 56.

Театрал. На старых спектаклях. В защиту Расплюева // Театр. 1955. № 2.

Шейнин Л. Р. Приговор окончательный // Литературная газета. 1955. 24 февраля.

Орлицкий Юрий Борисович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник учебно-научного центра мандельштамоведения факультета истории и филологии Российского государственного университета. Москва, Миусская пл., д. 6; ju_b_orlitski@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЦИТИРОВАНИЯ СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТОВ В КНИГАХ АНЦИФЕРОВА

Аннотация

В статье, в основном на материале книги «Душа Санкт-Петербурга», анализируются особенности цитирования стихотворного текста в произведениях Анциферова, приводится статистика цитируемых авторов, рассматривается роль случайных метров в прозе этой книги, особенности ее взаимодействия с цитатными метрами. Особо рассматривается место книг Анциферова в литературном процессе начала XX века, приводятся свидетельства в пользу художественности его прозы.

Ключевые слова

стихотворная цитата, стих и проза, прозиметрия, случайные метры, ямб

Книги Анциферова — классический образец так называемой прозиметрии — текстов, объединяющих самостоятельные прозаические и стихотворные фрагменты [Орлицкий, 2002. С. 411–431]. Причем это прозиметрия цитатного типа. Как известно, ученый самым активным образом использовал цитацию русской классической поэзии как для иллюстрации основных положений своих работ, так и для собственно эстетических целей — придания им яркости и художественности. Об этой важнейшей функции стихотворных цитат писал в свое время применительно к научным и научно-популярным статьям В. С. Баевский [Баевский, 1994. С. 107–120].

Стихотворные цитаты есть практически во всех работах Анциферова. Но — в разной плотности. Разумеется, там, где идет речь о поэтах, их больше. Но и вне этого — например, в автобиографической прозе — они тоже есть.

Рассмотрим в качестве примера самое начало автобиографической повести Анциферова (в той редакции, в которой она была опубликована в 1992 г. [Анциферов, 1994]):

Благодаря тому, что моя жизнь была очень содержательна событиями, думами, переживаниями, — мне мой жизненный путь кажется чрезвычайно длинным. И это радует меня. Пушкин писал:

Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частицу бытия...

Иначе я воспринимаю бег времени. Жизнь мне представляется схожей с елкой. Каждый год не убавляет ее, а прибавляет к ней новый росток. Вот почему мне так радостен день моего рождения. Я чувствую себя «насыщенным годами».

Когда мне исполнилось 25 лет, я писал моей матери, что благодарю ее за дарованную мне жизнь, что в этот день я праздную юбилей своего счастья. Мне казалось, что счастливее меня не было людей на свете.

С тех пор многое изменилось. Но несмотря на все тяжелое, что выпало на мою долю, я могу сказать:

Благословляю все, что было,
Я лучшей доли не искал.
О, сердце, сколько ты любило!
О, разум, сколько ты пылал [Там же. С. 16].

В этом фрагменте можно обнаружить, по сути дела, все разнообразие цитат и вариантов их использования в книгах Анциферова. Во-первых, это две традиционные стихотворные цитаты — из Пушкина и Блока, причем первая — с указанием авторства, а вторая — без, что очень характерно для автора, доверяющего осведомленности своего читателя.

Еще две явные цитаты растворены в тексте: евангельское *насыщенный годами, и бег времени*, для нас уже — безусловно ахматовское. Кроме цитат, в отрывке встречаются так называемые «случайные метры» [Холшевников, 1991. С. 75–84], сцепляющиеся с цитатами и образующие вместе с ними плотный метрический фон текста в целом. На их функции в анциферовском тексте хотелось бы обратить особое внимание. Так, короткое предложение «И это радует меня» написано тем же ямбом, что и следующие за ним строки Пушкина. Метр цитаты подхватывается еще одним случайным ямбом: «Иначе я воспринимаю / бег времени».

Следующий абзац также насыщен метрами: «Каждый год не убавляет...» (четырехстопный хорей); «а прибавляет к ней новый росток» (четырехстопный дактиль); «Вот почему мне так радостен день...» (четырехстопный дактиль); «Я чувствую себя «насыщенным годами» (шестистопный ямб).

Характерно, что в этом абзаце из четырех случайных метров только один — ямбический. Не появляются ямбы (и вообще метры) и в небольшом следующем абзаце, еще более отдаленном от стихотворных цитат. А вот в следующем, предшествующем очередному цитатному ямбу, отрывке он возникает снова: «Но несмотря на все тяжелое...» — после чего вскоре появляется четырехстопный ямбический катрен Блока.

Надо сказать, подобными сцеплениями пронизаны все книги Анциферова — одни в большей, другие в меньшей степени. В связи с этим стоит привести еще одну цитату — на этот раз из позднего очерка «Подмосковные Герцена»,

опубликованного в 1946 г.; здесь Анциферов приводит отрывок из «Былого и дум», включающий цитату из «Юмора» Огарева, которую классик окружает случайными метрами (они выделены нами курсивом). В свою очередь, и автор очерка насыщает свой текст случайными метрами:

Так, возвращаясь в Рим из путешествия во Фраскати, с душой, переполненной теми неизгладимыми впечатлениями, которые зарождаются в окрестностях «вечного города», Герцен сейчас же уносится в своих мечтах в покинутое им навсегда Васильевское. В его тоскующей о былом душе сейчас же воскресает образ сельского вечера в родных местах, «...еще другое наслаждение осталось моей неизменной страстью — сельские вечера; они и теперь, как тогда, остались для меня минутами благочестия, тишины и поэзии. Одна из последних кротко-светлых минут в моей жизни тоже напоминает мне сельский вечер... Солнце / опускалось торжественно ярко в океан огня, распускалось в нем... Вдруг горячий пурпур / сменился синей темнотой, все подернулось дымчатым испарением, — в Италии сумерки начинаются быстро... Ехавши домой, я рассказывал о вечерах в Васильевском.

А что рассказывать?

Деревья сада
Стояли тихо. По холмам
Тянулась сельская ограда,
И расходилось по домам
Уныло медленное стадо.

...Пастух хлопает длинным бичом да играет на берестовой дудке; мычанье, бляенье, топанье по мосту возвращающегося стада; собака подгоняет лаем рассеянную овцу, и та бежит каким-то деревянным куц-галопом; а тут песни крестьянок, идущих с поля, все ближе и ближе; но тропинка повернула направо, и звуки снова удаляются. Из домов, скрипя воротами, выходят дети-девочки встречать своих коров, баранов; работа кончилась. Дети играют на улице, у берега, и их голоса раздаются пронзительно чисто по реке и по вечерней заре; к воздуху примешивается паленый запах овинов; роса начинает исподволь стлать дымом по полю; над лесом ветер как-то ходит вслух, словно лист закипает, а тут зарница, дрожь, осветит замирающей, трепетной лазурью окрестности...»

Это та сельская Россия, которую описал Пушкин в «Путешествии Онегина», а Лермонтов — в стихотворении, которое он так и назвал «Родина». Там он описал ее «лесов безбрежных колыханье» с разливами рек, подобных морям, с «дымком спаленной жнивы». Эта Русь была познана Герценом в его подмосковных [Анциферов, 1946. С. 77].

О метре у раннего Герцена мне уже приходилось писать применительно к его ранним миниатюрам [Орлицкий, 2012]. Можно сказать, появление его — объективная реальность русской прозы. Но здесь Анциферов будто бы специально демонстрирует ее нам!

Интерес к метризации прозы особенно усилился в начале XX в. в связи с ее реформой, проведенной Андреем Белым [Орлицкий, 2002а. С. 169–182], попытавшимся и в теории, и на практике уничтожить границу между двумя типами организации художественной речи путем тотальной ее метризации. Надо сказать, что во времена Анциферова ни один прозаик не смог не откликнуться на эту реформу. Причем, что особенно важно в нашем случае,

Белый вводил метр не только в собственно художественные произведения, но и в мемуары, статьи и трактаты — то есть Анциферову было от чего отталкиваться в своих синтетических по природе книгах!

Разумеется, цитаты во множестве встречаются в «Петербурге Пушкина», есть они и в «Петербурге Достоевского». Но наиболее интересно и массивно они используются в книгах «Пригороды Петербурга» и в главном труде Анциферова — «Душа Петербурга», на которой мы в первую очередь и остановимся [Анциферов, 1991; в дальнейшем текст Анциферова цитируется по этому изданию без указания страниц].

Собственно цитаты в традиционной форме сосредоточены в книге там, где рассказывается о вкладе поэтов, от Сумарокова до Ходасевича, в создание образа и души града Петрова. Это — 30 русских и 2 иностранных поэта. Самый цитируемый автор здесь — Александр Блок: в книге приведена 171 его строка, всего цитат — 46. А вот как выглядит список других наиболее цитируемых в «Душе Петербурга» авторов:

Некрасов	140 строк	15 цитат
Пушкин	125	41
Лермонтов	104	11
Ахматова	73	9
Державин	65	7
Маяковский	56	8
Тютчев	50	28
Вяземский	41	2
Брюсов	39	3
Вяч. Иванов	37	3
Гиппиус	36	2
Огарев, Мих. Дмитриев, Григорьев — 32		
Фет, Печерин — 31		
Сумароков — 29		
Анненский — 28		
Полонский — 27		
Ломоносов — 19		
Мандельштам, Саша Черный — 12		
Городецкий — 10, Гумилев — 7, Кольцов, Фофанов — 6, Ходасевич — 4, Аллегро, Якубович — 2		
Данте — 2, Гете — 2		

Таким образом, плотность цитат в книге чрезвычайно велика. При этом мы учитывали только очевидные стихотворные цитаты — выделенные шрифтом и размещенные в середине полосы; кроме этого, Анциферов приводит цитаты также непосредственно в авторском тексте, выделяя их курсивом или заключая в кавычки, а иногда (когда ему кажется, что цитата очевидна), не выделяя никак. При этом автор стихотворных строк может называться, а может оставаться неназванным; произведение называется крайне редко.

Теперь — о случайных метрах, которые, как мы убедились, прекрасно служат метрической поддержкой собственно цитатам, создавая вместе с ними общий эффект стихоподобия целого: чего стоит, например, такая «квазицита-та», выполненная пятистопным ямбом: «И солнце светит нежно и бессильно».

Появление таких случайных метров, вдохновленных стихами великих мастеров, там, где идет речь об их стихах и приводятся цитаты из них, — вполне закономерно; однако они появляются и во фрагментах, связанных с прозаиками: особенно — Гоголем, проза которого также особенно насыщена случайными метрами [Орлицкий, 2003. С. 96–102].

Массу случайных метров Анциферов выявляет также у других романтически настроенных русских прозаиков: например, в «Русских ночах» В. Одоевского («Ревела осенняя буря; река // рвалась из берегов; // по широким улицам качались фонари» (Амф4+Я4+Х7)), Печерина («Торжество смерти»), Тургенева и Григоровича.

Возможны разные формы взаимодействия таких метров как с прозаическим монолитом, так и со стихотворными цитатами. Прежде всего это «перетекание» метра из стиха в прозу — как перед цитатой (наиболее ярко и заметно), так и после, а иногда — с обеих сторон. Приведем несколько примеров, выделяя курсивом случайные метры в прозе; сначала — продолжения метра в прозе:

И окон ряд, всегда прозрачно-темных,
Манил, пугая, взор очей нескромных.

Прощальный образ Северной Пальмиры!

Здесь за пятистопным ямбом цитаты следует аналог строки этого же размера в прозе; а вот пример продолжения в прозе оборванной стихотворной строки — правда, с наращением одной (шестой) стопы ямба:

Бывало, мать давным-давно храпела,
А дочка на луну еще смотрела
И слушала мяуканье котов
По чердакам, свиданий знак нескромный,
Да стражи дальний крик, да бой часов
И только. Ночь над мирною Коломной
Тиха отменно.

Это тоже Петербург!

Еще один пример продолжения стихотворного метра в прозе — появление условной полустроки (двустопного ямба после четырехстопного):

* Здесь и далее в статье используются общепринятые стиховедческие обозначения силлабо-тонических размеров и их аналогов в прозе: Я — ямб, Х — хорей, Дак — дактиль, Амф — амфибрахий, Ан — анапест; цифра после названия метра обозначает размер: например, Х4 — четырехстопный хорей (или в прозе — четыре стопы хоря подряд).

Дружины вольные не внемлют,
Встают, ревут, дворец объемят.

И деспот понял.

А вот несколько примеров предварения стихотворного метра в предшествующем ему прозаическом тексте:

Глубокая тишина увяданья, баюкающая душу, уносящая в мир воспоминаний. *Еще сильнее ее власть в вечерний час.*

Сколь милы в Павловске вечерние картины.
Люблю, когда закат безоблачный горит;
Пылая, зыблются древесные вершины,
И ярким заревом осыпанный дворец,
Глядясь с полугоры в водах, покрытых тенью,
Мрачится медленно, и купол, как венец,
Над потемневшею дерев окрестных сенью
Заката пламени сияет в вышине
И вместе с пламенем заката угасает.
(«Первый отчет о луне».)

Прах Александра должен храниться в недрах города, обязанного *ему своим существованием.*

Ликуйте вы, Петровы стены,
Играйте, Невски берега!

Наконец, несколько примеров, когда стихотворные цитаты окружаются метрами и наоборот — когда метр возникает в прозе, окруженной цитатами:

И царь смотрел; и, окружен
Толпой льстецов, смеялся он...

Царь знает, что к борьбе такой привык его гранитный город.

И раздался его приказ.
Вот ждет, довольный сам собой,
Что море спрячется как раз.

Как видим, здесь прозаическое «двустипшие» целиком вписывается в общее ямбическое течение речи!

А вот пример контактного шестистопного ямба, возникающего в прозаическом тексте между двумя большими цитатами из написанных этим же размером стихотворений Жуковского:

Славянка тихая, сколь ток приятен твой,
Когда в осенний день в твои глядятся воды
Холмы, одетые последнею красой
Полуотцветшие природы!
Спешу к твоим брегам... свод неба тих и чист;
При свете солнечном прохлада повеваает;
Последний запах свой осыпавшийся лист
С осенней свежестью сливает.
(«Славянка».)

Возможны и более сложные случаи, когда в прозаическом окружении возникают не только те же самые метры, что в стихотворных цитатах, но и другие:

Позднее, в *полушутливой форме вспоминая* (Я5) *маленькую ножку и локон золотой* (ХЗ+ЯЗ), поэт вновь создает безотрадный образ.

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный
Скука, холод и гранит. (Х4)

Город, полный двойственности. (ХЗ) В стройной, пышной Северной Пальмире (Х5), в гранитном городе, под бледно-зеленым небом (Я4+2) ютятся его обитатели (АмфЗ).

Нередко прозаический текст Анциферова включает в себя также элементы звуковой организации, традиционно воспринимаемые как элемент стихотворной речи, например:

Вот стройные сочетания строгих строений Исаакиевской площади;
Полный пафосом пространства

— и т. п.

Иногда метрически организованный прозаический текст рифмуется со стихотворным:

Вернулся золотой век! Вся в лучезарном сиянии Северная Пальмира горит и сверкает.

В стенах Петровых протекает
Полна веселья там Нева,
Венцом, порфирию блистает,
Покрыта лаврами глава.
Там равной ревностью пылают
Сердца, как стогны, все сияют
В исполненной утех ночи.

Таким образом, в своих книгах Анциферов выступает не только как блестящий исследователь и интерпретатор, но и как тонкий стилист, настоящий прозаик, искания которого в области ритмической стилистики вполне совпадают с генеральным направлением художественного развития, ставшим реально возможным только после открытий в этой области Андрей Белого — кстати, не все упомянутого в самом начале «Души Петербурга» (Анциферов и здесь словно бы делает нам подсказку!) и обильно процитированного целыми страницами из его «Петербурга» (правда, минимально метричными).

Остается заметить, что подобного рода «художественная» цитация не является чем-то уникальным для эпохи Анциферова: в одном ряду с его прозиметрическими книгами можно отметить использующие аналогичные механизмы метрической организации статьи Вл. Соловьева о русских поэтах, критические работы Ю. Айхенвальда, насыщенные стихотворными цитатами мемуарные произведения И. Бунина, К. Бальмонта и других авторов.

Список литературы

Анциферов, 1946. — Анциферов Н. П. Подмосковные Герцена // *Подмосковные*. М. : изд-во Гослитмузея, 1946. С. 73–104.

Анциферов, 1991. — Анциферов Н. П. Душа Петербурга // Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Были и миф Петербурга. Петербург Достовского. М. : Книга, 1991. 512 с.

Анциферов, 1992. — Анциферов Н. П. Из дум о былом. М. : Феникс, 1992. 512 с.

Баевский, 1994. — Баевский В. С. Стихотворная цитата в тексте // *Русская филология. Ученые записки Смоленского гуманитарного университета*. Т. 1. Смоленск, 1994. С. 107–120.

Орлицкий, 2002. — Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе. М. : РГГУ, 2002. 685 с.

Орлицкий, 2002а. — Орлицкий Ю. Б. Русская проза XX века: реформа Андрея Белого // Андрей Белый. Публикации. Материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 169–182.

Орлицкий, 2003. — Орлицкий Ю. Б. Силлабо-тонический метр в прозе Н. В. Гоголя. Предварительные замечания // Гоголь как явление мировой литературы. М. : ИМЛИ РАН, 2003. С. 96–102.

Орлицкий, 2012. — Орлицкий Ю. Б. Прозаические миниатюры Герцена // Памяти Герцена. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. С. 103–109.

Холшевников, 1991. — Холшевников В. Случайные четырехстопные ямбы в русской прозе // Холшевников В. Стихование и поэтика. Л., 1991. С. 75–84.

РАЗДЕЛ III. ОБЪЕКТЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ

Н. Н. Бикташева

Бикташева Наталия Николаевна, заведующая отделом Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Мемориальный Дом-музей академика А. А. Ухтомского»; www.museum.ru/M1586

МЕМОРИАЛЬНЫЙ ДОМ-МУЗЕЙ АКАД. А. А. УХТОМСКОГО В Г. РЫБИНСКЕ (КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ МУЗЕЯ В XXI В.)

Аннотация

В статье изложена концепция резкспозиции единственного в России Мемориального дома-музея выдающегося ученого-физиолога, философа и социального мыслителя А. А. Ухтомского, а также пути развития Музея в XXI в. Концепция предусматривает создание в городе Рыбинске и Рыбинском районе единого образовательного пространства и реализацию программы «Возрождение земли Ухтомского», что может стать существенным шагом в деле повышения консолидирующей роли музеев в общественной жизни России.

Ключевые слова

А. А. Ухтомский, доминанта, резкспозиция, экспозиция, условная реконструкция, усадьба, «Программа возрождения земли Ухтомского», «Дом заслуженного собеседника», школа им. Ухтомского, кадетский корпус, база отдыха и творчество ученых России

В 2015 г. исполняется 140 лет со дня рождения уроженца Ярославской земли, князя рюриковской крови, ученого-физиолога, академика Алексея Алексеевича Ухтомского (1875–1942), земляка и одного из ближайших друзей семьи А. А. Золотарева. Ученый открыл миру принцип доминанты, который стал ядром созданной им концепции о единстве биосоциальной природы человека, определитель главенствующих мотивов и направлений его деятельности и личной нравственной позиции.

Кроме того, в сентябре будущего года исполняется 25 лет со дня открытия в г. Рыбинске мемориального дома-музея академика А. А. Ухтомского. Две эти даты обязывают нас серьезно заняться реставрацией самого мемориального объекта и наметить планы на будущее. Осознавая то, что к настоящему времени накоплен определенный фактологический и концептуальный материал, который позволяет представить личность А. А. Ухтомского, так же как и его наследие, в новом, современном свете.

На момент создания первоначальной экспозиции мемориального музея акад. Ухтомского мы не располагали достаточным количеством подлинных предметов из этого дома, поэтому, несмотря на имеющуюся схему дома с расположением всех комнат, выполненную Ухтомским, мы решили совместить историко-биографическую экспозицию с двумя интерьерами. Принцип условной реконструкции был выбран для интерьера гостиной XIX в., а рабочий кабинет ученого благодаря привезенным предметам из физиологического института им. Ухтомского мы сделали по принципу условно-целостной реконструкции.

Историко-биографическая экспозиция была необходима, особенно на тот момент, для того, чтобы познакомить земляков и гостей города с уникальной личностью ученого — создавался единственный в России музей, посвященный автору доминанты. Время показало правильность такого выбора. Проведена реконструкция гостиной, где небольшое количество мемориальных предметов органично сочетается с типовыми вещами, которые могли иметь место в дворянской семье. Мы рассматривали этот комплекс не только как коллекцию предметов, принадлежавших семье князей Ухтомских, но и как типичный интерьер конца XIX — начала XX вв.

Сегодня в историко-биографическую экспозицию требуется внести некоторые изменения и дополнения. Прежде всего это касается введения в экспозицию темы «Ухтомский и земляки», рассказывающей о любви ученого к своей родине, о связи с земляками — А. А. Золотаревым, В. В. Пановым, Н. И. Бобровской, — отраженной в письмах, рисунках, фотографиях, подарках ученого Рыбинском научному и религиозно-философскому обществу.

Кроме того, в экспозицию нужно добавить материалы, раскрывающие черты усадьбы «Вослома» (что в 35-и км. от г. Рыбинска, близ села Арефино), где родился будущий ученый. Высокий образовательный уровень его владельца, деда князя Николая Васильевича Ухтомского, отражает наличие в его библиотеке книг на иностранных языках: французском, немецком, английском и, конечно, на старославянском. Большой интерес представляют рукописные стихи популярных в XIX в. литературных произведений — типичное явление русской культуры, когда произведение переписывалось еще до выхода в свет. Среди них комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума», поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души», а также стихи А. С. Пушкина, переписанные рукой юного Алеши Ухтомского.

Расширить тему по Восломской усадьбе нужно не только во имя памяти старинного рода Ухтомских, но и потому, что Вослома — пример усадьбы XIX в. с ее укладом, традициями и бытом. В этом плане следует показать интересный документ времени, характеризующий усадебный быт, — это рукописные рецепты усадебной кухни, написанные бабушкой ученого, княгиней Елизаве-

той Алексеевной. Возможно, все выше перечисленные рукописи и документы XIX в. нужно занести в информационный киоск, который, без сомнения, расширит рамки экспозиции и будет оправдан в условиях сравнительно небольшого музейного пространства.

Активное внедрение современных средств коммуникаций мы считаем важным шагом в обновлении экспозиции музея, поскольку это может дать возможность по-новому воспринимать отдельные уникальные экспонаты. К примеру, родовая печать князей Ухтомских лежит в витрине без подсветки и не заметна одиночному посетителю. Средства информационного обеспечения позволят детально рассматривать интересный экспонат с изображением фамильного герба рода князей Ухтомских. Необходимо использовать их и для раскрытия посетителям музея принципа «доминанты», открытого А. А. Ухтомским. Имеющаяся в настоящее время «схема действия доминанты», нарисованная художником-оформителем в 1990 г, не может восприниматься школьником XXI в., тем более, что она не отражает всей полноты применимости этого принципа в жизни человека. Сегодня учение А. А. Ухтомского предстает как новая парадигма в науке о поведении, как вектор развития знаний о человеке в XXI в. Для посетителей музея (и учащихся, прежде всего) нужно сделать мультимедийный фильм о сферах приложимости принципа доминанты. К его созданию необходимо привлечь специалистов разного профиля — физиологов, психологов, медиков, педагогов. Какую практическую роль играет доминанта в жизни каждого из нас? Такое нововведение наверняка будет интересно и позволит «оживить» теорию практическими выкладками. Главная задача нашего музея — раскрыть личность ученого и его попытки найти свой путь в познании истины, сделать музей интересным и доступным для каждого посетителя, который в идеале должен стать для музея «Заслуженным собеседником» (понятие, введенное А. А. Ухтомским, что означает человека, способного дорожить доминантами другого человека).

Прежде всего, посетителю нужно предложить богатый выбор печатной продукции: буклеты, открытки, книги. Еще одним проявлением внимания к посетителю может являться разработка интерактивной книги отзывов и предложений. Такой двухсторонний диалог дает возможность узнать о том, что хочет видеть посетитель в музее.

Безусловно, мемориальный музей является институтом социальной памяти, но в XXI в. он должен не только сохранять наследие, но и расширять границы самого музея. Созная это, сотрудники музея совместно с педагогами школы им. Ухтомского разработали программу «Возрождение Земли Ухтомского», позволяющую создать единое культурно-образовательное пространство, что является первым и весьма существенным шагом в деле повышения консолидирующей роли музея в общественной жизни нашего края. Вышеназ-

ванная программа включает целый спектр необходимых элементов (образовательное учреждение, клуб, выставочный зал, библиотека, гостиница, база отдыха и т. д.).

Почему мы назвали нашу программу «Возрождение Земли Ухтомского»? Во-первых, музей и школа им. Ухтомского находятся практически на земле, принадлежавшей князю Н. В. Ухтомскому. В настоящее время за музеем закреплена 0,27 га земли — как и за школой, но в два раза больше, — которой нужно разумно распорядиться. Во-вторых, под словом «земля» мы подразумеваем еще и создание культурно-образовательной среды. На средства Президентского гранта, выигранного музеем в 2005 г., архитектором О. Р. Протасовой был выполнен проект «Музейно-образовательный комплекс». По этому проекту на «музейной земле» будет построено самостоятельное здание, которое мы условно назвали «Дом Заслуженного собеседника». В этом музее нового типа необходимо построить современную экспозицию об А. А. Ухтомском и еще о других знаменитых земляках: академиках К. Я. Кондратьеве, А. А. Расплетине и других. В музее следует разместить читальный зал, в котором каждый сможет познакомиться с наследием ученого, с пометками на полях книг из его библиотеки. В проекте архитектора Семенова заложен зал заседаний, в котором можно проводить встречи с интересными людьми, организовывать конференции и смотреть тематические фильмы.

В цокольном этаже «Дома Заслуженного собеседника» архитектор запланировал небольшую гостиницу для ученых, приезжающих из других городов и стран для работы с наследием акад. А. А. Ухтомского. Гостиница может заинтересовать потенциального инвестора, но лучше ее вынести за пределы музейного здания, устроив в нем выставочный зал, в котором можно организовывать фондовые и персональные художественные выставки.

С появлением «Дома Заслуженного собеседника» существующее здание Дома-музея нужно сделать полностью мемориальным, воссоздав интерьеры конца XIX — начала XX в.

С 1991 г. музей и школа проводят совместную работу по внедрению программы воспитания творческой личности в учебно-воспитательном процессе на основе наследия А. А. Ухтомского. Реализация в полном объеме программы «Возрождение Земли Ухтомского» — это освоение территорий, связанных с именем ученого, отечественной истории и культуры, создание уникального научно-образовательного и социального комплекса. «Школа-Музей» является основой этой программы, но очень важным представляется воссоздание усадьбы князей Ухтомских в местечке Вослома, близ Арефино, создание на ее базе Дома творчества и отдыха ученых России. В самом селе Арефино на базе средней школы следует открыть кадетский корпус им. А. А. Ухтомского с выраженной направленностью: историко-краеведческой, военно-па-

триотической, спортивно-туристической и православной. На базе кадетского корпуса можно проводить учебно-воспитательную работу с активом учащихся школ Ярославской области (круглогодичный семинар) на примере жизни наших великих земляков акад. А. А. Ухтомского, св. Праведного Федора Ушакова, Св. Преподобного Серафима Вырицкого. Возможно, в этот корпус захотят поступить дети не только из Ярославской области. Создание базы отдыха и кадетского корпуса вдохнет новую жизнь и в само Арефинское поселение. Нужно отметить, что уже делаются первые шаги в этом направлении. Администрацией Арефинского поселения закреплено за программой 5 га земли — место, где располагалась усадьба. В этом месте на средства Президентского гранта, полученного музеем в 2005 г., установлена памятная плита, разработан туристический маршрут «По путям-дорогам акад. А. А. Ухтомского». Сделан макет усадебного дома студентами полиграфического колледжа. В воссозданном усадебном доме в Восломе можно разместить выставку, рассказывающую о представителях выдающегося рода князей Ухтомских Рюриковской династии.

На родине ученого в Рыбинске и Арефинском поселении до сих пор нет ни одного памятника, посвященного А. А. Ухтомскому.

В нашей программе заложена так же установка памятника А. А. Ухтомскому около здания Дома-музея.

Авторы программы «Возрождение Земли Ухтомского» — Бикташева Н. Н., Озеров В. А. и Краюхин М. Б. — с 2009 по 2011 гг. являлись номинантами национальной премии «Культурное наследие» за возрождение, изучение и популяризацию усадьбы князей Ухтомских.

В городе ежегодно вот уже 20 лет проводятся научные конференции учащихся памяти акад. Ухтомского, организуемые центром дополнительного образования «Молодые таланты», сотрудники музея участвуют в работе жюри и в руководстве секций. В Рыбинском районе, в селе Арефино, проводятся научно-практические конференции памяти акад. А. А. Ухтомского для педагогов города и района, организуемые музеем совместно с ГОИУ ЯО «Институтом развития образования» и администрацией Арефинского поселения. Более 1500 школ России в настоящее время ввели в школах технологию профессора Г. К. Селивко, включающую практическое освоение наследия акад. А. А. Ухтомского. На наш взгляд, внедрение наследия акад. А. А. Ухтомского в воспитательную и образовательную составляющую учебного процесса способствует развитию творчества и, по выражению Ухтомского, «ставит на ноги мысль». Активное сотрудничество музея с Ярославским институтом развития образования способствует этому процессу. Проводимые научно-практические конференции под эгидой Международной Академии педагогического образования свидетельствуют о том, что новая педагогическая технология

является эффективной и прочно входит в жизнь. Учителя увидели в технологии самосовершенствования личности главное — обоснованную научную теорию, снабженную методическим аппаратом и практическим тренингом. На базе Мемориального Дома-музея учащимися средних школ и студентами в течение 20 лет подготавливаются доклады, многие из которых получили высокую оценку на конференциях российского уровня.

Это то, чего нам удалось достичь в образовательной сфере, и, на наш взгляд, это важно, поскольку главными посетителями музея являются дети, а наследие А. А. Ухтомского невозможно постичь, просто приходя на экскурсию.

Нужно отметить, что до полной реализации нашей программы «Возрождение Земли Ухтомского» еще далеко, поскольку необходимо финансирование путем включения программы в план социального развития Ярославской области или при условии появления заинтересованного спонсора.

Только совместными усилиями мы по-настоящему сможем освоить и использовать тот богатый научный, духовный и нравственный потенциал, который оставил наш великий земляк. И как завещанием нам в нашей работе звучат слова А. А. Ухтомского: «Заглядывая в будущее, мы строим далекий проект... нужно уметь достигать цели несмотря ни на что..., не теряться, повторяя неоднократно библейское правило “Будь, что будет, а делай что надобно”».

Будущее нашего мемориального дома-музея лежит в создании единого культурно-образовательного и исторического пространства, объединяющего границы времени.

Сохранение и преумножение духовного, исторического и культурного наследия России — одна из ведущих задач современного общества, во многом определяющая прогресс его развития. Важную роль в этом процессе играют и мемориальные музеи, работа которых направлена не только на сохранение памяти о великих сынах России, внесших свою лепту в ее процветание, но и на трансмиссию культуры, передачу духовных и нравственных ориентиров будущему поколению.

В. В. Черненко

Черненко Виктория Викторовна, кандидат геолого-минералогических наук, заведующая научно-экспозиционным отделом Государственного геологического музея им. В. И. Вернадского РАН. Москва, Моховая, д. 11, стр. 11; v.chernenko@sgm.ru

ПРОЕКТ УСТАВА ЗЕМСКОГО ГУБЕРНСКОГО МУЗЕЯ — МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ И ПРАКТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Аннотация

В статье кратко изложена музейная деятельность выдающихся российских ученых В. В. Докучаева, В. И. Вернадского и А. Е. Ферсмана, непосредственно, как В. И. Вернадский и А. Е. Ферсман, или косвенно — через ближайшего родственника Н. М. Сибирцева — входивших в широкий круг общения Н. П. Анциферова. Многие в деятельности двух крупнейших естественноисторических музеев страны было введено в практику В. И. Вернадским в результате осмысления проекта устава земского музея, разработанного В. В. Докучаевым в 1882 г. Продолжая и развивая начинания В. И. Вернадского, А. Е. Ферсману удалось создать один из крупнейших минералогических музеев мира, деятельность которого была направлена на решение насущных вопросов народного хозяйства.

Ключевые слова

Докучаев, Вернадский, Ферсман, естественноисторический музей, земский музей, музейная деятельность, коллекции, научная деятельность, формирование коллекций

Abstracts

V. V. Chernenko. The draft Charter of territorial museum. Methodic recommendations and practical extension

The article briefly describes museologic commitments of three prominent Russian scientists Vasily Dokuchaev, Vladimir Vernadsky and Alexander Fersman. Many practices for the two main Russian museums of natural history were introduced by Vladimir Vernadsky, who has revised the draft Charter of territorial museum designed by Vasily Dokuchaev in 1882. Alexander Fersman has developed the undertakings of Vernadsky and finally managed to create one of the world's major mineralogical museums, designed to help solving vital questions in national economy.

Keywords

Dokuchaev, Vernadsky, Fersman, museum of natural history, territorial museum, museologic work, collections, scientific work, formation of collections.

Вклад наших соотечественников В. В. Докучаева, В. И. Вернадского, А. Е. Ферсмана в мировую науку хорошо известен, но об их роли в становлении отечественного музейного дела знают отдельные специалисты, занима-

ющиеся историей естественноисторических музеев. Почему? Их бесценный опыт и методические рекомендации зафиксированы лишь в выступлениях, переписке и небольших статьях, которые не составили специальных циклов. В трудах В. В. Докучаева мы находим проект устава земского губернского музея, а в труды по минералогии В. И. Вернадского включена записка в Комиссию по основанию Украинской Академии наук, где изложена концепция Национального Минералогического музея. Огромен практический опыт, т. к. всю жизнь они активно работали в музеях, и неслучайно трем крупнейшим национальным естественноисторическим музеям присвоены имена этих выдающихся ученых — Центральный музей почвоведения им. В. В. Докучаева, Государственный геологический музей им. В. И. Вернадского и Минералогический музей им. А. Е. Ферсмана.

Василий Васильевич Докучаев (1846–1903) — основатель генетического почвоведения и зональной агрономии, профессор Санкт-Петербургского университета с 1881 по 1897 гг. — заведовал кафедрой минералогии и Минеральным кабинетом (музеем). Он создал новое направление — генетическую, или динамическую, минералогию. Идеи динамического направления В. В. Докучаев развивал в своем курсе лекций по минералогии и кристаллографии, который начал читать с 1880 г., кардинально отличавшемся от преподавания минералогии в то время у нас и за границей. До тех пор студенты должны были лишь механически заучивать признаки (форма кристаллов, окраска, твердость, спайность и т. д.), а потом по ним диагностировать минералы. Докучаев же основное внимание уделял условиям образования минералов в природных процессах, истории минералов в земной коре, и поэтому его лекции пользовались большим успехом [Анастасенко, 1998. С. 68].

К моменту прихода на кафедру минералогии В. В. Докучаев имел уже солидный опыт работы с коллекциями: в 1872–1880 гг. он, будучи хранителем геологического кабинета, приобретал и расставлял экспонаты, подготавливал учебные пособия и т. д. И хотя впоследствии его увлекла идея организации музея почвоведения, состояние минералогических коллекций не выпало из его поля зрения.

Так, в 1882 г. В. В. Докучаев, обращаясь к ректору с ходатайством «о представлении консерватора минералогического кабинета Е. О. Романовского к Высочайшей награде», пишет: «Консерватором минералогического кабинета с осени 1879 г. состоит Е. О. Романовский. В течение прошедших с того времени трех лет исполнены г. Романовским, помимо обычных консерваторских занятий, следующие особые работы для кабинета: в 1879–1880 академическом году составлен кабинетский алфавитно-систематический указатель минералов капитальной минералогической коллекции университета и разработаны проекты новых для этой коллекции витрин. 1880–1881 академический год це-

ликом и часть осени 1881 г. были посвящены Е. О. Романовским составлению «коллекции минералов для практических занятий студентов». С этой целью им были разобраны как «запасы» минералов, находящиеся в самом кабинете, так и весь так называемый «минеральный кабинетский отброс», помещавшийся в старинных витринах в стеклянной галерее университетского здания. «Из числа многих тысяч штуфов и кусочков минералов и горных пород, лежащих там без полезного употребления в продолжение нескольких десятков лет, г. Романовский отобрал до 1200 экземпляров, из коих:

- I. Более 500 наилучших классифицировал в студенческую коллекцию.
- II. Около 500 поместил в кабинетский запас.
- III. Более 100 штуфов горных пород передал в геологический кабинет университета».

В. В. Докучаев особо отметил, что студенческая коллекция, состоявшая осенью 1880 г. из 600 экземпляров (150 минералов и их вариантов), к началу 1881/82 учебного года включала уже более 1200 экземпляров (280 минералов и их вариантов).

В. В. Докучаев считал, что «коллекция минералов для практических занятий студентов», составленная трудами Е. О. Романовского, была первой наиболее полной в стране. Большой его заслугой было составление нового подвижного карточного каталога капитальной минералогической коллекции, которая теперь называется систематической. Только человек, знакомый с музейным делом, мог оценить огромный труд Е. О. Романовского [Там же. С. 69].

В это время В. В. Докучаев активно включился в процесс создания естественноисторических музеев губернских ведомств. Весной 1882 г. по предложению и на средства Нижегородского губернского земства Докучаев впервые взял на себя изучение естественноисторических особенностей почв Нижегородской губернии. Комплексные материалы, собранные во время экспедиции, легли в основу Нижегородского земского губернского музея, для которого Василий Васильевич разработал проект устава. Полностью проект устава опубликован в сборнике документов и материалов «Музееведческая мысль России XVIII–XX веков», подготовленном Российским институтом культурологи в 2010 г. Останемся лишь на задачах и значении музея, прописанных в проекте, наилучшим образом представляющих Докучаева как выдающегося музейного деятеля.

«Задачи естественно-исторического музея должны быть двух родов:

I) научные и II) практические: те и другие могут быть разрешаемы (в данном случае) только совместно и параллельно.

I.

Научные задачи музея должны состоять, с одной стороны, в изучении естественной истории губернии и, с другой — в передаче, прививке естественно-

исторических истин местному населению. И то и другое может быть достигнуто путем следующих работ музея:

а) почвенные, минералогические, геологические, зоологические и ботанические исследования, результаты которых в виде полных коллекций почв, флоры, фауны, горных пород, окаменелостей, руд, минералов, карт, планов и моделей особенно интересных местностей, будут помещены в музей;

б) научная (по возможности, конечно) разработка собранных материалов: определение предметов — систематизация коллекций, производство анализов почв, воды, полезных минералов и пр. и пр.;

в) представление отчетов по экскурсиям, составление каталогов собранных коллекций и пр.

г) ознакомление публики, наглядным путем, с предметами музея;

д) публичные чтения (в городах, на ярмарках, местных выставках и пр.), демонстрирование на коллекциях музея, что может исполнить или заведующий музеем, или постороннее лицо (проезжий естествоиспытатель, доктор, учитель и пр.);

е) печатание и распространение дешевых и популярных брошюр о предметах музея и вообще по естественной истории края.

II.

Все чисто практические задачи музея было бы трудно определить; укажем здесь только на главнейшие из них:

а) разрешение разного рода вопросов, относящихся к сельскому хозяйству данной губернии: бонитировка почв, указание соответствующих для данной почвы удобрений, указание местных минеральных удобрений, дренаж полей, осушение болот, разведение лесов и тех и других культурных растений, указание на вредных и полезных насекомых, улучшенная обработка полей и пр.;

б) разрешение вопросов, относящихся к промышленности края, а отчасти и к гигиене края: исследование рудных месторождений и указание, стоит ли их разрабатывать; исследование торфяных залежей и месторождение некоторых (полезных) горных пород, каковы алебастр, известковый камень, песчаник, чистые пески и глины, и разъяснение их пригодности для эксплуатации в смысле строительного материала при устройстве дорог и домов и для технических производств (добывание извести, гипсового цемента, кирпичное производство, стеклянные и глиняные изделия — химические производства); исследование минеральных вод, отыскание ключей и разъяснение их пригодности для того или другого употребления;

в) разрешение вопросов, имеющих отношение к народной школе: снабжение земских училищ местными естественно-историческими коллекциями, образцовые экскурсии с сельскими учителями для ознакомления их с местной флорой, фауной, горными породами, почвами и пр.;

г) наконец, заведующий музеем может служить экспертом для земства в различных случаях, относящихся к вышеизложенным вопросам; например, он может разрешать спорные вопросы об оценках земли, некоторые технические вопросы при земских сооружениях и пр.

Значение музея

Значение музея уже видно из сказанного, а поэтому ограничусь здесь указанием еще только следующих общих соображений:

а) в музее, как в фокусе, будут сходиться самые разнородные естественно-исторические и экономические сведения о крае, а поэтому музей может служить для земства, так сказать, «справочной конторой», где оно может найти указания и советы во многих затруднительных случаях практики;

б) музей возможно широким распространением добытых результатов не может не способствовать поднятию естественно-исторического образования народа, а таковое образование лежит в корне улучшения экономического быта страны;

в) музей, по необходимости, войдет в сношения с различного рода научными обществами и отдельными специалистами; он, по необходимости, будет следить за исследованием соседних губерний; музей может, наконец, служить естественно-исторической станцией для других исследователей — как местных, так и иногородних; а все это, очевидно, не может не прибавить местному населению некоторого света и жизни» [Музееведческая..., 2010. С. 324–326].

Деятельность Нижегородского музея получила одобрение научной общественности, и было решено распространить этот опыт в других губерниях при создании подобных музеев в Кишиневе (1889), Полтаве (1891) и других городах Российской империи, в основу которых легли коллекции почвенных экспедиций В. В. Докучаева. Интересна организация работы в экспедициях. В работе принимали участие молодые кандидаты Санкт-Петербургского университета. Молодым кандидатам в качестве помощников были приданы студенты, еще более молодые, но не намного, так, что Нижегородская экспедиция 1882 г. была по составу молодежной. К А. Р. Ферхмину в качестве помощника был прикреплен студент второго курса Владимир Вернадский [Мочалов, 1982. С. 54].

После окончания гимназии в 1881 г. В. И. Вернадский поступил на первый курс естественного отделения физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. «Петербургский университет того времени в физико-математическом факультете, на его естественном отделении, был блестящим <...> на лекциях Менделеева, Бекетова, Докучаева — открылся перед нами новый мир, и мы все бросились страстно и энергично в научную работу» [Черненко, 2013. С. 19].

Уже на первом курсе В. И. Вернадский присоединился к молодым ученым, которые под непосредственным руководством В. В. Докучаева работали как в Минералогическом кабинете и лаборатории университета, так и в знаменитых почвенных экспедициях. В первой экспедиции на долю Вернадского достался район села Доскино, от которого он прошел пешком по берегу Оки до Нижнего Новгорода. На его пути, в районе села Доскино, оказался овраг, в слоях которого, к большому удивлению, Вернадский обнаружил остатки ископаемых организмов, хотя по этому маршруту до него проходили «старшие» участники экспедиции.

С большой тщательностью юноша описал обнажение оврага, слой за слоем, очистил ископаемые, перенумеровал, отметил, из какого слоя они взяты, завернул их вместе с образцами пород. Впоследствии А. Р. Ферхмин внес эти данные в отчет об экспедиции, а Докучаев включил в опубликованный им в 1883 г. большой труд «Русский чернозем», подчеркнув в нем, что в нижегородской экспедиции родился новый метод исследования почв, первой задачей которого было «приведение в ясность естественных сил страны». Особенно похвалил работу Вернадского [Мочалов, 1982. С. 54].

В мае 1885 г. Докучаев предложил Вернадскому после окончания университета остаться хранителем Минералогического кабинета. После некоторых раздумий и колебаний Владимир Иванович предложение принимает. В конце мая Докучаев берет его с собой на обследование Сестрорецких дюн. Эта совместная работа еще больше сближает профессора и студента.

Лето 1885 г. Вернадский проводит в почвенной экспедиции на Полтавщине. Помимо изучения почв Новомосковского уезда, на этот раз записи его полны наблюдениями краеведческого характера. В отчете, представленном Докучаеву по возвращении в Петербург, отражены описания почвенных слоев и наблюдения окружающей природы, мелких животных, насекомых, отмечено место обнаружения древних каменных баб, оказавшихся на исследуемом участке. С большими трудностями эти бабы были позднее переправлены в Полтавский краеведческий музей, где они экспонируются как дар В. И. Вернадского. Отчет, сданный студентом своему профессору, был не только одобрен последним, но и взят как образец для работы участникам последующих почвенных экспедиций [Вернадский, 1988. С. 48].

После окончания в 1885 г. Университета со степенью кандидата естественных наук В. И. Вернадский приступил к работе в Минералогическом кабинете, возглавляемом профессором В. В. Докучаевым [Мочалов, 1982. С. 71]. В марте 1886 г. его утверждают в должности хранителя (консерватора) кабинета, он детально знакомится с собранием, в частности, с коллекцией архиепископа Нила. Краткая, но очень емкая оценка коллекции, данная им в письме в редакцию газеты «Северный край» от 14 декабря 1898 г. — яркое тому подтверждение. В. И. Вернадский пишет: «Коллекция арх. Нила являлась одним

из драгоценнейших и лучших частных собраний в России и содержит много важных данных для минералогии Сибири; особенно хорошо в ней представлены кристаллы драгоценных камней Сибири: топазы, бериллы, турмалины; среди них некоторые экземпляры имеют значительный научный интерес, так как указывают на неизвестные раньше свойства этих минералов. Для будущей минералогии Сибири арх. Нилу удалось сохранить много данных, которые без него пропали бы навсегда. <...> Минералогическая коллекция арх. Нила была составлена не случайно, а с любовью и трудом и сохранила нам драгоценные, теперь недоступные, памятники минералогии Сибири первой половины столетия». [Вернадский, 2002. С. 583].

Работа в Минералогическом кабинете университета открыла перед молодым хранителем широкие возможности для научной и педагогической деятельности. В 1887 г. В. И. Вернадский успешно выдержал магистерские экзамены и стал готовиться к длительной заграничной командировке, цель которой — научиться новейшим методам минералогического исследования. Ему предстояло работать в Мюнхене главным образом у профессора П. Грота, а затем в Париже — у профессора Ф. Фукэ над синтезом минералов и у профессора А. Ле-Шателье над разложением каолина при нагревании. В течение учебных семестров В. И. Вернадский плодотворно работал в лабораториях, слушал лекции ведущих специалистов, занимался в библиотеках, много читал не только по специальности, но, кажется, по всем отраслям знания и деятельности человека. Он принимал участие в геологических и минералогических экскурсиях. Особенно важны были не практиковавшиеся в российских университетах минералогические экскурсии.

Во время летних каникул В. И. Вернадский совершил двухмесячное путешествие по Европе, начавшееся с изучения наиболее знаменитых в минералогическом отношении районов Швейцарии. Из Швейцарии он переехал во Францию, где исследовал вулканы в окрестностях Клермона и область древних вулканических извержений — Мюн-Доре. Конечным пунктом его путешествия была Англия, где В. И. Вернадский принял участие в работе конференции Британской ассоциации наук в Бате и IV Международного геологического конгресса в Лондоне. Здесь он познакомился с русскими учеными, в частности, с профессором А. П. Павловым и его женой М. В. Павловой.

Значительную роль в путешествиях В. И. Вернадский отводил работе с музейными коллекциями. При этом он считал, что изучать нужно только крупные европейские собрания: «...просмотрю Мюнхенскую, а затем ознакомлюсь с Парижской, Венской, Лондонской, таким образом, из больших коллекций Европы останутся мне неизвестными только коллекции Берлина, Болоньи, Бонна и Стокгольма, да еще несколько меньших с течением времени осмотрю...» [Вернадский, 1988. С. 149].

Постепенно сложилась система работы с коллекциями: «Систему [таких] занятий в музеях я, впрочем, выработал только теперь и действительно могу научиться минералогии Альп. <...>. Сiju я в музее, окруженный минералогиями Швейцарии, Тироля и Зальцбурга, сверяю и читаю про всякое месторождение, заново или то, что приходит в голову» [Там же. С. 145].

Во всех городах, в которых был В. И. Вернадский, наряду с минералогическими и геологическими музеями он посещал зоологические, археологические, педагогические музеи, ботанические и зоологические сады, аквариумы и картинные галереи. В музеях его интересовали не только коллекции, но и кем был организован тот или другой музей, на какие средства, как осуществляется управление и многое другое. Из отдельных подмеченных им деталей, как в калейдоскопе, складывается целостная картина музейного мира Западной Европы конца XIX в. Многие из увиденного во время поездки нашло практическое воплощение в Минералогическом кабинете Императорского Московского университета.

В письмах к Наталье Егоровне, которые В. И. Вернадский отправлял почти из каждого населенного пункта, он делился своими наблюдениями: «Самые музеумы — зальцбургский и инсбрукский — чрезвычайно интересные учреждения. Оба они созданы по почину частных лиц — теперь зальцбургский принадлежит городу, а инсбрукский находится в ведении особого общества; оба явились вследствие пробуждения местного чувства, вследствие того “возрождения национальностей”, которое является логической необходимостью развития демократии и любви к народу, которые, говорят, характеризуют наше столетие (по-моему, не совсем верно). Оба музея имеют задачей — собрать все важное для истории, современного состояния, природы родного края: один — Зальцбургского епископства, другой — Тироля. Они являются типом тех естественно-исторических музеев, о которых я много с тобой говорил в прошлом году, только дело здесь поставлено шире. Мне кажется, однако, что в таких музеях оно должно быть поставлено еще шире, и некоторые стороны такого расширения, мне кажется, начинаются в минусинском музее. (Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова, старейший музей Сибири, основан в 1877 г. — прим. В. Ч.) Они должны служить средством и для изучения природы или истории, археологии, этнографии края, а следовательно, должны иметь и коллекции для сравнения типичного из других частей земного шара. Изучать геологию края нельзя, не имея типичных образцов пород или окаменелостей из разнообразных других местностей, также нельзя изучить и археологию или развитие искусства etc. В Зальцбурге, впрочем, начинается расширение музея, но случайное и потому носящее не тот характер, какой нужно, — здесь довольно большая картинная галерея самых разнообразных школ (большинство — тиролицы) и этнографическая коллекция, очень случайная...» [Там же. С. 142].

В Цюрихе В. И. Вернадский провел только два дня. «В эти 2 дня успел осмотреть здесь: ботанический сад, зоологический музей, зоологическую коллекцию позвоночных Швейцарии, антикварный музей с очень интересными остатками свайных построек доисторической археологии вообще, педагогический музей, аквариум. Был два раза в минералогическом музее, сегодня три часа проработал в нем, но не знаю, когда с ним покончу — такая масса в нем чрезвычайно для меня важного материала. По образчикам — это один из первых музеев Европы. К сожалению, и здесь я не застал проф. Кеннгота, и приходится смотреть что выставлено — но *выставлено с такой любовью и знанием дела, что видеть есть очень много, да и устройство такое удобное*, что я могу прекрасно смотреть и видеть и с моими глазами. А то в Зальцбурге и Инсбруке — хоть в бинокль смотри...» [Там же. С. 145].

Из осмотренных в Цюрихе музеев наиболее сильное впечатление произвели два: «...Удивительно богатство коллекциями, превосходное, почти роскошное устройство Цюрихского политехникума и университета, тем более, что это вообще не государственные учреждения в нашем смысле слова — это учреждения кантональные, из бюджета Швейцарии на них ничего не тратится: некоторые кантоны не очень многочисленны; а между тем лаборатории, музеи в Цюрихе несравненно лучше Петербургского университета» [Там же. С. 150].

Летом 1889 г. в Париже открылась Всемирная выставка, посвященная столетней годовщине Великой французской революции. В. В. Докучаев обратился к Вернадскому, работавшему в это время у профессора А. Ле-Шателье, с просьбой быть на выставке его официальным поверенным и взять на себя организацию почвенной коллекции, экспонаты которой были отосланы Докучаевым в Париж. С возложенными на него ответственными задачами Вернадский справился блестяще. Составленная Докучаевым и его учениками «Коллекция русских почв» пользовалась у посетителей выставки большим успехом. Коллекция получила золотую медаль, а В. В. Докучаев был награжден медалью «За заслуги по земледелию» [Мочалов, 1982. С. 87].

Перед возвращением в Россию В. И. Вернадский провел несколько дней в Берлине, где в основном ходил по музеям. Подробное письмо, отправленное из этого города, включает не только большой фактический материал, свидетельствующий о значительных познаниях В. И. Вернадского в различных отраслях науки, но и содержит интересные оценки и обобщения, которые в полной мере отражают его глубокое знание музейного дела. Приведу лишь один фрагмент.

«...Аквариум меня очень заинтересовал, и я там провел время с большим удовольствием. В общем помещение его оставляет желать многого, и для бедных птиц и обезьян — мучительно, но в нем масса интересного.

К сожалению, гид к этому аквариуму составлен небрежно и плохо, и массами посещающая его публика не может учиться по нему — полная разница

с превосходно составленным гидом для Неаполитанского аквариума или, например, для Лондонского зоологического сада. В пояснениях приходящей публики (особенно отличаются маменьки своим ребятишкам, которые желают знать все доподлинно) иногда поражаешься ее невежеству — и посещение аквариума нисколько их не научает. Отсутствие хорошего гида лишает аквариум *одного из самых сильных орудий влияния его на публику...*» [Вернадский, 1991. С. 36–40, 44–49].

Летом 1890 г. у В. И. Вернадского закончилась заграничная командировка. Еще в 1889 г. он получил письмо от профессора А. П. Павлова с приглашением на кафедру минералогии Московского университета. Обдумав, он согласился. 8 сентября 1890 г. В. И. Вернадский приезжает в Москву.

22 ноября 1890 г. В. И. Вернадский был утвержден в должности приват-доцента Императорского Московского университета по кафедре минералогии и кристаллографии. Но уже в первый день пребывания в Москве — 9 сентября — он осмотрел Минералогический кабинет университета и оценил его состояние: «...коллекции и библиотека кабинета плохи, но это, конечно, вещь поправимая...» [Там же. С. 92].

Несмотря на молодость, ему исполнилось только 27 лет, В. И. Вернадский был хорошо подготовлен не только к преподавательской и научной деятельности, но и к музейной работе. Один из его первых учеников, профессор С. П. Попов вспоминал: «На плечи В. И. Вернадского легла огромная задача, с одной стороны, выработать курсы минералогии и кристаллографии, удовлетворяющие новые течения в этих науках, с другой — привести Минералогический кабинет и музей в состояние, полностью соответствующее требованиям научной работы и преподавания <...> Только огромная эрудиция Владимира Ивановича и *хорошее его знакомство с музейным делом* дали возможность успешно довести работу до конца» [Попов, 1963. С. 23, 24]. Но хорошего знания литературы и навыков практической работы недостаточно в музейном деле. В нем, как нигде в другом деле, велика роль Учителя. А Учителем был В. В. Докучаев. На протяжении всей работы В. И. Вернадского в музеях: Минеральный кабинет Санкт-Петербургского университета (1886–1887), Минералогический кабинет Московского Университета (1890–1911), Минеральное отделение (музей) Российской академии наук (1906–1945) — Учителем был незримо рядом. Методические подходы, которые В. В. Докучаев изложил в проекте устава земского губернского музея, нашли свою практическую реализацию и развитие в музейной деятельности В. И. Вернадского и его учеников, в первую очередь А. Е. Ферсмана.

В. И. Вернадский организовал работу в Минералогическом кабинете по двум направлениям: каталогизация и систематизация коллекций и их пополнение.

Первоочередной задачей для кабинета В. И. Вернадский считал формирование систематической коллекции. Минералы в ней были расположены по прогрессивной химической классификации профессора минералогии Йельского университета Джеймса Дуайта Дана.

«В. И. Вернадскому пришлось включать в работу своих учеников, еще бывших на студенческой скамье, и надо только удивляться огромной энергии и талантливости Владимира Ивановича, сумевшего быстро привлечь к минералогической специальности ряд студентов и сразу заставить их войти в интересы возрождающегося учреждения» [Там же. С. 23].

Введение в учебную практику систематических минералогических экскурсий сыграло большую роль в расширении музейного собрания. Впервые мысль о необходимости включения в программу подготовки студентов экскурсий пришла В. И. Вернадскому в 1894 г., когда он кардинально изменил характер преподавания минералогии, окончательно отделив ее от курса кристаллографии и сделав основной упор на «химию как природный геологический процесс» [Страницы..., 1981. С. 146]. Первая минералогическая экскурсия со студентами была на Урал. Она состоялась летом 1896 г. по маршруту Златоуст — Екатеринбург — Тагил — Березники — Усолье — Казань (по Каме) [Там же. С. 157–158]. Участники экскурсии «посетили Южный и Средний Урал. С наибольшим вниманием ими были осмотрены ныне почти совершенно заброшенные минеральные копи Златоустовского округа и Ильменских гор, ... некоторые из золотых и платиновых приисков... целый ряд рудных месторождений, причем с особой тщательностью ими были собраны коллекции по генезису минералов» [Отчет о состоянии и действиях..., 1897. С. 318]. Все отобранные в ходе первой уральской экспедиции образцы, а их было около 700, были снабжены специальными рукописными этикетками. На обратном пути В. И. Вернадский, подводя итоги проделанной работы, писал: «Из поездки мы везем больше 32 пудов камней! Для того чтобы данные этой поездки не пропали, необходимо еще много работы книжной и музейной, лабораторной...» [Страницы..., 1981. С. 158].

Еще одним районом проведения минералогических экскурсий В. И. Вернадский выбрал Подмосковье. Первая экскурсия состоялась в 1897 г., а последняя в 1904 г. Во время этих экскурсий был собран практически невосполнимый в настоящее время каменный материал.

В период с 1896 по 1911 гг. было организовано 65 минералогических экскурсий. Каждая экскурсия имела свою определенную задачу — изучение месторождений полезных ископаемых Сибири, Урала, Кавказа, Крыма, изучение сопки Керчи. Каждая поездка приносила свои плоды — собирались новые факты, рождались новые идеи, ученики привыкали мыслить широко и творчески.

В 1906 г. В. И. Вернадский был избран действительным членом-адъюнктом по минералогии Академии наук и назначен заведующим Минералогическим отделением Геологического музея Академии. Он вынужден был делить свое время между Санкт-Петербургом и Москвой. Работы в Минералогическом отделении Музея оказались много, особенно ощущалась нехватка квалифицированных кадров, поэтому на начальном этапе В. И. Вернадский для выполнения заданий Академии привлекал своих учеников. «Академией был командирован К. А. Ненадкевич, привезший оттуда [из Ферганской области] драгоценный и в высшей степени интересный материал, находящийся в Геологическом музее Академии» [Там же. С. 236]. Следует отметить, что и в Минералогический кабинет Московского университета из этой командировки К. А. Ненадкевич привез образец гроздевидного кальцита, о чем свидетельствует запись в каталоге систематической коллекции.

В статье, подготовленной к XII съезду русских естествоиспытателей и врачей, состоявшемуся в 1910 г., В. И. Вернадский подвел итог проделанной за двадцать лет работе: «Коллекция приведена в порядок. Имеется каталог инвентарный, по минералам и по месторождениям. Главная коллекция расставлена по системе Дэна. Она является теперь одной из самых больших в России по разнообразию парагенезиса, количеству видов и разновидностей; очень богата минералами России и необработанным научным материалом. В основной коллекции числится: 18620 №№; в коллекции месторождений (выделена в 1898 году) — 2655 при 76 месторождениях; в коллекции метеоритов (выделена в 1892 г.) — 107 №№; в коллекции кристаллизации (выделена в 1894 году) — 657 №№; в коллекции шлаков и синтеза (выделена в 1909 году) — 51 №№; в коллекции минералов валунных отложений (выделены в 1909 году) — 21 №№; в коллекции Румянцевской (1900–1909) около 5000 №№; сверх сего, имеется еще не классифицированных минералов, частью новых поступлений, но большей частью старых около 200 лотков» [Вернадский, 1910. С. 5].

«...В 1911 г., когда, в связи с Кассо [министр народного просвещения], я оставил университет, то Минералогический институт был одним из самых больших в Европе. Помимо меня, собравшегося переходить в С.-Петербург в Академию наук, прошел вопрос и о постройке специального здания для Геологического и минералогического института. План в части геологической был составлен А. П. Павловым, а в части минералогической — мною» [Страницы..., 1881. С. 243].

В. И. Вернадский заведовал Минералогическим отделом Геологического музея им. Петра Великого с 1906 г. по 1914 г. и был директором Минералогического музея после выделения Минералогического отдела в самостоятельный музей с 1914 по 1919 гг., а с 1919 г. до последних дней жизни курировал научную работу коллектива музея.

Минералогический музей первых десятилетий XX века, «объединивший геологические науки, являлся в то время единственным учреждением в Академии наук, где сосредоточилась...» большая работа, требующая нового уровня развития минералогических исследований. Поэтому В. И. Вернадский стал предпринимать энергичные шаги к оснащению музея новыми лабораториями. Была создана специальная химико-минералогическая лаборатория, лаборатория спектрального анализа и другие. К работе были привлечены многие ученики В. И. Вернадского, они начали систематические исследования по общей минералогии, минералогии редких и радиоактивных элементов, которым уже тогда В. И. Вернадский предсказывал большое будущее [Барсанов, 1989. С. 25–26].

По его инициативе для решения проблемы создания сырьевой базы страны в 1915 г. была организована Комиссия по изучению естественных производительных сил России при Академии наук (КЕПС), ученым секретарем которой был назначен его ученик А. Е. Ферсман. Началась широкомасштабная работа по сбору и оценке сведений по месторождениям полезных ископаемых, изучению вещественного состава руд с целью получения химико-технологических данных для извлечения полезных компонентов. Эта научная организация координировала научные исследования, выпускала монографии и справочники, организовывала комплексные экспедиции. Сотрудники музея принимали активное участие в полевых работах КЕПС, за счет чего шло значительное пополнение музейных фондов; в лабораториях музея проводились минералогические исследования, результаты которых внесли огромный вклад в дело изучения минерально-сырьевой базы России. По существу, Минералогический музей того времени — это и музей, и крупный научно-исследовательский минералогический институт Академии наук [Гаранин, 2013. С. 95–96].

Жизнь и деятельность А. Е. Ферсмана, ученика и соратника В. И. Вернадского, была самым тесным образом связана с Минералогическим музеем.

Поступив в 1901 г. на физико-математический факультет Новороссийского университета, после переезда родителей в Москву он продолжил свое образование в Московском университете (1903–1907), где под руководством В. И. Вернадского проводил минералогические исследования. А в 1909 г. он занимает должность ассистента при Минералогическом кабинете университета, где занимается описанием минералов и систематизацией коллекций. После переезда в 1911 г. Вернадского в Петербург А. Е. Ферсман также покидает Москву и в конце 1912 г. становится старшим хранителем Минералогического отделения, которым руководил академик В. И. Вернадский. С этого времени жизнь и работа Александра Евгеньевича неразрывно связаны с музеем — с 1912 г. до 20 мая 1945 г., когда остановилось его сердце.

С 1919 г. А. Е. Ферсман становится директором Минералогического музея. Он нацелил музейную работу, как и его Учитель на решение насущных во-

просов народного хозяйства. В деятельности Музея он выделял три основных направления.

Первое — чисто музейное, главной задачей которого стало накопление сравнительного научного материала — инструмента живой научной работы, его систематизация, создание специализированных выставок с целью популяризации науки, а также и ознакомления народных масс, и в особенности учащейся молодежи, с проблемами освоения минерального сырья.

Второе направление — организация крупных региональных исследований с целью познания минеральных богатств страны. Большой фактический материал, собранный экспедициями, стимулировал повышение теоретического уровня минералогии.

Третье направление заключалось в развитии исследовательской и опытно-технологической лабораторной базы для исследований вещества точными современными методами и разработки научно обоснованной технологии наиболее полного извлечения рудного сырья. [Барсанов, 1989. С. 28].

При музее было создано Бюро минералов, которое занималось сбором материала с различных месторождений нашей страны. Лучшие образцы минералов пополняли коллекции музея, а из оставшихся подбирались различные по тематике коллекции для других музеев и учебных заведений — школ, вузов. Долгие годы Бюро минералов было единственной организацией нашей страны, где можно было получить минералогические апробированные материалы. Это подразделение Музея просуществовало до 1982 г. [Там же. С. 31-32].

Продолжая и развивая начинания В. И. Вернадского, А. Е. Ферсману удалось создать не только один из крупнейших минералогических музеев мира, но и научно-исследовательскую организацию нового типа. Он считал, что «современные минералогические собрания должны отвечать не столько... задачам подъема любви к изучению природы, они должны соответствовать последним научным путям и их достижениям. С музейной точки зрения вопросы нового геохимического обследования земной коры требуют... своего собственного систематического расположения, новой оценки тех объектов, которые должны находиться в таком музее...» [Гаранин, 2013. С. 104].

Изучая музейную деятельность Владимира Ивановича Вернадского и его ученика и соратника Александра Евгеньевича Ферсмана, приходишь к выводу, что многие положения, которые Василий Васильевич Докучаев включил в проект устава земского губернского музея, получили практическую реализацию и развитие в крупнейших естественноисторических музеях страны, только масштаб другой — государственный. И еще раз убеждаешься, сколь велика в музейном деле роль Учителя.

Список литературы

Анастасенко Г. Ф., Кривовичев В. Г. История минералогического музея Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 1998. 112 с.

Барсанов Г. П., Корнетова В. А. История развития Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана АН СССР за 270 лет (1716–1986) // Старейшие минералогические музеи СССР. М. : Наука, 1989. С. 9–52.

Вернадский В. И. Фотоальбом. М. : Планета, 1988, 240 с.

Вернадский В. И. Минералогический кабинет ИМУ / под ред. Ф. Крашенинникова М. : изд-во Комитета XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей, 1910 (тип. Лисснера). 10 с.

Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской (1886–1889). М. : Наука, 1988. 304 с.

Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской (1889–1892). М. : Наука, 1991. 320 с.

Вернадский В. И. Письмо в редакцию // Труды по минералогии / сост. М. И. Новгорова. М. : Наука, 2002. 606 с.

Гаранин В. К., Павлова Т. М. В. И. Вернадский, А. Е. Ферсман — эпоха выдающихся ученых и директоров Минералогического музея Российской академии наук // Вклад В. И. Вернадского в развитие мировой цивилизации (к 150-летию со дня рождения). М., 2013. С. 92–105.

Минералогический кабинет и лаборатория // Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1896 г. Ч. 1. М., 1897 (Унив. тип.). С. 234–239.

Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский. 1863–1945 гг. М. : Наука, 1982. 488 с.

Музееведческая мысль в России XVIII — XX веков: Сборник документов и материалов / Колл. авт. ; отв. ред. Э. А. Шулепова. М. : Этерна, 2010. 960 с.

Попов С. П. Минералогический кабинет Московского ун-та в период 1894–1908 гг. // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 11 Жизнь и творчество Владимира Ивановича Вернадского по воспоминаниям современников (к 100-летию со дня рождения). М. : изд-во АН СССР, 1963. С. 21–29.

Черненко В. В., Андреева И. П., Самсонова Н. Н. Владимир Иванович Вернадский — руководитель Минералогического кабинета Императорского Московского университета // Музеи Российской академии наук. Вып. 10: альманах / отв. ред. В. В. Черненко. М. : Таус, 2013. С. 18–44.

М. В. Скороходов

Скороходов Максим Владимирович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела Новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Москва, ул. Поварская, д. 25а; msk2002@rambler.ru

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА ТЕРРИТОРИИ

Аннотация

Историко-культурное пространство рассматривается в работе как важный фактор, привлекающий внимание к той или иной территории, оказывающий существенное влияние на формировании ее положительного имиджа. Особое внимание уделяется музеям-заповедникам, которые позволяют сохранять, реконструировать и популяризировать объекты наследия.

Ключевые слова

культурный ландшафт, культурное наследие, имидж, бренд, музей, музей-заповедник

В настоящее время довольно широко распространено понятие «культурный ландшафт» [Веденин, Кулешова, 2001. С. 7–14; Культурный ландшафт как объект наследия, 2004; Скуднева, 2005; Воробьева, 2007; Белокуров, 2007; Кагановский, 2009. С. 62–70; Лавренова, 2010]. Это в значительной степени обусловлено тем обстоятельством, что Конвенцией о Всемирном наследии «культурные ландшафты выделены в самостоятельную группу и отнесены к культурному наследию, <...> при этом зафиксировано, что они представляют собой совместные произведения человека и природы» [Кулешова, 2013. С. 95. См. также: Галкова, 2008. С. 156–159]. Действительно, с точки зрения сохранения культурного и природного наследия применение этого термина весьма продуктивно. Хотя о культурном ландшафте сейчас часто пишут философы, культурологи, специалисты по развитию туризма, изначально термин «ландшафт» принадлежал географической науке. Когда же речь идет о культуре в многообразии ее проявлений, о наличии памятников культуры разных эпох на одной исторически сформировавшейся территории, можно говорить и об историко-культурном пространстве. Это пространство, динамично меняющееся с течением

времени, не обязательно является, как собственно ландшафт в его исконном понимании, целостным природно-территориальным комплексом. Историко-культурное пространство может иметь в восприятии разных людей отличающиеся друг от друга координаты, по-разному ощущаться в зависимости от полноты знакомства с культурным, историческим и природным наследием данной территории, от степени погружения в историческую среду. Как отмечал Н. П. Анциферов, еще в 1920-е гг. писавший об историко-культурных ландшафтах, «и вне стен музеев, не только под крышами архивных помещений сохранены следы прошлого. Они рассеяны всюду. Нужно выйти из закрытых помещений под открытое небо, и на местах, где осело богатое историческое прошлое, можно найти обильные его следы, разнообразные документы, еще не изъятые из их естественной среды, хотя, быть может, совершенно изменившейся» [Анциферов, 1928. С. 322]. Свидетельства исторического прошлого, о которых пишет ученый, как сохранившиеся в месте своего возникновения и бытования, так и рассеянные по другим пространствам (в том числе музейным), при восприятии историко-культурного пространства неотделимы от него. Благодаря наличию артефактов происходит наслоение и взаимодействие разновременных происходивших на данном пространстве событий. Историческое прошлое и настоящее приходят во взаимодействие, оказывая влияние на находящегося в историко-культурном пространстве человека, побуждая его размышлять и анализировать процессы политического, культурного, социального развития. «Памятники прошлого, возникшие в условиях своего времени и своего места, после того как волны иных времен пронесли над ними, как бы сильнее срастаются со своим местом, врастают в родную, вековую почву» [Там же], — подчеркивал Анциферов. Восприятие историко-культурного пространства — это индивидуальное постижение прошлого, неслучайно краевед-исследователь говорит о «старой психологической потребности» посещать те местности, где «совершались великие события. <...> В старину эти посещения имели значение паломничеств. Люди ходили поклоняться религиозным и национальным святыням. Сознание, что памятное событие было здесь, на этой земле, приобретало магическую власть над благочестивыми паломниками. Словно место, озаменованное великим событием, таит в себе способность побеждать время» [Там же. С. 323].

Однако ландшафт изменчив, вариативен во времени. Его можно с относительной полнотой воссоздать на конкретном участке на определенный временной отрезок, но при этом «восстановлении» будут разрушены какие-то специфические особенности ландшафта, сформировавшиеся в более поздние годы. Так, Бородинское поле знаменито прежде всего двумя важными сражениями — Бородинской битвой Отечественной войны 1812 г. и боями, проходившими здесь в период Великой Отечественной войны — в октябре

1941 г. Ландшафт за период протяженностью почти 130 лет, отделяющих одну битву от другой, изменился, хотя русла водотоков и дорожно-тропиночная сеть, границы поселений остались практически теми же. Однако менялась лесистость, оборонительные укрепления возводились в XX столетии с учетом изменившейся технической оснащенности противоборствующих сторон. Осенью 1941 г. на Бородинском поле и в его окрестностях появились военно-инженерные объекты Можайской линии обороны: противотанковые рвы, доты, окопы для пехоты и артиллерии.

Полностью воссоздать на местности обстановку осени 1941 г., не нарушив реализованную концепцию развития Бородинского военно-исторического музея-заповедника, посвященного главным образом событиям 1812 г., невозможно. Однако историко-культурное пространство на период битвы за Москву можно реконструировать, например картографически. И действительно, сотрудники отдела картографии и геоинформационных систем Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева при поддержке специалистов музея-заповедника разработали и издали карту «Бородинское поле в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». При подготовке карты учтены как рассекреченные документы Министерства обороны Российской Федерации (рукописные реконсцировочные схемы батальонных районов 36 Можайского укрепрайона, проходивших через территорию Бородинского поля), так и архивные фотоматериалы крупномасштабной немецкой аэросъемки, выполненной с августа 1941-го по февраль 1943 г.

На одной карте, а также в мультимедийных продуктах с помощью современных технических средств, включая 3D-моделирование, можно совместить разновременные происходившие события. Имеется и возможность показать процессы в динамике: возведение укреплений, фрагменты боя, изменение с течением времени культурных ландшафтов и др. Таким образом пространство насыщается событиями, рассматривается диахронически, предстает в историко-культурном контексте разных эпох.

Для сохранения историко-культурных пространств в нашей стране были созданы территориальные объекты — музеи-заповедники и музеи-усадеб. В течение длительного времени эти учреждения культуры находились в законодательном вакууме: они не упоминались в законах о культуре, музейной деятельности и сохранении культурного наследия. Лишь 8 марта 2011 г. вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 23 февраля 2011 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации”», и в отечественном законодательстве появилось определение музея-заповедника — музея, которому предоставлены земельные участки с расположенными на них до-

стопримечательными местами, отнесенными к историко-культурным заповедникам, или ансамблями. Были отмечены и другие отличительные черты музея-заповедника.

В конце 2012 г. в рамках реализации поручения по итогам встречи Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина с представителями музейного сообщества, состоявшейся 5 апреля 2012 г., началась разработка важного стратегического документа, касающегося функционирования отечественных музеев, — «Концепции развития музейной деятельности в Российской Федерации до 2020 года». В этой работе, выполнявшейся ООО «Экокультура» по поручению Министерства культуры Российской Федерации, участвовал и автор данной статьи. К сожалению, этот документ не был принят, хотя он и обсуждался на Коллегии Министерства культуры Российской Федерации 7 марта 2013 г., которая приняла решение доработать концепцию и внести в Правительство Российской Федерации до 7 мая 2013 г. [О концепции развития музейной деятельности в Российской Федерации на период до 2020 года. 2013].

В подготовленном ООО «Экокультура» (ген. директор Г. А. Зайцева) варианте концепции значительное внимание уделялось музеям-заповедникам и другим пространственным объектам, основной задачей которых является сохранение и популяризация отечественного культурного наследия.

Так, в проекте документа в числе государственных приоритетов развития музейной сферы отмечалась необходимость создания и укрепления сети федеральных, региональных и муниципальных музеев-заповедников в субъектах Российской Федерации; организации и учреждения достопримечательных мест и историко-культурных заповедников как необходимого резерва комплексных объектов наследия с целью их музеефикации в дальнейшем. Сеть территорий, включающая достопримечательные места, историко-культурные заповедники и музеи-заповедники, по мнению разработчиков документа, призвана обеспечить надлежащую охрану и рациональное использование историко-культурных ресурсов, а также стать основой культурно-познавательного туризма и социально-экономического развития исторических малых и средних городов, сельских поселений. Это направление развития музейной сети представляется актуальным в рамках реализации мероприятий «Государственной стратегии формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации». Площадь историко-культурных территорий, составляющая сейчас около 0,3% общей площади Российской Федерации, со временем может быть увеличена до 3%. Это позволит сохранить многие территориальные историко-культурные объекты, зарезервировать их для последующего развития музеев-заповедников, в том числе музеев-заповедников кластерного типа,

объединяющих участки, расположенные на некотором удалении друг от друга. Отметим, что подобная практика широко применяется при развитии природных заповедников и других особо охраняемых природных территорий.

Культурно-ландшафтное районирование территории России позволит разработать программы формирования региональных сетей новых музеев-заповедников. Перспективно развитие музеев-заповедников как градообразующих культурных и образовательных центров с развитой музейно-туристской инфраструктурой. Они могут сыграть важную роль в культурном развитии российской провинции. Многие существующие крупные и востребованные посетителями музеи-заповедники уже стали региональными культурно-образовательными центрами. Достаточно назвать музеи-заповедники «Ясная Поляна», «Спасское-Лутовиново», «Тарханы», «Михайловское», есенинское Константиново. Также перспективно развитие музеев-заповедников в качестве методических центров историко-культурного заповедного дела, создание на их базе музейно-туристских комплексов — основы развития культурно-познавательного туризма в регионах.

На обширных пространствах музеев-заповедников возможно возрождение и демонстрация туристам традиционных видов хозяйствования — исторических технологий и исторически сложившихся форм природопользования: народных художественных промыслов, традиций садового, оранжерейного, прудового хозяйства, коневодства, иных форм производственной деятельности. Так, например, историко-культурный музей-заповедник Республики Удмуртия «Иднакар» включает в себя одноименное городище — территорию на горе Солдырь, заселенную в IX–XIII в. Благодаря многолетним археологическим раскопкам получена достаточно подробная информация о существовавшем здесь поселении, его планировочной структуре, занятиях жителей. Соответственно, есть возможность воссоздания в рамках реализации музейных проектов исторически традиционных для данной территории форм хозяйственной деятельности. Туристы и другие посетители музеев любят приобретать продукцию с местной символикой, изготовленную с использованием исторически сложившихся технологий. Производство и реализация в музеях-заповедниках сувенирной продукции направлены на получение дополнительных источников финансирования и продвижение музея во внешней среде. И такое внимание посетителей неслучайно, оно свидетельствует о том, что для них актуально приобщение к историко-культурным пространствам, в том числе путем приобретения магнитов, посуды, футболок, других изделий, на которых изображены культурные ландшафты или их фрагменты.

Проект «Концепции музейной деятельности...» предполагал уделить приоритетное внимание тем типам музеев-заповедников, которые в настоящее время крайне немногочисленны: этнографическим, сохраняющим промыш-

ленное наследие, фрагменты исторических путей и дорог, связанным с местами воинской славы, археологическим; на базе усадебных комплексов, а также музеем-заповедникам, в основе которых лежат исторические поселения и / или исторические центры городов.

К сожалению, социальные процессы, происходящие в нашем обществе со второй четверти прошлого века по настоящее время, крайне негативно влияют на культурные ландшафты, многие из которых серьезно нарушаются. Ландшафт постепенно утрачивает следы антропогенного влияния, в его формировании начинает преобладать природная составляющая. Характерный пример — территории в окрестностях Государственного музея-заповедника С. А. Есенина в Рязанской области. Его сотрудники в последнее время размещают данные об истории и сегодняшнем дне ряда селений, которые располагались на дорогах, по которым ездил или ходил пешком Есенин — на станцию Дивово, в город Рязань, село Спас-Клепики, Свято-Богословский и Николо-Радовицкий монастыри.

Данные о гибели важных с точки зрения сохранения историко-культурной среды родины Есенина поселений приведены на страничке музея-заповедника поэта, размещенной в Twitter. Деревня Шушпаново Старолетовской волости, через которую пролегал путь Есенина на станцию Дивово, упоминалась в писцовых книгах с XVI в., тогда она носила двойное название — Вороново Шушпаново, во времена Есенина (на 1 января 1905 г.) в ней было 28 дворов и проживало 206 человек. Теперь там нет постоянных жителей. На пути в Дивово находилась и деревня Демидово, до 1929 г. входившая в состав Зарайского уезда, а теперь относящаяся к Рыбновскому району Рязанской области. В 1905 г. здесь было 22 крестьянских двора (174 человека), теперь постоянно проживают только трое.

В период строительства Московско-Казанской железной дороги в селе Старолетово (Старовосетово), упоминавшегося в писцовых книгах с XVI в., была открыта железнодорожная станция Дивово, получившая название по фамилии действительного статского советника Николая Андреановича Дивова. Во времена Есенина это было довольно большое село: 109 крестьянских дворов, 827 жителей. Здесь находились волостное правление, каменная православная церковь, земская школа, располагались две кузницы, 12 торговых лавок, винная лавка, четыре чайных лавки, почтовое отделение, еженедельно проходил базар. Это место было притягательно для Есенина, он неоднократно бывал здесь в разные годы. Теперь в Старолетове 290 жителей, историческое деревянное здание вокзала утрачено.

В своем имении Городище, переименованном потом в Дивово, Дивов основал конный завод. Конюшня, построенная землевладельцем, сгорела в апреле 2014 г., но еще может быть восстановлена. Усадьба Дивова была оригиналь-

ным архитектурным сооружением, в частности, был построен сохранившийся и до наших дней минарет. В селе Глебково находилась усадьба Н. И. Лихонина, усадебный дом сохранился. Сейчас Дивово менее населенное (481 человек), чем Глебково (556 жителей).

Село Федякино, расположенное в непосредственной близости от Константинова, упоминается в окладных книгах с 1676 г. Через полвека, в 1718 г., здесь возвели деревянную церковь во имя Рождества Богородицы, давно утраченную. На 1 января 1905 г. в селе было 318 дворов и 2041 житель. Здесь находились ветряная мельница, казенная винная лавка, крупорушка, кирпичный завод. До наших дней сохранилась построенная на средства крестьян кирпичная школа, в которой выступал, уже будучи известным поэтом, Есенин. Теперь в селе проживает только 377 человек.

Село Кузьминское в есенинское время было значительно больше, чем Федякино: дворов — свыше 600, в 1905 г. — 3123 жителя, в 1924-м — 3306. А сейчас здесь проживает лишь 513 человек. По данным окладной книги 1676 г., в селе было две церкви, утраченных в середине прошлого века, — Воскресенская и Ильинская. Во времена Есенина работали волостное правление, две земские школы, почтовое отделение, богадельня, казенная винная лавка, трактир, аптека, маслобойня и синильня. Каждый вторник в Кузьминском проходили большие базары, а дважды в год — ярмарки. С 1881 г. село являлось волостным центром.

В расположенном на правом берегу Оки Аксенове в 1858 г. было 48 дворов и 444 жителя, а в 1905 г. — 140 дворов и 975 жителей. В начале XX в. здесь были церковно-приходская школа и две ветряные мельницы. Теперь в деревне проживает 142 жителя. В деревне Иванчино Кузьминской волости в 1905 г. было 17 дворов, в которых проживало 117 человек, в 1924-м — 30 дворов и 150 жителей. Сейчас в этой деревне проживают шестеро. Деревня Данилово (Даниловское), упоминаемая в писцовых книгах с XVI в., на 1 января 1905 г. насчитывала 61 двор (404 человека), здесь была ветряная мельница. К настоящему времени число жителей сократилось в десять раз. Село Летово, расположенное в семи километрах от Константинова, упоминается в 1676 г. В селе находились церковь, деревянная школа, усадьба дворянина Флейшера, поселок церковного причта, трактир. Основным занятием крестьян было земледелие. В 1905 г. здесь жило 473 человека, теперь — 61. Деревня Голенкино, в которой в начале прошлого века было девять дворов и 80 жителей, теперь полностью обезлюдела, постоянных жителей в ней нет. В селе Чешуево, расположенном на реке Сосенке, было пять улиц: Табачная, Романовка, Бутры, Середочка и Жуковка. В 1905 г. в нем проживало 738 человек, теперь — двое [Музей С. А. Есенина, 2014].

Приведенный пример показывает, что даже в том случае, если территория избежала коренного преобразования (вхождение в состав новых городских агломераций, строительство современных автострад, промышленных предприятий, создание водохранилищ и др.), со временем могут происходить и изменения социального плана. Исчезновение сельских поселений или резкое сокращение численности постоянно проживающего в них населения разрушает сложившиеся культурные ландшафты. С гибелью поселений утрачивается и соединявшая их дорожно-тропиночная сеть. В результате туристы, которые захотят пройти есенинской «тропой деревень», уже не смогут восстановить ту картину, которая представлялась взору поэта. Утрачены не только отдельные здания и целые деревни, но и многие бытовые реалии ушедших времен: базары, трактиры, лавки, кузницы, мельницы и др.

Наблюдается и противоположная тенденция, также существенно влияющая на историко-культурное пространство. Увеличение антропогенной нагрузки — весьма существенная проблема для многих территориальных объектов, как музеев-заповедников, так и природных заповедников и национальных парков. Пользуясь несовершенством законодательства или слабостью правоприменительной практики, на территориях, подлежащих охране и требующих соблюдения определенных градостроительных регламентов, владельцы участков возводят коттеджи, магазины, автомастерские и другие объекты. В результате нарушается визуальное восприятие культурных ландшафтов.

Актуальна эта проблема и для городских музеев, здания которых нередко оказываются в окружении дисгармонирующих с исторической застройкой современных сооружений. Историческое музейное здание «теряется» среди современных построек. Отметим, что за рубежом встречаются случаи, когда вплотную к зданиям, имеющим историко-культурную ценность, даже мемориальным, возводятся современные сооружения, в которых размещаются входные пространства музеев, служебные помещения, выставочные площади, музейные магазины, рекреационные зоны. Так, например, обстоит ситуация в Амстердаме, где современные здания примыкают к мемориальным объектам — домам Рембрандта и Анны Франк. Строительные объемы современных пристроек соответствуют исторической застройке, однако материал, из которого они возведены, дисгармонирует с ней.

Историко-культурное пространство — это основа уникальности городского квартала, района, сельского поселения, города, региона, даже целой страны. Это то, что неповторимо и, соответственно, притягательно как для местных жителей, так и для гостей. Наличие историко-культурного пространства — один из ключевых факторов, обеспечивающих динамичное развитие культурно-познавательного туризма во многих странах мира. Основа уникального

территориального объекта — культурный ландшафт, в большей или меньшей степени соответствующий определенному историческому периоду.

На основе уникальных культурных ландшафтов формируется туристический продукт. Один из важнейших факторов, обеспечивающих его успешное продвижение, — положительный имидж территории. Имидж, репутация, бренд территории (страны, региона) являются в настоящее время реальными и весьма существенными нематериальными активами. Существует несколько определений имиджа территории. Под ним понимают некий образ (представление, ощущение), который возникает в сознании людей. Соответственно, имидж вариативен, он может существенно отличаться в представлении различных социальных и возрастных групп и даже разных людей. Нередко имидж региона, особенно если сам человек в нем не бывал, создается на основе устоявшихся стереотипов, распространяемой СМИ информации. И все же имидж, формируемый в сознании отдельных людей, основан на общности в восприятии ими действительности.

Для изменения имиджа в сторону положительного (укрепления уже существующего положительного имиджа) используется маркетинг имиджа, основная цель которого — «создание, развитие и распространение, обеспечение общественного признания положительного образа территории» [Панкрухин, 2006. С. 42].

Существующий имидж территорий может быть различным [Там же. С. 42–45]:

— положительный имидж характерен для городов, привлекающих особое внимание туристов, а также представителей бизнеса, например Венеция, Сингапур, в России — Санкт-Петербург (хотя жители нашей страны нередко называют этот город «криминальной столицей» России), такие города отличаются своеобразной архитектурой, уникальными объектами культурного наследия, развитой инфраструктурой;

— слабовыраженный имидж присущ территориям, которые малоизвестны целевым группам;

— излишне традиционный, как наиболее яркий пример подобного имиджа обычно приводится Великобритания, ее имидж, «основанный на уходящих в глубину столетий ассоциациях, не позволяет представить страну динамичной, современной, а это отталкивает многие значимые для нее целевые группы» [Там же. С. 44];

— противоречивый имидж характерен для многих столичных городов, имеющих немало преимуществ, но одновременно и весьма существенные проблемы (большие расстояния, которые приходится преодолевать их жителям, чтобы попасть из дома на работу и обратно, смог, автомобильные пробки, переполненный общественный транспорт и др.);

— смешанный имидж присущ тем территориям, на которых действуют как положительные, так и не связанные с ними отрицательные факторы;

— негативный имидж формируется в тех случаях, когда какие-то положительные моменты не могут заслонить весьма существенные проблемы, связанные с тем, что регион отличается неблагоприятной экологической ситуацией, является депрессивным, в нем происходят вооруженные конфликты и др. события, формирующие отрицательное отношение людей к данной территории;

— чрезмерно привлекательный имидж характерен для ряда территорий, например Финляндии, которые столкнулись с необходимостью регулирования потоков туристов и новых резидентов в сторону уменьшения их количества.

Однако большинству территорий требуется улучшение имиджа, поскольку это позволит повысить их привлекательность, что в свою очередь будет способствовать динамичному развитию и росту благосостояния людей. Положительный имидж приводит к росту инвестиций, развитию инфраструктуры, которая будет использоваться не только приезжими, но и местными жителями. Специалисты отмечают, что один из основных факторов, обеспечивающих устойчивый положительный имидж, — «аргумент культуры».

Писатели, художники, композиторы, режиссеры нередко активно участвуют в создании имиджа региона, причем вне зависимости от своего желания. Так, имидж расположенного в Крыму поселка Коктебель нельзя представить себе без поэта и художника Максимилиана Волошина, дом которого на многие годы стал местом притяжения деятелей культуры и искусства. В Коктебеле гостили Валерий Брюсов, Михаил Булгаков, Викентий Вересаев, Максим Горький, Петр Кончаловский, Осип Мандельштам, Кузьма Петров-Водкин, Алексей Толстой, Роберт Фальк, Марина и Анастасия Цветаевы, многие другие. Причем это тяготение не прекратилось и после кончины Волошина. Теперь в его доме работает мемориальный музей писателя. Имидж подмосковного Клина связан с жизнью и деятельностью П. И. Чайковского. Его поддержанию способствует и мемориальный музей композитора.

Однако нередко имидж может восприниматься как устаревший, относящийся не к современности, а к прошлому периоду истории. Например, опрос, проведенный в 2000-е гг. среди жителей и гостей Удмуртии, показал, что устоявшиеся ассоциации, связанные с этой республикой — Калашников, Чайковский и мотоциклы ИЖ, — имеют исторический окрас и не характеризуют этот регион как современный и развивающийся. Респонденты отмечали, что имидж территории, основанный на достижениях двух личностей, не является сильным и достаточным для привлечения к ней широкого внимания. При этом некоторые люди, принявшие участие в опросе, констатировали, что многие положительные изменения связаны с культурной составляющей жизни региона. Значительный импульс в этом плане дал проект «Ижевск — культурная столица Поволжья». Любопытно, что среди респондентов, интересующихся культурой Удмуртии, располагавших информацией о фестивалях

Чайковского, фольклорных праздниках, музеях, преобладали представители зарубежного бизнеса [Валегжанин, 2005].

Реализация стратегий регионального развития превращает регионы в субъекты соперничества за «потребителей территории», предлагающие лучшие условия для проживания, ведения бизнеса, отдыха, туризма и др. В этой ситуации имидж территории становится важным конкурентным ресурсом, конкурентным преимуществом. Поскольку привлекательный имидж — одна из предпосылок ускоренного социально-экономического развития территории, повышения уровня и качества жизни населения, в его создании и продвижении заинтересованы все жители.

Далеко не все территории имеют устойчивый имидж. Например, Вологодская область ассоциируется с уникальным вологодским кружевом, велико-устюжской чернью по серебру, т. е. с народными художественными промыслами, а также с вологодским маслом. Оренбургская область у трети респондентов ассоциируется с пуховым платком, шалью, при этом преобладающее число опрошенных полагает, что у Оренбуржья нет никакого символа. Действительно, большинство территорий для жителей других регионов совершенно безлики, ничем не выделяются среди других. В связи с этим и важно формировать имидж территории.

К сожалению, процесс формирования и корректировки имиджа, его смещения в сторону положительного нередко сводится к «лакировке» действительности — желаемое выдается за уже свершившееся. Однако такая тактика приводит лишь к временному эффекту, поскольку в долгосрочной перспективе обман ожиданий негативно сказывается на имидже и общей репутации территории.

Основные потребители территории — жители, бизнес и гости (существует и более дробное деление). Именно на восприятие этими целевыми группами и должен фокусироваться имидж. Нужно знать отношение этих групп к существующему имиджу и то, какой бы они хотели видеть территорию. Наличие историко-культурных объектов — важный фактор, способствующий формированию положительного имиджа.

Бренд и имидж тесно связаны друг с другом. Если отсутствует целенаправленная стратегия брендинга организации / территории / города, то их имидж развивается стихийно либо под влиянием недружественных сил.

Имидж территории формируется с учетом геополитических особенностей, истории, традиций, учитывает существующие и потенциальные возможности развития. Например, на основе широко известного фразеологизма «тамбовский волк тебе товарищ» был сформирован региональный бренд «Тамбовский волк». Под этой маркой в Тамбовской области выпускаются водка, конфеты, мороженое, шампунь и мыло. Проводится музыкальный фести-

валь «Тамбовский волк». В городе открыли Музей волка, при въезде в город на трассе Пенза — Тамбов установили трехметровую скульптуру волка с надписью «Тамбовский волк — хороший товарищ». Образ волка используется и в сувенирной продукции (кружки, тарелки, магниты, открытки и др.).

Интересно рассмотреть процесс формирования имиджа небольшого города Мышкин Ярославской области, поскольку существенное влияние на этот процесс оказало историко-культурное пространство. Город имеет многовековую историю, овеянную легендами. Именно легенда, связанная с основанием города, стала основой для создания его нового имиджа. Русский князь после охоты прилег отдохнуть на высоком берегу Волги. Он проспал несколько часов, разбудила его, пробежав по лицу, мышка. Князь вначале разгневался, но затем заметил подползавшую змею. Мышка спасла ему жизнь! Тогда князь собрал дружину и велел построить на месте своего чудесного спасения часовню во имя святых Бориса и Глеба. Вокруг храма возник город, который получил название Мышкин. Высокий холм на берегу Волги был идеальным местом для древнерусского города. Материалы археологических исследований свидетельствуют о существовании на этом месте городка в XI–XIII вв. Он пострадал в войне новгородских и суздальских князей середины XII в., а в 1238 г. был полностью уничтожен татарами. Позже Мышкин отстроили. Уже в советское время, в 1927 г., город преобразовали в село Мышкино, затем в одноименный поселок городского типа. В 1988 г. поселение получило прежнее название — Мышкин, а в 1991 г. — статус города.

Импульсом к возрождению былой известности города явилось создание в нем Музея мыши, замысел которого принадлежал столичному журналисту И. Б. Медову. В 1990 г. он привез в Мышкин первые экспонаты — игрушечных мышей из разных стран, а уже в 1991 г. музей открылся и широко заявил о себе в СМИ. Быстрое развитие музея, проведение разнообразных акций, грамотное продвижение в СМИ привлекло в город постоянный поток как отечественных, так и иностранных туристов. В 1996 г. в городе прошел международный фестиваль мыши с маскарадом и со своей валютой. Здесь возникли музеи валенок, старинной техники и др. Все эти музеи — негосударственные, они входят в некоммерческое объединение «Мышкинский народный музей». Теперь в маленьком городе функционирует музейный комплекс с гостеприимным, почти домашним обслуживанием. Вокруг него формируется туристический бизнес. Активно развиваются негосударственные музеи и в других регионах России, в частности, в подмосковной Коломне.

Пример восстановления существовавшего, но постепенно почти утраченного имиджа территории, известной своим богатейшим историко-культурным наследием, — Переславль-Залесский, основанный Юрием Долгоруким в 1152 г. и входящий в туристический маршрут «Золотое кольцо России». Ин-

терес к городу стал возрастать благодаря открытию в нем частных музеев, вызывающих внимание местных жителей и туристов. Это Музей паровозов, Музей утюга, Музей чайника. В городе работают и государственные музеи, их экспозиции размещаются в зданиях, являющихся памятниками истории и культуры. Музеи, находящиеся в разных частях Переславля-Залесского и в его окрестностях, создают опорные точки для формирования имиджа территории и ее туристического потенциала. Вслед за музеями, которые вызвали рост интереса к городу, стали появляться и другие центры притяжения: организации, предлагающие занятия экстремальными видами спорта, проводящие молодежные фестивали. Соответственно, развивается и инфраструктура, обеспечивающая комфортное пребывание людей на городской территории [см. также: Желондиевская, Барышева, 2009. С. 38–40].

Отметим, что музеи появляются и вне зависимости от наличия тех или иных предпосылок. Так, Музей воздуха мог возникнуть в любом месте, но появился в деревне Василево Тверской области. А Музей желудка сома — на рыбозаводе озера Балхаш. Пуговицы, камушки, монеты, пустые консервные банки, расчески, силикатный кирпич, пара галош — чего только не находили в желудках этих рыб. Теперь все это — музейные экспонаты.

Конечно, частному музею, не обремененному фондовыми собраниями, развиваться проще. Достаточно создать тематическую экспозицию на сравнительно небольшой площади, разработать и целенаправленно реализовывать экскурсионную программу, размещать информацию в СМИ, Интернете и социальных сетях — и первый успех обеспечен.

Сложнее приходится крупным государственным музеям. Но и тут есть яркие примеры создания запоминающегося бренда. Государственный историко-культурный и художественный музей-заповедник «Александровская Слобода», созданный в 1921 г., расположен на территории бывшей резиденции Ивана Грозного. Архитектурный ансамбль Александровского кремля, богатые и разнообразные фондовые коллекции послужили основой для создания ряда интересных экспозиций и выставок, дающих полное представление об Александровской слободе времен Ивана Грозного. В последние годы посещаемость музея-заповедника превышает 400 тысяч человек. Их влечет яркая, трагическая история, связанная с именем первого русского царя, его таинственный дворцово-храмовый ансамбль и, конечно, музейное представление эпохи становления России как крупнейшей европейской державы.

В концепции программы сохранения и развития музея-заповедника это учреждение культуры федерального подчинения рассматривается как важнейший ресурс развития региона, позиционируется как единственный в России музейный комплекс, в котором проводится научное изучение и представление музейными средствами сложного и противоречивого периода отечественной

истории — эпохи царя Ивана Грозного. Музей-заповедник нацелен на обретение статуса центра отечественной медиевистики, превращение в один из наиболее востребованных объектов в системе международного и российского культурно-познавательного туризма. Для этого необходимо проведение совместно с другими российскими и зарубежными музеями крупномасштабных и разнообразных по содержанию выставок, фестивалей, массовых мероприятий. Все это окажет существенное влияние на формирование положительного имиджа территории.

Для развития территории крайне важна кооперация музеев, позволяющая объединить усилия, создать и совместно реализовывать общую программу. Во многих городах мира существуют единые музейные билеты, рассчитанные на использование в течение определенного времени. По этому билету можно посещать музеи со значительной скидкой. Потенциальный посетитель узнает, что кроме всемирно признанных и наиболее посещаемых музеев, информация о которых доступна в печатных и электронных путеводителях, существуют и менее известные музеи, обладающие интересными коллекциями, расположенные в уникальных архитектурных ансамблях или предлагающие интересные для определенной группы посетителей программы.

В качестве успешного проекта продвижения музея с учетом существующего устойчивого имиджа территории можно назвать День селедки, ежегодно проводящийся в Калининграде — городе, который считается городом моряков, рыбаков, т. е. людей, так или иначе связанных с флотом и морем. Одним из основных организаторов этого праздника и одним из мест его проведения является Музей Мирового океана. Музей благодаря успешному массовому мероприятию областного масштаба не только укрепляет и продвигает свой бренд, но и работает на формирование положительного имиджа территории. Важно выбрать для музея такую нишу, которая не противоречила бы его главной цели, миссии. Иначе может наблюдаться обратный эффект. Участие в качестве партнера в сомнительных мероприятиях приведет к снижению привлекательности музейного бренда. Вряд ли музею нужна скандальная, как сейчас говорят, известность. Достаточно знаковых имиджевых мероприятий, которые музей может организовать своими силами либо участвовать в них в качестве партнера.

Еще один показательный пример — день археолога в Астраханской области. Его организатором выступает Астраханский государственный объединенный музей-заповедник. Поскольку музей собирает и представляет разнообразные коллекции, в том числе и археологические, его участие в качестве организатора Дня археолога в одном из филиалов — Селитренном городище — является закономерным и обоснованным. В свою очередь, Астраханская область позиционируется в качестве региона с богатой историей как

территория, на которой имеются многочисленные уникальные памятники. Таким образом, музейное событие работает на укрепление устоявшегося имиджа территории.

Венский Шёнбрунн — основная летняя резиденция австрийских императоров династии Габсбургов — известен не только как одно из крупнейших сооружений австрийского барокко, здесь практически ежедневно проходят концерты классической музыки. Это связано с тем, что имидж Вены неотделим от музыки, различных музыкальных событий и фестивалей. И комплекс Шёнбрунн привлекает дополнительную публику, в свою очередь подкрепляя представление о Вене как одной из музыкальных столиц Европы. Парк Шёнбрунн ежегодно посещает более шести миллионов человек, из которых только четверть — 1,5 миллиона — покупают билеты собственно во дворец. Этот дворец с прилегающими территориями является одним из важнейших туристических объектов Австрии.

Историко-культурное пространство — не только существенный фактор культурного развития, но и тот ресурс, который может быть использован для идентификации той или иной территории в восприятии людей, что, в свою очередь, привлечет внимание к региону, сделает его востребованным, популярным и в конечном счете успешным.

Список литературы

Анциферов Н. П. Краеведный путь в исторической науке (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение. Периодический орган Центрального бюро краеведения. 1928. № 6. С. 321–338.

Белокуров А. А. Традиционный культурный ландшафт: структура, факторы формирования и развития : дис. ... канд. филос. наук. Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 2007. 150 с.

Валегжанин О. В. Инвестиционная привлекательность и имидж Удмуртской республики. Результаты исследования. 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.kartel-group.ru/info-tsentr/publikatsii/detail.htm?itemid=153003>. Дата обращения : 14.01.2015.

Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия РАН. Серия географическая. 2001. № 1. С. 7–14.

Воробьева Е. А. Культурный ландшафт как фактор бытийности пространства культуры (на примере этнической картины мира эвенков Восточного Забайкалья). Дис. ... канд. филос. наук. Чита : Читинский гос. ун-т, 2007. 152 с.

Галкова О. В. Культурный ландшафт как часть всемирного наследия (по документам ЮНЕСКО) // Вестник Саратовского гос. соц.-экономич. ун-та. 2008. № 4. С. 156–159.

Желондиевская Л. В., Барышева Е. В. Роль бренда в дизайне малых городов России // Дизайн-ревью. 2009. № 1–4. С. 36–41.

Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 62–70.

Кулешова М. Е. Соловецкий архипелаг как монастырский культурный ландшафт и объект Всемирного наследия // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 4. С. 95–104.

Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.

Лавренова О. А. Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. М. : Институт Наследия, 2010. 330 с.

Музей С. А. Есенина. 2014. Записи за 24 октября — 22 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://twitter.com/MuseumEsenin>. Дата обращения : 10.01.2015.

О концепции развития музейной деятельности в Российской Федерации на период до 2020 года. 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://docs.pravo.ru/document/view/35469821/40903434>. Дата обращения: 10.01.2015.

Панкрухин А. П. Маркетинг территории. 2-е изд. М. ; СПб. и др. : Питер, 2006. 416 с.

Скуднева М. В. Культурный ландшафт исторического города Сибири : дис. ... канд. архитектуры. Новосибирск, 2005. 197 с.

Государственный литературный музей
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Третьи московские Анциферовские чтения

*Сборник статей по материалам Международной конференции,
посвященной 125-летию со дня рождения Н. П. Анциферова*

Редактор — В. С. Ладогин
Корректор — Н. Самойлова
Дизайн и верстка — С. Касьянов

Подп. в печать 10.06.2015. Усл. печ. л. 166.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Minion». Формат 170x240/16.
Тираж 1000 экз. Зак. № 95.

По вопросам приобретения книги следует обращаться в редакционно-
издательский отдел Государственного литературного музея.

121069 Москва, Трубниковский пер., 17

Тел.: +7 495 695-59-38

E-mail: kniga.glm@gmail.com

ООО Издательство «Летний сад»

Книга отпечатана в Книжной мастерской
имени Геннадия Фадеева,
Москва, пр. Нансена, 4

Сборник составили материалы Международной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения историка-архивиста, медиевиста, краеведа, урбанолога-экскурсиониста, историка и теоретика литературы, писателя-мемуариста Н. П. Анциферова (1889–1958).

В статьях представлены основные результаты и новые направления исследования литературно-художественного творчества в аспекте пространственной истории, рассматривающие памятник искусства как неотъемлемую часть топографической реальности и представляющие природно-архитектурный социокультурный ландшафт как исторический источник. Формулируется культуросенная роль локуса в художественном и научном творчестве.

Для специалистов в области гуманитарного знания, теории и методологии литературоведения, музееведения и экскурсионного дела.

На обложке: Н.П. Анциферов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ / ЛЕТНИЙ САД
МОСКВА 2015